

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

**СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ОБЩНОСТЕЙ, ИНСТИТУТОВ И
ТЕРРИТОРИЙ**

Материалы Международной научно-практической конференции

23–24 апреля 2015 г.

Том 1

Екатеринбург

Издательство Уральского университета

2015

УДК [332+352]:316.334.52 (063)
ББК У04я43+Ф3(0),41я43+С561.1я43
Р326

Рецензент:

доктор философских наук,
профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института – филиала
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (РАНХиГС)», профессор Б. Ю. Берзин

Редакционная коллегия:

председатель: **Багирова А. П.** — д-р экон. наук, профессор, заместитель директора по науке
и инновациям Института государственного управления и предпринимательства УрФУ
(научный редактор сборника);

Члены редколлегии:

Бритвина И. Б. — д-р социол. наук, профессор ИГУП УрФУ;

Власова Е. Я. — д-р экон. наук, профессор ИГУП УрФУ;

Воронина Л. И. — канд. социол. наук, доцент ИГУП УрФУ;

Ворошилова А. И. — ассистент кафедры социологии и социальных технологий управления;

Зборовский Г. Е. — д-р филос. наук, профессор ИГУП УрФУ;

Иванова А. В. — канд. экон. наук, заместитель директора департамента инноваций
и предпринимательства ИГУП УрФУ;

Кузьминчук А. А. — ассистент кафедры социологии и социальных технологий управления;

Соболева Е. Г. — канд. филол. наук, зав. кафедрой языков массовых коммуникаций ИГУП
УрФУ;

Тесленко И. В. — канд. социол. наук, доцент ИГУП УрФУ.

Р326 Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий :
материалы Международн. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 апреля
2015 г. : в 2-х т. Т. 1. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 290 с.

ISBN 978-5-7996-1593-2 (общий)

ISBN 978-5-7996-1594-9 (т. 1)

В два тома материалов конференции включены работы преподавателей, практиков, аспирантов и студентов, посвященные проблемам междисциплинарного исследования стратегий социального развития социальных общностей и институтов на микро-, мезо- макро-уровнях социального взаимодействия; поиску гибких подходов в социально-экономических исследованиях, сочетающих в себе методы точных и гуманитарных наук; теоретическим и прикладным аспектам государственного управления территориями на институциональном уровне; методам и технологиям мониторинга, прогнозирования и обеспечения безопасности отдельных территорий; изучению актуальных, злободневных проблем управления.

УДК [332+352]:316.334.52 (063)
ББК У04я43+Ф3(0),41я43+С561.1я43

ISBN 978-5-7996-1593-2 (общий)

ISBN 978-5-7996-1594-9 (т. 1)

© Уральский федеральный университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
--------------------------	---

СЕКЦИЯ 1. СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ И НЕЛИНЕЙНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

<i>Зборовский Г. Е.</i> Социальная общность в России в условиях кризиса	8
<i>Амбарова П. А., Трошкова Э. Н.</i> Темпоральные ресурсы развития интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества.....	11
<i>Банникова Л. Н.</i> Образ современного инженера в оценках молодых специалистов.....	15
<i>Вишневецкий Ю. Р., Багирова Т. Б., Белова О.Р., Вишневецкий С. Ю.</i> Современные стратегии развития территорий и местных сообществ: ориентиры зарубежного и отечественного опыта.....	18
<i>Деревнина Т. В.</i> Выпускники педагогических вузов как ресурс развития учительства.....	21
<i>Дидковская Я. В.</i> Формирование имиджа будущей профессии в процессе коммуникации: Профессионально-общностный аспект.....	24
<i>Калинина А. Н., Певная М. В.</i> Теоретические основы исследования человеческого капитала волонтерской общности студентов.....	28
<i>Кучкильдина М. А.</i> Поколенческие группы в современной России: возможности выделения.....	32
<i>Певная М. В., Кузьминчук А. А.</i> Характеристики общности волонтеров как объекта управления.....	35
<i>Петрова Е. Ю.</i> Проблемы взаимодействия социальных общностей детей и родителей в сфере организации неформального образования.....	39
<i>Сапожникова К. А.</i> Организация тренерского труда в Российской Федерации: особенности и противоречия.....	43
<i>Смирнов В. А.</i> Университет и городские общности: стратегии и механизмы интеграции в контексте развития территорий.....	47
<i>Турсукова И. И.</i> Оценка эффективности гибких форм занятости на предприятиях уральского региона: взгляд работников.....	51
<i>Черепанова А. Д.</i> Формирование культуры благодарности almatater выпускников российских университетов.....	53
<i>Шуклина Е. А., Каменский С. Ю.</i> Партисипативный музей как актуальная модель взаимодействия музейных сообществ.....	56

СЕКЦИЯ 2. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ РЕГИОНА: ИННОВАЦИИ, СТРАТЕГИИ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Акбердина В. В., Сергеева А.С.</i> Основные положения концепции развития срединных субрегионов.....	60
<i>Акимов Р. А.</i> Философские подходы к изучению феномена инноваций.....	62
<i>Васильева Е. В.</i> Обеспеченность населения регионов России благами, удовлетворяющими их потребности: методологические и методические аспекты.....	65
<i>Глухих П. Л., Воронина Л. В.</i> Роль социокультурных факторов в развитии предпринимательства муниципального образования.....	69
<i>Горбунова О. С.</i> Факторы формирования человеческого капитала в сельском хозяйстве.....	73
<i>Гурбан И. А.</i> Эффективность системы высшего образования региона (на примере Уральского федерального округа).....	77

<i>Гурбан И. А., Боярских А. И.</i> Динамика индикаторов инновационного развития Уральского федерального округа.....	82
<i>Дорошенко С. В.</i> Социальное предпринимательство как инновационный вектор развития бизнес-сообщества.....	88
<i>Дудина О. И., Кремлева В. В.</i> Источники инвестиционного капитала в России: где сосредоточены длинные деньги?.....	92
<i>Иванова А. В.</i> Методические подходы к оценке факторов развития предпринимательства.....	96
<i>Коркина Г. М., Арефьева А. И.</i> Продовольственная безопасность региона: актуальные тенденции и угрозы.....	100
<i>Коркина Г. М., Смирнова О. П.</i> Современные угрозы развития строительного бизнеса региона.....	104
<i>Кривенко И. А.</i> Криминальная экономика в современном обществе.....	107
<i>Ладейщикова А. А.</i> Жилищно-коммунальные отношения в процессе реформирования ЖКХ.....	111
<i>Мальши Е. В.</i> Инновационный вектор стратегии развития субъектов предпринимательской деятельности пищевой промышленности Свердловской области.....	113
<i>Мезенцева Е. С.</i> Современное состояние и перспективы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в промышленности Урала.....	116
<i>Минева Н. Н.</i> Диверсификация трудовой деятельности АПС.....	120
<i>Никитина Н. Ю., Соловьева Н. А.</i> Социально-экономическая сущность и функции финансов домашних хозяйств в рыночной системе хозяйствования.....	123
<i>Пименова А. М.</i> Внедрение методов оценки поведенческих характеристик в системе профессионального образования в области предпринимательства.....	127
<i>Полбицын С. Н.</i> Сельское предпринимательство в многофункциональной модели развития сельских территорий.....	130
<i>Прилукова О. А., Гуштан В. И.</i> Территориальные приоритеты как стратегический ориентир инвестиционного развития Свердловской области.....	134
<i>Пышминцева О. А.</i> Импорт замещение, как инструмент обеспечения продовольственной безопасности страны.....	137
<i>Савченко А. В., Задорина М. А.</i> Экономическая безопасность Свердловской области в период санкций.....	141
<i>Судакова А. Е.</i> Эффективность функционирования системы профессионального образования региона: технология оценки.....	146
<i>Тарасьев А. А., Тарасьева Т. В.</i> Описание динамики взаимообусловленных миграционных процессов на территории стран СНГ.....	150
<i>Шкурко В. Е.</i> Моделирование развития предпринимательской организации.....	154

СЕКЦИЯ 3. ВЛАСТЬ В РЕШЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ, ИНСТИТУТОВ И ТЕРРИТОРИЙ: ВИДЫ И ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

<i>Александров О. Г.</i> Проблемы администрирования в государственном управлении.....	157
<i>Зерчанинова Т. Е.</i> Проблемы в профессиональной деятельности государственных служащих.....	161
<i>Мельникова А. С.</i> Применение инструментов мониторинга при оценке проблем адаптации мигрантов на принимающей территории.....	164
<i>Томильцев А. В.</i> Анализ непрерывных образовательных реформ в России: 30 лет истории.....	167
<i>Щебетюк В. В., Задорина М. А.</i> Муниципальные услуги. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением города Екатеринбург.....	175

СЕКЦИЯ 4. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ, ИНСТИТУТОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

<i>Александров О. Г., Павлюченков А. И.</i> Управление техносферной безопасностью муниципального образования как часть интеграционной системы обеспечения безопасности территорий.....	180
<i>Багирова А. П., Ильвес Э. В.</i> Родительский труд как прекаризованная занятость.....	184
<i>Бедрина Е. Б., Струин Н. Л.</i> Угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию активно развивающихся территорий в условиях роста трудовой иммиграции.....	187
<i>Гневашева Е. Н.</i> Реализация целевых комплексных экологических программ на основе выявления резервов в обеспечении экологической безопасности урбанизированных территорий.....	191
<i>Иванов С. М., Иванов А. С.</i> Роль информационных технологий в обеспечении национальной безопасности.....	195
<i>Исаков А. С.</i> Исламский фактор в контексте обеспечения безопасности территории.....	197
<i>Каташинских В. С., Мухаметшина К. О., Федорова А. Э.</i> Гендерные особенности прекаризации занятости.....	201
<i>Мороков И. Р.</i> Анализ инструментов, применяемых для координации деятельности субъектов в системе профилактики безнадзорности, правонарушений и защиты прав несовершеннолетних: теоретические аспекты.....	204
<i>Нифантова Р. В.</i> Диагностическая картина влияния разнонаправленных факторов на развитие человека.....	207
<i>Полтавская Т. С.</i> Синдром хронической усталости как проблема медицинской безопасности территории.....	212
<i>Стрельцов И. Г., Радченко Т. Е.</i> Роль государства в обеспечении безопасности продуктов питания.....	215
<i>Шепелев О. Ю.</i> Обучение школьников мерам пожарной безопасности, как направление обеспечения пожарной безопасности в стране.....	219
<i>Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я.</i> Стратегические направления обеспечения экологической безопасности (на примере урбанизированных территорий).....	222

СЕКЦИЯ 5. РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Заборова Е. Н.</i> Информационная культура поселений.....	227
<i>Жукова М. В.</i> Критика концепции информационного общества.....	229
<i>Каташинских В. С.</i> Некоторые проблемы информационной поддержки реформ высшего образования в России.....	233
<i>Кононова Д. С., Антропова А. Э., Шибяев А. А.</i> Современные информационные технологии на государственной и муниципальной службе (на примере Свердловской области).....	236
<i>Кузьмин А. И.</i> Информационная культура семьи на среднем Урале.....	239
<i>Ноженко Д. Ю.</i> Проблемы информационной открытости управления реализацией государственных программ региона.....	244
<i>Петров А. Ю.</i> Профильные физико-математические классы как среда формирования будущей технической элиты.....	248
<i>Полкова Т. В.</i> Опыт оценки качества трудовой жизни населения регионов.....	252
<i>Сиволов Д. Л.</i> Сетевой подход к культуре.....	255

СЕКЦИЯ 6. КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ

<i>Бритвина И. Б., Немченкова М. В.</i> Стратегия социально-экономического развития как инструмент продвижения территории (на примере города Сургута).....	260
<i>Голомидова М. В.</i> Имидж города в названиях внутригородских объектов: актуальные вопросы топонимического строительства.....	264
<i>Старостова Л. Э.</i> Борьба за место: конфликт символических реальностей в идентичности Екатеринбурга.....	267

СЕКЦИЯ 7. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Соболева Е. Г., Чудинова А. М.</i> Нарратив в рекламе как способ варьирования подачи информации.....	271
<i>Федотовских Т. Г., Алимтеева А. В.</i> Аргументация в социальной рекламе: к вопросу о роли прецедентности.....	274
Сведения об авторах.....	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник издан по результатам организованной в Институте государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (23–24 апреля 2015 г.).

В два тома материалов конференции включены работы преподавателей, практиков, аспирантов и студентов, посвященные проблемам междисциплинарного исследования стратегий социального развития социальных общностей и институтов на микро-, мезо- макроуровнях социального взаимодействия; поиску гибких подходов в социально-экономических исследованиях, сочетающих в себе методы точных и гуманитарных наук; теоретическим и прикладным аспектам государственного управления территориями на институциональном уровне; методам и технологиям мониторинга, прогнозирования и обеспечения безопасности отдельных территорий; изучению актуальных, злободневных проблем управления. В работе конференции приняли участие социологи, экономисты, философы, историки, теоретики и практики сферы реализации социальной политики, государственного и муниципального управления из разных российских регионов, специализирующиеся на анализе региональных проблем.

В первом томе объединены работы преподавателей, практиков и аспирантов, во втором — работы студентов. Сборники могут представлять интерес читателям разных категорий: практикам, для которых результаты представленных научных исследований могут быть интересны с точки зрения повышения обоснованности принимаемых управленческих решений; преподавателям, изучающим сходную проблематику; аспирантам, работающим над проблемами разработки методик анализа системы управления; студентам, делающим первые шаги в науке.

А. П. Багирова, доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора по науке и инновациям
Института государственного управления и предпринимательства
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

СЕКЦИЯ 1. СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ И НЕЛИНЕЙНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316

Г. Е. Зборовский

СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Аннотация

Рассматривается необходимость изучения социальных общностей в России в условиях кризисной ситуации. Доказывается, что экономическое и финансовое положение многих из них в последнее время значительно осложнилось – как в результате внутренних для страны процессов, так антироссийских санкций ряда государств. Особое внимание уделено ухудшающемуся положению бизнес-сообщества, прежде всего мелкому и среднему предпринимательству. Показывается, что следствием кризиса является исчезновение многих трудовых коллективов, увеличение безработицы, повышение социальной напряженности, осложнение семейных отношений, рост суицида. Доказывается усиление социального (социально-экономического) неравенства в общества (бедные становятся беднее, богатые – богаче).

Ключевые слова: социальные общности, кризис, бизнес-сообщество, социальное неравенство, рост социальной напряженности.

Современное российское общество можно анализировать с точки зрения разных научных подходов и под разными углами зрения. Одним из таких подходов является социологический, а его конкретизацией выступает общностный подход. Прежде чем ответить на вопрос, что означает общностный подход, зададимся вначале простым вопросом: где, в каких социальных структурах и образованиях реально живут люди? Традиционный ответ имеет характер аксиоматической констатации: люди живут в обществе.

Но он мало что дает для понимания широкого круга жизненных проблем. Сказать, что люди живут в обществе, значит не сказать ничего определенного. Ведь общество – это реальия предельно широкого порядка, зачастую превращающаяся в абстракцию. Чтобы осмыслить ответ на поставленный вопрос, нужно спуститься с абстрактных теоретических высот общественного бытия на иной, ограниченный определенными рамками и приземленный его уровень. И тогда мы обратимся к реальности более конкретной, чем общество вообще. Этой реальностью являются социальные общности.

Они охватывают всю повседневную и иную жизнедеятельность индивидов и общества во всех ее многообразных проявлениях. Люди учатся, работают, общаются, отдыхают, занимаются повседневными делами, решают свои проблемы, прежде всего, в конкретных социальных общностях – семье, трудовом и учебном коллективе, группах родственников и компаниях друзей, объединениях по интересам, спортивных командах, сообществах территориального и этнического характера и т.д. В своей совокупности бытование именно в данных общностях и позволяет складываться представлениям индивидов об обществе.

Это вовсе не означает того, что люди за социальными общностями, в которые они включены, не видят ничего другого. Они прекрасно понимают, что есть государственные, экономические, политические и иные структуры, различные их органы и организации, которые в определенном смысле слова тоже выступают в качестве социальных общностей. В их деятельности люди также принимают участие. Но индивиды не воспринимают их как «свои» общности. Для них именно эти структуры и есть общество, то, что в определенном смысле слова «противостоит» их социальным общностям, которые существуют не только в реальности, но и в сознании, выступают как такие социальные образования, которые сближают, скрепляют, делают солидарными людей в рамках определенных групп.

Чем более многообразными (и в количественном, и в качественном отношении) оказываются сами эти социальные общности, тем более насыщенной и полной становится жизнь людей, включенных в их деятельность. Уровень «социальности» личности, т.е. ее включенности в систему социальных связей и отношений, определяется во многом тем, в каких (по количеству, содержанию, направленности) социальных общностях функционирует индивид.

Социальная общность оказывается своеобразным соединительным механизмом, реальным связующим звеном между личностью и обществом. Изучение и знание этого механизма позволяет, с одной стороны, конкретизировать общество, которое зачастую представляется людям в обыденной, повседневной жизни (как уже отмечалось) достаточно абстрактным образованием, с другой – выявить возможности собственной интеграции в целый ряд процессов через деятельность различных социальных общностей и участие в ней. Согласно общностному подходу, общество представляет собой совокупность и взаимосвязь различных социальных общностей.

Говоря о положении социальных общностей в нашей стране, важно иметь в виду, что изменяющаяся в обществе ситуация оказывает весьма неблагоприятное влияние на процесс функционирования многих из них. Мощный социетальный, всеохватный кризис, инициируемый финансово-экономическими и политическими потрясениями, которые переживает сегодня Россия, разрушительным образом воздействует на некоторые типы социальных общностей, в первую очередь, производственные, профессиональные, семейные, родственные. Сокращение заработной платы, усиливающаяся безработица, частичное и полное сокращение работников на многих предприятиях и фирмах приводят не только к физическому исчезновению целого ряда трудовых коллективов, но и к росту социальной напряженности в продолжающих действовать. Ситуация существенно усугубляется в результате санкций западных стран против России, которые уже привели к значительному ухудшению инвестиционного климата в стране.

В стране происходит существенное ослабление массовых социальных, в том числе социально-профессиональных общностей. Нет возможности говорить о многих, но о некоторых это сделать надо. Для начала скажем о ключевой среди них – бизнес-сообществе, которое в условиях кризиса испытывает на себе его негативное и достаточно тяжелое воздействие. При этом речь идет не о крупном, а о среднем и мелком бизнесе. Крупный и сверхкрупный бизнес, в первую очередь, государственный, представленный такими структурами, как Роснефть, РЖД, Газпром, целый ряд других мощных корпораций, получает существенную государственную поддержку, равно как и такие банки, как Сбербанк, ВТБ и т.д. Поэтому за их судьбу беспокоиться нечего. А вот средний и мелкий бизнес существенно сжимается, «скукоживается». По некоторым данным, от него осталось порядка 30 %, и нет никаких оснований для оптимистических прогнозов относительно его развития на ближайший исторически обозримый период.

Следствием кризиса стало быстрое сокращение численности мелких и средних предпринимателей. Только за последний год их стало меньше на 500 тыс. человек (снижение численности произошло с 4 до 3,5 млн). Выросло число живущих за чертой бедности россиян (до 16 млн человек), за последний год их стало больше на 600 тыс. Удельный вес этой социальной общности составил 11,2 % от общей численности населения страны. Усиливается дифференциация социальных общностей и неравенство между ними. В экономическом отношении значительная часть населения в России становится беднее.

По данным, приводимым в работе Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества», к настоящему времени, по некоторым подсчетам, 1 % населения страны обладает 70 % национального богатства [2, с. 374]. Причем этот «один процент» продолжает стремительно увеличивать свое суммарное состояние, поскольку еще только несколько лет назад, сразу после кризиса 2008–2009 гг., ему принадлежало «всего лишь» 40 % национального богатства. К названному выше «одному проценту» относятся в первую очередь социальные общности миллиардеров и миллионеров (среди которых немало крупных государственных чиновников), число которых непрерывно растет.

Рассматривая экономическое «противостояние» социальных общностей бедных и богатых, отметим, что если в европейских странах четко проявляется тенденция сокращения дистанции между ними, то в России, наоборот, она только растет, достигая разрыва децильного коэффициента, по разным подсчетам, от 1:27 до 1:40 (при его официальном исчислении 1:16) [2, с. 375]. Этому в немалой степени способствует рост теневой экономики, охватившей 30–45 % от ее общего объема.

Процессы ослабления массовых социально-профессиональных общностей затронули практически все системы общества. Вследствие ограниченности объема публикации остановимся лишь на одной – образовании. Речь идет, прежде всего, о массовой социально-профессиональной общности в этой сфере – учителях. Ослабление проявляется как в количественных характеристиках, так и в качестве их жизни. Первые коснулись в первую очередь сокращения их численности. По данным наших подсчетов, за последние 15 лет произошло резкое сокращение численности учителей в школах РФ – с 1 млн. 700 тыс. до 1 млн. человек (что составило 40 %), причем наиболее быстрыми темпами этот процесс шел в последние годы. Он значительно опередил процесс сокращения численности школ (их количество снизилось на 26 %) и учащихся в них (на 34 %) [1, с. 86–89].

В определенной мере ситуация объясняется демографическими причинами, прежде всего снижением числа учащихся в школах. Но демографическую «яму» мы уже миновали, сейчас происходит значительный рост учеников младших, а вслед за ними – и средних классов, и в ближайшие годы мы столкнемся с нехваткой учителей. Но это, похоже, никого среди руководителей образования в стране не волнует.

Вообще же возникает удивительный парадокс, связанный с тем, что школы в большей своей части закрываются и из них увольняются учителя в небольших городах и сельской местности. С одной стороны, власть говорит о том, что нужно укреплять село, создавать хорошие условия жизни для сельского населения (а это означает, в том числе, возможность учить детей там, где они живут с родителями), чтобы люди не покидали родных мест. С другой стороны, повсеместно закрываются сельские школы, в которых обучается небольшое количество детей. С экономической точки зрения они становятся невыгодными, а социальная необходимость и целесообразность (которые порою деньгами не измерить) бросаются в жертву не очень понятной, буквально копеечной (в сравнении с затратами на содержание, к примеру, чиновничьего аппарата) выгоде.

Если уже говорить об экономии государственных средств за счет бюджетников, то целесообразно поставить вопрос о реальном сокращении громадной армии чиновников. Сегодня их в стране 2 млн. человек при общей численности населения 143 млн., а в СССР накануне его распада при населении почти в 300 млн. человек чиновников было 400 тыс., тогда как учителей – около 3 млн. Не трудно посчитать и убедиться в том, что 25 лет назад на одного чиновника приходилось 7–8 учителей, сегодня же на одного учителя приходится два чиновника. Воистину на смену стране образования, учителей, школ пришла страна чиновников. В середине второго десятилетия XXI в. чиновники составляли уже 1,5 % от общей численности населения России, превратившись, таким образом, в статистически значимую группу и профессиональную общность [1, с. 88].

Значение современного кризиса выходит далеко за пределы финансово-экономической сферы. По существу он означает кризис человека, кризис общественного сознания, кризис поведенческих стратегий многих социальных общностей. Люди все больше начинают задумываться над тем, как они живут, что делают и в чем видят смысл существования и развития не только себя самих и своих близких, но и общества в целом, в том числе таких его структур как социальные общности, которые их объединяют, делают сильными, счастливыми, богатыми либо, наоборот, подчеркивают недостатки и противоречия повседневного бытия, заставляют бороться за выживание, акцентируют внимание на кризисе и поисках путей выхода из него.

Все это не может не сказаться на зачастую осложняющихся под влиянием таких процессов семейно-родственных отношениях. Резкий рост суицида (о котором много сейчас

пишут) существенно усугубляет положение в обществе. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что одним из следствий кризиса является серьезное ослабление (либо исчезновение) многих социальных общностей.

Исследователи все чаще обращают внимание на социальные общности, которые ранее не были в створе интересов теоретико-социологического анализа. К их числу можно отнести и старые, и новые типы социальных общностей: различные оппозиционные объединения и ассоциации, террористические организации, криминальные сети, мафиозные кланы, корпоративные структуры, социальные движения, «группы давления», сообщества протестного характера, появляющиеся в связи с какими-либо событиями и процессами, и т.д. Для названных общностей характерны скоординированные, сфокусированные, сосредоточенные, целенаправленные, намеренные действия коллективных субъектов, которые сочетаются с индивидуальной активностью их членов.

Такие общности (назовем их групповыми) в сочетании с массовыми общностями (митинги, демонстрации, протестные выступления и т.д.) создают сложные конфигурации общественной жизни, требующие специального теоретического изучения.

Библиографический список

1. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования. Сургут: СурГПУ, 2012. 161 с.
2. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Garold E. Zborovsky

RUSSIAN SOCIAL COMMUNITIES IN CRISIS

Abstract

This article describes the need for the study of social communities in Russia in a crisis situation. We prove that the economic and financial situation of many of them in recent times much more complicated - as a result of internal processes for the country, as anti-Russian sanctions a number of states. Particular attention is paid to worsen the position of the business community, especially small and medium enterprises. It is shown that the crisis is a consequence of the disappearance of many labor groups, the increase in unemployment, increasing social tensions, a complication of family relations, the rise of suicide. Proved by strengthening the social (socio-economic) inequality in society (the poor get poorer, the rich - richer).

Keywords: social communities, the crisis, the business community, social inequality, social tension.

УДК: 316

П. А. Амбарова, Э. Н. Трошкова

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА¹

Аннотация

Рассматривается взаимосвязь качества интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества и темпоральных условий его развития в условиях модернизации высшего образования в России. Доказывается необходимость актуализации временных ресурсов научно-педагогических сотрудников университета — бюджета времени, скорости освоения новых требований к профессиональной деятельности — для совершенствования интеллектуального капитала университета как его конкурентного преимущества.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей», проект № 14-03-00072.

© Амбарова П. А., Трошкова Э. Н., 2015

Ключевые слова: научно-педагогическое сообщество, интеллектуальный капитал, темпоральные ресурсы и темпоральный капитал социальной общности.

В условиях информационного общества интеллектуальный капитал становится тем нематериальным ресурсом, наличие и использование которого определяет конкурентоспособность любого социального и экономического субъекта. Значимость данного фактора возрастает с каждым днем, поскольку в современном мире приоритет отдается интеллектуальной, творческой деятельности не только индивидов, но и целых социальных общностей. Основой общественного развития признается качество интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества, чья деятельность разворачивается в вузах — «точках роста» информационного и инновационного общества.

Наряду с высокотехнологичными корпорациями и научными организациями обладателями крупного интеллектуального капитала являются ведущие университеты России и мира. Преподаватели, научные сотрудники, аспиранты и активные в научном плане студенты выступают носителями уникального интеллектуального капитала, который составляет основное конкурентное преимущество вузов.

Как особое социальное явление интеллектуальный капитал привлекал к себе внимание многих исследователей. Одной из причин возникновения такого интереса было стремление расширить список основных факторов, участвующих в современном производстве наряду с физическим капиталом и трудом. В 1969 г. Д. К. Гэлбрейт определил термин «интеллектуальный капитал» как нечто большее, чем «чистый интеллект» человека, включающее определенную интеллектуальную деятельность [4]. С тех пор исследователи многократно корректировали и дополняли определение интеллектуального капитала. Так, Э. Брукинг считает, что «интеллектуальный капитал» — это термин для обозначения нематериальных активов, без которых организация не может существовать и которые усиливают ее конкурентные преимущества [2]. А. Стюард трактовал интеллектуальный капитал как сумму знаний всех работников организации, обеспечивающую ее конкурентоспособность и включал в него патенты, процессы, управленческие навыки, технологии, опыт и информацию о потребителях и поставщиках [7].

По мнению В. П. Багова, Е. Н. Селезнева и В. С. Ступакова, интеллектуальный капитал организации представляет собой интеллектуальное богатство, предопределяющее ее возможности по созданию и реализации интеллектуальной и инновационной продукции. Интеллектуальный капитал состоит из двух элементов — кадрового капитала и интеллектуальной собственности [1].

Для успешной деятельности вуза огромное значение имеет его способность оперативно реагировать на изменяющиеся потребности общества с использованием тех элементов интеллектуального капитала, которые повышают его привлекательность, престиж, качество образования, свидетельствуют о соответствии вуза экономике знания.

Управление интеллектуальным капиталом вуза представляет собой разновидность социального управления. Сущность социального управления можно определить как процесс сознательного целенаправленного воздействия определенного субъекта на соответствующий объект в интересах достижения желаемых результатов [3, с. 41]. Управление сложными объектами, в том числе интеллектуальным капиталом университета, представляет собой управленческую деятельность, в содержание которой включается множество переменных. К числу этих сложностей исследователи относят необходимость управления информацией, потребность в управлении знаниями как ключевым фактором развития университета.

Под управлением интеллектуальным капиталом университета мы будем понимать создание и регулирование условий (организационных, информационных, мотивационных, темпоральных и т. д.), которые обеспечат формирование и развитие интеллектуального капитала вуза, необходимого для достижения его стратегических целей.

Для эффективного управления интеллектуальным капиталом университета необходим комплексный подход. Только построение полномасштабной системы оценки, формирования,

регулирования и развития интеллектуального капитала приведет к максимизации «интеллектуальной» ценности организации. Различные организации имеют собственные модели стратегического развития, существенно отличающиеся друг от друга. В связи с этим можно говорить, что не существует единой системы управления интеллектуальным капиталом, которая была бы максимально успешно реализована в любом вузе.

Важным элементом управления интеллектуальным капиталом вуза является инвестирование. Все структурные элементы интеллектуального капитала существуют в тесном единстве и требуют инвестиций. Инвестиции должны вкладываться в развитие интеллектуального капитала в целом и во все его разновидности. Развитие лишь одной из сторон интеллектуального капитала в ущерб другим не только не принесет вузу больших преимуществ, но может даже нанести ему ущерб. Чем раньше начнут осуществляться вложения в интеллектуальный капитал, тем быстрее они начинают давать отдачу. Но нужно иметь в виду, что более качественные и длительные инвестиции приносят более высокий и более долговременный эффект. Инвестиционный период у интеллектуального капитала значительно длиннее, чем у физического. У последнего он составляет в среднем от одного года до пяти лет, а у такой формы вложения в интеллект, как образование, инвестиционный период может достигать 12–20 лет и распространяться в дальнейшем (на уровне индивида) на всю трудовую жизнь.

Интеллектуальный капитал создается как усилиями университета, так и благодаря личному вкладу конкретных сотрудников в собственное интеллектуальное саморазвитие и самосовершенствование. Представители научно-педагогического сообщества играют не меньшую, а скорее решающую роль в этом процессе. Но затраты и инвестиции университета неизбежны, ибо накопленный запас знаний, умений и иных качеств человека может быть реализован и может получить оценку только при включении его в научно-педагогическую деятельность в рамках вуза.

Одним из важнейших факторов, определяющих формирование, развитие интеллектуального капитала и его рациональное использование является образование сотрудников вуза, а также развитие их знаний.

Специфика инвестиций в интеллектуальный капитал научно-педагогических кадров заключается в том, что он неотделим от его носителя. Инвестиционный период такой формы вложений как образование достигает 25–30 лет. Функционирование человеческого капитала, объем инвестиций и степень отдачи от его применения обусловлены свободным волеизъявлением субъекта, его индивидуальными предпочтениями и интересами, материальной и моральной заинтересованностью, общим уровнем культуры, в том числе экономической. Естественно, что чем больше человек учился, тем выше у него уровень образования, тем большим потенциалом интеллектуального капитала он обладает.

Таким образом, мы видим, что оценка интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества закономерно включает в себя темпоральное измерение — скорость и сроки оборачиваемости интеллектуального капитала. А управление развитием интеллектуального капитала предполагает целенаправленное создание благоприятных темпоральных условий. В условиях форсированной модернизации высшего образования в России темпоральные особенности функционирования и развития интеллектуального капитала становятся барьером на пути достижения целей, поставленных государством.

Планирование развития высшего образования, осуществляемое органами управления образованием, должно базироваться на учете темпоральных особенностей жизнедеятельности научно-педагогического сообщества. В реальности отсутствует какое-либо согласование темпов, ритмов, направлений развития высшего образования, задаваемых системой управления, и реальной темпоральностью научно-педагогического сообщества как одного из главных его субъектов. Скорость реформирования высшего образования не соответствует возможностям, а главное объективным его потребностям. Ведь речь идет не о потребительском рынке, на котором скорость изменений — главное условие конкурентоспособности организации, а о сфере «производства» фундаментального образования и научного знания.

В условиях увеличения учебной нагрузки, неэффективного и бюрократизированного планирования учебной, научной, методической работы вузовских преподавателей, их бюджета времени, деформированного бесполезными разработками УМК, бесконечными переписыванием рабочих программ и методичек, проблематичным становится проведение серьезных научных исследований, написание статей в высокорейтинговые журналы, монографий, подготовка диссертаций и т. д.

По мнению министра Минобрнауки РФ Д. Ливанова, представляющего высший уровень управленческой структуры в сфере образования, никакой проблемы временной регламентации труда преподавателей высшей школы не существует. Он утверждает, что «у нас сейчас нет никакого нормирования нагрузки на преподавателей. Мы отмечаем, что это дело самого вуза — распределять нагрузку. И именно там, где преподаватели не ведут никакой научной работы, вузы как раз и нагружают их учебной работой. А там, где преподаватели работают и занимаются наукой, там у них и нагрузки не превышают 300–400 часов в год, как в наших ведущих вузах, поэтому путать причину и следствие, мне кажется, не стоит» [5].

Однако, на самом деле это не так. Перегруженность научно-педагогических работников рутинной учебной и методической работой — это одна из первых причин того, почему преподаватели не могут в полном объеме заниматься самообразованием, наукой, быстро и эффективно осваивать новые требования и стандарты научной работы, необходимые для обеспечения качества их интеллектуального капитала.

Российское общество не знало бы протестных митингов, кампаний, форумов, на которых преподаватели различных возрастов, особенно молодые, прямо заявляют о запредельной аудиторной и общей нагрузке, устанавливаемой в вузе, и лукавстве в отношении ее регламентации со стороны как высшего, так и вузовского руководства [6]. А ведь именно молодые преподаватели и исследователи мобильны и готовы более быстро перестраиваться под новые международные требования, способны более интенсивно работать и заинтересованы в самоинвестировании в интеллектуальный капитал.

Даже заявленные министром 300–400 часов для активных в научном плане преподавателей превышают показатели зарубежных университетов. Эксперты утверждают, что реальные достижения российской науки и ее вхождение в мировое научное пространство на равных правах с другими странами возможно только в том случае, если преподавательская нагрузка будет на уровне 150–200 часов в год. Более низкий предел нагрузки необходим для выделения дополнительных временных ресурсов для ускорения развития российской вузовской науки и преодоления разрыва как с российской академической, так и зарубежной вузовской наукой. Реструктуризация рабочего времени преподавателей вузов может обеспечить временные инвестиции в развитие российских вузов.

Наращивание интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества как главного ресурса конкурентоспособности российских вузов на национальном и международном образовательных рынках, требует столько же длительного времени, как и выращивание английского газона. Ускорение же его развития (т. е. сокращение конхронического, или хронологического, времени) требует тщательно продуманной системы стратегических, тактических и текущих планов, построенных на реструктуризации времени в горизонтальном аспекте (т. е. изменении бюджетов времени, структуры рабочего времени научно-педагогических работников). Только так возможно создание благоприятных условий для развития интеллектуального капитала российских вузов.

Библиографический список

1. Багов В. П., Селезнев Е. Н., Ступаков В. С. Управление интеллектуальным капиталом: учебное пособие. М.: ВБ «Камерон», 2006. 108 с.
2. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии / под ред. Л. Н. Ковачина. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
3. Бурганова Л. А. Социология управления. Казань: КГТУ, 2007. 253 с.

4. *Гэлбрейт Д.* Экономические теории и цели общества / под ред. Н. Н. Иноземцева. М.: Прогресс, 1979. 406 с.
5. Заседание Совета по науке и образованию. 23 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/45962>.
6. Как снизить нагрузку университетских преподавателей? // Троицкий вариант. 2014. № 158. С. 4–5. [Электронный ресурс]. URL: <http://trv-science.ru/2014/07/15/kak-snizit-nagruzku-universitetskikh-prepodavatelej>.
7. *Стюарт Т.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 400 с.

Р. А. Ambarova, Е. N. Troshkova

TEMPORAL RESOURCES OF DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL CAPITAL OF SCIENTIFIC COMMUNITY

Abstract

This article describes the interconnection between quality intellectual capital of scientific community and temporal conditions of its development in the modernization of higher education in Russia. The necessity of updating temporal resources of scientific community – budget of time, speed the development of new requirements for professional work – to improve the intellectual capital of the university as its competitive advantage.

Keywords: scientific community, intellectual capital, temporal resources and temporal capital of social community.

УДК: 316.662.22

Л. Н. Банникова

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ИНЖЕНЕРА В ОЦЕНКАХ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ¹

Аннотация

В статье проведен сравнительный анализ оценок образа инженерной профессии будущими инженерами-исследователями (магистры и аспиранты STEM-направлений подготовки) и инженерами-производственниками различных возрастных групп. Наблюдения и выводы основаны на анализе материалов опроса практикующих инженеров трех крупных промышленных предприятий Уральского региона и опроса магистров и аспирантов всех технических институтов Уральского федерального университета. Для обоснования выводов использованы данные международного обследования инженерных кадров России и стран ЕС.

Ключевые слова: инженеры, профессия, статус, престиж, компетенции, магистры, аспиранты.

В академическом и инженерном профессиональных сообществах сегодня активно обсуждаются важные вопросы, имеющие отношение к содержанию и усвоению профессиональных знаний и навыков [1]. При разработке новых стандартов обучения основой становится ориентация на результаты обучения, на готовность выпускника к выполнению определенных практических функций [2]. Не менее значима проблема профессиональной идентификации, позиционирования современной научно-технической интеллигенции, таких ее отрядов, как инженеры-исследователи и инженеры-производственники.

Опрос инженерно-технических специалистов (N=240) трех крупнейших промышленных предприятий области: ОАО «ЕВРАЗ Нижнетагильский металлургический комбинат», ОАО «Уральская горно-металлургическая компания» ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», а также опрос магистрантов (N=80) и аспирантов (N=88) STEM-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Формирование профессионального этноса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты», поддержанного РГНФ, проект № 15-03-0069.

направлений подготовки, представляющих разные технические институты Уральского федерального университета позволил исследовательской группе проследить динамику оценок привлекательности инженерной профессии.

На «входе» в профессию у будущих инженеров формируется несколько романтическое отношение к профессии инженера, что отчетливо проявилось в сравнении оценок престижности профессии инженера магистрантами и молодыми (до 35 лет) инженерами-производственниками. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Оценка престижа инженерной профессии, %

Параметры оценки	Магистры	Инженеры	Разница
Высокий	26	5	+21
Выше среднего	31	10	+21
Средний	39	60	-21
Ниже среднего	4	17	-13
Низкий	0	8	-8
Всего:	100	100	

Как изменяется оценка конкретных характеристик статуса профессии инженера после 5–10 лет работы в индустрии? Данные сравнительных оценок будущих инженеров-исследователей и молодых (до 35 лет) инженеров-производственников представлены в табл. 2.

У молодых (до 35 лет) инженеров-производственников как и у будущих инженеров-исследователей образ профессии инженера выглядит привлекательным по своим содержательным характеристикам. Инженерная деятельность теоретически обеспечивает возможность исследовательского поиска, изобретательства, хотя на данном рабочем месте, в данном подразделении работа может быть и не связана с изобретениями. Такая ситуация характерна для более половины опрошенных молодых инженеров-производственников. В последние пять лет у них не было, и сегодня нет даже в стадии разработки никаких предложений и изобретений [3, с. 162–165].

Возможность карьерного роста и профессионального продвижения более реальна. Высокие оценки практиков этой характеристики инженерной профессии в какой-то мере обоснованы. По данным нашего исследования, из числа опрошенных молодых инженеров 5 % занимают топовые должности, столько же занимают должности руководителей среднего звена крупных промышленных компаний, а 9 % работают в должности мастеров.

В то же время оценки профессии инженера по другим статусным характеристикам, таким как достойный уровень вознаграждения за труд, степень самостоятельности в работе, остаются стабильно невысокими у всех групп опрошенных. Можно надеяться, что в ситуации отсутствия завышенных ожиданий не будет и разочарований у будущих инженеров-исследователей (магистров и аспирантов) по поводу уровня вознаграждения, престижа, степени самостоятельности, независимости инженерного специалиста.

Таблица 2

Оценка привлекательности профессии инженера, %

	Магистры	Аспиранты	Молодые инженеры
<i>Характеристики с высокими оценками привлекательности</i>			
Обеспечивает возможность исследовательского поиска, изобретательства, творческого самовыражения	65	70	77
Предполагает необходимость постоянного повышения квалификации, самообразования	87	91	98
Дает возможность полнее реализовать свой потенциал, проявить способности	74	70	80
Востребована обществом, социально значима	72	60	56

Обеспечивает возможность карьерного роста и продвижения	69	59	62
Предполагает связь с современной техникой, новейшими технологиями	88	84	81
Обеспечивает благоприятные условия труда (график работы, стабильность занятости)	54	44	70
<i>Характеристики с относительно невысокими оценками привлекательности</i>			
Обеспечивает достойное вознаграждение за труд	47	19	21
Предполагает самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	51	40	46
Профессия инженера дает возможность приобрести статус в обществе, в глазах окружающих (высокий престиж профессии)	59	52	51

Признание нашими респондентами креативности и инновационности в качестве главных и определяющих характеристик профессии инженера коррелирует с неоднозначностью общественного признания, подкрепляемой низким вознаграждением за инженерный труд.

На оценках уровня престижности инженерной профессии сказываются возрастные различия (табл. 3). Наиболее резкая полярность оценок наблюдается в возрастной группе экспертов старше 60 лет. Эксперты старше 60 лет — это лица, рожденные в 1953 году и закончившие вуз в 70-е годы, в период сохранявшегося высокого статуса инженерного дела и инженерного образования. Их высокие оценки должного уровня престижа профессии инженера, скорее отражают веру и надежду представителей этой возрастной группы в возрождение высокого престижа и статуса отечественного инженерного дела.

Таблица 3

Влияние возрастных различий на оценку престижности инженерной профессии в современном российском обществе, %

Параметры оценки	До 35 лет	36-50 лет	51-60 лет	Старше 60 лет
Высокий	5	0	0	12
Выше среднего	10	12	9	0
средний	60	54	69	33
Ниже среднего	17	20	13	33
Низкий	8	14	9	22
Всего:	100	100	100	100

В целом, инженеры на производстве и будущие инженеры-исследователи осознают несоответствие, разрыв между требуемым и реальным уровнем компетенций. Аспиранты остро ощущают глубину разрыва между значимостью и наличием у современного инженера коммуникативных навыков, знаний и умений, способствующих эффективному общению инженера в профессиональной среде. Научение умению доступно излагать алгоритм решения технической задачи при защите проекта для этой возрастной когорты — желаемое направление повышения профессионального мастерства. Особый акцент делается на умение использовать простой и понятный язык для описания сложных технических явлений. Не менее глубокий разрыв с точки зрения аспирантов и практических инженеров между важностью и реальным наличием у выпускников способности к самостоятельной работе (выбор проблемы исследования, методов, образовательной траектории).

Современный инженер наряду с освоением узкоспециализированных научно-технических и инженерных дисциплин должен владеть широким спектром ключевых социально-личностных компетенций. Выводы нашего исследования совпадают с результатами международного обследования инженерных кадров России и стран ЕС в рамках мониторинга рынка труда научных кадров высшей квалификации [4]. Одних технических компетенций и умения решать узкоспециализированные инженерные задачи для современного рынка тру-

да недостаточно. Одинаковые выводы для России и стран Европы связаны с оценками значения «общих» или «мягких» компетенций инженерных специалистов: способности к самоорганизации, восприимчивости к новому и умения учиться, коммуникативных навыков.

Библиографический список

1. *Огороднова Л. М., Кресс В. М., Похолков Ю. П.* Инженерное образование и инженерное дело в России: проблемы и решения // Инженерное образование. 2012. № 11. С. 18–24.
2. *Ребрин О. И, Шолina И. И.* Использование методологии результатов обучения при проектировании образовательных программ // Инженерное образование. 2014. № 14. С. 106–112.
3. Проектирование образовательной среды формирования современного инженера / под ред. Банниковой Л. Н., Вишневого Ю. Р. Екатеринбург: УрФУ. 2013.
4. *Шматко Н. А.* Компетенции инженерных кадров: опыт сравнительного исследования в России и странах ЕС // Форсайт. 2012. Т. 6. № 4. С. 32–47.

L. N. Bannikova

THE IMAGE OF THE MODERN ENGINEER IN THE ESTIMATES OF YOUNG PROFESSIONALS

Abstract

The article provides a comparative analysis of estimates of the image of the engineering profession future engineers-researchers (masters and graduate STEM training areas) and engineers-production workers of different age groups. Observations and conclusions based on the analysis of survey data practicing engineers of large industrial enterprises of the Ural region and survey of masters and PhD students of all technical institutes of the Ural Federal University. To validate the findings used data from the international survey of engineering personnel in Russia and the countries of the EU.

Keywords: engineers, profession, status, prestige, competence, masters, post-graduate students.

УДК 321

Ю. Р. Вишневецкий, Т. Б. Багирова,
О. Р. Белова, С. Ю. Вишневецкий

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ И МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ: ОРИЕНТИРЫ ЗАРУБЕЖНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА

Аннотация

В статье предложен краткий системный обзор основных тенденций и подходов к стратегическому планированию территориального развития на муниципальном уровне, изложена продуктивная концепция ключевых компетенций городов и территорий, поставлен вопрос об актуальности выбора новой экономической модели развития территорий страны.

Ключевые слова: стратегическое планирование, маркетинг территорий, философия планирования, миссия города, брендинг территории, своеобразие и уникальность, точки роста, концепция ключевых компетенций города.

В теории и практике стратегического планирования развития территорий в РФ широко используется *зарубежный (особенно — американский и европейский), а также и отечественный опыт*. В Европе современные стратегии развития территорий и местных сообществ получили широкую популярность относительно недавно — в конце 1980-х гг. Главными причинами стали:

- обострение международной конкуренции;
- усложнение механизмов управления;
- стремление продвинуться в решении классических городских социальных проблем;
- влияние идей городского маркетинга, возникших первоначально в США.

Важный аспект этого опыта — развитие *маркетинга и брендинга территорий и местных сообществ* (place marketing and branding). В 1976 г. Р. О’Лири и А. Айрдейл опубликовали в «Европейском журнале маркетинга» статью, в которой определили территориальный маркетинг как важное исследовательское поле для будущего. Смысл территориального маркетинга они видели в создании «благоприятных диспозиций в отношении локальных территорий».

О растущем интересе к данной проблеме говорит и бурный рост посвященных ей публикаций (с 17 в 2004 г. до 4,8 млн. в 2010 г.). В Западной Европе наблюдалось циклическое развитие, характеризовавшееся переходом от прямого административного контроля 1950-х и 1960-х гг. к постепенному отказу от вмешательства в муниципальное развитие (1970-е–1980-е гг.), с возрастанием роли общественного сектора, начиная с 1990-х гг.

Исследователи фиксируют серьезные изменения в *философии планирования*. Прежде всего, это связано с пониманием, что такое «хороший» план. Утвердилась трактовка, что «последующая деятельность должна соответствовать этому плану, что в нем дан исчерпывающий набор возможных вариантов для организации институционального процесса принятия управленческих решений», что «социальные проблемы будут решены в результате технического прогресса». Но на рубеже XX–XXI вв. ситуация изменилась — планирование городов натолкнулось на усложнение социальных и экологических проблем. Одновременно повысилась активность отдельных групп населения в отстаивании своих ценностей и местных интересов. Реализация «хорошего плана» стала весьма проблематичной.

В итоге возникла необходимость в разработке новых подходов к планированию, в основу которого положена более глубокая концептуализация проблем и включение в план механизмов его реализации. С 2009 г. по инициативе Brunel University (Лондон) ежегодно проводится международный коллоквиум ученых, политиков, специалистов-практиков, сити-менеджеров, обсуждающих проблемы управления брендами территорий и стратегического маркетинга городов, регионов и наций.

Четвертый такой коллоквиум состоялся 5–6 сентября 2013 г. в г. Аоста (Италия).

Среди наиболее интересных ориентиров зарубежного опыта отметим:

- нацеленность стратегического планирования на выживаемость города, во многом связываемую с экономической реструктуризацией;
- органическое единство (включенность) большинства стратегических планов города в планы развития окружающей территории;
- видение городов как *точек экономического роста*, развитие которых позволило бы распространить экономические импульсы на окружающую территорию; определение многих региональных центров как ключевых полюсов развития всего региона;
- стремление в определении миссии городов выявить и акцентировать их своеобразие и уникальность:
 - «открытый город» (для иммигрантов и пр.), международный город и город культуры (*Амстердам*),
 - «столица информации ЕС» и «центр транспортных перевозок ЕС» (*Кельн*),
 - центр технологических инноваций (*Манчестер*),
 - ведущий регион в сфере внедрения передовых технологий связи (*Нюрнберг*),
 - европейский центр высококачественного производства (*Брэдфорд*),
 - реализация пространственно-экономической, социальной, управленческой модернизации и развитие в направлении метрополитенской агломерации (*Роттердам*).

В теоретическом плане особенно интересна *концепция ключевых факторов успеха (ключевых компетенций) городов и территорий*, развиваемая рядом западных исследователей на основе разработок профессора Гарвардского университета Р. М. Кантера. В соответствии с ней для успеха городских сообществ в условиях глобализированной рыночной экономики решающее значение имеет формирование совокупности «твердых» (hard) и «мягких» (soft) системных факторов, обеспечивающих владение следующим набором ключевых компетенций:

- *компетенция мастерства*, т. е. способность производить товары и услуги в сфере материального производства на уровне высших мировых стандартов;
- *компетенция знаний*, т. е. способность создавать и продавать новые знания, технологии и наукоемкие продукты и услуги;
- *компетенция связей*, т. е. способность создавать и продавать услуги в сфере коммуникации и коммутации материальных, информационных и финансовых потоков;
- *компетенция эффективного управления городом* как единой системой (корпорацией), нацеленная на достижение общих целей ведущих групп влияния;
- *компетенция сотрудничества*, т. е. способность эффективно выявлять и согласовывать интересы различных групп влияния, стратегических партнеров и на этой основе формулировать общие цели и стратегии их достижения;
- *компетенция жизнеобеспечения*, т. е. способность создавать среду обитания, удовлетворяющую и превосходящую ожидания представителей ведущих групп по совокупности важных для них аспектов качества жизни.

Сегодня можно говорить и о серьезном *отечественном* опыте стратегического планирования городов и районов. С одной стороны, он включает *советский опыт социального планирования* производственных коллективов, городов, регионов. Хотя речь, конечно, не идет о простом воспроизведении этого опыта, без учета глубинных социально-экономических и социально-политических изменений в постсоветский период.

С другой стороны, уже с середины 1990-х гг. все больше российских городов и регионов практически включались в разработку стратегических планов и прогнозов. В частности, при разработке методических основ оценки муниципальных программ эксперты фонда «Институт экономики города» использовали опыт, полученный при подготовке и реализации более 15 комплексных программ СЭР Нижнего Новгорода, Ярославля, Хабаровска, Чебоксар, Магадана, Перми, Ангарска, Дзержинска, Бора, Арзамаса и других российских городов. Для нашей области значим опыт разработки и реализации стратегического плана развития Екатеринбурга. Серьезный вклад в обобщение опыта стратегического планирования и разработку его методологических основ внес «Леонтьевский центр».

С 2002 г. ежегодно в Санкт-Петербурге проходит Общероссийский форум «Стратегическое планирование в регионах и городах России». Форум по праву заслужил статус одного из важнейших событий в деловой и общественной жизни страны как основная площадка рассмотрения вопросов стратегического планирования и регионального развития. 13 лет ежегодно на Форуме всесторонне и весьма профессионально обсуждаются эти вопросы, что способствовало принятию необходимых государственных решений.

В материалах Форумов обобщается опыт российских регионов и городов по стратегическому планированию и прогнозированию, который может быть использован и в анализе теории и практики стратегического планирования, и при самостоятельной разработке прогноза. В 2014 г. состоялся XIV Форум. На нем отмечалось, что в современных условиях (противоречивая динамика мировой экономики, появление новых вызовов и угроз) выбор обновленной экономической модели развития нашей страны и всех ее территорий становится особенно актуальным и ответственным.

Yu. R. Visnievski, T. B. Bagirova,
O. R. Belova, S. Yu. Visnievski

**MODERN STRATEGY OF DEVELOPMENT OF TERRITORIES AND LOCAL
COMMUNITIES: GUIDELINES FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE**

Abstract

This article proposes a brief system overview of the main trends and approaches to strategic planning of territorial development at the municipal level, productively outlined the concept of key competences of cities and territories, the question of the relevance of the choice of a new economic development model of the country's territory.

Keywords: strategic planning, territorial marketing, planning philosophy, mission city, branding the site, the originality and uniqueness, growth points, the concept of key competences of the city.

УДК 316.74:37-051(470)

Т. В. Деревнина

ВЫПУСКНИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ УЧИТЕЛЬСТВА

Аннотация

В статье рассматривается мотивация профессионального выбора студентов педагогических вузов. Выпускники педагогических вузов рассматриваются как человеческий ресурс, обеспечивающий возможности и качество развития социально-профессиональной общности учителей. Показано противоречие между выбором педагогического образования и отсутствием мотивации к дальнейшей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: учительство, социально-профессиональная общность, профессиональный выбор, выпускники вузов.

Педагогическое образование выступает способом формирования личности будущего учителя и учительства как социально-профессиональной общности.

Качество педагогического образования определяет уровень профессиональной деятельности учителей, служит важнейшим фактором развития учительства как общности. Учитель — это профессия, которая требует от ее носителя соответствия всем тем требованиям, которые ей предъявляет государство и общество, уже на этапе профессионального выбора и обучения в педагогическом вузе.

Выбор профессии всегда сложный процесс. Причины выбора выпускником школы будущей профессии зависят от многих факторов: его личного желания, желания родителей, советов друзей, престижа той или иной профессии и др. Но что заставляет выпускника школы пойти в педагогический вуз, а потом обратно вернуться в школу, но уже в роли учителя?

Профессиональная общность учителей формируется в большей степени из выпускников педагогических вузов, в меньшей — из выпускников вузов другого профиля. Для выпускников педагогического вуза школа — это не только сфера профессиональной самореализации. Это сфера профессиональной деятельности, которая находится под влиянием требований, предъявляемых со стороны государства и общества, в том числе в лице родителей, детей, руководства школы и т. д.

В условиях, когда требования к учителю растут и усложняются, когда действует стереотип «трудной и неблагодарной работы», складывается такой имидж профессии учителя, который все меньше и меньше привлекает выпускников педагогических вузов работать в школе. Тем не менее часть выпускников педагогических вузов выбирают школу в качестве основного места работы и становятся молодыми учителями, желают посвятить этой профессии свою жизнь. По мнению В. В. Марюхиной, «выбор педагогической профессии в соответствии с мотивами учения — это познавательный интерес, стремление лучше подготовиться к самостоятельной профессиональной деятельности, чувство долга и ответственности или же стремление посредством учения выделиться среди однокурсников, занять престижное положение в коллективе, избежать нареканий со стороны преподавателей и родителей, желание заслужить похвалу, получить повышенную стипендию» [5, с. 27].

Для выпускника непедagogического вуза, школа выступает в роли важного, но промежуточного этапа в выборе профессиональной траектории. Причин тому не мало: в школе они приобретают опыт педагогической работы, они чувствуют свою востребованность из-за недостатка учителей-предметников, школа позволяет совмещать работу с обучением или работой в вузе. И все-таки общность российских учителей в основном формируется из выпускников педагогических вузов. Поэтому ее развитие зависит от качества подготовки и профессиональной мотивации выпускников педагогических вузов.

Проблема состоит в том, что, с одной стороны наблюдается снижение мотивации к выбору учительской профессии лучшими выпускниками школ, а, с другой стороны, у тех, кто все-таки пришел в педагогический вуз, снижается мотивация на дальнейшую работу в школе в качестве учителя.

Мы исходим из понимания мотивации как соотношения целей, стоящих перед студентом, которые он стремится достигнуть, и внутренней активности личности. В обучении мотивация выражается в принятии студентом целей и задач обучения как лично значимых и необходимых [7, с. 1–5]. Мотивация как ведущий фактор регуляции активности личности, ее поведения и деятельности имеет большое жизненное и общекультурное значение. Изучение проблемы мотивации представляет несомненный интерес, поскольку современному человеку необходимо владеть информацией о способах взаимодействия, обуславливающих сотрудничество и взаимопонимание [8, с. 31].

Мотивация студента педагогического вуза заключается в его стремлении к саморазвитию, реализации себя как личности и формированию профессионального мастерства. Личностные и профессиональные качества развиваются у студента в процессе обучения, что обеспечивает высокую степень осознанности в выборе профессии. Таким образом, если у студента возникает и сохраняется желание и умение работать по профессии учителя еще за студенческой скамьей, то это является залогом того, что в будущем он может стать хорошим учителем.

Мотивация выпускников школ к поступлению в педагогический вуз сегодня снижается. По их мнению, профессия учителя стала очень тяжелой, неблагодарной и мало оплачиваемой. Возникновение такого стереотипа не случайно. Отсутствие мотивации к выбору и освоению данной профессии — главная причина сложившейся ситуации. Высокая мотивация должна лежать в основе выбора профессии учителя. Поэтому формирование профессиональной мотивации у студентов в процессе обучения в педагогическом вузе — это путь воспитания будущего учителя.

Педагогический вуз должен развить у студентов не только профессиональные знания, умения, навыки, но и сформировать творческое «Я», личностные психологические и социальные качества будущего профессионала.

Вопросом о мотивации и качественной подготовке выпускников педагогических вузов, уделяет внимание в своей статье «Исследование мотивации студентов в образовательном процессе педагогического вуза» Л. П. Берестовская. По мнению автора, качественная подготовка выпускника педагогического вуза напрямую зависит мотивации студента. В структуре мотивации студентов следует выделять мотивы поступления в вуз и мотивы учения. В группе мотивов учения ведущими являются мотивы учебной деятельности. Формируются мотивы учения в целостном образовательном процессе вуза, который состоит из двух компонентов — обучения и воспитания». Она отмечает, что «для создания высокой мотивационной напряженности студентов, необходимо разработать систему средств развития мотивов в учебной, научно-исследовательской, вне учебной деятельности на основе учета мотива выбора студентами вуза для обучения» [1, с. 287].

Социологическое исследование А. А. Кашапова и Л. Р. Асманова показывает, что половина опрошенных ими выпускников школ изъявляют свое желание учиться в педагогическом вузе. Внутреннее желание подкреплено активной гражданской позицией в получении профессии и уверенностью в дальнейшей реализации в ней. Социальный мотив — обще-

ственная значимость профессии — присутствует у 28 % опрошенных. Немногие движимы таким мотивом, как материальное стимулирование и продвижение по службе. Можно с уверенностью утверждать, что выбор профессии учителя связан с осознанием сложности этой профессии, должен быть заранее спланирован и требует дальнейшей реализации выпускником в своей профессии [3, с. 209].

Отсутствие ориентации на работу в школе еще не говорит о том, что выпускник школы не поступит в педагогический вуз. Педагогический вуз рассматривается часто как этап становления его как личности.

Формирование у школьников мотивации на получение педагогического образования с продолжением работать в школе должна быть заботой, в первую очередь, государства, которое создаст условия для молодых учителей. И эти условия заключаются не только в «подъемных», но и других средствах и способах привлечения выпускников педагогических вузов в школу. Это и создание позитивного образа, реальные меры по защите правового и социально-экономического статуса учителя, это формирование определенной государственной политики в отношении педагогических вузов как «кузницы» молодых кадров для современной российской школы.

К сожалению, в деятельности молодого учителя часто возникают ситуации, демотивирующие его на работу в школе. Много молодых учителей, проработав минимум несколько месяцев, максимум 2–3 года, уходят из школы. Это подтверждается данными статистики. В связи с этим возникает острая проблема старения педагогических кадров. Анализ статистических данных говорит, что группа молодых учителей с уменьшается с каждым годом. Исследования показывают неизбежное понижение среднего возраста учителя в школе — с 39,7 лет в 2000 г. до 42,8 лет в 2013 г. Если в 2000 г. возрастная группа до 20 лет составляла 1,3 %, то сейчас она практически равна нулю — 0,2 %.

Численность возрастной группы 20–29 лет снизилась с 28,1 % в 2000 г. до 23,8 % в 2013 г. Почти на 2 % произошло снижение возрастной группы 40–49 лет (29 % в 2000 г. и 27,4 % в 2013 г.). За последние годы очень сильно увеличилась доля групп с возрастом 50–59 лет (с 15,3 % в 2000 г. до 25,5 % в 2013 г.). Увеличилась доля возрастной группы 60–72 года, с 5,4 % в 2000 г. до 7 % в 2013 г. [6, с. 104].

Большинство выпускников педагогических вузов не желают работать в школе после окончания педагогического университета. Все дело в отсутствии имиджа и престижа данной профессии. Студенты, окончившие педагогический вуз и не желающие работать в школе, объясняют свой выбор педагогического образования так: для того чтобы стать хорошим специалистом и чтобы получить неплохое высшее профессиональное образование, диплом, который «открывает» двери во многие отрасли народного хозяйства [4, с. 1–2].

Исследования М. В. Ключевой и В. А. Теренина показывают, что «основной проблемой для вуза является повышение уровня мотивации на педагогическую деятельность в среднем по всем выпускникам и повышение доли тех, кто осознанно выбирает в качестве места работы обычные общеобразовательные школы» [4, с. 2].

Причиной снижения мотивации на получение педагогической специальности служит то, что «в ориентации молодежи на образование доминируют социальные мотивы, нацеленные на достижение определенного социального статуса, над мотивами профессиональными» [2, с. 1–2]. Снижение профессиональной мотивации влечет за собой отсутствие ориентации на работу в школе.

Названные исследователи считают главным фактором, снижающим престиж педагогического вуза, а значит и профессии учителя, то, что педагогические вузы «стали площадкой по выдаче дипломов для торговых агентов и прочих специальностей, не требующих обязательного высшего образования и не связанных с педагогической деятельностью» [2, с. 3].

С этим трудно не согласиться. Когда в педагогическом вузе есть специальности, не связанные с профессией педагога, это делает профессию учителя не обязательной. Идет процесс необратимой демотивации и снижения престижа и без того непрестижной профессии.

Важным фактором, влияющим на мотивацию выпускников педагогических вузов, является их социальное происхождение и наследование профессии учителя. Устойчивое желание быть учителем и мотивация на получение педагогического образования связаны с семьей, которая является носителем династии учителей на протяжении нескольких поколений.

Несмотря на динамизм современного общества, быстро изменяющиеся тенденции развития различных отраслей науки и техники, можно с уверенностью сказать, ни кто не может заменить учителя — ни новые образовательные технологии, ни компьютер, ни тьюторы. Учитель остается «двигателем прогресса» в школе, а значит, он должен быть всегда на шаг впереди. Не случайно в общественном сознании сложился стереотип: учитель был и всегда останется интеллигентом, воспитателем детей, их первым руководителем по жизни. Именно поэтому выпускники педагогического вуза должны быть интеллигентами и поддерживать лучшие традиции российского учительства, чтобы оставаться ресурсом его развития в настоящем и будущем.

Библиографический список

1. *Берестовская Л. П.* Исследование мотивации студентов в образовательном процессе педагогического вуза // Омский научный вестник. 2012. № 4. С. 286–289.
2. *Вострикова Е. Е.* Ориентация молодежи на образование // Молодежь и наука: матер. IX Всероссийской научно-технической конференции. Красноярск, 2013.
3. *Кашипова А. А., Асманова Л. Р.* Критерии выбора профессии педагога психолога // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7.
4. *Клюева М. В., Теренин В. А.* Сравнительный анализ качества подготовки и мотивации к педагогической деятельности выпускников НГПУ 2008–2012 гг. и конца 80-х гг. // Молодежь и наука: матер. IX Всероссийской научно-технической конференции. Красноярск, 2013.
5. *Марюхина В. В.* Мотивация студентов к обучению в педагогическом вузе (на примере ТувГУ) // Вестник Тувинского госуниверситета. Педагогические науки. 2014. № 4. С. 26–34.
6. Образование в Российской Федерации-2014: статистический сборник. М.: ВМЭ, 2014. 464 с.
7. *Овчинников М. В.* Структура и динамика мотивации учения студентов педагогического вуза // Научные исследования в образовании. 2007. № 5. С. 1–5.
8. *Приставка Т. А.* Формирование профессиональной мотивации учебной деятельности студентов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Белгород. 2004.

T. V. Derevnina

GRADUATES OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES AS A RESOURCE OF TEACHING

Abstract

The article discusses the motivation for the choice of professional pedagogical students. Teacher training college graduates are considered as human resources, providing opportunities and the quality of the teachers as the social and professional community. Displaying contradiction between the choice of teacher education and the lack of motivation for future professional activities.

Keywords: teachers, social and professional community, professional choice, graduates.

УДК 316.776

Я. В. Дидковская

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБЩНОСТНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье рассматривается формирование образа будущей профессии и коммуникативные источники, влияющие на данный процесс. Выводы автора базируются на результатах

социологического исследования студентов первого и второго курсов университета. Проведено сравнение формируемых представлений о своей профессии среди будущих инженеров и будущих менеджеров. Выявлено, что для студентов, получающих инженерные профессии, характерно более позитивное восприятие будущей профессии, особенно ее статусных характеристик, чем для менеджеров. Рассмотрены различия в использовании коммуникативных источников при формировании представлений о профессии: студенты-инженеры в сравнении с менеджерами более ориентированы на непосредственные источники информации, в том числе на получение информации о профессии в рамках университетской среды. Для менеджеров в сравнении с инженерами более значимы Интернет и социальные сети.

Ключевые слова: Имидж профессии, уровень информированности о профессии, процесс коммуникации.

Ситуация выбора профессии сегодня характеризуется высокой степенью неопределенности и непредсказуемости. Выбирая, субъекты пытаются оценить социально-экономический статус представителей профессиональной группы, востребованность профессии в будущем, возможные перспективы профессионального роста и другие факторы, определяющие сегодня престиж профессий.

Зачастую оценка не базируется на интересе к профессии и реальном знании ее атрибутов, прежде всего содержания будущей профессиональной деятельности. Поэтому в выборе профессии все большую роль начинает играть ее образ как некий комплекс внешних стилизованных впечатлений от профессии, формируемых под воздействием различных коммуникативных источников.

В последнее время проблемы влияния имиджа профессий на профессиональное самоопределение молодежи начинают обсуждаться в социологии и социальных науках в целом [1; 2; 3]. Однако сама категория «имидж профессии» пока не достаточно разработана. Кроме того, комплексных исследований имиджа профессии, связанных с его формированием в процессе коммуникации практически не проводилось.

В связи с этим в данной статье мы рассмотрим позитивные и негативные параметры имиджа будущей профессии, сложившегося у студентов университета, а также оценим влияние различных источников информации на представление молодежи о профессии. Также одной из задач нашего исследования является сравнение представлений о своей профессии среди будущих инженеров и будущих менеджеров. Под имиджем будущей профессии мы понимаем складывающийся в сознании учащихся определенный комплекс впечатлений и представлений, как положительных, так и отрицательных о предстоящей профессиональной деятельности и об основных атрибутах профессии, включая представления о содержании деятельности, о престиже, востребованности профессии и ее доходности. Мы полагаем важным выделить в структуре имиджа профессии когнитивный компонент — уровень осведомленности, информированности студентов о различных атрибутах будущей профессии. Данный компонент является основой для формирования эмоционально окрашенного отношения к профессии, ее привлекательности для студентов. Эмоциональный компонент имиджа способствует поведенческой активности студентов — намерению связать карьеру после университета с получаемой профессией.

Эмпирической базой статьи выступают данные количественного опроса студентов обучающихся в Уральском Федеральном Университете профессиям менеджера и инженера. Опрос студентов первого и второго курсов проведен автором в декабре 2014 г. (N=182). Была использована квотная выборка, в качестве квотного признака выступила будущая профессия студента. Выбор двух профессиональных общностей — инженеров и менеджеров не случаен. Обе профессии являются массовыми и наиболее популярными. Однако если профессия инженера прошла процесс институционализации довольно давно и уже стала традиционной, то профессия менеджера является весьма молодой для российского общества.

Согласно результатам нашего исследования полное и четкое представление о профессии имеют только 16,7 % опрошенных. Основная часть студентов имеет лишь некоторое представление (59,6 %) и существенная часть респондентов (23,8 %) считает свои представления о будущей профессии весьма туманными. Представление инженеров обладают большей определенностью, нежели менеджеров (табл. 1).

Таблица 1

Уровень информированности о будущей профессии, %

Какое представление вы имеете о будущей профессии?	Менеджеры	Инженеры
Имею полное представление	11,1	17,1
Имею некоторое представление	44,4	64,5
Весьма туманное представление	44,4	18,3
итого	100,0	100,0

При этом у студентов сформировался довольно позитивный имидж профессии как профессии востребованной в будущем (79,5 %), дающей возможности карьерного роста (40,3 %) и хорошие перспективы трудоустройства (36,4 %). Негативные параметры не получили столь высоких оценок. Больше всего студенты опасаются низкой оплаты труда и отсутствия карьерного роста. Существенная часть студентов (30,2 %) боится того, что работа окажется слишком сложной и им не хватит знаний и навыков, полученных на этапе подготовки в университете.

Наблюдается специфика в оценке позитивных и негативных имиджеобразующих параметров будущими менеджерами и будущими инженерами (табл. 2). В целом для инженеров характерен более позитивный образ будущей профессии: инженеры оценивают выше перспективность своей профессии, возможности карьерного роста, перспективы трудоустройства и уровень доходности. Однако менеджеры существенно выше оценили творческий характер труда и возможность общения с интересными людьми в рамках своей профессии. Соответственно, инженеры более позитивно оценивают набор статусных характеристик своей профессии, а менеджеры содержательные аспекты труда.

В целом же для менеджеров характерно более тревожное отношение к своим профессиональным перспективам: они существенно чаще инженеров опасаются проблем с трудоустройством и низкой заработной платы. Инженеры в большей степени обеспокоены тем, что им не хватит навыков, полученных в университете для успешной работы и перспективами карьерного роста.

Таблица 2

Позитивные и негативные имиджевые характеристики будущей профессии в оценке студентов, %

Привлекательные стороны профессии	% отв.		Негативные стороны профессии	% отв.	
	Менеджеры	Инженеры		Менеджеры	Инженеры
Профессия перспективна, востребована в будущем	72,7	83,9	Опасаясь проблем с трудоустройством	54,6	16,7
Дает возможность карьерного роста	27,3	45,2	Опасаясь низкой заработной платы	54,4	43,3
Возможность общения с интересными людьми	81,8	12,9	Боюсь, что не хватит знаний и навыков для работы	18,2	36,7
Хорошие перспективы трудоустройства	0,1	51,6	Профессия окажется не перспективной	18,3	16,7
Обеспечивает высокий уровень дохода	9,1	38,7	Не получится сделать успешную карьеру	27,3	43,3
Творческий интересный характер труда	54,5	9,7	Будет не интересно работать по профессии	0,0	3,3

В ходе опроса студенты отметили источники информации, которые играют существенную роль в формировании представлений о будущей профессии. Рейтинг источников представлен в табл. 3. Источники информации о профессии, используемые студентами, были раз-

делены нами на следующие группы: непосредственное общение студентов в рамках референтных групп (с родителями, друзьями, знакомыми и др.); коммуникация внутри университетской среды (общение с преподавателями, специальные мероприятия в вузе и др.); использование традиционных (телевидение, радио, печать) и современных СМИ, включая Интернет и социальные сети.

Таблица 3

Источники информации о профессии на основании оценки их роли студентами

Источник информации	Играет существенную роль, %	
	Менеджеры	Инженеры
Преподаватели университета	63,6	70,0
Интернет в целом	54,5	46,7
Родители, родственники	30,0	50,0
Социальные сети	51,0	17,9
Друзья, знакомые	10,0	22,0
Печатные СМИ	2,0	17,2
Телевидение	9,1	13,3
Мероприятия в университете	1,0	16,1
Радио	0,5	3,3

В получении информации, связанной с будущей профессией, студенты-инженеры в сравнении с менеджерами более ориентированы на непосредственно, живое общение, в том числе в рамках университетской среды. Так, 70 % будущих инженеров отметили существенную роль в формировании своих представлений о профессии преподавателей университета, 50 % отметили роль родителей и родственников, 22 % — друзей и знакомых. Среди менеджеров отметили существенную роль преподавателей только 64 %, а родителей и друзей соответственно 30 % и 10 % студентов. Если же говорить о влиянии СМИ и электронных средств коммуникации, то для менеджеров в сравнении с инженерами более значимы Интернет (54 %) и социальные сети (51%). Инженеры практически не ориентируются на данные СМИ: отметили существенную роль Интернета только 47 % инженеров, а социальные сети — 18 %. Традиционные СМИ, напротив, более значимы для инженеров, нежели менеджеров.

Таким образом, полученные результаты исследования позитивных и негативных параметров имиджа профессии выявили специфику восприятия образа своей профессии будущими инженерами и менеджерами. Для студентов, получающих инженерные профессии характерно более позитивное восприятие будущей профессии, особенно ее статусных характеристик, чем для менеджеров. Кроме того, самооценка полноты представлений о профессии у инженеров несколько выше. Исследования показывают различия в использовании коммуникативных источников при формировании представлений о профессии между менеджерами и инженерами. В качестве перспектив дальнейших исследований проблем формирования имиджа будущей профессии нам бы хотелось отметить, во-первых, необходимость расширения роли общностного аспекта за счет расширения спектра профессиональных общностей и групп, участвующих в исследовании; а во-вторых, необходимость изучения обратной стороны процесса коммуникации при формировании имиджа профессий, а именно, исследования представленности в СМИ информации о мире занятий и профессий.

Библиографический список

1. Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишневский Ю. Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 58–68.
2. Каюмов А. Т., Каников Ф. К., Исхакова Н. Р. Учащаяся молодежь крупного индустриального города о престиже профессий // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 87–95.

3. Van der Wal Z., Oosterbaan A. Government or Business? Identifying Determinants of MPA and MBA Students' Career Preferences // Public Personnel Management. 2013. № 42 (2). Pp. 239–258. doi: 10.1177/0091026013487123.

Yana V. Didkovskaya

THE FORMATION OF FUTURE PROFESSION IMAGE IN THE COMMUNICATION PROCESS: PROFESSIONAL COMMUNITY ASPECT

Abstract

The article discusses the formation of future profession image and communication sources that affect this process. The author's conclusions are based on the results of sociological research of the first and second year university students. The comparison of profession image among future engineers and future managers is conducted. Author highlights that students, receiving engineering profession, are characterized by a more positive perception of their future profession, especially its status characteristics than managers. Differences in the using of communication sources in the formation of profession image are examined: student engineers versus managers are more focused on the immediate sources of information, including to obtain information about the profession within the university environment. The Internet and social networks are more important for managers in comparison with the engineers.

Keywords: image of profession, level of awareness about the profession, communication process.

УДК 316.35-057.875:061.2

А. Н. Калинина, М. В. Певная

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ВОЛОНТЕРСКОЙ ОБЩНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация

В работе рассматриваются теоретические основы исследования студенческого волонтерства, определяются характеристики студентов-волонтеров как социальной общности, систематизируются эмпирические индикаторы измерения человеческого капитала студентов-волонтеров.

Ключевые слова: студенческое волонтерство, человеческий капитал, социальная общность, молодежное волонтерство.

Волонтерство в настоящее время — широко распространенное явление по всему миру. Согласно данным опроса Gallup за 2014 год в мире 2,3 миллиарда волонтеров [10]. В России число добровольцев значительно ниже, чем во многих развитых странах — 18 %. По заключению экспертов последние несколько лет в России наблюдаются не столько количественные, сколько качественные изменения волонтерства. Успешно развиваются отдельные виды волонтерской деятельности [6]. Социальная значимость волонтерства в самом широком смысле проявляется в достижениях нескольких важных результатов волонтерами в процессе организации и реализации своей деятельности. Они помогают за пределами национальных границ своих государств создавать стабильное и сплоченное общество; в отдельных странах волонтеры дополняют услуги, предоставляемые государством и бизнесом определенным социальным группам. Волонтерство способствует развитию и самих волонтеров, «отмечается позитивное изменение коммуникативного сознания и коммуникативных умений, развитие эмпатии, творческого потенциала личности, формирование социальной активности» [2, с. 86]. Исследователи полагают, что волонтерская деятельность наиболее результативна в отношении молодежи. Люди в возрасте 14–30 лет составляют большую часть всей волонтерской общности. Например, в 2011 году их количество варьировалось в различных странах ЕС от 59 % до 78 % от числа всех молодых европейцев [16].

Г. П. Бодренкова волонтерство трактует как «стратегию личностного развития моло

дежи, обеспечивающую профессиональный рост и самосовершенствование молодежи, как непосредственных участников (субъектов) социально культурных преобразований, основанных на изменениях, способствующих улучшению жизни общества с учетом нужд и потребностей молодежи» [3]. По мнению И. Ю. Семеновича через получение и накопление опыта участия в добровольческой деятельности у молодых волонтеров формируются установки на активную жизненную позицию, проявляются духовно-нравственные ценности [8]. По нашему мнению, волонтерство молодежи включено в пространство социализации, непосредственно связано с развитием профессиональных компетентностей молодых людей как будущих специалистов. В процессе волонтерской деятельности они получают дополнительные навыки социального и профессионального поведения, осваивают социальные роли, а также пополняют свой запас социальных и профессиональных знаний.

Таким образом, именно волонтерство молодежи обладает специфическими характеристиками благодаря не только характеру самой деятельности молодых добровольцев, но и их специфическим особенностям как членов определенной социальной группы, сообщества или общности.

Феномен молодежного волонтерства привлекает к себе внимание как в теоретическом, так и в практическом измерениях. В исследовательском плане накоплен целый ряд кросс-культурных исследований молодежного волонтерства. Рассматриваются особенности волонтерской общности студентов, описываются национальные «портреты» молодых волонтеров [14], исследуется их мотивация, изучаются особенности реализации наиболее популярных видов волонтерской деятельности [7].

Мы разделяем точку зрения латвийского ученого А. Йанмуктана, который считает, что актуальной задачей практически любого государства сегодня является «обеспечение устойчивого экономического и социального развития, а также переход с ресурсно-ориентированной экономики на экономику знаний, в которой человеческий капитал – это ключевой фактор, определяющий потенциал экономического роста» [13]. В этой парадигме рост производительности экономики в любой стране трактуется как результат накопления знаний. В данной логике молодежное волонтерство может рассматриваться как способ накопления человеческого капитала молодежи, который выражается в профессиональном и личностном росте молодых волонтеров. По нашему мнению, именно молодые волонтеры представляют наиболее прогрессивную под общность, так называемую точку роста для многих современных социальных систем.

Практика показывает, что наиболее продуктивным в этом плане является именно студенческое волонтерство силу ряда объективных причин. Во-первых, студенческий возраст — наиболее подходящий в антропологическом плане возрастной период для самореализации личности, в том числе, в волонтерской деятельности. Во-вторых, высшее образование всегда привлекательно для наиболее продвинутой в интеллектуальном и социальном планах части молодежи. В-третьих, именно образовательная среда учебных заведений обладает определенными организационными ресурсами для развития формального волонтерства. В настоящее время в современной России основные ресурсные центры для организации спортивного и событийного волонтерства сосредоточены в вузах. По данным национальной Ассоциации волонтерских центров, созданной по итогам реализации программы «Волонтеры Сочи» в мае 2014 года, в сеть волонтерских центров сегодня включены 47 организаций.

Важная характеристика студенческого волонтерства — поливариативность видов деятельности волонтеров-добровольцев. Интересно отметить, что наряду с традиционными видами деятельности под волонтерством в студенческой среде исследователи часто рассматривают также: «наставничество над первокурсниками, участие в студенческом активе, донорство крови, организацию внеучебных мероприятий, представительство в студенческих советах, поддержку студентов-инвалидов, написание статей для университетского журнала» [12]. Данные социологов демонстрируют, что большая часть студентов по всему миру в той или иной форме принимает участие в волонтерской деятельности. В 2010 году работали волонтерами 78,8 % американских студентов, 79,7 % канадских студентов, 71,4 % молодых жителей

Бельгии, обучающихся в вузе, 84,5 % китайских студентов, 51,2 % студентов из Хорватии, 63,3 % из Англии и т. д. [11].

Результаты исследований студенческого волонтерства показывают, что студентов, занимающихся добровольческой деятельностью возможно рассматривать как определенную общность, члены которой имеют более выраженные социальные и профессиональные характеристики, в отличие от тех студентов, которые не имеют опыта добровольческой деятельности. Согласно критериям любой социальной общности, выделенным Г. Е. Зборовским [5], студенческое волонтерство характеризует:

- относительная целостность общности (сообщества студентов-волонтеров), осознание ими своей принадлежности к данной общности (идентификация волонтеров-студентов достигается как объективно за счет введения персональной книжки волонтера, брендированной экипировки и т. д., так и на субъективном уровне, когда студенты идентифицируют, осознают себя в качестве волонтеров);

- социальные связи и взаимодействие между членами общности (волонтеры-студенты, как правило, включены не только в бытовые и образовательные, но и в различные тематические социальные сети, общаются на различных форумах, включены в определенные группы и сетевые сообщества, вовлекаются в различные реальные и виртуальные проекты);

- схожие условия жизни и деятельности, (единство цели получения высшего образования, единый характер учебного труда, организации досуга, формирующий схожий образ жизни, активное участие в общественных делах вуза);

- использование экономических, социальных, политических, культурных, символических ресурсов, которые привлекает из внешних источников и аккумулирует образовательная среда для реализации различных видов деятельности;

- общие интересы, ценности и установки, формируемые особенностями возраста и характером деятельности волонтеров.

Мы предлагаем рассматривать студенческую общность волонтеров как определенный человеческий капитал, в силу того, что ее члены по показателям социальной активности, включенности в общественную и политическую жизнь различных территорий, а также среды вузов, занимают особые позиции. Сама же волонтерская деятельность способствует формированию социального, культурного и образовательного капиталов членов волонтерской общности за счет накопления ими культурных, коммуникативных, социальных ресурсов, так как волонтерская деятельность студентов представляет собой реальные жизненные практики как формального, так и неформального образования. Таким образом, именно студенческое волонтерство наращивает капитал членов данной общности, обеспечивает студентам-волонтерам не только личностное и профессиональное развитие, но и в перспективе, по мнению латвийских ученых, принесет им реальный доход [13].

Одной из важных в исследовательском плане методологических проблем является определение эмпирических индикаторов замера человеческого капитала студенческой волонтерской общности с целью не только определения ее социального и экономического потенциала для региональной экономики, но и понимания особенностей данной общности.

В оценках человеческого капитала молодежи исследователи, как правило, рассматривают «уже накопленный и проходящий стадию накопления запас общих и специальных знаний, профессиональных умений, навыков, компетенций, который, дополняется запасом здоровья, мотивацией, творческим потенциалом...» [9]. М. Пулотов добавляет данные критерии репродуктивным потенциалом молодежи как биосоциальным капиталом» [7]. Для оценки человеческого капитала молодежи ЮНЕСКО предложена методика расчета «Индекса развития молодежи» по трем основным направлениям: продолжительность жизни и здоровье, образование, уровень жизни [1]. В число индикаторов, входящих в расчет индекса развития человеческого капитала молодежи Евграшина И. А. предлагает включить: индекс здоровья; индекс образования; индекс инновационной активности; индекс социальной активности [4]. Согласно методологии П. Тойц и Л. Хьюит в рассмотрении человеческого капитала волонтерской общности можно включать аспекты личного благополучия ее членов [15].

На основе анализа целого ряда источников выделим две важные проблемы изучения человеческого капитала студенческого волонтерства как социальной общности. Первая проблема связана с методологией и методикой реализации эмпирических исследований, направленных на «замер показателей человеческого капитала» анализируемой общности. Для оценки человеческого капитала молодежи, занимающейся волонтерством в студенческой среде, предлагаем в качестве базисных рассматривать капиталы или следующие ресурсы волонтеров: образовательные (знания, умения, навыки, выраженные в образовании и практическом опыте); профессиональные ресурсы (профессиональные навыки и реальный опыт работы); социальные ресурсы, характеризующие социальное здоровье (социальная активность, досуг, культурный капитал); физические ресурсы, характеризующие биологическое здоровье (физический капитал). Также важны личностные ресурсы, характеризующие психологическое здоровье (удовлетворенность жизнью, ощущение счастья и т. д.). Вторая проблема сопряжена с выделением характеристик волонтерской деятельности в студенческой среде, с определением четких границ, отделяющих добровольчество от общественной и учебной видов деятельности; волонтерский труд от профессиональной деятельности и досуга. Важно оценить не только характер и содержание добровольческой деятельности студентов, но и ее влияние на профессиональные и жизненные планы молодежи.

Студенты-волонтеры являются членами определенной общности, представляющей ядро человеческого капитала конкретных вузов, определенных территорий. Каждый член общности студентов-волонтеров обладает определенным набором ресурсов. Мы можем предположить, что волонтерство развивает ресурсный потенциал студентов в процессе их обучения, облегчает им выход на рынок труда, так как способствует наращению у них не только профессиональных, но и социальных компетенций.

Библиографический список

1. *Агранович М. Л.* Положение молодежи в России: Аналитический доклад. М.: ИК «Машмир», 2005. 168 с.
2. *Азарова Е. С.* Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: Дис. канд. псих. наук : 19.00.01. Кемерово. 2008. 192 с.
3. *Бодренкова Г. П.* Добровольчество, как фактор повышения эффективности государственной социальной политики: международный и российский опыт // *Общественные институты – реальная сила развития гражданского общества в России.* М. 2006. С. 34–42.
4. *Евграшина И. А.* Оценка человеческого капитала молодежи // *Экономика образования.* 2014. №4. С.53-63.
5. *Зборовский Г. Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: ГУ. 2009. 304 с.
6. Волонтерство – новый социальный тренд. Освещение в СМИ и журналистская практика [Электронный ресурс]. 2013. Режим доступа: <http://te-st.ru/2013/02/19/round-table-msu/>
7. *Пулотов М.* Формирование и развитие человеческого капитала молодежи в условиях перехода к рыночным отношениям (на примере РТ): Дис. канд. экон. наук. Худжанд, 2001. с. 42.
8. *Семенова И. Ю.* Социально-ценностные установки молодежи и их роль в формировании мотивации к волонтерской деятельности // *Социально-ценностные установки и формирования позитивных мотиваций в молодежной среде.* Ульяновск. 2012. С. 121.
9. *Шестакова Н. Н., Скворцова М. Б.* Человеческий капитал молодого поколения как инновационный потенциал общества // *Труды КарНЦ РАН.* 2013. №5. С.129–139.
10. Рейтинг благотворительности 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philanthropy.ru/wp-content/uploads/WGI_2014_Rus_18-11.pdf
11. *Handy F., Snaan R.* A cross-cultural examination of student volunteering: Is it all about résumé building? 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblio.ugent.be/publication/1110292>.

12. *Hustinx L., Vanhove T.* Bifurcated commitment, priorities, and social contagion. The dynamics and correlates of volunteering within a university population // *British Journal of Sociology of Education*. 2005. №26(4). P. 523-538.

13. *Jaunmuktane A.* Policies related to volunteer work in Latvia [Электронный ресурс] // *Research for rural development*. 2012. Режим доступа: http://www2.llu.lv/research_conf/Proceedings/18th_volume2.pdf

14. *Musick M., Wilson J.* Volunteers – A Social Profile// *Philanthropic and Nonprofit Studies*. 2007. 261 p.

15. *Thoits P.A., Hewitt, L.N.* Volunteer work and well-being // *Journal of health and social behavior*. 2001. 42(2). P.115-131.

16. *Second European Quality of Life Survey: Participation in volunteering and unpaid work*. Luxembourg: Publications Office of the EU 2011. VIII. 56 p.

A.N. Kalinina, M.V. Pevnaya

THEORETICAL ASPECTS IN THE RESEARCH OF THE HUMAN CAPITAL OF STUDENT VOLUNTEER COMMUNITY

Abstract

The article concerns theoretical basis in the research of student volunteering, identifies reference of student volunteering as a social community, classifies human capital indicators of student volunteers.

Keywords: student volunteering, human capital, social community, youth volunteering, youth politics.

УДК 316.45

М. А. Кучкильдина

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ¹

Аннотация

В статье рассматривается возможность выделения поколенческих групп в современной России с использованием разных подходов. Автор сравнивает типологии поколений разных исследователей, что позволяет сделать ряд выводов и сформировать особые требования к исследованию поколений.

Ключевые слова: поколение, поколения в России, «границы понятия поколение», типологии поколений.

Россия, как правовой приемник бывшего Советского Союза, унаследовала не только и не столько права и обязанности предыдущей государственности, но и стойкую социальную архитектуру, которая, хотя и претерпела видоизменения, но в некоторых сферах общественной жизни практически не менялась.

Отсутствие внутренних изменений в какой-либо социальной системе в условиях ее существования в мире масштабных и глобальных социальных изменений, постепенно в связи действием некоторой инертности, но приведет к ее гибели. Такие системные проблемы проявляются в первую очередь в механизме нормальной репродукции социальной системы, воспроизводстве и, в конечном итоге, в ее существовании. Кадровые проблемы, такие как, старение кадров, отсутствие притока молодых, наличие в кадровом составе преимущественно двух возрастных групп — самых старших и самых молодых и прочие дисбалансы в настоя-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-Урал в рамках проекта проведения научных исследований «Формирование современной технической элиты в условиях модернизации экономики Свердловской области: проектирование модели непрерывного инженерного образования» поддержанного, проект №13-06-96013

щее время проявляются во многих сферах общественной жизни – от науки и образования, до крупных промышленных предприятий.

Но кто они эти самые молодые и самые старшие? Насколько велика дистанция между ними? Существует ли возможность их взаимодействия, начиная от языка и речи, заканчивая конкретным результатом — трансмиссией знаний и опыта. Для ответов на эти вопросы используется поколенческий анализ, который позволяет изучить разные поколенческие группы, их взаимодействие. Все это необходимо для поиска общего вектора развития и сосуществования поколений, что особенно актуально в настоящее время.

Разность между поколениями в России стала ощутимой относительно недавно. Это связано, прежде всего, с вхождением во взрослую жизнь когорты людей, чьи формативные годы пришлись на абсолютно видоизмененную реальность (относительно советской), присутствием в ней значительного числа тех, кто социализировался и получил весь жизненный опыт в эпоху развитого социализма [1, с. 10].

За относительно непродолжительное время существования российской социологии была проделана обширная работа по осмыслению содержания термина «поколение», переводу зарубежных классиков прошлого столетия, актуализации острого и продуктивного научного дискурса [2–8]. Однако практика исследований поколенных групп и теоретическое осмысление понятия далеко от опыта зарубежных исследователей, где начиная с 1920 годов, было актуализировано большое количество исследований поколений (массовых и элитарных), и осмысление результатов таких исследований [10; 11].

Острота проблемы и вызванный ею широкий общественный дискурс обусловили появление множества новых исследований по проблеме поколений, использующих либо опыт западных исследований, их принципы типологизации, либо авторские типологизации поколенческих групп.

Многие отечественные исследователи используют зарубежную методологию и опыт исследований поколений [8, с. 14–15]. Отталкиваясь от введенного Х. Беккером термина «паттерн поколений», позволяющего описать массовые поколения в западной социологии, В. Семенова, выбирает за основу «культуру поколения», а именно лексические формы самопрезентации отдельных типов (паттернов) поколения [9, с. 213–237]. По итогам проведенного ею исследования, выделяются следующие поколенческие группы (табл. 1).

Таблица 1

Типология поколений В. Семеновой

Название поколения	Условные годы рождения	Символическая идентификация относительно труда
Околвоенное поколение	1920–1940-е	Жизнь ради труда Труд как долг
Доперестроечное поколение	1940– 60-е	Труд ради долга Труд любимого дела
Поколение переходного периода	1960-е–80-е	Труд ради любимого дела Труд ради выгоды
Послеперестроечное поколение	после середины 80-х.	Труд ради выгоды Жизнь ради удовольствий

Юрий Левада в своих исследованиях использует данные общественных исследований последних лет и типологизирует возрастные группы в зависимости от распределений ответов респондентов, выделяя шесть значимых поколений, интерпретирует распределения относительно исторических эпох (табл. 2).

Однако предложенная им схема заведомо ограничена и условна, предлагающая взгляд на общество со стороны элит, формирующих значение событий и периодов [3, с. 44], тогда как В. Семенова пытается выделить массовые поколения.

Типология поколений Ю. Левады

Название поколения	Условные годы рождения	Характеристика поколения
Революционный перелом	1890–1910	Носители идеологии революции, активные участники массовых войн
Сталинская мобилизационная система	1910–20	Поколение массового террора, вытеснения инакомыслия
Военный период	1920–1928	Доведение идеологии предшествующих эпох до крайней степени
Поколение «оттепели»	1929–43	Первое в советской истории значимая поколенческая группа свободная от массового страха, с надеждой на гуманизацию социализма
Поколение «застоя»	1944–68	Поколение «домашнего» социализма, массового потребления, массовой коррупции
Поколение «перестройки и реформ»	1969–85	Первое поколение, не знавшее переломов и исканий предыдущих лет

Для сравнения предлагаем рассмотреть типологию поколений у Х. Беккера [12; 13]. Выделенные им поколения отличаются наднациональным характером, не имеют значимых систематических отличий среди стран Западной Европы (табл. 3).

Таблица 3

Типология поколений Г. Беккера

Названия поколения	Условные годы рождения	Характеристика
Довоенное поколение	1910–1929	Поколение рисков (2я Мировая война, массовая безработица).
Тихое поколение	1930–1944	Могли бы спровоцировать активные выступления, но не состоялись.
Поколение протеста	1945–1954	Поколение молодежных революций конца 1960-х, носители постматериалистических (не буржуазных) ценностей
Потерянное поколение	1955–1969	Поколение экономического кризиса и массового вхождения женщин на рынок труда
Прагматическое поколение	1970–1985	Поколение экономического роста и прагматической ориентации

При сравнении этих трех подходов можно заметить различие в распределении возрастных когорт на оси социального времени.

Сравнение типологий поколений разных исследователей, позволяет сделать ряд выводов и сформировать особые требования к исследованию поколений. Речь идет о сохранении деления общества на массу и элиту, с точки зрения масштабности групп и включенности в социальные процессы; о нелинейности развития поколений, носящей общецивилизационный характер, а также о почти полном несовпадении с поколениями на Западе, кроме участия в общецивилизационных процессах (война, массовое потребление и пр.).

Учет этих закономерностей накладывает особые требования к исследованию поколений. Это и необходимость принимать во внимание географические особенности территории (социального пространства), использование данных лонгитюдных исследований, для измерения, как постоянного, так и изменчивого в установках разных поколенных групп, целесообразность разработки собственной (русской) методологии исследования поколений.

Библиографический список

1. Mannheim K. generation Problem // New literary review, 1998. № 2 (30). С. 7–47.
2. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

3. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. Жизненные пути одного поколения / Отв. ред. М. Х. Титма. М.: Наука, 1992. 186 с.
5. Социокультурная динамика общественных трансформаций середины и конца XX века // Власть — общество — реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа, вторая половина XX века. М., 2006.
6. *Коровицына Н. В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999.
7. *Коровицына Н. В.* Эволюция социально-культурной структуры населения как процесс смены поколений // Классы и социальные слои: исторические судьбы. СССР и Восточная Европа, 20–60-е годы XX в. М., 1990.
8. *Докторов Б. З.* Современная Российская социология: историко-биографические поиски в 3-х томах. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012.
9. *Семенова В. В.* Социальная проблема поколений и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
10. The Time of Generations. TIME & SOCIETY. London, Thousand Oaks, CA and New Delhi, VOL. 8 (2).
11. *Simon Biggs.* Thinking about Generations: Conceptual Positions and Policy Implications. Journal of Social Issues, Vol. 63, No. 4, 2007.
12. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003.
13. Dynamics of Cohort and Generation Research / Ed. By H. Becker. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992.

Maria A. Kuchkildina

GENERATIONAL GROUPES IN MODERN RUSSIA: ABILITIES TO APPLICATION

Annotation

In this article we examined abilities to application different generational groups from different points of view. The author compares the different typologies of generations of researchers, which allows a number of conclusions and form specific requirements for the study of generations.

Key words: generation, generations in Russia, frames of generations in Russia.

УДК 061.2:005.331

М. В. Певная, А. А. Кузьминчук

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ КАК ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

В статье социальная общность волонтеров рассматривается как объект управления на разных уровнях (макроуровне, мезоуровне, микроуровне). На основе результатов анализа всероссийских социологических исследований добровольчества, а также данных опроса волонтеров Свердловской области выделяются ключевые характеристики волонтерской общности, специфику которых следует учитывать в процессе управления волонтерами с целью повышения эффективности их деятельности и создания условий для роста потенциала всей общности в целом.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, социальная общность волонтеров, управление.

Волонтерство — это масштабное социальное, политическое, экономическое и культурное явление наших дней. Волонтеры вносят значительный вклад в экономическое и соци-

альное развитие своих стран, заполняют «провалы» государства, выступая в качестве мобилизационного ресурса, оказывая конкретную помощь нуждающимся людям. Современное состояние волонтерства, по нашему мнению, характеризует определенное противоречие между добровольными основаниями деятельности, самоорганизацией добровольцев, их активностью, целями, которые они лично для себя определяют и внешней институциональной средой, где различные социальные институты, в деятельность которых оказываются включенными и вовлеченными волонтеры, преследуют свои собственные цели. К социальным институтам, наиболее заинтересованным в ресурсе волонтерства, можно отнести государство и третий сектор, где эффективность управления добровольцами обеспечивает определенную результативность их функционирования.

Мировая практика межсекторного взаимодействия показывает, что институциональное взаимодействие государственного и некоммерческого секторов выстраивается в различных странах по-разному. В одной группе стран реализуется партнерская модель взаимодействия третьего сектора и государства. В них некоммерческий сектор наравне развит с государственным, при этом он ресурсно независим, так как поддерживается населением, частным бизнесом; общественные институты формируют повестку дня, предлагают решения определенных проблем, участвуют в создании новых органов государственной власти. В другой группе стран реализуется патерналистская модель взаимодействия, когда проявляется доминирование власти, государство разрешает определенную автономию организаций и добровольцев в обмен на политическую лояльность, обеспечивает определенную поддержку деятельности этих организаций (финансирование, льготы и преференции) и добровольческих движений, НКО несамостоятельны, зависимы от финансирования со стороны государства [6]. В России третий сектор имеет определенную специфику, он слабо развит, на текущий момент сильно зависит от государственных субсидий и грантов, развивается при низкой социальной и гражданской активности населения.

Государство само не может напрямую использовать волонтеров в своих целях, привлекать их к деятельности государственных структур без некоммерческого сектора. Регулируя третий сектор, оно влияет на волонтеров. Таким образом, в российских реалиях управление волонтерами реализуется как прямо — на мезоуровне отдельных организаций (негосударственных, некоммерческих), так и опосредованно, — на макроуровне, где осуществляется государственное регулирование деятельности третьего сектора и волонтеров федерального, регионального и местного значения. Отдельные аспекты управления (самоуправления) волонтерами очевидны также и на микроуровне — в процессе неформальной самоорганизации стихийных волонтерских групп.

Одним из критериев выделения указанных уровней является степень формализации управления. Минимальная степень характерна взаимодействиям микроуровня, максимальная проявляется на макроуровне. По нашему мнению, независимо от того, на каком уровне реализуется управление волонтерами, необходимо учитывать их особенности и специфические черты для наиболее эффективного управления и наращивания потенциала самой волонтерской общности.

Основываясь на результатах всероссийских опросов общественного мнения, социологических исследований добровольчества, данных опроса волонтеров Свердловской области (N=1208, 2014) рассмотрим ключевые характеристики общности именно российских волонтеров, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать при управлении добровольцами.

Первая характеристика связана со сложной структурой самой общности. Она включает в себя разные подобщности волонтеров, занимающиеся различными видами волонтерской деятельности. Специфика каждого из таких видов деятельности, во многом накладывает определенные особенности на содержание труда волонтеров, на требования к ним, к их знаниям, умениям, навыкам, желаниям и возможностям. Например, по данным наших исследований в Свердловской области 60 % волонтеров оказывают помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; 43 % занимаются событийным волонтерством, 46 % оказывают профессиональную помощь (бухгалтерскую, юридическую, фандрайзинг, работа

с документами), 18 % добровольцев помогают в организации политических акций и выборных кампаниях, 17 % задействованы в экологических проектах, 15 % охраняют общественный порядок, 11 % помогают бездомным животным. Каждый вид деятельности имеет специфические черты (требует соответствующих профессиональных навыков, обучения, имеет свои ограничения и т. д.), которые необходимо учитывать при управлении.

На макроуровне управления за рамками правового регулирования остается сегодня целый ряд видов добровольчества (помощь в чрезвычайных ситуациях и ликвидации последствий стихийных бедствий, поиске пропавших людей, оказании помощи людям с ограниченными возможностями и т. д.), где обладание волонтерами профессиональными навыками является объективной необходимостью. Возникает очевидная потребность в получении волонтерами соответствующих знаний, умений и навыков для того, чтобы оказывать помощь на должном уровне, без ущерба для себя и тех, кому они помогают. Например, добровольным пожарным в силу обеспечения их безопасности необходимо соответствовать жестким требованиям. Высокий уровень специальной подготовки должен быть и у спортивных волонтеров, так как от их труда зависит имидж страны. Кроме того, на микроуровне (на уровне стихийной самоорганизации) появляются все новые виды добровольчества, каждый из которых требует особого подхода в управлении, привлечения ресурсов и формирования новых требований к потенциальным добровольцам. Это порождает на макроуровне необходимость в создании инфраструктуры волонтерства в стране, включающую сеть обучающих центров и организаций; в разработке правовых основ деятельности волонтерских центров и самих волонтеров; в выделении целевого финансирования и т. д.

Вторая характеристика общности волонтеров сопряжена с разделением всех членов общности по другому основанию на «формальных», работающих в НКО, и «неформальных» тех, кто оказывает безвозмездную помощь вне каких-либо организаций. Исследователи ФОМ тех, кто участвовал в деятельности общественных организаций или в массовых мероприятиях, маркируют «организованными» добровольцами или волонтерами. Тех же, кто помогал окружающим, занимался решением проблем по месту жительства, — «неорганизованными» добровольцами или активистами.

В России организованное, формальное добровольчество уступает по размерам и степени охвата населения неформальным, неорганизованным формам (индивидуальному, в дружеском кругу, в рамках инициативных групп) [8, с. 105]. Всероссийские опросы общественного мнения дают лишь примерную оценку общности волонтеров в России. В 2013-2014 гг. по данным ФОМ «работали волонтерами в общественных организациях 9% россиян, занимались общественными проблемами по месту жительства 27 % респондентов, оказывали какую-либо помощь незнакомым людям 72 % от числа всех опрошенных» [5]. Если попытаться оценить масштаб общественного участия строго в негосударственных добровольческих инициативах и организациях, то, по данным Левада-центра, в 2014 году этот показатель по стране в целом составил лишь 2 % [4, с. 28].

Каждый из этих типов волонтерства (формальное, неформальное) требует к себе особого подхода в управлении на макроуровне. Неформальное волонтерство (представляет собой микроуровень управления, самоорганизацию) на данный момент остается без внимания со стороны государства, доступ к государственным ресурсам имеют только организованные (формальные) добровольцы. Несмотря на приоритет внимания к формальному волонтерству со стороны государства, нельзя не учитывать деятельность неформальных волонтеров. Сегодня в России, как и во многих других странах, она вообще не регулируется, не стимулируется. Вклад добровольцев в общественное благо вообще не учитывается, в том числе в силу отсутствия методологических оснований изучения их активности.

На уровне организационных структур должны создаваться условия, обеспечивающие мобильность волонтеров, необходимо с помощью различных управленческих мер влиять на включение стихийных волонтерских практик в институциональную среду. Государство должно стимулировать к этому третий сектор. Мировые тренды в развитии благотворительности показывают значимость третьего сектора в организации и популяризации волонтер-

ства. Многочисленные эмпирические исследования, в том числе и наши, доказывают, что институциональная среда обуславливает активность волонтеров.

Третья характеристика общности волонтеров тесно переплетается по своему содержанию со второй и связана с регулярностью деятельности добровольцев. Например, исследования ученых НИУ «ВШЭ» показывают, что «россияне, за последний год принимавшие участие в деятельности хотя бы одной НКО, гораздо чаще занимались добровольчеством много или несколько раз (23 и 36 % против 5 и 15 % среди тех, кто в деятельности НКО не участвовал)» [7, с. 48]. По данным наших исследований каждый третий (32 %) «формальный волонтер» регулярно занимается добровольчеством. Среди «неформальных волонтеров» таковых в шесть раз меньше (5,5 %). Каждый второй респондент (48,5 %) с опытом работы в НКО работает волонтером время от времени, каждый пятый (19,5 %) участвовал в волонтерских проектах 1–2 раза за последний год, в то время как среди неформальных волонтеров таких 51 % респондентов. Несмотря на то, что по данным эмпирических исследований институциональная среда третьего сектора способствует повышению регулярности деятельности волонтеров, наиболее популярным среди всех волонтеров является проектная деятельность (время от времени). Зарубежные исследователи говорят о массовом появлении нового типа волонтеров, «менее заинтересованных в выполнении своей работы на регулярной основе, предпочитающих более специфические цели и больше свободы в своих действиях» [1, с. 6]. Акценты в активности волонтеров смещаются в сторону краткосрочных проектов с четко определенными задачами и целями [3]. Формат проектной деятельности, развивается, прежде всего, через НКО. На макроуровне стимулирование проектной активности некоммерческих организаций и неформальных групп добровольцев в форме грантов на конкурсной основе будет соответствовать ожиданиям и интересам потенциальных волонтеров. На мезоуровне руководству некоммерческих организаций также следует изменить характер взаимодействия с волонтерами, ориентироваться на их краткосрочное включение, ограниченный набор компетенций. Необходимо активнее осваивать технологии социального проектирования, а также формы и методы работы с неформальными самоорганизующимися группами добровольцев.

Четвертая характеристика общности волонтеров — это специфика их мотивации к добровольческой деятельности. Существуют различные исследовательские подходы к сегментированию волонтерской общности по данному критерию. Например, О. Н. Яницкий разделяет волонтеров на «государственных» (мотивированных государством идеологически, статусно и материально) и «гражданских» (лично мотивированных на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи) [9, с. 77–78]. Зарубежные исследователи, чаще всего разделяют членов волонтерской общности по характеру мотивации на тех, кто занимается волонтерством из эгоистических мотивов, по мотивам социальной справедливости; из-за альтруистической мотивации и по моральным убеждениям [2]. По нашим данным волонтеры Свердловской области чаще всего руководствуются карьерными мотивами, участвуя в добровольческой деятельности. Второй по степени распространенности стала группа мотивов расширения социальных контактов, третьей — идеалистические мотивы. Реже всего уральские волонтеры отмечали группу мотивов самопомощи (самопомощь лишь косвенно относится к волонтерству, так как лишь в перспективе возможно будет направлена на благо других людей). В нашем исследовании была установлена зависимость мотивации от возрастных характеристик добровольцев. По нашему мнению, необходимо учитывать специфику групп волонтеров с разной мотивацией в управлении ими на организационном уровне. На макроуровне следует разрабатывать дифференцированные по возрасту (18–30, 30–45, старше 45 лет) программы поддержки волонтеров, учитывающие мотивы, стимулы и предпочитаемые направления деятельности каждой из возрастных групп.

В плане результативности управления это далеко не весь перечень важных характеристик общности волонтеров. Однако, приведенные в статье особенности волонтерской общности наглядно демонстрируют возможности социального управления волонтерством, про-

ектирования на институциональном уровне траектории развития волонтерской общности с учетом интересов как государства, так и самих волонтеров.

Библиографический список

1. Dekker P., Halman L. The Values of Volunteering: Cross-Cultural Perspectives. USA: Springer Science and Business Media. 2003. P. 1–17.
2. Simha A., Topuzova L. N., Albert J. F. V for Volunteer(ing) — The Journeys of Undergraduate Volunteers // J Acad Ethics, 2011. P. 107–126.
3. Van Hal T., Meijs L., Steenbergen M. Volunteering and participation on the agenda: survey in volunteering policies and partnerships in the EU. 2004.
4. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М., 2014. 58 с.
5. Данные опроса «Телефом» 30-31 августа 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11712>.
6. «Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>.
7. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М., 2013. вып. VIII. 204 с.
8. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». М.: ФОМ. 2012. 280 с.
9. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5). С. 71–89.

Maria V. Pevnaya, Anna A. Kuzminchuk

CHARACTERISTICS OF VOLUNTEERS SOCIAL COMMUNITY AS A SUBJECT TO CONTROL

Abstract

The article examines the volunteers' social community as a subject to control in management on different levels (macro level, meso level, micro level). On the basis of analysis of the sociological studies of volunteering and survey data of Sverdlovsk Region volunteers we outline key features of volunteers community, the specifics of which should be taken into account in the process of managing volunteers in order to increase their efficiency and to create conditions for the capacity growth of the community.

Keywords: volunteering, volunteers social community, volunteering management.

УДК 316.33

Е. Ю. Петрова

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются социальные общности родителей и детей, их взаимодействие в условиях современного информационно-ориентированного общества. Изучаются проблемы организации родителями неформального образования детей с точки зрения родительского труда. Делается вывод об актуальности исследования родительского труда по организации неформального образования детей и необходимости выработки мер социальной поддержки таких семей.

Ключевые слова: информационно-ориентированное общество; социальная общность родителей, социальная общность детей, неформальное образование, родительский труд.

Одной из задач российского государства в последнее десятилетие стало формирова

ние гибкой системы образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации [8]. Актуализация данной задачи связана в первую очередь с переходом к информационно-ориентированной модели общества. Рассматривая потенциальные направления совершенствования образовательной системы, особое внимание предлагается уделить взаимодействию социальных общностей – непосредственных потребителей сферы образовательных услуг. Существует множество определений социальной общности, что обусловлено неоднородностью и разнообразием проявлений данного феномена [4, с. 151]. Систематизация взглядов современных социологов по этому вопросу позволяет выделить ряд необходимых и достаточных оснований выделения общности людей:

- сходство, близость условий жизнедеятельности;
- общность потребностей людей, субъективное осознание ими сходства своих интересов;
- наличие взаимодействия, взаимосвязанного обмена деятельностью;
- формирование своей собственной культуры: системы внутренних норм взаимоотношений, представлений о целях общности, нравственности, др.;
- социальная идентификация членов общности, их самопричисление к этой общности.

Таким образом, социальная общность — это совокупность индивидов, объединенных одинаковыми условиями жизнедеятельности, ценностями, интересами, нормами, социальной связью и осознанием социальной идентичности, выступающая в качестве субъекта социальной жизни [2].

Родители образуют общность, поскольку реализуют общую функцию жизнеобеспечения детей, их цели — создание благоприятных условий для роста, развития и обучения подрастающего поколения. Родители ответственны за поддержание детского здоровья, организацию целостного развития личности, привитие коммуникационных навыков, социальную адаптацию. Родители контактируют между собой, обмениваются мнениями и опытом, осознавая свою принадлежность к единой категории родителей.

Дети в силу своих возрастных и психофизических качеств и соответствующих их возрастной группе целей и задач — развития, обучения и социальной адаптации – также образуют социальную общность. В процессе общения дети формируют собственную, связанную с нахождением в возрастной группе, систему мировоззрений и ценностей.

Однако отдельное рассмотрение социальных общностей родителей и детей недостаточно для понимания тех сложных процессов, которые происходят с ними в современном обществе. Особый смысл приобретает рассмотрение общностей с учетом временных ограничений. Социальные общности как самостоятельные субъекты исторического и социального действия и поведения имеют существенные различия в зависимости от временных рамок, в которых они выделяются.

Общность современных детей коренным образом отличается от общности детей эпохи построения социализма. Обусловлено это в первую очередь тем, что современные дети развиваются в новой, конкурентной среде, среди огромного количества источников информации, в обществе с трансформировавшейся системой ценностей и новыми жизненными ориентирами постиндустриального общества.

При этом родители, чье детство пришлось на переходный период смены социально-экономического строя, еще не были подготовлены к потребностям информационного общества. В связи с этим возникает вопрос, в какой степени возможно обеспечение требований современного общества к детям в условиях устоявшихся семейных традиций и постсоветского воспитания родителей.

Сегодня перед родителями стоит задача комплексной адаптации детей к условиям современной жизни (абилитация). Абилитация включает в себя процессы социализации, совершенствования, самореализации детей; персонификацию — эффективное становление и развитие индивидуальности, как личности, мутуализм — сбалансированность собственных интересов и интересов окружающих и общества в целом, оптимальное формирование личной

профессиональной траектории для достижения максимально возможных результатов [9, с. 79].

Рассматривая один из важнейших компонентов абилитации — свободное развитие личности с учетом индивидуальных интересов и предпочтений, следует отметить, что обеспечение данного постулата возможно лишь при условии доступности для подрастающего поколения разнородных систем и моделей образования, а также при обязательном условии вовлечения семьи в воспитательно-образовательный процесс.

Необходимо отметить, что западными социологами и экономистами еще в 60–70 гг. XX в. был сделан вывод о том, что программы официальных систем образования не обеспечивают прогрессирующие потребности общества в новых отраслях знаний. Аналогичная ситуация сложилась в России. Усугубилась она в период трансформации общественного строя, при переходе к рыночной экономике. В силу сложностей государственного регулирования, внесения изменений в методологию обучения, структуру и состав предлагаемых в рамках формальной системы образования школьных и вузовских программ, открытие новых направлений и возможностей для обучения происходит гораздо медленнее, чем в этом возникают потребности в обществе.

В ходе международных дискуссий по образовательным проблемам было акцентировано внимание на важности образования, получаемого вне стен официально признанных и предназначенных для этого специальных учебных заведений. Хотя изначально введение термина «неформальное образование» было связано с рассмотрением образовательных ситуаций в развивающихся странах [5, с. 60], сейчас он используется в более широком смысле, с новыми смысловыми оттенками. Мы будем опираться на принятые ЮНЕСКО положения, согласно которым неформальное образование рассматривается как вид институциональной деятельности, идентичной по целям, но не в полной мере совпадающей по средствам и результатам с деятельностью учреждений, входящих в формальные системы образования [11].

Актуализация неформального образования, отмечается в материалах ЮНЕСКО, связана с изменением социальной роли образования в информационном обществе, со сменой парадигмы от «образования, предписанного сверху» к комплексному развитию человека [11], пространству свободы, где каждый без насилия и диктата выбирает, чему и как учиться [6, с. 11].

В соответствии со сложившейся международной позицией, сформулированной в частности в Меморандуме непрерывного образования Европейского Союза, неформальное образование рассматривается как фактор «конкурентоспособности и успеха страны» [7].

Вопросы важности организации неформального образования нашли свое отражение и в России. В утвержденной Правительством Российской Федерации государственной программе РФ «Развитие образования на 2013–2020 годы» [8] установлено, что необходимо «создание современной инфраструктуры неформального образования для формирования у обучающихся социальных компетенций, гражданских установок, культуры здорового образа жизни».

Поскольку неформальное образование осуществляется в разнородных экономических, социальных и общественно-политических учреждениях, результаты такого обучения носят практический характер и являются более востребованными на современном рынке интеллектуальных трудовых ресурсов.

Образование детей в неформальной образовательной системе предполагает ориентацию на их индивидуальные особенности. Личностная направленность деятельности способствует более эффективному процессу воспитания и развития ребенка. Результатом становится «жизнетворчество, позволяющее личности накапливать творческую энергию и осознавать возможности ее использования для достижения жизненно важных целей» [1, с. 57].

На практике организация неформального образования детей вызывает у родителей существенные затруднения.

Прежде всего необходимо отметить низкую мотивацию родителей. Этот факт связан с общей неинформированностью данной общности о необходимости подготовки детей к новой

информационной среде, в которой поощряется творчество. Следствием этого незнания становится непонимание родителями важности неформальной составляющей образования, в том числе в условиях сокращения количества свободного времени, выделяемого семьями на обучение и воспитание детей.

Также немаловажную роль играют психологические аспекты воспитания. Несмотря на общее признание необходимости свободного развития детей, на практике в российских семьях часто встречается удобный для родителей поведенческий стереотип, отголосок «социалистического прошлого» — навязывание ребенку собственного мнения, воспитание послушания без учета интересов и способностей ребенка.

Отличительной особенностью неформальной системы образования от формальной является «отсутствие единых, стандартизированных требований к результатам учебной деятельности» [10] и отсутствие контроля за осуществляемой ими деятельностью со стороны государства. Оценить деятельность неформальных образовательных учреждений крайне сложно. Поэтому высоки затраты семей на поиск и выбор неформальных образовательных учреждений, затруднена оценка эффективности предлагаемых образовательных программ, их перспективности и востребованности в будущем. Реализация уже выбранных неформальных образовательных процессов обучения также представляет сложность ввиду необходимости осуществления организационных и финансовых затрат.

В силу перечисленных проблем значительная часть российских семей, особенно проживающих в сельской местности, не имеет возможности уделить достаточно внимания организации неформального образования детей.

Несмотря на эти трудности, в крупных городах многие семьи, осознавая важность свободного интеллектуального развития детей, весьма успешно осуществляют деятельность по их обучению в неформальных образовательных учреждениях. При этом затраты родителей на организацию образования детей настолько высоки, что целесообразно рассмотреть данный вид их труда как специфический. Более того, необходимо выделить его как отдельную категорию в структуре родительского труда.

Проблема недооцененности родительского труда в целом уже ставится современными социологами, экономистами и психологами. Возрастающая значимость родительского труда по организации неформального образования детей становится очевидной в связи с осознанием важности данного вида образования: если процедура обучения в формальной образовательной системе четко регламентирована государством, то решение об обучении в неформальной системе принимается исключительно в рамках семьи, исходя из мнения и возможностей ее членов.

Вопросы познания социологической наукой роли семьи в организации неформального образования детей на сегодняшний день не изучены в достаточной мере. Заслуживает более пристального внимания рассмотрение аспектов мотивации семьи в организации обучения и развития детей. Выделение в структуре родительского труда важной составляющей — работы по организации неформального образования детей и изучение этого вида труда с учетом специфики современных российских условий является новым и безусловно актуальным направлением социологических исследований.

Результатом исследования и анализа в сфере управления неформальным образованием детей с точки зрения осуществления родительского труда должна стать выработка мер социальной поддержки семьи, направленных на обеспечение роста интеллектуальных ресурсов будущего поколения нашей страны.

Библиографический список

1. Бруднов А. К. Неформальное и непрерывное. О развитии дополнительного образования детей // Директор школы. 1995. № 2. С. 56–59.
2. Виды социальных общностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnaya-obshchnost.html>

3. Компасито: пособие по обучению правам человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eucb.coe.int/compasito/ru/chapter_2/1_int.html#4
4. Костюнина А. А., Игнатова Н. В. Родители учащихся общеобразовательных школ как социальная общность // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 12 (39). Т. 2. С. 151–155
5. Макареня А. А., Ройтблат О. В., Суртаева Н. Н. Неформальное образование как условие социального взаимодействия в процессе повышения квалификации // Человек и образование. 2011. № 4. С. 59–63
6. Мацкевич В. Без формы не удержать содержания (сила и слабость неформального образования) // Адукатар. 2009. № 1 (15). С. 11–13
7. Меморандум непрерывного образования Европейского Союза. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html>.
8. Министерство образования и науки РФ. [Электронный ресурс]: Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы, утверждена распоряжением Правительства РФ от 15.05.2013 № 792-р. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/>.
9. Неусыпин К. А., Лукьянова Н. В. Способы реализации функции абилитации в современных образовательных организациях // Европейский журнал социальных наук. 2013. №12 (39). Т. 2. С. 79–84.
10. Онушкин В. Г., Огарев Е. И. Образование взрослых: междисциплинар. сл. терминологии. СПб., Воронеж, 1995. 231 с.
11. ЮНЕСКО. Неформальное образование. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unesco.org/bpi/pdf/memobpi55_NFE_ru.pdf.

Elena Yu. Petrova

PROBLEMS OF INTERACTION OF SOCIAL COMMUNITIES OF CHILDREN AND PARENTS IN THE SPHERE OF THE ORGANIZATION OF NON-FORMAL EDUCATION

Abstract

In this article social communities of parents and children, their interaction in the conditions of modern information-oriented society are considered. Problems of the organization by parents of non-formal education of children from the point of view of parental labour are studied. The conclusion about the relevance of research of parental labour in the organization of informal education of children and needs in developing the measures of social support for such a families is drawn.

Keywords: information-oriented society, social community of parents, social community of children, non-formal education, parental labour.

УДК 796.071.42

К. А. Сапожникова

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРЕНЕРСКОГО ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности организации тренерского труда в Российской Федерации с помощью элементов порядка осуществления трудового процесса: целей деятельности, трудовых операций, разделения и кооперации труда, организации рабочих мест и их обслуживания, нормирования труда и системы его оплаты. Выделены противоречия организации тренерского труда в Российской Федерации, связанные с уровневым целеполаганием при подготовке спортсменов, многообразием функций деятельности тренера, зависимостью тренерского труда от материально-технической базы учреждения, а также особенностями взаимодействия сферы образования и спорта

Ключевые слова: тренерский труд, организация тренерского труда, противоречия.

Тренерский труд — неотъемлемая часть совокупного общественного труда и его специфическая подсистема, которая, во-первых, имеет общую с трудом физиологическую основу (хотя и не относится к сфере материального производства), а во-вторых — и это наиболее важно — обладает признаками целесообразности и общественной потребности. Понимание тренерского труда как системы обуславливает наличие в нем рациональных связей, определяющих возможности для организации такого труда.

Организацию труда в экономической науке согласно А. И. Рофе можно рассматривать с двух позиций: атрибутивной и функциональной. С точки зрения атрибутивного подхода организация труда — это система производственных взаимосвязей работников со средствами производства и друг с другом, образующая определенный порядок осуществления трудового процесса. Функциональное определение характеризует организацию труда как действия по установлению или изменению порядка осуществления трудового процесса и связанных с ним производственных взаимодействий работников со средствами производства и друг с другом [1, с. 36–37]. Оба подхода подразумевают итоговое образование в процессе организации труда необходимого порядка осуществления трудового процесса. Выделим наиболее существенные элементы данного порядка:

- 1) цели деятельности;
- 2) перечень трудовых операций;
- 3) разделение и кооперация труда;
- 4) организация рабочих мест;
- 5) организация обслуживания рабочих мест;
- 6) нормирование труда и система его оплаты.

Становление порядка осуществления трудового процесса начинается с определения целей трудовой деятельности, так как труд — это целенаправленная осознанная деятельность. Постановка целей тренерского труда зависит от уровня, на котором такой труд осуществляется: муниципальный, уровень субъекта Российской Федерации или федеральный. Причем постепенное усложнение целей, повышение требований к предмету тренерского труда — уровню спортивной подготовленности спортсмена — происходит с переходом на более высокую ступень в административно-территориальной иерархии. На уровне муниципалитета решаются задачи массового привлечения детей к занятиям спортом, на региональном уровне целью тренерского труда становится подготовка резерва для сборных команд субъекта и России, на федеральном уровне тренеры работают со спортсменами для выхода на международную спортивную арену.

В настоящее время последовательность целеполагания на каждом отдельном уровне в административно-территориальной иерархии затруднена из-за несовершенства организационной системы. Например, специализированные детско-юношеские спортивные школы олимпийского резерва (СДЮСШОР) и детско-юношеские спортивные школы (ДЮСШ) имеют различные цели своей деятельности: СДЮСШОРы организованы для подготовки спортсменов высокого класса, то есть для работы с задачами уровня субъекта РФ, ДЮСШ призваны выполнять в основном показатели массовости и результативности на официальных городских соревнованиях. Однако многие СДЮСШОРы, которые должны относиться к ведению органов исполнительной власти субъектов РФ в области физической культуры и спорта, находятся в ведении муниципалитетов, что ставит проблемы целеполагания в таких учреждениях, которые должны одновременно выполнять цели двух уровней: муниципальные цели увеличения массовости занимающихся спортом и цели субъектов РФ, заключающиеся в повышении результативности спортсменов — членов сборных команд субъектов РФ. С другой стороны, требования к ДЮСШ не ограничиваются критериями массовости и результативности на официальных городских соревнованиях; коэффициенты эффективности работы

спортивных школ, а также критерии различных конкурсов подразумевают достижения все-российского и международных уровней.

Обозначив цели трудовой деятельности, охарактеризуем трудовые операции, составляющие содержание тренерского труда. По нашему мнению, все эти операции могут быть сгруппированы следующим образом:

1) научно-познавательные операции (обновление знаний по видам спорта, написание собственных учебных программ);

2) операции текущей тренерской работы (действия тренера при ведении стандартного тренировочного занятия);

3) аналитические операции (операции планирования, моделирования тренировочных занятий, определение динамики развития спортсмена);

4) организационные операции (заполнение заявок, организация транспортного обслуживания, оформление документов);

5) коммуникационные операции (взаимодействие со спортсменами, их родителями, руководителями организаций, спонсорами и т. д.).

Группы операций тренерского труда представлены на рис. 1.

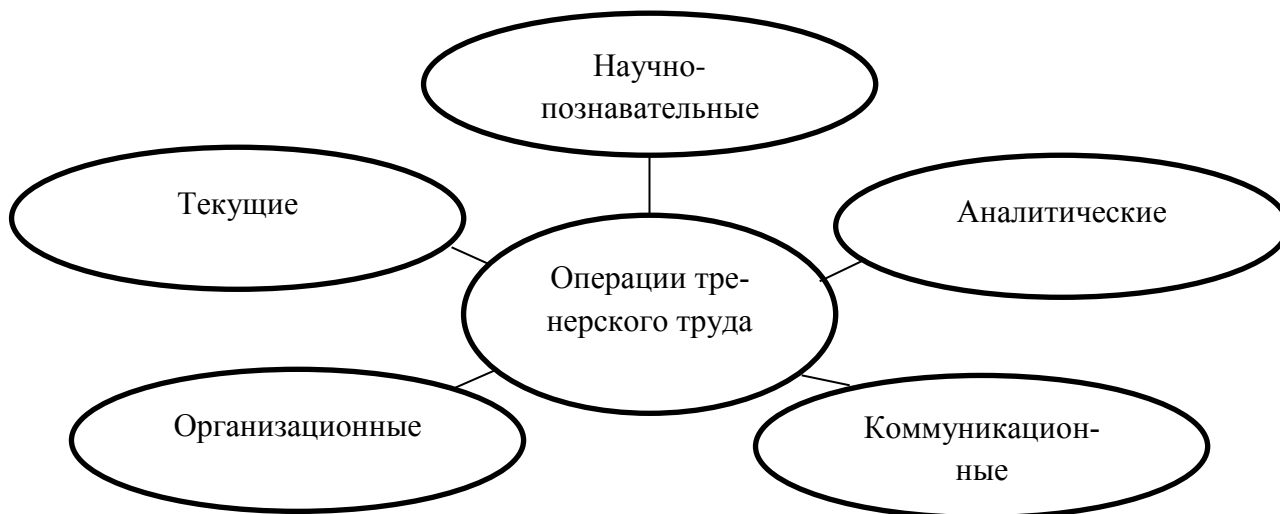

Рис. 1. Операции тренерского труда

При данном объеме трудовых операций для наиболее эффективной организации труда необходимо установить в трудовом коллективе правила кооперации и разделения труда. На сегодняшний день сложилась ситуация, когда на уровне сборной команды России труд тренера более специализирован, осуществлять процесс подготовки спортсменов тренеру помогают специалисты различного профиля, которые осуществляют часть операций тренерского труда. В физкультурно-спортивных организациях (СДЮСШОР, ДЮСШ) тренерский труд менее специализирован и включает в себя практически весь перечень ранее рассмотренных операций.

Четвертым и пятым элементами порядка осуществления трудовой деятельности является организация рабочих мест и организация обслуживания рабочих мест. Тренер осуществляет свою деятельность в спортивном зале или сооружении, предназначенном для проведения тренировочных занятий по видам спорта. В настоящее время у организаций, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта прослеживается недостаточность оптимальных условий для осуществления тренерского труда в связи с отсутствием необходимого количества спортивных объектов в оперативном управлении, трудностями с лицензированием объектов, где проходят занятия по общеразвивающим и предпрофессиональным программам. С точки зрения обслуживания рабочих мест, тренерский труд

нуждается в технических средствах в зависимости от культивируемого вида спорта и информационном обеспечении для реализации научно-познавательных функций.

Последний элемент порядка осуществления трудового процесса — установление норм труда и системы его оплаты. Нормирование труда и система оплаты труда тренеров регламентируется федеральным и местным законодательством.

До настоящего времени продолжительность тренерского труда определялась Приказом Министерства спорта РФ № 730 от 12.09.2013 г. [2, с. 1–26], в котором указаны требования к минимуму содержания, структуре, условиям реализации дополнительных предпрофессиональных программ в области физической культуры и спорта, которые физкультурно-спортивные учреждения разработали в связи с принятием Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

В связи с переходом организаций, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта, на программы спортивной подготовки, часть тренерского состава начнет работать в соответствии с Федеральным законом от 04 декабря 2007 г. №329–ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и Методическими рекомендациями по организации спортивной подготовки в Российской Федерации [3, с. 2–18]. Таким образом, организации оказываются под действием двух федеральных законов одновременно: «Закона об образовании в РФ» с одной стороны и «Закона о физической культуре и спорте в РФ» с другой.

В настоящее время особенности нормирования тренерского труда и системы его оплаты по программам спортивной подготовки в сравнении с предпрофессиональными программами на законодательном уровне не утверждены, поэтому рассмотрим существующую систему.

Основной оклад, выплаты компенсационного характера и размеры повышающих коэффициентов к окладам устанавливаются нормативным актом муниципалитета или субъекта. Система оплаты труда тренера является повременно-премиальной: оплачиваются не только отработанные часы с определенными группами, но и качество труда — результативность спортсменов, квалификация тренера.

Анализируя особенности организации тренерского труда в Российской Федерации в целом, выделим следующие противоречия:

- 1) необходимость последовательности подготовки спортсменов в зависимости от уровня, на котором такая подготовка осуществляется, в условиях дезорганизованности системы учреждений, осуществляющих деятельность в области физической культуры и спорта;
- 2) требование повышения качества подготовленности спортсменов как основного предмета тренерского труда при наличии множества иных функций тренерской деятельности, лишь косвенно влияющих на результаты спортсменов;
- 3) влияние средств тренерского труда (техническое оборудование, инвентарь) на его эффективность в условиях ограниченности финансовой и материально-технической базы организации, где такой труд осуществляется;
- 4) декларирование различий сферы спорта и образования в то время, как спортивные школы продолжают находиться в статусе образовательных учреждений;
- 5) внедрение спортивной подготовки наряду с подготовкой по дополнительным предпрофессиональным программам в условиях отсутствия отработанных механизмов по ее организации и контролю в субъектах и муниципалитетах.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что тренерский труд в Российской Федерации в целом имеет уровневую организацию. Существуют некоторые противоречия, часть из которых связана с постепенным отделением сферы спорта от образования, внедрением спортивной подготовки при ограниченности опыта и возможностей такого внедрения на местах.

Библиографический список

1. *Рофе А. И.* Экономика и социология труда. М.: «МИК», 1996. 128 с.

2. Об утверждении федеральных государственных требований к минимуму содержания, структуре, условиям реализации дополнительных предпрофессиональных программ в области физической культуры и спорта и к срокам обучения по этим программам [Электронный ресурс]: Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 12.09.2013 г. № 730. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/23/sport-site-dok.html>.

3. Методические рекомендации по организации спортивной подготовки в Российской Федерации. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.minsport.gov.ru/upload/docs/metodirekomendac12052014.pdf>.

C. A. Sapozhnikova

COACHER'S LABOR ORGANIZATION IN RUSSIAN FEDERATION: CHARACTERISTICS AND CONTRADICTION

Abstract

Characteristics of in Russian Federation by using elements of working process, such as targets of activity, labor actions, cooperative division of labor, working places organization and service, standardization of labor and payment scheme are presented in this article. of coacher's labor organization in Russian Federation linked with different levels of target setting in process of sport performance, functions variety of coacher's activity, dependence on material and technical resources of organization, features of education and sport fields cooperation are considered.

Keywords: coacher's labor, coacher's labor organization, contradictions.

УДК 316.323

В. А. Смирнов

УНИВЕРСИТЕТ И ГОРОДСКИЕ ОБЩНОСТИ: СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ¹

Аннотация

В статье представлена модель развития культуры доверия в городском пространстве. Культура доверия является сегодня ключевым концептом для понимания механизмом функционирования и развития региональных и городских общностей. Автор указывает на необходимость перехода от производственно-экономической парадигмы города к социокультурной. Особое место в этом процессе занимает университет как институт, способный стать основным актором развития культуры доверия в городе.

Ключевые слова: город, университет, культура доверия, формы интеграции университета в городское пространство, городские общности.

Введение.

Современный мир переживает кризис доверия. П. Штомпка называет это одной из самых серьезных «болезней современности», которой в той или иной степени подвержены все современные общества [10]. Многолетние эмпирические исследования М. Догана подтверждают данный тезис на примере большинства европейских стран, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии [1], исследования Р. Путнама демонстрируют постоянный спад доверия в Америке, которую еще А. Торквиль считал «оазисом» повсеместного взаимного доверия [4].

Не является исключением и современная Россия, переживающая глубинную трансформацию всех основ жизни, в том числе и морально-нравственных основ социальной интеграции.

Сегодня попытки российской политической элиты осуществить модернизацию российской экономики, политической и общественной сферы, все чаще сталкиваются с латентным сопротивлением социальных структур повседневности, основным из элементов которых

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Университет и сообщества: европейский опыт и российские практики», проект № 13-03-00060 © Смирнов В. А., 2015

является феномен недоверия. Следуя логике Э. Гидденса [5] можно сказать, что укорененность недоверия на структурном уровне ведет к тому, что и в повседневной жизни люди перестают доверять друг другу, создавая своеобразный замкнутый цикл структуризации недоверия. Как справедливо продемонстрировал в своем исследовании Дж. Скотт [8] невозможно реализовать любой мало-мальски крупный государственный или социальный проект в условиях недоверия как между государством и обществом, так и между отдельными сообществами людей.

Предлагаемая статья фокусируется на локальном объекте, в качестве которого выступает отдельный город (не столица и не крупный мегаполис). Думается, что именно город как особое социокультурное образование, обладающее определенной культурной автономией, может стать локальностью для разработки нормативной модели политики, направленной на развитие культуры доверия между горожанами, между властью и горожанами, а также отдельными общностями города. Особое место в этом процессе отводится, на наш взгляд университету, как особому социальному институту, способному выступить субъектом, запускающим социально-политические процессы, формирующие культуру доверия. Важно и то, что в предлагаемой нами модели интеграция культуры доверия в городе, становится важнейшим механизмом его развития, поскольку позволяет снизить целый ряд издержек как экономических, так и социально-политических, переведя городское сообщество в режим органической солидарности, о чем «мечтал» еще Э. Дюркгейм [6].

Город как объект социологии.

Не претендуя на полноту анализа, укажем, что мы видим возможным выделить две доминирующие парадигмы в социологической интерпретации города, каждая из которых делает акцент на разных целях существования и развития городского пространства.

Во-первых, производственно-экономическая парадигма, рассматривающая город в контексте экономических отношений и дифференциации труда в том значении, которое в это понятие вкладывал Э. Дюркгейм [6]. Развитие города понимается как возрастание функционального разделения труда, как рост экономического капитала города. Сущностным содержанием экономической и социальной жизни города становится производство капитала. Так в частности, А. Лефевр назвал капиталистический город «машиной по производству денег» [7]. Стоит упомянуть о концепции Д. Харви, получившей название «урбанизация капитала», которая имеет непосредственное отношение к социальной политике городских властей [9]. Он полагает, что постепенно город становится ареной для привлечения финансовых ресурсов, которые инвестируются в экономику, при этом жизнь обычных горожан не улучшается [2].

Во-вторых, социокультурная парадигма, рассматривающая город, главным образом, как сообщества (общности) людей, имеющих определенные культурные и социальные отношения. Развитие города представляется как постепенное улучшение жизни городских сообществ, как увеличение их удовлетворенности и счастья. Важнейшим механизмом развития города как широкого спектра сообществ видится **социокультурная диффузия**, как взаимопроникновение на территорию и в социокультурное пространство нормативности различных групп. Как справедливо указывал Р. Парк, в городском пространстве должен возникнуть особый коммуникативный дух, позволяющий достичь согласия между очень разными людьми, проживающими в городе [3].

Университет как социальный механизм развития культуры доверия в городе.

П. Штомпка [10] выделяет четыре ключевых условия, способствующих формированию культуры доверия в обществе.

Во-первых, это нормативная связь, как система моральных норм, обычаев, правовых инструментов, создающих «скелет» общественной жизни [5]. Во-вторых, это стабильность общественного порядка. В-третьих, прозрачность общественных организаций. В-четвертых, привычность окружения, в котором люди осуществляют свои действия.

Определим те сферы и те технологии, которые может использовать университет для экспансии культуры доверия в городскую среду. Такую деятельность можно рассмотреть на нескольких уровнях.

Во-первых, это сам университет. Действительно, в условиях разрушения доверия и автономизации общества университет может создать внутри своей среды «ситуационно-образец», в рамках которой будет происходить развитие и транслирование культуры доверия, между студентами и преподавателями, между преподавателями, студентами и администрацией университета.

Во-вторых, университет может стать площадкой для коммуникации самых разных городских сообществ.

В-третьих, университет может выступать как актор, развивающий коммуникацию между городскими сообществами непосредственно в городской среде. Преподаватели, студенты могут инициировать проекты, направленные на создание коммуникативных площадок в самом городе, между разными сегментами городского общества.

В-четвертых, университет как институт, имеющий наибольший кредит доверия горожан, может выступить инициатором целого спектра краудфандинговых проектов, направленных на решение городских проблем.

Результаты нашего анализа российского и европейского опыта интеграции университетов в региональные и городские пространства позволяют выделить три группы форм такого взаимодействия.

1. *Формы «социального служения» университета в региональном пространстве.* К данной группе относятся традиционные для российских (в том числе советских) и европейских университетов разнообразные формы студенческого добровольчества, участие университетского сообщества в решении социальных проблем населения, социальных проектах, реализуемых региональными и местными органами власти, бизнесом, сообществом.

2. *Формы, ориентированные на производство в регионе различного рода событий.* К этой группе форм можно отнести широкий спектр мероприятий, начиная от благотворительных концертов, организованных университетом и заканчивая широко проникающими в пространство современной России публичными лекциями и проектами в стиле «университет третьего возраста».

3. *Формы, связанные с реализацией и повышением эффективности образовательного процесса.* В данном случае речь идет о том, что университет вступает во взаимодействие с различного рода региональными стейкхолдерами, которые являются важнейшими «потребителями» научных разработок и выпускников вуза. Данные формы широко распространены в университетской жизни и практически не осознаются как элемент реализации университетом «третьей функции», что, безусловно, снижает потенциал такого взаимодействия. К данной группе мы так же можем отнести различного рода попечительские и наблюдательные советы, действующие при университете.

4. *Формы, ориентированные на трансформацию региональных (городских) сообществ, на изменение их дискурсивного и (или) практического сознания.* В данную группу мы объединяем все формы и технологии, которые направлены на изменение социокультурной программы региональных сообществ (или отдельного сообщества). Речь идет о разработке или адаптации для региональных сообществ различного рода социальных технологий, позволяющих оптимизировать жизнедеятельность той или иной социальной группы, в зависимости от конкретной социально-экономической ситуации.

Важным является вопрос вовлечения различных городских сообществ в доверительную коммуникацию. В данном аспекте можно предложить общий алгоритм, позволяющий университету начать выстраивать коммуникацию для развития культуры доверия в городе. Выделим следующие важные шаги для реализации этого процесса:

1. Изучение и типология городских сообществ по самым разным основаниям (демографическим, социально-экономическим, этническим, культурным и т.д.). В данном случае

важно ответить на вопрос — кто живет в нашем городе? Как эти сообщества конструируют свою идентичность? Как они ее сохраняют? Кто является лидером в этих сообществах? И т.д.

2. Проактивный выход в сообщества. В данном случае речь идет об активности университета, о готовности его сотрудников, студентов выйти в «поле» реальной, «живой», уличной коммуникации с разными сообществами, с тем чтобы узнать их позицию по тому или иному вопросу.

3. Создание пространства для коммуникации на основе культуры доверия и взаимной ответственности. В данном случае важно уйти от имитации коммуникации, от ее схематизации и сценичности и постараться выстроить действительно доверительное общение. В данном случае университет может стать своеобразным фасилитатором этого процесса, обеспечив возможность быть услышанным каждому городскому сообществу.

Заключение.

Современным городам необходимо изменить свои методы организации жизнедеятельности, в том числе, чтобы иметь возможность конкурировать, решать городские проблемы и внедрять инновации. Для этого необходимо создать в городе возможности для развития и распространения культуры доверия, позволяющей наладить системную эффективную коммуникацию среди разных сообществ города. Необходимо, активно вовлекать группы горожан в разработку и реализацию городской политики, решение городских проблем, коллективное проектирование образа и брендинга города. В данном случае важно создание именно работающих форм коммуникации, построенных на взаимном доверии и готовности решать проблемы сообщества сообща.

Библиографический список

1. *Доган М.* Легитимность режимов и кризис доверия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/321/468/1217/018_dogman.pdf.
2. Проблема российских крупных городов — равенство в бедности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2148200>
3. *Park R.* The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago: University of Chicago Press. 1925.
4. *Putnam, Robert.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000.
5. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005.
6. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
7. *Лефевр А.* Введение в современность. Прелюдия первая. Об иронии, майевтике и истории / Пер. с франц. С. Б. Рындина // «Неприкосновенный запас» 2012, №2(82).
8. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005.
9. *Харви Д.* Городской опыт. D. Harvey The Urban Experience. Oxford: Blackwell. 1989 / Перевод В. В. Вагина. 2009.
10. *Штомпка П.* Доверие основа общества. М.: Логос, 2012.

Vladimir A. Smirnov

UNIVERSITY AND CITY COMMUNITIES: STRATEGY AND MECHANISMS OF INTEGRATION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Abstract

The model of cultural development of trust in city space is presented in article. The culture of trust is a key concept for understanding the mechanism of functioning and development of city spaces today. The author indicates the need of transition from a productive and economic paradigm of the city to the sociocultural. The person the place in this process is taken by university as the institute capable to become the main actor of cultural development of trust in the city.

Keywords: city, university, culture of trust, form of integration of university into city space.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГИБКИХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА: ВЗГЛЯД РАБОТНИКОВ

Аннотация

Статья раскрывает результаты анкетного опроса работников промышленных предприятий Уральского региона, руководством которых было принято решение о внедрении гибких форм занятости (аутсорсинга, аутстаффинга и лизинга персонала). Исследование проводилось с целью определения социально-психологического климата в трудовом коллективе, оценки степени удовлетворенности респондентов коллегами по работе, заработной платой, непосредственным начальством, рабочим местом, социальными выплатами и гарантиями. Результаты исследования позволили оценить показатель удовлетворенности персонала качеством их трудовой жизни в результате нововведения, связанного с делегированием второстепенных функций заемным специалистам с целью концентрации на основном виде деятельности.

Ключевые слова: анкетирование, гибкие формы занятости, качество трудовой жизни.

В процессе принятия управленческого решения о нововведении или в ходе оценки результатов после его реализации руководству крайне целесообразно использовать информацию, полученную непосредственно от работников данного предприятия. Одним из методов получения такой информации является анкетирование.

Метод сбора информации посредством анкетного опроса был использован нами для оценки социально-психологического климата внутри трудового коллектива, а также оценки степени удовлетворенности респондентов качеством их трудовой жизни. Выбор этого метода был связан с тем, что, как правило, данные, полученные в результате анкетирования, актуальны (поскольку они отражают положение дел на момент заполнения анкеты респондентами), субъективны (поскольку отражают отношение респондента к проблеме) и чаще всего достоверны (особенно в случаях, когда респондентами выступают эксперты и специалисты в области проблемной ситуации) [2, с. 84]. В ходе оценки эффективности внедрения гибких форм занятости (аутсорсинга, аутстаффинга, лизинга персонала) вниманию работников промышленных предприятий Уральского региона была представлена анкета «Качество трудовой жизни». Основной целью анкетирования являлась детальная оценка степени удовлетворенности работников отдельными факторами (оплата труда, рабочее место, социальные гарантии и т. п.), формирующими качество их трудовой жизни. Анкета включала в себя порядка 30 вопросов, систематизированных в разделы, подразумевающие под собой элементы качества трудовой жизни работника (в частности, трудовой коллектив, оплата труда, рабочее место, руководство организацией, служебная карьера, социальные блага и гарантии). Наиболее интересные нам моменты были сформулированы в виде следующие вопросов:

- Как Вы можете описать отношения внутри трудового коллектива?
- Как Вы считаете, соответствует ли Ваша заработная плата Вашему трудовому вкладу?
- Как Вы можете охарактеризовать Ваше рабочее место?
- В каких направлениях ведется работа с персоналом на вашем предприятии?
- Ощущаете ли Вы себя социально защищенным человеком, работая на данном предприятии?

Работники должны были выбрать из предложенных вариантов ответов то утверждение, которое в большей степени отражало их точку зрения.

Анкетирование проводилось в ноябре 2014 года на промышленных предприятиях г. Златоуста (ОАО «ЗлатМетТрейд», ОАО «ЗРМЗ», ООО «Феррум», ОАО «Стройтехника», ОАО «Монолит»), г. Миасса (ОАО «Стальмост», ООО «Торгпроектстрой») и г. Челябинска (ОАО «Строймеханизация», ОАО «Практика», ОАО «Континент»).

Выборочная совокупность составила 284 человека, которые были отобраны случайным образом. 51 % опрошенных — это мужчины, из них в возрасте от 23 до 30 лет — 27 %, от 31 до 45 лет — 24 %. Доля женщин составила 49 %, в т.ч. в возрасте от 23 до 30 лет — 31 %, от 31 до 45 лет — 18 %.

Результаты опроса респондентов показали, что в трудовом коллективе анализируемых подразделений в сложных ситуациях преимущественно царят доброжелательность и взаимопомощь. Около 40 % ответов приходится именно на эти качества. 93 % опрошенных отметили, что на работе их окружают хорошие люди, с которыми у них сложились товарищеские отношения, и им было бы тяжело покинуть свой коллектив. 65 % респондентов указали на то, что в трудовом коллективе каждый работает независимо друг от друга, однако все важные вопросы решаются сообща. Вместе с тем, заставляют задуматься ответы на вопросы, связанные с отношением респондентов к работе и их непосредственному руководству. Около 55 % опрошенных более или менее удовлетворены деловыми отношениями со своим непосредственным руководителем, при этом 61 % не испытывают энтузиазма в момент общения с ним в ходе решения каких-либо вопросов. 63 % респондентов отметили то, что на работе периодически испытывают стрессы. Скорее неудовлетворенны заработной платой 56 % опрошенных, материальными вознаграждениями — 37 %, льготами и надбавками — 41 %. Примерно 60 % акцентировали внимание на отсутствии возможности самореализации на рабочем месте, отсутствие перспективы карьерного роста отметили 44 % респондентов. Удовлетворение у работников вызывают комфорт и удобство рабочего места (об этом сказали 76 % респондентов), возможность совместного досуга (70 %) и ощущение общественной полезности (47 %).

Во втором разделе анкеты «Оплата труда» респондентам были предложены вопросы, связанные с заработной платой, существующей системой вознаграждений, взысканий и т.п. Полностью удовлетворенных оплатой труда оказалось лишь 15 %. Около 56 % опрошенных заявили, что получаемая заработная плата в некоторой степени соответствует их трудовому вкладу. Остальные работники оказались полностью неудовлетворенны своей зарплатой. Вместе с тем около 56 % заявили, что доходы, получаемые на предприятии, позволяют жить так, как живут многие окружающие люди. Оставшиеся 46 % отметили абсолютно противоположную ситуацию. Как уже было отмечено ранее, рабочие места респондентов, по их мнению, характеризуются удобством и комфортом. Примерно 74 % работников отметили полное обеспечение канцелярскими принадлежностями и другими расходными материалами. Однако, оценивая уровень упорядоченности и равномерности организации труда в анализируемых подразделениях, около 70 % респондентов отметили чередование стабильности и авралов на рабочем месте.

При анализе ответов на вопросы четвертого и пятого разделов анкеты «Руководство организацией» и «Служебная карьера» обращает на себя внимание отсутствие возможности у опрашиваемых влиять на продвижение по служебной лестнице (96 %), а также пассивная работа с персоналом анализируемых подразделений (наставничество, работа с молодежью, объективная аттестация кадров и т. д.).

Заключительный раздел «Социальные блага и гарантии» включал ряд вопросов, касающихся социальных выплат на предприятии. На вопрос «Ощущаете ли Вы себя социально защищенным человеком, работая на данном предприятии?» с полной уверенностью положительно ответили лишь 7 % опрошенных.

Таким образом, основные результаты проведенного нами социологического исследования свидетельствуют о благоприятной психологической атмосфере внутри трудового коллектива, отсутствии социальной напряженности. В то же время, выводы создают предпосылки для преобразований в области кадровой политики, направленных на мотивацию персонала. Эти преобразования должны формировать у работника чувство социальной защищенности и материальной обеспеченности.

В ходе исследования мы убедились в том, что анкетирование работников как элемент системы мониторинга всех сторон трудовой жизни дает возможность контролировать, свое-

временно корректировать и совершенствовать организацию трудового процесса во всех подразделениях и на всех уровнях [1, с. 155]. Вместе с тем, проведение социологических опросов персонала способствует решению одной из главных задач – получению объективной статистической информации для динамичного оценивания степени удовлетворенности работников качеством их трудовой жизни. Все это в итоге положительно отражается на достижении поставленных руководством стратегических целей предприятия.

Библиографический список

1. Бухмин В. С., Габдрахманова Л. А., Соколова Е. А., Фатхуллова К. С. Анкетирование как средство оценки организации и содержания учебного процесса // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2009. № 1 (1). С. 151–156.
2. Сильвестров П. В. Анкетирование как метод информационного обеспечения // Агрорепродовольственная политика России. 2014. № 1 (13). С. 84–86.

Inna I. Tursukova

EVALUATION OF EFFECTIVENESS FLEXIBLE FORMS OF EMPLOYMENT IN ENTERPRISES URAL REGION: VIEW OF WORKERS

Abstract

The article reveals the results of a questionnaire survey of industrial workers of the Ural region, the management of which has been decided to introduce flexible forms of employment (outsourcing, out staffing and staff leasing). The study was conducted in order to determine the socio-psychological climate in the workplace, assess the respondents' satisfaction with co-workers, wages, immediate superiors, workplace, social benefits and guarantees. Results of the study to evaluate staff satisfaction rate the quality of their working lives as a result of the innovations associated with the delegation of non-core functions debt specialists in order to concentrate on its core business.

Keywords: questionnaire, flexible forms of employment, quality of working life.

УДК 378.063

А. Д. Черепанова

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЛАГОДАРНОСТИ ALMA MATER ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы текущего состояния культуры благодарности alma mater у выпускников российских университетов, возможности ее развития. Особое внимание уделено опыту университетов, входящих в первую сотню лучших в мире по версиям различных рейтингов. Приведен опыт Гарвардского университета по работе с выпускниками. Изучены программы развития нескольких российских университетов на предмет взаимодействия с их выпускниками. Сделаны выводы о состоянии культуры благодарности alma mater и выработаны рекомендации по ее развитию.

Ключевые слова: alma mater, культура, благодарность, университет, выпускники, развитие.

7 мая 2012 года вышел указ Президента РФ № 599 [3], дающий старт проекту Министерства образования и науки Российской Федерации по повышению конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров, целью которого является входение к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов.

За основу взяты три наиболее авторитетных мировых рейтинга: The World University Rankings, QS world university rankings и Academic ranking of world universities (ARWU). На данный проект выделено 57,1 млрд. рублей [2]. Что отличает «Топ-100» первых университетов мира? Большое количество публикаций, высокий уровень цитируемости, эффективная организация исследований и получение доходов от них, высокий уровень организации международной деятельности. Рейтинг ARWU замеряет количество выпускников, но только тех, кто смог получить Нобелевскую премию или медаль Филдса. В погоне за достижением КРП и переходом на эффективный контракт часто упускаются из виду те явления, которые трудно измерить: взаимодействие студентов и преподавателей, студенческие традиции, связанные с родным вузом, отношение выпускников к alma mater после завершения обучения. Между тем, наличие именно таких традиций отличает ведущие мировые вузы.

В качестве примера хочется привести университет, занимающий первые позиции во всех мировых рейтингах — Гарвардский университет, существующий уже 378 лет. Университет состоит во всемирно известной «Лиге плюща» (ассоциация восьми частных американских вузов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США, постоянно находящихся среди самых богатых академических заведений мира, что позволяет им привлекать лучших студентов и преподавателей), что подчеркивает его высокий социальный статус, высокий конкурс при поступлении и качественное образование. Выпускники университетов «Лиги плюща» — это элитное общество, которое гордится своим образованием и университетом. Стать студентом одного из этих университетов не так просто, набор ограничен, для поступления необходимо показать свои успехи за несколько лет. Важно отметить, что эти университеты почти полностью существуют на собственные средства благодаря наличию крупнейших эндаумент-фондов в мире, пополняемых выпускниками. Университет активно взаимодействует со своими выпускниками. Через неделю после получения выпускником диплома, ему приходит письмо из эндаумент-фонда Гарварда. Периодически ему звонят, интересуются делами, поздравляют с успехами, приглашают в университет. Раз в год проводится встреча выпускников с одним из руководителей Гарварда, в рамках которой презентуется новый срочный и дорогостоящий проект. Также для выпускников создана особая банковская карта, с названием университета и выбранным изображением на ней, которая позволяет путешествовать по всему миру и передавать часть средств в фонд Гарварда.

Отношения с выпускниками, конечно же, касаются не только материальных интересов. Выпускники Гарварда — это своеобразное «братство», для которого созданы все условия, чтобы оно росло и укреплялось. Так на сайте Гарварда создан сервис для поиска своих сокурсников. Для них проводятся встречи и мероприятия, например, ежегодная ночь в обсерватории. Особые отношения в студенческой среде (не конкуренция, а сотрудничество), студенческие традиции, богатая история университета, большое количество историй успеха выпускников, о которых знают все студенты и выпускники, крепкая связь после окончания обучения — все это позволяет выпускникам быть благодарными университету за годы обучения, за знания, опыт, связи, свое становление. Все это обеспечивает Гарварду первые места в мировых рейтингах.

Для достижения цели, поставленной перед российскими вузами — попасть в «топ 100» лучших вузов мира — им стоит обратить внимание на создание «собственной атмосферы» внутри университета, на формирование собственных сближающих традиций, на развитие работы с выпускниками. На одном из последних заседаний Совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов РФ среди ведущих мировых научно-образовательных центров проводился анализ опыта работы с выпускниками российских вузов, занявших наивысшие позиции по итогам презентаций своих планов мероприятий по реализации программ повышения конкурентоспособности на 2015–2016 гг. Был изучен опыт работы с выпускниками таких ведущих российских университетов, как: Университет информационных технологий, механики и оптики, Высшей школы экономики, Томского государственного и Томского политехнического университета.

В университете ИТМО существует задача по активизации работы Клуба выпускников, данный Клуб будет создан в качестве совещательного органа в системе управления вузом, а также планируется, что благодаря ему будет ежегодно увеличиваться объем средств, поступивших от компаний выпускников [6, с. 102].

Высшая школа экономики заинтересована в создании сети выпускников, для этого ставятся задачи создания возможности бесплатного использования ими библиотечных и информационных ресурсов университета, создания единой базы, участия выпускников в поддержке социальных проектов, реализации сетью выпускников собственных проектов, оказания содействия выпускниками развитию фонда целевого капитала [5, с. 29].

Томский государственный университет в отношении выпускников интересуется их качественная подготовка и последующее трудоустройство [4, с. 19]. Томский политехнический университет считает своей ценностью сплоченность выпускников, студентов и сотрудников, основанную на вековых традициях университета. Значимой инновацией для университета является появление Ассоциации выпускников, а ключевым проектом — формирование инфраструктуры взаимодействия с выпускниками, стратегическими партнерами и спонсорами, обеспечивающей увеличение поступлений в эндаумент фонд [1, с. 6].

Таким образом, мы видим, что работа с выпускниками, по крайней мере, у ведущих вузов, ведется. К сожалению, часто это деятельность формальная, способ привлечь деньги компаний. Мало упоминается в качестве цели значимость сплоченности университета и его выпускников, поэтому и о культуре благодарности *alma mater* выпускников российских университетов пока рано говорить. За что выпускники университетов могли бы быть благодарны *alma mater*, кроме диплома о высшем образовании? Какие барьеры мешают формированию признательности, благодарности выпускников своему университету?

Выпускников с каждым годом все больше, с ними сложно поддерживать отношения, их сложно собирать. Решить проблему могли бы объединения выпускников (по институтам, по объединениям, в которые они входили, будучи студентами, по клубам). Для работы с ними, несомненно, необходима служба по связи с выпускниками (Ассоциация), имеющая хорошую базу данных и контактов, которая не только поддерживала бы связь с ними, но и интересовалась их успехами, карьерой. Для большинства выпускников важны их студенческие годы, потому нужно наполнить этот период как можно большим количеством «историй»: развивать внеучебную деятельность, создавать как можно больше традиций, информировать об истории университета, его выпускниках, показывать их истории успеха, организовывать встречи с ними, говорить о ценностях университета. Важны и встречи самих выпускников, один или несколько раз в год. Это должны быть не формальные мероприятия, а встречи, в рамках которых выпускники могли бы легко и непринужденно общаться, узнавать о том, как их меняется *alma mater*. Культура благодарности — это эффект, к которому нужно идти, который нужно создавать вместе со своими выпускниками.

Библиографический список

1. Комплексная программа развития Национального исследовательского Томского политехнического университета на 2011–2015 годы.
2. О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров: Постановление Правительства РФ от 16.03.2013 года № 211.
3. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: указ Президента РФ от 7.05.2012 г. № 599.
4. Программа развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный университет» на 2010–2019 годы.
5. Программа развития государственного университета — Высшей школы экономики на период 2009–2015 гг. и до 2020 г.

6. Программа создания и развития национального исследовательского университета информационных и оптических технологий «ИТМО» на 2009–2018 годы.

Anastasia D. Cherepanova

FORMATION OF RUSSIAN UNIVERSITIES GRADUATE'S ALMA MATER GRATITUDE CULTURE

Abstract:

The article consider a question about a current state of Russian universities graduate's alma mater gratitude culture and opportunity of its further development. Special attention in the article is paid to universities which consist in the hundred of the best of the world universities according to various ratings and Russian universities which participate in program of competitiveness increase among the leading world scientific and educational centers. Experience of interaction with graduates in Harvard university is given and development programs of some Russian universities about interaction with its graduates were studied. On the basis of the studied the conclusion about a condition of alma mater gratitude culture was done and the recommendations about its development were made.

Key words: Alma mater, culture, gratitude, university, graduates, development.

УДК: 303.425:379.822 (072)

Е. А. Шуклина, С. Ю. Каменский

ПАРТИСИПАТИВНЫЙ МУЗЕЙ КАК АКТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУЗЕЙНЫХ СООБЩЕСТВ

Аннотация

В статье анализируется новое направление в развитии музейной сферы — «партиципативный музей». На материалах зарубежных и российских исследований показаны его особенности как современной и эффективной модели взаимодействия музейных сообществ.

Ключевые слова: патрисипативная культура, культура участия, патрисипативный музей, партиципаторное исследование.

Проблема «закрытого» музея, работающего в режиме монолога — серьезное препятствие в развитии этой сферы культурного производства и повышения эффективности взаимодействия музейных сообществ: создателей музейного продукта, массовых и экспертных общностей, выступающих в роли его потребителя.

Актуализация концепции партиципативного музея и практики его конструирования — перспективное направление социокультурного развития музейной сферы как на западе, так и в России. Его основная ориентация — человекоцентризм в интерпретации культурного наследия и диалогический характер взаимодействия с аудиторией, которое базируется на феномене ее соучастия, соавторства в создании музейного продукта.

В настоящее время музейная концепция партиципативности находится в стадии становления. Среди ключевых ее исследований — работы Н. Саймон [11], К. Маклин и В. Поллок [9, 10], а в России — Д. Агаповой [1]. Вслед за Д. Агаповой и опираясь на западные подходы, определим базовые понятия этого направления, инструментально применимые к российским реалиям:

- Participatory museum — музей, который основывает свою деятельность на *содержательно существенном* участии посетителей, местного сообщества, партнеров;
- Культура участия — свободное, деятельное и осознанное *участие людей* в культурных и социальных процессах, возможность для них быть не только «потребителями» или объектами воздействия, но *вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание* культурных событий (например, выставок и образовательных программ), а стало быть, *в процесс осмысления и актуализации культурного наследия* [1].

Помимо акцента на разных формах и уровнях участия, обосновывая свой подход, Н. Саймон акцентирует внимание на том, что «партиципативный музей — это учреждение, которое имеет подлинное уважение и интерес к впечатлениям, историям и способностям посетителей. Речь идет не о том, чтобы быть о «Чем-то» или для «Кого-то», партиципативный институт создается и управляется «Вместе с» посетителями» [11]. В предисловии к своей монографии Н. Саймон говорит о трех основных теориях, лежащих в основе партиципативного музея:

1. Идея обществоцентричной организации, которая является релевантной, полезной и такой же доступной как, например, торговый центр или железнодорожная станция;

2. Идея того, что посетители конструируют свой собственный смысл, значения из культурного опыта;

3. Идея о том, что голоса посетителей могут дать содержательный импульс и оживить как разработку проекта, так и программы для посетителей [11].

Таким образом, речь идет о принципиальной смене миссии, ценностей музея, признающего современные истории, артефакты, мнения посетителей не менее значимыми чем то, что хранится в фондах и имеет статус культурного наследия. Это создание поля общественных дискуссий вокруг вопросов «О чем этот музей?», «Какую историю мы рассказываем?». В крайнем выражении это проявляется в том, что сами темы выставок являются решением, принимаемым публикой. При этом культура участия — это возможность выхода на новое качество музейного продукта. Именно оно должно позитивно влиять и на посещаемость музея, рост его доходов, другими словами, на те аспекты, которые действительно мотивируют музейные сообщества меняться. В этом отношении культура участия смыкается с «краудсорсингом» - еще одним знаковым для современности явлением. Таким образом, социокультурная, экономическая, маркетинговая целесообразность вовлечения «потребителя» сегодня все более очевидна. Многие западные музеи уже успешно реализуют проекты, используя разные возможности краудсорсинга:

– в оценке и фильтрации музейных коллекций, в том числе, отборе артефактов для выставок — как, например, это делает Бруклинский музей — проект «Click! A Crowd-Curated Exhibition» (2008) (<http://www.brooklynmuseum.org/exhibitions/click/>) и проект «Split Second» (2012) (<http://www.brooklynmuseum.org/opencollection/labs/splitsecond/index.php>);

– создание структуры и наполнение постоянной экспозиции, например, «MN150» (2007) в Minnesota History Center (<http://museumtwo.blogspot.ru/2008/07/state-fairs-and-visitor-co-creation.html>);

– в сборе идей (<http://www.greatershepparton.com.au/share-your-vision>) для определения стратегии развития музея — The Shepparton Art Museum, г.Шеппартон (Австралия, 2014) (<http://www.greatershepparton.com.au/feasibility-study-for-a-future-sam>);

– в решении научных задач — как это делает, например, Публичная библиотека Нью-Йорка, создавая и используя краудсорсинговые инструменты для оцифровки, корректировки и анализа исторических карт (проект «Building Inspector», 2014) (<http://buildinginspector.nypl.org/general/about>).

На музейной же карте России краудсорсинговые проекты пока единичны и, безусловно, выделяется среди них «Весь Толстой в один клик» — проект привлечения сообщества к созданию эталонной электронной версии 90-томного собрания сочинений Льва Толстого, осуществленный Государственным музеем Л.Н. Толстого, Музеем-усадьбой «Ясная Поляна» и компанией АВВУУ (<http://readingtolstoy.ru/>). Однако проектов, в которых бы широкая интернет-аудитория включалась в создании музейной выставки, в России не известно.

Интересен опыт реализации партиципативного музейного проекта, осуществленного в Екатеринбурге Свердловским областным краеведческим музеем (СОКМ) в 2013-2014 гг. (см. сайт выставочного проекта <http://co-museum.ru/>). Проект «Искусство путешествий» является победителем конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире». Выставка «Искусство путешествий» — итог данного проекта, проходившая с мая по июнь 2014 г., была создана в русле описанной выше концепции и связана с поиском новой актуальной интерпретации му-

зейной коллекции и необходимостью расширения выставочного пространства за счет идей, мнений, историй и артефактов путешественников Екатеринбурга. Проект предполагал вовлечение аудитории музея в процесс создания выставки. В основу концепции выставки был положен человеко-центричный подход. Экспонаты музея и привлеченные артефакты через донесение до зрителя персональных историй широкого круга участников проекта проблематизировали путешествие как искусство и культуру, демонстрировали набор стилей, способов, практик, состояний, возможностей. Для активизации личного Я зрителя были созданы зоны участия (всего 16 точек на выставке), где посетитель мог проголосовать, ответить на вопрос, высказать свое мнение, узнать, что думают другие. Такой подход должен был дать три важных эффекта: 1) создать ощущение путешествия как состояния, определенного образа жизни, настроения, процесса; 2) активизировать размышления человека о своей практике путешествий, дать ему возможность узнать что-то новое о себе, осознать что-то, возможно поменять отношение или задуматься о том, как можно путешествовать по-другому, пробудить желание двинуться в путь; 3) создать условия коммуникации: между посетителями выставки, посетителями и авторами привлеченных на выставку личных историй, посетителями и создателями выставки. В процессе реализации проекта были использованы различные способы включения зрителя в этот процесс:

1. Участие сообщества в разработке концепции и тематической структуры выставки в рамках мозговых штурмов, конкурсов идей, фокус-групп, голосований, мнений по темам выставки;
2. Вовлечение зрителей в интерпретацию и оценку отдельных экспонатов — с помощью сбора личных ассоциаций, историй, вдохновленных предметами, участие зрителей в отборе артефактов;
3. Встречи и интервью с представителями местного сообщества;
4. Добавление посетителями своих экспонатов и историй в рамках уже заданных тем выставки;
5. Участие зрителя в написании этикеток, экспликаций и других текстов выставки;
6. Участие зрителей в создании отдельных экспозиционных комплексов, посвященных их личным историям и предметам;
7. Тестирование зрителями интерактивных зон, зон участия и других элементов выставки;
8. Наполнение уже функционирующей выставки мнениями, историями, отзывами посетителей;
9. Создание каталога выставки в формате 2.0.

Составляющей частью процесса конструирования экспозиционного пространства было социологическое исследование, которое имело статус партисипаторного [5, 6, 7]. Оно позволило констатировать, что, несмотря на успешность реализованного партисипативного музейного проекта, уровень готовности представителей музейного сообщества к реализации проектов такого типа пока невысок. Сложившиеся стереотипы аудитории и самих музейщиков относительно того, каким должен быть музей и музейный продукт, их неготовность рассматривать музей как сферу активной самореализации очевидна [см. подробнее 4].

Безусловным внешним фактором является и общий низкий уровень гражданской активности населения, определяющий уровень развития культуры участия. Для того, чтобы модернизировать музейное пространство и превратить его в настоящую сферу активного диалога со зрителем требуется время и серьезные усилия. Направление «MuseumNext» напрямую связано с феноменом партисипативной культуры [о понятии партисипативной культуры см. подробнее: 8, 12]. Степень ее сформированности культуры определяется характером и эффективностью партисипативного управления [2, с. 380–384; 3]. Его характеристики в настоящее время представлены разработками прежде всего в сфере менеджмента, теории управления, теории организации. При этом в России они практически не реализуются в сфере культуры.

Комплекс факторов, обуславливающий эффективность реализации концепции партисипативного музея, имеет две составляющие, будучи напрямую связан с уровнем развития партисипативной культуры как социокультурной общности представителей музейного сообщества, так и посетителей музея — массовой общности потребителей музейного продукта. Именно социокультурные характеристики этих общностей: ценности, стандарты восприятия и действия, использование и понимание языка музейного высказывания трансформируются труднее и дольше всего. Тем не менее, современные тенденции в развитии музея в последнее время все больше находят своих энтузиастов, последователей и реализуются в весьма успешные проекты.

Библиографический список

1. *Аганова Д.* Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская. М. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://issuu.com/museumsolutions/docs/book_5.
2. Росс Прицция (Ross Prizzia). Партисипативное управление // Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам «International Encyclopedia of Public Policy and Administration»). Спб. : Петрополис, 2001. 632 с.
3. *Фроловичев А. В.* Формирование партисипативного стиля управления в системе государственной службы. Дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2008. 211 с.
4. *Шуклина Е. А.* Партисипативный музейный проект: опыт изучения целевой аудитории // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 520–527.
5. *Brock K. Pettit J.* Springs of Participation: Creating and Evolving Methods for Participatory Development. Practical Action, Warwickshire, UK, 2007.
6. *Chambers R.* «PRA, PLA and Pluralism: Practice and Theory», in The Sage Handbook of Action Research: Participative Inquiry and Practice. Reason, P. and H. Bradbury (eds), 2008. Sage, pp. 297–318.; Camic, C. and Joas, H. The Dialogical Turn: New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. Rowman & Littlefield, Maryland, 2003.
7. *Chevalier J.M. and Buckles D.J.* Participatory Action Research: Theory and Methods for Engaged Inquiry, Routledge UK, 2013.
8. *Jenkins, Henry, Puroshotma, Ravi, Clinton, Katherine, Weigel, Margaret, & Robison, Alice J.* Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / Jenkins, Henry... [et al.]. Cambridge: The MIT Press, 2009. 129 p.
9. *McLean K., Pollock W.* «The convivial museum». Association of Science-Technology Centers, 2010. 199 p.
10. *McLean, K., Pollock, W.* Visitor Voices in Museum Exhibitions (Eds.) Washington, DC: Association of Science-Technology Centers, 2007. 164 p.
11. *Simon N.* *The participatory museum.* Santa Cruz, CA: Museum 2.0. 2010. 388 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.participatorymuseum.org/read/>
12. *Willis Paul.* Foot Soldiers of Modernity: The Dialectics of Cultural Consumption and the 21st-Century School // Harvard Educational Review. 2003. 73 (3), 392 p.

Elena A. Shuklina, Sergey Y. Kamenskiy

PARTICIPATIVE MUSEUM: AN INTERACTION MODEL IN A MUSEUM COMMUNITY

Annotation

The article touches upon the new direction of the museum sphere of development - the participative museum. It is depicted as a modern interaction model in the museum community.

Keywords: participative culture, participative museum, participative research.

СЕКЦИЯ 2. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ РЕГИОНА: ИННОВАЦИИ, СТРАТЕГИИ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 330.3, 330.4, 332

В. В. Акбердина, А. С. Сергеева

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ СРЕДИННЫХ СУБРЕГИОНОВ¹

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения концепции развития срединных субрегионов, их особенностей, специфических характеристик. В статье представлены основные взгляды на срединный субрегион в российской и зарубежной практике.

Ключевые слова: срединные субрегионы; пространственное развитие.

Крупнейший специалист в области теоретической географии Б. Б. Родоман определяет пространственное положение как «совокупность таких пространственных аспектов отношений объекта к другим объектам, которые существенны для рассматриваемого объекта» [1] и доказывает, что свойства объектов зависят от их положения в пространстве. По его мнению, существует сила, которая определяется как давление места, или позиционное давление.

Среди множества положений объекта в пространстве (физико-географическое, политико-географическое, культурно-географическое, геополитическое и т. п.) особо следует выделить экономико-географическое положение (ЭГП). По образному выражению Е. Н. Перцика, ЭГП — это «одна из тайн, над разгадкой которой размышляли многие экономико-географы» [2]. Строго научную трактовку это весьма емкое и сложное по содержанию понятие получило в работах таких известных отечественных ученых, как Н. Н. Баранский, И. М. Маергойз, Н. Н. Колосовский, Ю. Г. Саушкин, П. М. Алампиев, Э. Б. Алаев.

В числе возможных пространственных положений региона по отношению к своей стране следует выделить срединное положение.

Срединный регион — тот, который расположен посредине какой-либо территории более высокого порядка (страны, части света, континента или иного, более крупного, по сравнению со срединным регионом, пространства). Как подчеркивает А. И. Татаркин, важнейшим отличительным качеством такого региона можно считать то, что «среднее расстояние перемещения от этого региона до любой точки «материнской» территории, частью которой он является, будет меньше, чем аналогичное среднее расстояние до любой точки этой территории у других ее регионов» [3]. Срединный регион наиболее доступен для других регионов, так и другие регионы наиболее доступны именно из середины.

Для того, чтобы глубже понять специфику понятия «срединный регион», необходимо сопоставить его с таким близким понятием, как «центральный регион».

Прежде всего, подчеркнем, что «центр» и «середина» не являются синонимами с позиций региональной экономики и экономической географии. В классическом понимании данные два слова имеют очень близкое значение: «Центр — срединная и главная часть чего-нибудь; ядро, место сосредоточения чего-нибудь» [4]. Иначе говоря, центр может быть как серединой в пространстве, так и местом сосредоточения. В региональной экономике и географии утвердились оба значения [5]. Термин «центральный» тяготеет по своему смыслу больше к понятию «столичный», чем к «срединный». В понятии же «срединный регион» более четко прослеживается его основная отличительная черта — нахождение, расположение в середине территории страны, континента, части света или иного, более крупного по сравне-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Моделирование потоков в предпринимательской экосистеме срединного субрегиона», проект №15-06-08375а.

нию со срединным регионом, пространства.

Срединное экономико-географическое положение благоприятствует также развитию торговли и бизнес-инфраструктуры (рестораны, гостиницы, склады, торговые и деловые центры, офисы мировых компаний и т. д.), поскольку в таком месте чрезвычайно удобным становится проведение выставок, собраний, открытие филиалов и представительств.

Еще одно преимущество срединного местоположения региона — развитие производственных функций, получающих естественную экономию на транспортных перемещениях сырья и продукции по территории региона или к его границам. Концентрация производства отрасли или вида деятельности зависит от того, насколько активно и эффективно регион использует местные природно-сырьевые ресурсы, достижения НТП.

Срединное положение делает регион наиболее труднодоступным для «недружественного» проникновения и, соответственно, наиболее защищенным. Поэтому в таких регионах часто размещены стратегически важные для страны объекты — оборонные предприятия, АЭС и т. д.

Развитие и наращивание в срединном регионе управляющих и организующих функций (производственных, общественных, политических и иных) — важный признак срединности. Субъекты региональной политики, различные организационно-управленческие структуры содействуют повышению однородности и интегрированности единого регионального экономического пространства, способствуют реализации собственных региональных стратегических проектов, инициируют взаимодействие хозяйствующих субъектов, ускоряют процедуры прохождения решений в экономических вопросах, позволяя тем самым хозяйствующим субъектам экономить на транзакционных издержках.

Следующая особенность развития срединного региона связана с тем, что процессы его формирования, становления и развития в каждой стране идут своим, самобытным путем. В пространстве срединного региона в результате наслоения различных исторических эпох и процессов складываются специфическая социально-экономическая среда, определенная демографическая общность, создающие предпосылки саморазвития региона, в том числе на основе эффективного использования природного, экономического, социального, демографического, инновационного и иного потенциалов, а также задействования всех внутренних сил развития региона. Поскольку срединный регион — во многом детище истории, то необходимо особо выделить и временной фактор срединности, т. е. выполнение и сохранение срединных функций на протяжении длительного исторического периода. Регион, по большому счету, в течение многих десятилетий и даже столетий (последнее свойственно срединному региону России) накапливает традиции, формирует многоукладную экономику, развитую инфраструктуру, находится в гуще общегосударственных событий.

Одна из важных черт срединности региона — его решающее участие в делах государства, сохраняющаяся за ним ключевая роль в экономике, культуре, политике и других сферах жизни.

В срединных регионах на всех этапах их формирования и развития складывались крупные городские центры (ядра, мегаполисы), которые практически всегда располагались на транспортных магистралях, в узлах (пересечениях) дорог, помогали государству овладевать, покорять и осваивать новые пространства, собирать повинности, налаживать торговлю. В городах создавались новые виды деятельности, формировались сношения с периферийными территориями. Ведущие центры срединного региона и сегодня способствуют устойчивости региона, увеличивают адаптационные способности его экономики, минимизируют влияние внешних и внутренних факторов на развитие кризисных ситуаций в регионе. Города с их мощной экономикой вместе с соединяющими их транспортными магистралями удерживают социально-экономическую целостность срединного региона.

Таким образом, интерпретация понятия «срединный регион», базирующаяся на региональной парадигме, таковы: срединный регион — особый, государствообразующий тип крупного региона, исторически складывающийся в центральной, стратегически важной части страны, обладающий совокупностью таких основных топологических признаков, как высо-

кий уровень открытости и контактности, значительная степень концентрации производства и населения, научно-технического, интеллектуального и кадрового потенциала, сформировавшаяся разветвленная инфраструктура, производственно-технологическая и социально-культурная связность, региональная идентичность, а также наличие мощных ядер, в качестве которых выступают крупнейшие города, обладающие статусом административно-политических, экономических и организационных центров и скрепляющих подведомственные им территории в единое региональное социально-экономическое пространство.

Библиографический список

1. *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск, 2012. С. 77.
2. *Перцик Е. Н.* Экономико-географическое положение Ростова-на-Дону // Проблемы расселения: история и современность. М., 2011. С. 96.
3. *Татаркин А. И.* Социально России // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 23.
4. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2010. С. 874.
5. В качестве иллюстрации можно привести Центральный экономический район. Несмотря на то, что он расположен в «центре Европейской части страны» (см.: Региональная экономика: учебник / под ред. В. И. Видяпина, М. В. Степанова. М., 2005. С. 334), в масштабах территории России он находится на западе. Центральным его называют благодаря исторически сложившейся роли входящих в его состав субъектов РФ (г. Москва) экономического и политического центра.

V.Akberdina, A. Sergeeva

SUMMARY OF THE OF TH MEDIAN SUBREGIONS CONCEPT

Abstract

In the article considers the basic concept of median subregion, their features, specific characteristics. The article presents the main views of the median sub-region in the Russian and foreign practice. This article was prepared with the financial support of the grant RFBR № 15-06-08375a «Modeling the flows in the entrepreneurial ecosystem of the median subregions».

Keywords: median sub-regions; spatial development.

УДК 001.895

Р. А. Акимов

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА ИННОВАЦИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются философские аспекты феномена инновации и инновационной деятельности. Для этого раскрывается феномен инноваций с точки зрения философии науки, рассматриваются разные взгляды на этапы реализации инновации, производится попытка разграничить инновации и научные открытия и опытно-конструкторские разработки, оцениваются подходы к мироощущению Платона и Аристотеля. В заключении определяется главное отличие инноваций от науки – успешная коммерциализация продукта.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, феномен инноваций, коммерциализация, НИОКР.

В последнее время понятие «инновация» прочно вошло в повседневную жизнь. Нововведения — так еще называют инновации — используются в любой деятельности человека, и возникают, как правило, в результате научных исследований и вносят в профессиональную среду человека элементы новшества. В общем виде схема инновационного процесса может быть представлена следующим образом: инновации, как новые знания => внедрение иннова-

ций в практическую деятельность => трансферт инноваций, т. е. распространение инновационного опыта в другие сферы жизни, в другие регионы, а также применение его в новых условиях. Термин «инновация» является синонимом термина «нововведение», или «новшество», и может использоваться вместе с ними или вместо них. Термин ввел в научный оборот австрийский ученый Йозеф Шумпетер в начале XX в. В его работе «Теория экономического развития» (1911 г.), где ученый впервые рассмотрел вопросы «новых комбинаций» изменений в развитии и дал полное описание инновационного процесса. В обиход термин «инновация» Шумпетер ввел уже в 30-е гг. XX в., понимая под инновацией изменение с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности.

Сущность инновации более правильно определять в качестве результата творческого процесса, в самом широком его смысле, в виде созданных и внедренных новых потребительских стоимостей. При этом важнейшим признаком инновации в современных условиях экономического развития можно считать новизну именно его потребительских свойств. Техническая же новизна играет второстепенную роль. Инновация, вообще говоря, и отличается от научного знания доступностью для массового потребителя.

Сущность инновационного процесса имеет значительное теоретическое наследие. Она является одной из самых изучаемых проблем в данной области. Инновационный процесс, в общем виде, обозначает непрерывный, комплексный процесс создания нового знания, внедрения его в производство и распространения в масштабах всей экономики. Однако единства взглядов по данному вопросу нет. Инновационный процесс до периода рыночной трансформации отечественной экономики преимущественно представлялся как последовательное явление, включающее в себя определенные стадии работ, начинающееся с научных исследований и заканчивающееся непосредственным производством продукта. Данную позицию занимало большинство экономистов особенно в 60–70-е годы и в первой половине 80-х годов. Расхождения по данному вопросу были связаны с классификацией стадий процесса «исследование-производство», его границами, организационными формами различных этапов.

Некоторые авторы считают, что непрерывный цикл «исследование-производство» представляет из себя полный путь продукта от начала прикладных исследований до промышленного производства и исключают из этого процесса фундаментальные исследования, т. к. вероятность перехода к прикладным исследованиям от них невелика, зависит от современного развития человека и технологий, а также отличается большим своеобразием.

Инновация — это результат творческой и инвестиционной деятельности, главной целью которой является коммерциализация научных исследований и разработок. Такая деятельность направлена на разработку концепций, опытное изготовление и массовое распространение новых видов товаров, услуг и технологий, организационных форм на уровне фирмы (предприятия). Целью инновации является повышение конкурентоспособности фирмы, товара и услуг и повышение за счет этого прибыли фирмы [8].

Соответствующие основания инновации необходимо искать в каждой сфере. Это могут быть уровни новизны, масштабность, характер и содержание целей и т. п. Инновация — такой процесс, в котором:

- используются частично или полностью охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности;
- обеспечивается выпуск патентоспособной продукции;
- обеспечивается выпуск товаров (услуг), по своему качеству соответствующих мировому уровню или превышающих его;
- достигается высокая экономическая эффективность в производстве или потреблении продукта [1].

Другими словами, в случае если открытие или патент на изобретение выведены на рынок в массовое производство, и имеет при этом положительный финансовый результат, в той или иной области, после удачных научно-исследовательских и опытно конструкторских разработок, то этот процесс можно признать инновационным, а продукт — инновацией.

Инновационная деятельность — совокупность событий, которые касаются различных областей науки. Еще в классической теории философии можно найти корни современной философии инноваций, основными представителями которой считаются древнегреческие философы Платон и Аристотель. Системный характер философия приобрела именно в их трудах. Проблематика идей Платона и форм Аристотеля является сердцевинной античной философии в той ее части, которая имеет отношение к науке в целом и инновационной деятельности. Вкратце можно сказать, что от Платона философия инноваций берет главнейшим результатом представление Платона о мире, как сочетании осязаемого мира вещей и невидимого мира идей [7]. Аристотель же представлял бытие как некую живую субстанцию, которая характеризуется четырьмя основными условиями: материя, форма, причина, цель. Как систематизатор античной науки он также отмечал, что предметом анализа мыслителей были четыре рода причин: материальная, движущая, формальные и целевые начала, или первоосновы [2]. Анализ Аристотеля динамики процессов, их движение и изменение (сегодня является динамическим подходом) считается продуктивным материалом для развития современных взглядов об инновациях. Развитие науки и техники влечет за собой изменение мышление человека. Еще менее ста лет назад о терминах «инновации» и «инновационная деятельность» человечество ничего не знало, а уже сегодня этими понятиями пронизано все вокруг. Это приводит нас к необходимости философского осмысления феномена научно-инновационной деятельности и инноваций.

Но следует четко разделять инновации и научно-инновационную деятельность. Инновация — это продукт научно-инновационной деятельности, но инновация обязательно должна быть продуктом, который востребован в обществе и доступен массовому потребителю. Научное открытие, которое невозможно запустить в массовое производство, свойства которого непонятны или не востребованы обычным пользователем, которое не представляет собой конкретного продукта, не может в полной мере считаться инновацией. С другой стороны, инновационным какой-либо продукт делает отличающее свойство, которое не всегда является следствием научной деятельности, а может быть, например, удачным маркетинговым ходом, удобной эргономичной формой или неожиданным применением старых вещей. Динамическая структура научно-инновационной деятельности выглядит так: базовое научное знание => изобретение => научная инновация => распространение. Отдельно стоит рассматривать вопрос коммерциализации разработок. Можно говорить о том, что этот процесс является отдельным видом предпринимательства. Каждый научно-инновационный бизнес-проект по своей сути есть выбор модели коммерциализации продукта и план по его дальнейшему выводу на рынок. Коммерциализация научной разработки — не только важнейший элемент преобразования научных разработок в конечные продукты, но и философская суть феномена инновации. От понимания этого процесса зависит успех развития инноваций на любом уровне.

Методологический подход к изучению научно-инновационной деятельности заключается в анализе эффективности коммерциализации научных разработок, в частности тех компонент, которые ее, эффективность, определяют. Проведя анализа возможностей ученого-новатора присвоить себе право на интеллектуальную собственность и ценность научной инновации, можно сделать вывод о том, что патентная защита имеет ограниченную эффективность по сравнению с опережением по времени, коммерческой тайной (неясностью и сложностью технологии) и взаимодополняющими способностями в области производства, продаж и обслуживания. Любой бизнес-проект в научной сфере — это проект по выводу на рынок и коммерциализации отдельной научной разработки. Одним из важнейших элементов перехода продукта из состояния научной разработки непосредственно в инновацию является правильный выбор модели коммерциализации. В свете выше обозначенного можно говорить о необходимости комплексного подхода к осмыслению процесса коммерциализации научных разработок, более глубокому изучению данной проблематики, вплоть до выделения в отдельную научную дисциплину.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Риторика // Античные риторика. М.: Изд-во МГУ, 1978.
2. *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1, 4. М., 1975. С. 181.
3. *Габитов А. Ф.* Инновационный процесс в современной России: региональный аспект: Дисс. канд. экон. наук : 08.00.01. СПб., 2002. 128 с.
4. *Лебедев С. А., Ковылин Ю. А.* Философия научно-инновационной деятельности. М.: Академический проект, Парадигма, 2012. 182 с.
5. *Лебедев С. А.* Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академический проект, 2004. 320 с.
6. *Стажнинский В. П., Ценкало В. В.* Методология науки и инновационная деятельность: пособие для аспирантов, магистрантов и соискателей ученой степени кандидата наук всех специальностей. Минск: БНТУ, 2010. 3-е изд., испр. и доп. 288 с.
7. *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 346–413.
8. Управление инновациями: Кн. 1. Основы организации инновационных процессов. М.: Высш. шк., 2003. С. 34–45.

Roman A. Akimov

PHILOSOPHICAL APPROACHES TO THE STUDY PHENOMENON OF INNOVATION

Abstract

The philosophical aspects of the phenomenon of innovation and innovative activity are examined in the article. For this purpose the phenomenon of innovations opens up from the point of view of philosophy of science, different looks are examined to the implementation of innovation phases, going is estimated near attitude of Plato and Aristotle. In a conclusion the main difference of innovations is determined from science is successful commercialization of product

Keywords: innovation, innovative activity, the phenomenon of innovation, commercialization, research and development.

УДК 330.59

Е. В. Васильева

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ БЛАГАМИ, УДОВЛЕТВОРЯЮЩИМИ ИХ ПОТРЕБНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Аннотация

В статье оценивается удовлетворенность потребностей населения регионов России как характеристика благосостояния населения. В статье представлены и решены задачи, во-первых, методологического характера — раскрыто содержание и структура понятия «благосостояния населения». Во-вторых, методического аспекта — разработана методика оценки благосостояния населения. Методика агрегирует имеющуюся информацию о степени удовлетворения потребностей населения региона. Предлагается оценивать нормативным методом объем благ, необходимых для удовлетворения физиологических потребностей, и экспертным и статистическим методами — для удовлетворения более эластичных потребностей. Апробация методики проведена по 83 субъектам РФ. Приведено сравнение результатов с 2007 г., поскольку именно с этого года на федеральном уровне активно разворачивается политика, направленная на повышение благосостояния населения.

Ключевые слова: благосостояние, удовлетворение потребностей, индекс.

Наиболее распространенная точка зрения характеризует *благосостояние* как обеспе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта проведения научных исследований «Информационно-аналитическая система «Антикризис»: диагностика регионов, оценка угроз и сценарное прогнозирование с целью сохранения и усиления экономической безопасности и повышения благосостояния России», проект №14-18-00574.

© Васильева Е. В., 2015

ченность населения необходимыми материальными и духовными благами, т.е. предметами, услугами и условиями, удовлетворяющими определенные человеческие потребности [1]. С целью оценки и анализа уровня благосостояния населения целесообразно рассмотреть содержание и структуру этих потребностей. В общем смысле под **потребностью** понимается состояние нужды организма в том, что необходимо для его нормального существования и развития. Самой известной является теория американского психолога А. Маслоу, который положил в систему потребностей личности принцип иерархии. Иерархия потребностей выстроена с позиции насущности их удовлетворения. Иерархия включает пять уровней потребностей: физиологические потребности; потребности в безопасности и комфорте; потребности в общении и любви; потребности в самоутверждении и признании; потребности в самоактуализации. Эти потребности являются универсальными, т. е. объединяют всех людей независимо от национальности, стиля жизни, привычек и др. Предложенная иерархия потребностей применима как к отдельному индивиду, так и социальным группам и обществу в целом.

Рассматривая благосостояние как степень удовлетворения потребностей, методологически важно определить не только структуру этих потребностей, но и **объем благ, необходимый для их удовлетворения**. Величина потребности может быть представлена объемом потребления того или иного блага на уровне насыщения. Объем благ, необходимых для удовлетворения физиологических потребностей, можно определить **нормативным методом**. Применение научно обоснованных норм в качестве значений объемов и структуры потребления продуктов питания и стандартов обеспеченности жильем обосновано в силу того, что, во-первых, данные потребности требуют первоочередного удовлетворения и относятся к наименее эластичным потребностям. Во-вторых, рекомендуемые нормы питания и стандарты обеспечения жилыми помещениями поддаются наиболее строгому обоснованию.

Объем благ, необходимых для удовлетворения более эластичных потребностей, можно определить **экспертным и статистическим методами**. В соответствии с Концепцией-2020 в качестве целевых ориентиров социально-экономического развития России рассматриваются стандарты благосостояния человека, характерные для развитых экономик [2]. Путем проведения анализа среднероссийских и зарубежных значений возможно оценить, насколько население одной территории удовлетворено необходимыми благами по сравнению с другой. Но поскольку степень участия государства и институтов в реализации социальной политики в различных странах отличаются, предлагается рассмотреть значения показателей обеспеченности населения благами по типопредставительным странам. Наиболее часто используется классификация моделей социальной политики (моделей государств благосостояния), предложенная Г. Эспинг-Андерсеном [3]:

- неолиберальная модель (или американская) характеризуется высоким уровнем стратификации в обществе и вмешательством государства в форме регулирования рынков;
- социально-демократическая модель (или скандинавская) реализуется с низкой стратификацией общества и прямым предоставлением финансового обеспечения государством;
- консервативно-корпоративистская модель (или франко-германская) имеет следствием высокий уровень стратификации при государственном вмешательстве, осуществляемом и в форме прямого предоставления финансового обеспечения, и в форме регулирования рынков [4].

В соответствии с представленными методологическими положениями исследования благосостояния населения разработана методика его оценки. Методика оценки благосостояния населения региона основана на расчете интегрального индекса. Ее содержание заключается в агрегировании имеющейся информации о степени удовлетворения потребностей населения региона. Индекс состоит из четырех уровней: индекс благосостояния населения региона, субиндексы, индикаторы и первичные данные (табл. 1).

Субиндексы и индикаторы для оценки благосостояния населения региона

Субиндексы	Индикаторы
Субиндекс удовлетворения физиологических потребностей	<ul style="list-style-type: none"> • степень удовлетворения потребностей населения в продуктах питания (хлебные продукты; картофель; овощи и бахчевые; фрукты и ягоды; мясо и мясопродукты; молоко и молочные продукты; яйца; рыба и рыбопродукты; сахар и кондитерские изделия; масло растительное и другие жиры), отн. ед.; • степень удовлетворения потребностей населения в жилье, отн. ед.
Субиндекс удовлетворения потребностей в безопасности	<ul style="list-style-type: none"> • ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; • распространенность убийств, случаев на 100000 чел. населения; • число дорожно-транспортных происшествий, случаев на 100000 чел. населения; • выбросы наиболее распространенных загрязняющих веществ атмосферу (диоксид серы; оксиды азота; оксид углерода) на душу населения, кг на человека.
Субиндекс удовлетворения социальных потребностей	<ul style="list-style-type: none"> • уровень занятости населения, %; • коэффициент прочности брака, число разводов на 1000 браков; • электоральной активности населения, %.
Субиндекс удовлетворения престижных потребностей	<ul style="list-style-type: none"> • число зарегистрированных легковых автомобилей, находящихся в собственности граждан, штук на 1000 чел. населения; • результативность миграции, число выбывших на 1000 прибывших.
Субиндекс удовлетворения потребностей в развитии	<ul style="list-style-type: none"> • численность студентов¹, чел. на 1000 чел. населения; • число отправленных туристов, чел. на 1000 чел. населения.

Построение индекса благосостояния населения региона включает пять последовательных этапов. **Первый этап** заключается в сборе и обработке первичных данных. Оценка благосостояния населения региона производится по данным, отслеживаемым Федеральной службой государственной статистики; Министерством внутренних дел РФ; Министерством спорта РФ; Министерством связи и массовых коммуникаций РФ; Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union); Европейском экономической комиссией ООН (UN Economic Commission for Europe); Евростатом (Eurostat); Всемирным банком (World DataBank). Значения индикаторов берутся напрямую из данных статистической отчетности или рассчитывается по предложенным формулам.

На **втором этапе** производится нормирование индикаторов. Использование научно обоснованных норм при расчете индикаторов субиндекса физиологических потребностей дают основу для анализа степени удовлетворения потребностей населения в продуктах питания и жилье. Остальные выбранные индикаторы являются различными по структуре и единицам измерения, при помощи нормализации их необходимо привести в сопоставимый вид. Нормирование индикаторов заключается в сравнении фактического значения индикатора со среднероссийским и среднемировым значениями. При этом необходимо учесть, что выбранные индикаторы характеризуют как «положительные», так и «отрицательные» явления. Это значит, что чем больше значение «положительного» индикатора, тем больше должно быть значение индекса, и наоборот. Нормирование этих индикаторов рассчитывается по формуле:

$$I_{ij} = \sqrt{\alpha_{ij}^2 / \alpha_{iРФ} \cdot \alpha_{iмир}}, \quad (1)$$

где α_{ij} — фактическое значение i -ого индикатора j -ого субъекта РФ;

$\alpha_{iРФ}$ — среднероссийское значение i -ого индикатора;

$\alpha_{iмир}$ — среднемировое значение i -ого индикатора. Данное значение рассчитывается как среднеарифметическое значение индикаторов по таким странам, как США, Швеция и Германия, характеризующих три модели государств благосостояния.

Для остальных индикаторов применяется формула:

¹ Поскольку статистические сведения о численности студентов по России не соответствуют Международной стандартной классификации образования редакции 1997 г. (МСКО 1997), то: по России – студенты средних профессиональных и высших учебных заведений, аспиранты и докторанты; по странам дальнего зарубежья – студенты высших учебных заведений и учреждений послевузовского профессионального образования (ступеней 5 и 6 МСКО 1997).

$$I_{ij} = \sqrt{\alpha_{iРФ} \cdot \alpha_{iмир} / \alpha_{ij}^2} . \quad (2)$$

На *третьем этапе* вычисляются значения субиндексов по следующей формуле:

$$I_{sj} = \left(\prod_{i=1}^n I_{ij} \right)^{1/n} , \quad (3)$$

где n — число индикаторов, входящих в s -ый субиндекс.

Расчет значения интегрального индекса благосостояния производится на *четвертом этапе*. Субиндексы включаются в модель с определенным весом, который характеризует их место в иерархии потребностей. Весовые коэффициенты рассчитываются на основании экспертных оценок (табл. 2). Сумма всех весов равняется единице.

Таблица 2

Значения весовых коэффициентов субиндексов благосостояния населения

Субиндексы	Значение весового коэффициента
Субиндекс удовлетворения физиологических потребностей	0,30
Субиндекс удовлетворения потребностей в безопасности	0,25
Субиндекс удовлетворения социальных потребностей	0,20
Субиндекс удовлетворения престижных потребностей	0,15
Субиндекс удовлетворения потребностей в развитии	0,10

Все субиндексы и весовые коэффициенты агрегируются в интегральный индекс, который рассчитывается по следующей формуле:

$$I_j = \sum_{i=1}^m w_i I_{sj} \quad (4)$$

где w_i — весовой коэффициент s -ого субиндекса j -ого субъекта РФ;

m — число s -их субиндексов, $m = 5$.

На *заключительном этапе* обрабатываются полученные результаты. Все субъекты РФ ранжируются по уровню благосостояния населения.

Результаты.

На основе представленной методики проведена апробация по 83 субъектам РФ за 2012 г. Столичные регионы и республики Северного Кавказа, пользующиеся правительственной поддержкой, находятся на первых строчках рейтинга. Нефтегазодобывающие провинции, которые по-прежнему опережают остальные субъекты РФ по экономическим и финансовым показателям, в полной мере не удовлетворяют потребности своего населения, расположены в конце представленного рейтинга. Также среди аутсайдеров регионы, объединенные сходными природными зонами — регионы российского Севера.

Актуальность представленного рейтинга по уровню благосостояния субъектов РФ определяется необходимостью повышения информационной прозрачности субъектов РФ. Особую значимость данный уровень благосостояния приобретает в связи с принятием в качестве официальной установки государственной региональной политики обеспечение сбалансированности социально-экономического развития субъектов РФ. Полученный рейтинг благосостояния региональных социумов дает нам представление о величине общественного благосостояния, а также наполняет данную категорию реальным содержанием и определяет факторы, влияющие на ее формирование на разных уровнях агрегирования. Принципиально важным является то, что рейтинг построен на основе объективных показателей официальной статистики, доступных широкому кругу заинтересованных пользователей. Использование рейтинга предусматривает неявное сравнение интегрального индекса региона с другими регионами, чтобы обеспечить сравнимость интегральных индексов, рассчитанных для разных моментов времени. Оценка состояния с помощью индексных моделей дает широкие возможности дальнейшего использования в моделировании, прогнозировании и оптимизации исследуемого процесса.

Библиографический список

1. Потребность // Большой Экономический словарь / под ред. А. Н. Азриеляна. 4-е изд. доп. и перераб. М.: Институт новой экономики, 1999. С. 83.
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Режим доступа: <http://base.garant.ru/194365/#ixzz37cYPtSGy>.
3. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.
4. *Коваленко С. А.* Социальная политика: основания и модели // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 108–120.

Elena V. Vasilyeva

DISTRIBUTION OF THE BENEFITS MEET THE NEEDS OF THE POPULATION OF RUSSIAN REGIONS: METHODOLOGICAL AND METHODICAL ASPECTS

Abstract

The paper estimates the satisfaction of needs of population of the Russian regions as the characteristics of the welfare. Two tasks were solved. The first methodological task was to disclose contents and structure of the welfare. The second task was to develop a method of welfare evaluation. The method aggregates the information about the level of satisfaction of the needs of the regional population. The author proposes to assess the volume of benefits, required to meet the physiological needs, by standard way, and the volume of benefits, required to meet more elastic needs, by expert and statistical ways. Testing method conducted in 83 federal subjects of Russia. The results are presented in the form of the rating. Comparison of results with the results 2007 is presented, since starting this year the welfare policies actively deployed at the federal level.

Keywords: welfare, satisfaction of needs, index.

УДК 332.13

П. Л. Глухих, Л. В. Воронина

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Аннотация

В статье рассматриваются возможности социокультурного подхода по развитию предпринимательства в муниципальном образовании, оказывающего положительные эффекты на субъекты хозяйствования (население, органы власти и др.). Развитие социокультурных факторов предпринимательской культуры и оценка ее роли в формировании предпринимательства недостаточно раскрыты в теоретическом и методическом плане. Неоднозначным является влияние социокультурных факторов предпринимателя на его активность. Разработана классификация факторов, оказывающих влияние на развитие предпринимательства в муниципальном образовании, включающая и социокультурные.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская культура, социокультурные факторы, муниципальная экономика.

В результате изменения условий хозяйствования усиливается активизация источников саморазвития муниципальных образований. Всего лишь около 2,5 % муниципалитетов могут обеспечить свои расходные бюджетные обязательства полностью за счет собственных доходов, что является фундаментальным ограничением развития. В связи с этим, создается необ-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Управление ценностно-ориентированными факторами развития предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях», проект № 15-32-01281.

© Глухих П.Л., Воронина Л. В., 2015

ходимость пересмотра традиционных (незаслуженно забытых) и поиска новых источников роста на муниципальном уровне. Поэтому, с одной стороны, в хозяйственной практике предпринимательство остается недостаточно реализованным и перспективным источником для территории. С другой стороны, такие положения недостаточно подкреплены соответствующим теоретическим и методическим обоснованием. В частности, по умолчанию считается, что значение предпринимательства важно и необходимо для социально-экономического развития территории, но используется этот потенциал не в полной мере. Неизвестно, насколько положительные последствия предпринимательства (повышение совокупного объема производства, рост налоговых поступлений в местные бюджеты, увеличение личного и располагаемого доходов предпринимателя, реализация личных способностей и др.) превышают отрицательные эффекты (увеличение расходов на поддержку предпринимательства, усиление экономического расслоения жителей и др.), а также в какой мере окупаются бюджетные вложения и инвестиции непосредственно в поддержку предпринимательства и развитие его инфраструктуры. Нет однозначного ответа, сдерживающим или развивающим фактором предпринимательства выступает существующая степень предпринимательской культуры. Таким образом, это сложившееся противоречие между практикой и теорией обуславливает необходимость выявления и оценки социокультурных факторов развития предпринимательской культуры.

Внимание исследователей всегда сосредотачивалось на экономически обусловленных факторах развития предпринимательства (труд, земля, капитал и др.). Теоретические основы предпринимательства раскрыты такими зарубежными учеными, как: Р. Кантильон, А.Смит, Ж. Б. Сэй, А. Маршалл, Н. Фрэнк, Ф. Хайек, Р. Хизрич, М. Питер, С. Бланк, А. Шапиро и др. Они сформировали базовые положения о категории «предпринимательство», в том числе разработали особые функции, послужившие импульсом для последующего развития теории предпринимательства. Существенное значение в становлении особых теоретических подходов к предпринимательству предложили отечественные исследователи: И. Т. Посошков, Н. С. Мордвинов, С. Е. Десницкий, А. И. Агеев, А. Н. Асаул, Ю. Б. Рубин, Г. Л. Багиев, Л. Н. Иванова, В. Я. Горфинкель, Л. А. Колесникова, М. Г. Лапуста, Н. Н. Молчанов и др. В их работах представлены актуальные для отечественного национального хозяйства направления развития классических положений о предпринимательстве.

Весомый вклад в исследование значимости и содержания предпринимательской культуры внесли такие ученые, как: В. Зомбарт, И. Шумпетер, Р. Барр, П. Друкер, В. Гартнер, Дж. Кейнс, Л. фон Мизес, И. Кирцнер, У. де Сото, П. В. Журавлев, Е. В. Иванова и др. Разработанные подходы развивались от обобщения предпринимательской культуры как фактора, влияющего на предпринимательскую деятельность до системного исследования в качестве самостоятельного научного направления. Проявленный интерес к сущности предпринимательской культуры не нашел должного отражения в формировании научных исследований комплексного социокультурного подхода к развитию предпринимательства в разных возрастных группах населения, в том числе в молодежной среде.

Факторы, оказывающие влияние на развитие предпринимательской деятельности, в том числе и предпринимательского потенциала, принято представлять в виде двух групп (рис. 1):

- направленные на изучение предпринимательского потенциала изнутри (внутренние факторы);
- относящиеся к выявлению факторов, находящихся за пределами контроля потенциального и функционирующего предпринимателя (внешние факторы).

Рассмотрим подробнее социокультурные аспекты факторов развития. Социокультурные факторы принято подразделять на три основные составляющие: ценностные (аксиологические), отношенческие и компетентностные.

А. Ценностные, или аксиологические, факторы включают три основные группы: религиозные, нравственные ценности и традиции. Еще М. Вебер подметил, что представители немассовых религиозных течений добиваются особой реализации в предпринимательстве в

силу большей духовной и практической целенаправленности [1]. В то время как христианство, особенно раннее и средневековое, трактует предпринимательство, как и другие земные дела, как не соответствующие высокому идеалу. Поэтому статус самостоятельной хозяйственной деятельности длительное время оставался на низком уровне, что в известной мере накладывает свой отпечаток на современное неоднозначное восприятие предпринимательства в России.

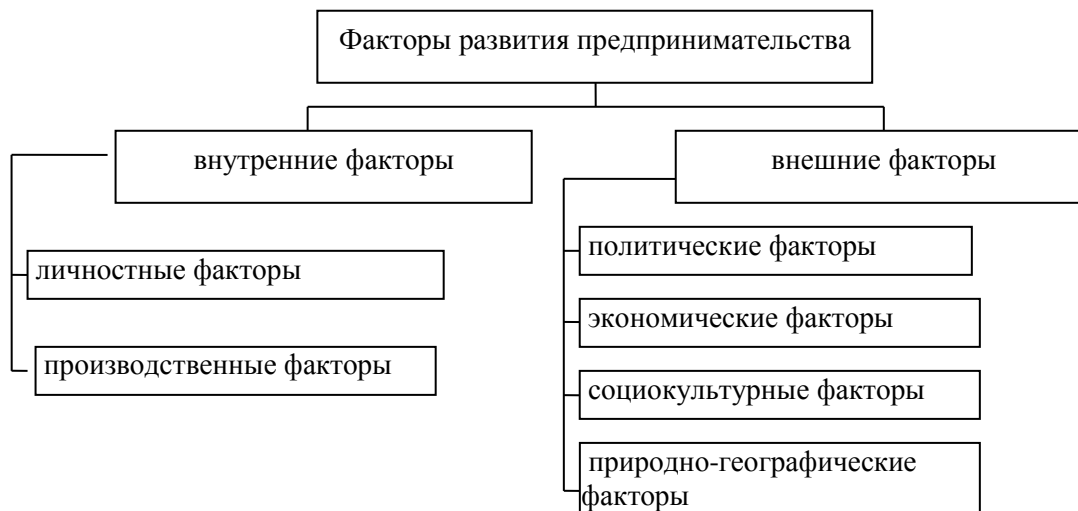

Рис. 1. Классификация факторов развития предпринимательства [2]

Кроме религиозных ценностей большое значение имеют нравственные. Признанный эксперт в области социокультурных аспектов предпринимательства В. Зомбарт выделил следующие черты хозяйственной нравственности [4]: рациональное ведение хозяйствования, экономизация хозяйства, деловая мораль.

Традиции, как третья составляющая ценностных факторов развития малого предпринимательства, аккумулируются в течение длительного времени и приводят к продолжительным последствиям. К примеру, в протестантской этике создавались ценностные ориентации на инвестирование и бесконечное развитие производства [3]. На российской почве укоренились несколько другие приоритеты, например, такие как накопление и поддержание хозяйственного запаса на случай непредвиденных событий.

Б. Отношенческие факторы. Для предпринимателей как активных субъектов характерны особые жизненные цели и приоритеты [6]. Цели по-разному осуществляются и требуют различных подходов и специальных личностных качеств предпринимателя, а их знание и умелое применение позволяют создать и поддерживать благоприятные условия функционирования субъекта малого предпринимательства.

В. Компетентностные факторы. Они подразумевают наличие у предпринимателя специальных как врожденных, так и приобретенных способностей, знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности. К наиболее распространенным из них принято относить следующие:

- четкое понимание сильных и слабых сторон своей деятельности;
- понимание экономической ситуации в регионе, стране, состояния дел мировой экономики (темп экономического роста, уровень налоговой нагрузки, динамика инфляции, емкость рынка, прогнозные оценки по основным экономическим показателям);
- адаптация в правовом поле (адекватность восприятия действующего законодательства, оценка степени изменчивости, противоречивости правовых норм и др.);
- оценка реального уровня технологического развития (степень износа основных фондов, возможность приобретения современных технологий, состояние НИОКР и др.);

- использование результатов анализа географических, природно-климатических составляющих предпринимательской деятельности (удаленность производителей, потребителей, степень развитости местной инфраструктуры, особенности хозяйственной деятельности, жизненного уклада и т. д.);
- оценка и учет демографической ситуации (состояние рынка и спроса на рабочую силу, структура населения в районах производства, потребления и др.);
- быстрая адаптируемость к внешним условиям, реалистичное восприятие окружающей бизнес-среды.

Переосмысление и оценка факторов развития предпринимательства, особенно недостаточно изученных, таких как социокультурные, может стать импульсом, как в развитии уже функционирующих молодых предпринимателей, так и в повышении предпринимательской культуры населения. Положительный эффект не ограничится количественным и качественным ростом предпринимательства, а выступит комплексным процессом реализации имеющегося у населения предпринимательского потенциала, который задействует личные предпринимательские способности, существующие возможности и доступные ресурсы муниципального образования. Управление факторами развития предпринимательской культуры населения должно стать дополнительным комплексом мер государственной и муниципальной поддержки предпринимательства путем создания соответствующих условий, что позволит получить дополнительные положительные эффекты для территории.

Библиографический список

1. Вебер А. Теория размещения промышленности : Пер. с нем. Н. Морозова /Под ред. и с предисловием Н.Н.Баранского. М.-Л.: Книга, 1926.
2. Глухих П. Л. Почему становятся предпринимателями: теоретико-методологические основы // Предпринимательство. 2011. № 4. С. 1611–75.
3. Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Издательство Магистр, 1998. С. 82.
4. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по нравственной истории современного экономического человека. М., 1994. С. 46–49.
5. Стожко К. П., Тарасова О. В., Новожилов А.Е., Маяков Н.Н. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та. 2005. 238 с.
6. Франц О. Б. Алгоритм выявления в молодежной среде лиц, имеющих реальный личностный потенциал для успешной самореализации в предпринимательской деятельности как условие эффективности бюджетных расходов // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2011. № 3. С. 111–119.

Pavel L. Gluhih, Ludmila V.Voronina

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP OF THE MUNICIPALITY

Abstract

The article discusses the possibility of a socio-cultural approach for the development of entrepreneurship in the municipality that have positive effects on business entities (population, authorities and others). Development of socio-cultural factors of entrepreneurial culture and an assessment of its role in the formation of entrepreneurship are insufficiently opened in the theoretical and methodical plan. Influence of sociocultural factors of the entrepreneur on his activity is ambiguous. The classification of the factors having impact on development of entrepreneurship in municipality, including and sociocultural is developed.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneurial culture, sociocultural factors, municipal economy.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Аннотация

Человеческий капитал — это приобретенный запас знаний, умений, навыков. Целесообразное использование этого капитала в сфере общественной деятельности способствует росту производительности труда и производства. Использование данного запаса приводит к росту зарплаток (доходов) данного работника в будущем путем отказа от части текущего потребления. Человеческий капитал сельского хозяйства Свердловской области имеет низкий уровень, что дает предпосылки для его анализа, выявления факторов формирования и принятия мер для его совершенствования.

Ключевые слова: человеческий капитал, здоровье, образование, факторы формирования человеческого капитала, человеческий капитал сельского хозяйства.

Формирование человеческого капитала это постоянный, непрерывный процесс, с помощью которого личность достигает своего наивысшего потенциала и стремления к оптимальному сочетанию образования, трудоустройства, формированию навыков и развитию личности. Формирование человеческого капитала это длительный процесс повышения продуктивных качеств рабочей силы, обеспечивающий высокий уровень образования, повышения мастерства. Формирование человеческого капитала имеет решающее значение для долгосрочного экономического роста страны, предоставляет те же преимущества, что и новые инновационные технологии.

По мнению Г. Тугускиной факторы внешней среды можно подразделить на две основные группы: прямого и косвенного воздействия. К факторам прямого воздействия относят поставщиков трудовых, финансовых, информационных, материальных и прочих ресурсов, потребителей, конкурентов и т. д. Факторы косвенного воздействия играют роль фоновых факторов, увеличивающих или уменьшающих экономическую устойчивость. К данной группе факторов относят состояние экономики, природные, социально-политические, нормативно-правовые факторы и т. д.

Также по ее мнению, факторы, от которых зависит формирование человеческого капитала, возможно объединить в следующие группы: социально-демографическая, институциональная, интеграционная, социально-ментальная, экологическая, экономическая, производственная, демографическая, социально-экономическая. Таким образом, человеческий капитал стоит рассматривать на национальном, региональном, отраслевом уровнях, а также на уровне предприятия и отдельного человека [3]. Исследование проблем формирования человеческого капитала позволило нам систематизировать все факторы, влияющие на его формирование и выделить факторы формирования и развития человеческого капитала сельского хозяйства. Формирование эффективного человеческого капитала невозможно без инвестиций. Инвестициями в человеческий капитал называется любая мера, предпринятая для повышения производительности труда. Накопление человеческого капитала состоит из определенных затрат, инвестиций человека (семьи, фирмы, государства) направленных на:

- поддержание здоровья;
- получение общего или специального образования;
- поиск работы;
- профессиональную подготовку и переподготовку на производстве;
- миграцию по зависящим и независимым от человека причинам;
- поиск приемлемой информации о ценах и зарплатах и т. п.
- рождение и воспитание детей.

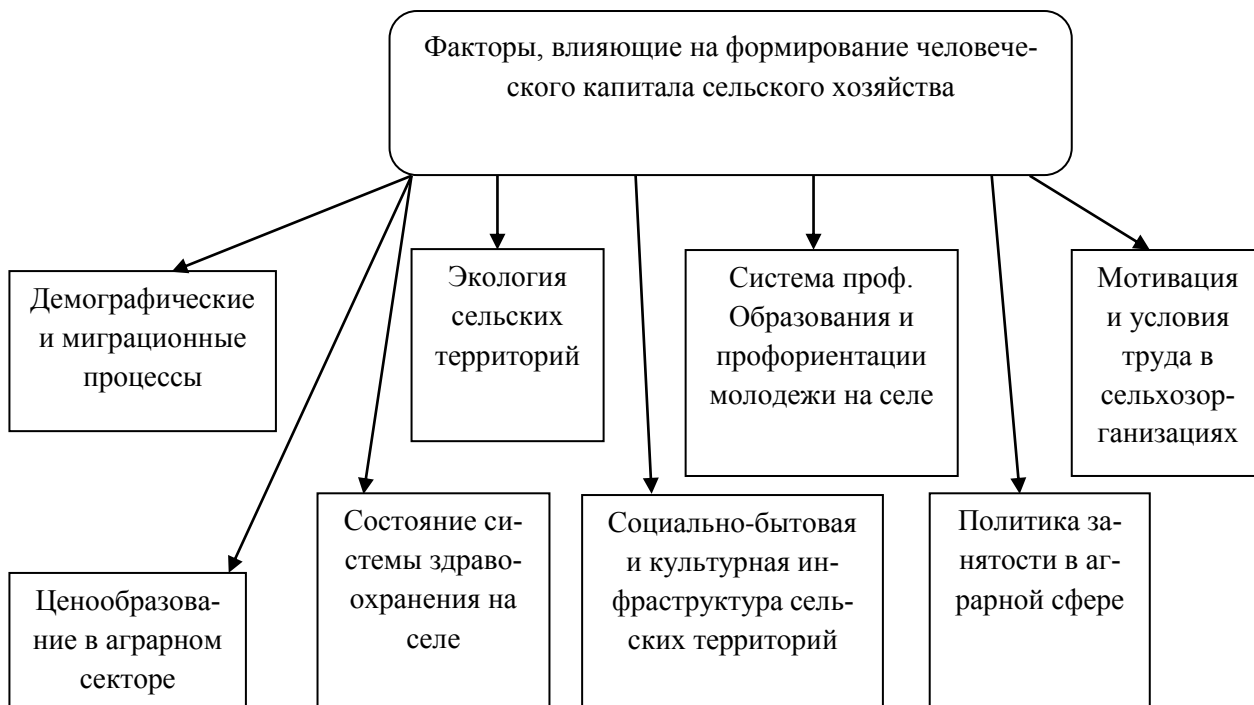

Рис. 1. Факторы формирования и развития человеческого капитала сельского хозяйства

Экономисты выделяют три вида инвестиций в человеческий капитал:

- расходы на образование, включая общее и специальное, формальное и неформальное, подготовку по месту работы;
- расходы на здравоохранение, складывающиеся из расходов на профилактику заболеваний, медицинское обслуживание, диетическое питание, улучшение жилищных условий;
- расходы на мобильность, благодаря которым работники мигрируют из мест с относительно низкой производительностью.

Существует также деление инвестиций в человеческий капитал на вещественные и невещественные. К первым относятся все затраты, необходимые для физического формирования и развития человека (издержки рождения и воспитания детей); ко вторым - накопленные затраты на общее образование и специальную подготовку, часть накопленных затрат на здравоохранение и перемещение рабочей силы.

Сегодня одним из важнейших компонентов вложений в человеческий капитал во всех странах являются расходы на обучение на производстве. В любом обучающем проекте до 80 % знаний приходится на самостоятельное обучение. Особенно это относится к профессиям специалистов - исследователей, учителей, инженеров, экспертам по компьютерам и т. д., которые призваны непрерывно обновлять квалификацию через индивидуальное изучение литературы, использование независимых обучающих программ, обучение на примере деятельности, опыта и оценок (мнений) других людей.

Инвестиции в образование по содержательному признаку обычно разделяют на формальные и неформальные. Формальные инвестиции — это получение среднего, специального и высшего образования, а также получение другого образования, профессиональная подготовка на производстве, различные курсы, обучение в магистратуре, аспирантуре, докторантуре и пр. Неформальные — это самообразование индивида, к этому виду относится чтение развивающей литературы, совершенствование в различных видах искусства, профессиональное занятие спортом и прочее.

Наряду с образованием наиболее важными являются капиталовложения в здоровье. Экономическая ценность и значимость здоровья для накопления человеческого капитала безусловны. Низкий уровень продолжительности жизни в стране автоматически включает в

число приоритетных затрат инвестиции на поддержание здоровья, что способствует продлению жизни человека, а следовательно, и времени функционирования человеческого капитала.

Инвестиции в человеческий капитал имеют ряд особенностей, отличающих их от других видов инвестиций.

1. Отдача от инвестиций в человеческий капитал непосредственно зависит от срока жизни его носителя (от продолжительности трудоспособного периода). Чем раньше делаются вложения в человека, тем быстрее они начинают давать отдачу.

2. Человеческий капитал не только подвержен физическому и моральному износу, но и способен накапливаться и умножаться.

3. По мере накопления человеческого капитала его доходность повышается до определенного предела, ограниченного верхней границей активной трудовой деятельности (активного трудоспособного возраста), а затем резко снижается.

4. Не всякие инвестиции в человека могут быть призваны вложениями в человеческий капитал. Например, затраты, связанные с криминальной деятельностью, не являются инвестициями в человеческий капитал, поскольку общественно нецелесообразны и вредны для общества.

5. Характер и виды вложений в человека обусловлены историческими, национальными, культурными особенностями и традициями.

6. По сравнению с инвестициями в иные различные формы капитала инвестиции в человеческий капитал являются наиболее выгодными как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения всего общества [2].

Роль человеческого капитала в сельском хозяйстве безусловна. Сельское хозяйство — отрасль, направленная на обеспечение населения продовольствием (пищей, едой) и получение сырья для ряда отраслей промышленности. Отрасль является одной из важнейших, представленной практически во всех странах. В мировом сельском хозяйстве занято около 1 млрд. экономически активного населения.

Ученые-экономисты достаточно давно пришли к выводу, что формирование и использование человеческого капитала в сельском хозяйстве осуществляется на тех же принципах, что и в других отраслях национального хозяйства. Однако существуют свои особенности и своя специфика, которые обусловлены особенностями сельскохозяйственного производства.

На формирование и использование человеческого капитала в сельском хозяйстве оказывают влияние те условия, которые существуют в сельской местности и на сельскохозяйственном производстве.

Для кадров АПК характерны тенденции, которые в первую очередь влияют на человеческий капитал:

1) приток рабочей силы на некоторые предприятия, области и районы в связи с переселением русскоязычного населения из бывших союзных республик и сокращением вооруженных сил;

2) перераспределение работников в сферу переработки, подсобных работ и промыслов и в сферу услуг;

3) для села характерно уменьшение доли лиц трудоспособного возраста;

4) уровень образования ниже, чем в городах.

Сельское хозяйство традиционно имеет основополагающее значение не только для обеспечения продовольственной безопасности страны, но и для устойчивого экономического роста, ведь именно село всегда являлось источником воспроизводства человеческих ресурсов для всех отраслей экономики. В 2009 г. в сельской местности проживало более четверти жителей России (27 %), в 2013 году проживает 25,9 %, а именно 37,2 тыс. человек. Уровень и качество жизни городского и сельского населения существенно различаются. Так, в 2008 г. в России средняя заработная плата по отраслям составила 17 290,1 рублей, при этом уровень заработной платы в сельском хозяйстве был на 49 % ниже общероссийского уровня и нахо-

дился на отметке 8 474,8 рублей. В 2013 году заработная плата в целом по отраслям составила 29792 рубля, а в сельском хозяйстве 15724, то составляет 52,7 % [1].

В развитых странах сокращение занятости в сельскохозяйственном производстве — планомерный процесс, связанный с постоянным ростом производительности труда. В целом, доля самодельного населения в аграрном секторе колеблется в пределах 3–4 % и имеет тенденцию к дальнейшему сокращению. Но, как уже отмечалось, за этим сокращением стоит не структурный кризис, а огромный рост производительности труда.

Происходит отставание сельского хозяйства от других секторов российской экономики по основным экономически значимым показателям с позиции активно развивающейся с 50–60х гг. прошлого века концепции человеческого капитала. Согласно данной концепции, основоположниками которой являются представители чикагской экономической школы Т. Шульц и Г. Беккер, человеческий капитал является краеугольным камнем конкурентоспособности и, как следствие, экономического роста и благосостояния государства в целом и отдельных секторов экономики в частности. Соответственно, в условиях постиндустриального общества дальнейший экономический рост может быть обеспечен, главным образом, за счет формирования, накопления и развития составляющих человеческого капитала посредством вложения инвестиций в соответствующие сферы. При этом инвестиции в материальные активы отходят на второй план. По мнению исследователей концепции человеческого капитала, образование и здоровье являются важнейшими объектами для инвестирования.

Действительно, в современных экономических условиях трудно переоценить значение инвестиций в высшее образование, ведь благодаря ним происходит формирование высококвалифицированных специалистов, высококвалифицированный труд которых играет определяющую роль в увеличении качества и производительности труда, необходимых для обеспечения экономического роста.

Библиографический список

1. *Горбунова О.С.* Особенности человеческого капитала в сельском хозяйстве // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. Сборник научных статей. Липецк: ООО «Максимал информационные технологии», 2014. № 12. С. 98–101.
2. *Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д.* Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999.
3. *Тугускина Г.* Факторы, влияющие на стоимость человеческого капитала // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 3. С. 68–75.

Olesya S. Gorbunova

FACTORS FORMATION OF THE HUMAN CAPITAL IN AGRICULTURE

Abstract

The human capital is the acquired stock of knowledge, abilities, skills. Expedient use of this capital in the sphere of public work promotes growth of labor productivity and production. Use of this stock leads to growth of earnings (income) of the given worker in the future by refusal of part of the current consumption. The human capital of agriculture of Sverdlovsk region has the low level that gives prerequisites for its analysis, identification of factors of formation and taking measures for its improvement.

Keywords: Human capital, health, education, factors of formation of the human capital, human capital of agriculture.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые проблемы отечественного высшего образования. Обоснована необходимость проведения широкомасштабного мониторинга состояния системы высшего образования на уровне регионов России. Приведены результаты апробации предложенной методологии мониторинга на данных по субъектам Российской Федерации, формирующим Уральский федеральный округ, за период 2000-2012 гг. Сделан вывод о наличии положительной динамики в развитии системы высшего образования в субъектах УрФО, однако невысокие значения интегральных оценок ее состояния свидетельствуют о необходимости значительных усилий для повышения уровня ее эффективности. Установлено, что не прослеживается прямой зависимости между ростом финансирования системы образования и повышением ее эффективности.

Ключевые слова: система высшего образования, регион, индикатор, высшее учебное заведение, социально-экономическое развитие.

Результатом интенсификации глобализационных процессов [4, 10] и формирования международного рынка труда является проведение широкомасштабной реформы всей системы отечественного профессионального образования, которая нашла отражение в принятии Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273–ФЗ от 29 декабря 2012 г.).

Вступивший в силу 1 сентября 2013 года закон существенно изменил структуру системы высшего образования в России, закрепив законодательно реализацию основных принципов Болонской декларации. Целями принятия данного закона является присоединение к единому европейскому образовательному пространству, создание предпосылок для изменения роли страны в международном разделении труда, формирование возможностей интеграции в глобальный рынок труда [3].

Задача создания единой европейской образовательной системы, конкурентоспособной по отношению к американской и азиатской системам, вынуждает менять подходы к организации функционирования национальной системы профессионального образования, ориентирует ее на создание унифицированной, многоуровневой, «прозрачной» системы подготовки квалифицированных специалистов.

В настоящее время перед экономической наукой остро стоит вопрос о дисбалансе структуры выпускающих специальностей по уровням образования (высшее-среднее-начальное), слабой ориентированности учебных заведений на актуальные потребности национальной экономики, что приводит к снижению эффективности системы профессионального образования.

Ежегодно увеличивается доля выпускников с высшим образованием и снижается доля специалистов среднего звена. В 1990 г. выпускников со средним и начальным профессиональным образованием было в 4,8 раз больше (636,6 и 1271,5 тыс. человек соответственно),

чем выпускников высшим образованием (401,1 тыс. человек) [9]. В 2013 г. выпускников с высшим образованием (1291 тыс. человек) в 1,5 раза больше, чем выпускников со средним и начальным профессиональным образованием (439,0 и 436,0 тыс. человек соответственно) [8].

Также одной из проблем российского профессионального образования является противоречие между предпочтениями индивидов в выборе образовательных траекторий и потребностями реального сектора экономики, о чем свидетельствуют периодические заявления представителей власти и бизнеса об остром дефиците рабочих кадров и специалистов со средним специальным техническим образованием.

К 2012 году количество выпускников с высшим образованием, обучавшихся по специальностям в области общественных и гуманитарных наук составило 73 % от общего выпуска (из них по экономике и управлению — 33 %), в области технических наук — 23 %, в области естественных наук — 4 % [6].

Анализ состояния системы высшего образования в зарубежной и российской практике проводится преимущественно через присвоение рейтинговой оценки непосредственно самим университетам. Составление различного рода рейтингов в настоящее время является широко распространенным и полемичным инструментом анализа, поэтому и подходы к рейтингованию высших учебных заведений периодически подвергаются критике со стороны экспертного сообщества.

Отечественные рейтинги также вводят балльные оценки значимости показателей, которые ориентированы на сопоставление российских университетов между собой и выявление вузов-лидеров в области предоставления образовательных услуг. Критерием эффективности работы вузов по оценкам упомянутых рейтингов является попадание вуза в данный рейтинг и занимаемая в нем позиция. Кроме того, Министерство образования и науки РФ оценивает эффективность работы российских вузов по заданным критериям, ориентированным на выявление неэффективных государственных образовательных учреждений и последующую их реорганизацию.

Целью формирования глобальных рейтингов университетов является помощь потребителям образовательных услуг в выборе лучших университетов мира. Цель мониторинга, проводимого Минобрнауки РФ — оценка эффективности деятельности российских вузов.

Однако важным этапом в осуществлении стратегии реформирования системы высшего образования в России может стать проведение широкомасштабного мониторинга ее состояния на региональном уровне, поскольку это позволит определить критериальные параметры развития профессионального образования в стране в целом, фактический уровень его развития, доступность и качество высшего образования в регионах России.

Инструментом для проведения такого мониторинга может стать методика диагностики состояния системы высшего образования (ВО), предназначенная для оценки: а) условий функционирования и состояния инфраструктуры системы ВО (в т.ч. состояния финансирования, основных фондов и условий обучения, состояния ее кадрового потенциала); б) образовательной и научно-исследовательской деятельности в вузах (в т.ч. состояния образовательного и исследовательского потенциала студентов, научно-исследовательского потенциала профессорско-преподавательского состава (ППС), результативности научно-исследовательской деятельности ППС).

Для оценки состояния системы ВО в регионах России предложено использовать индикативный метод анализа [7, 11, 12], который позволяет определить степень соответствия достигнутых на рассматриваемый момент времени или прогнозируемых значений индикаторов тем пороговым значениям, которые отвечают актуальным требованиям социума и условиям обеспечения развития регионов страны. Для классификации состояний системы ВО субъектов РФ были введены высокий (В), средний (С) и низкий (Н) уровни ее развития по каждому из анализируемых индикаторов. Средний и низкий уровни в целях детализации анализа результатов разбиты на три подуровня.

Полученные в результате применения данного подхода данные позволяют на первом этапе сопоставить уровень развития системы высшего образования в субъектах РФ, а в дальнейшем, на основе полученных данных и применения методов математического моделирования [1, 2, 5], оценить ее влияние на экономику и население для всех регионов страны.

Предлагаемая методика диагностики состояния системы высшего образования регионов России прошла апробацию на данных за период 2000-2012 гг. по субъектам, входящим в Уральский федеральный округ (УрФО). В качестве примера приведем результаты оценки по двум модулям.

На рис. 1 представлены графики, иллюстрирующие результаты оценки модуля финансирования системы высшего образования, исходя из которых очевидно, что на протяжении

анализируемого периода изменение объемов финансирования системы высшего образования субъектов УрФО в целом имеет положительную динамику. С 2000 г. наблюдается увеличение объемов как государственного финансирования (в 2012 г. относительно 2000 г. в приведенных ценах рост финансирования составил 4 раза, относительно 2007 г. — 2 раза), так и негосударственного.

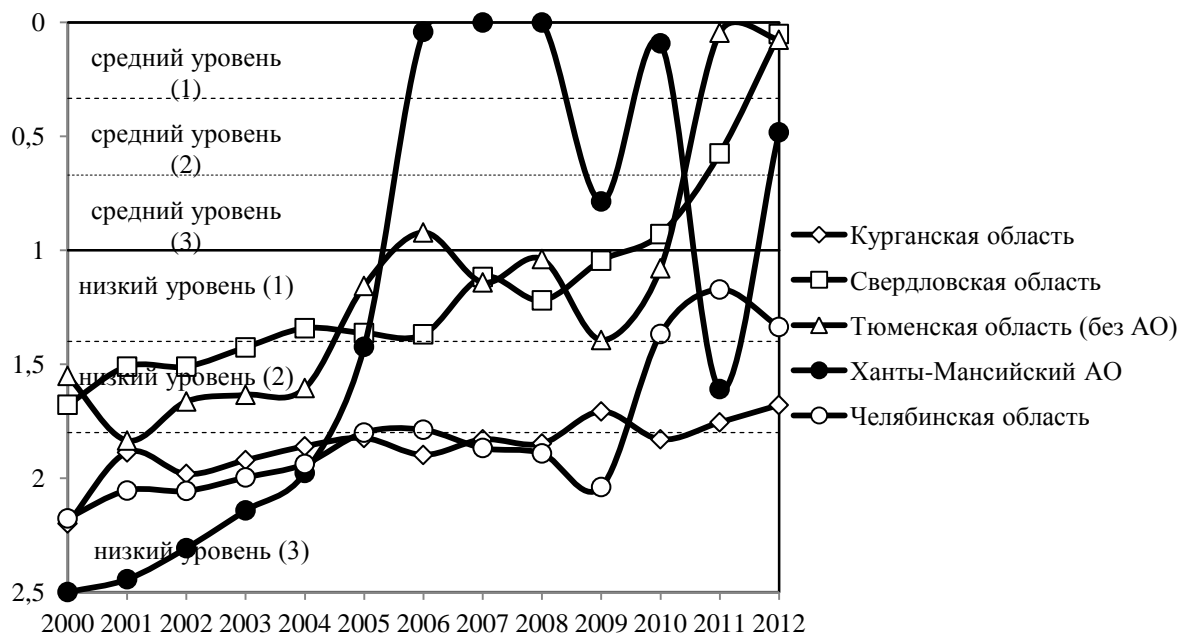

Рис. 1. Динамика изменения условий финансирования системы высшего образования субъектов УрФО за период 2000–2012 гг.

В тоже время численность ППС и работников вузов сферы научных исследований и разработок практически не изменилась (в 2012 г. относительно 2000 г. увеличение численности ППС составило 1,14 раза, научных работников — 1,22 раза). Таким образом, можно отметить рост объемов финансирования в расчете на одного представителя ППС и научного работника.

На рис. 2 представлена динамика изменения результативности научно-исследовательской деятельности в системе ВО в субъектах УрФО.

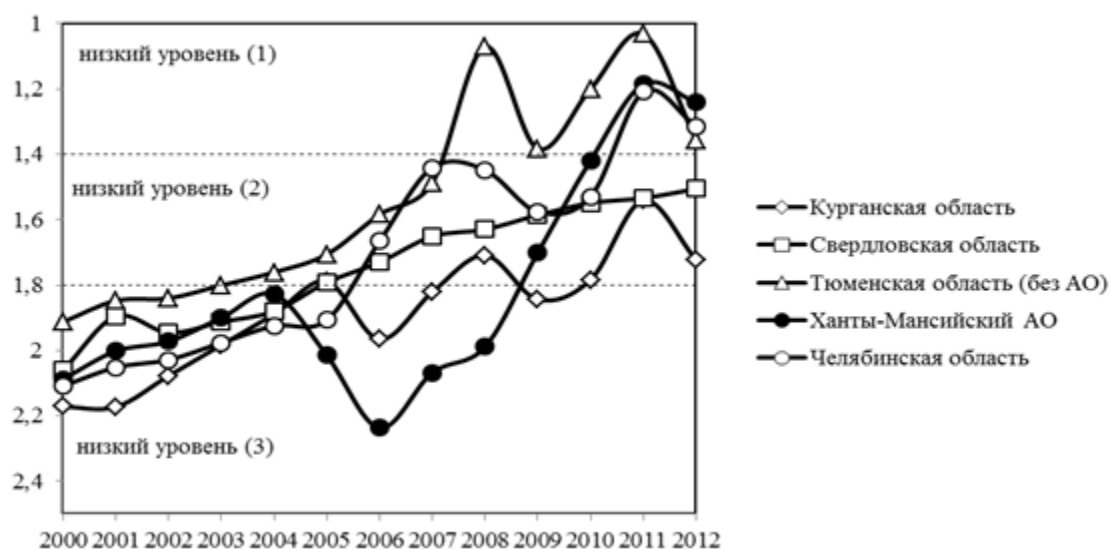

Рис. 2. Динамика изменения результативности научно-исследовательской деятельности в системе высшего образования УрФО за период 2000–2012 гг.

В целом динамика индикаторов публикационной и инновационной активности научных работников и ППС (количество поддерживаемых патентов и зарегистрированных программ ЭВМ на одного научного работника и ППС; количество учебных публикаций, монографий и статей, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus и РИНЦ) положительная. В 2000 г. оценки всех субъектов принадлежали области худшей части низкого уровня, а к 2012 г. — наметилась тенденция перехода индикаторов в область средних оценок.

Результаты проведенных согласно методике расчетов показывают, что за анализируемый период интегральная оценка состояния системы высшего образования субъектов УрФО из области низкого уровня переместилась в область среднего уровня развития, за исключением Курганской области, динамика улучшения оценок которой менее выражена.

Основываясь на проведенном анализе, можно заключить, что, несмотря на прослеживающуюся положительную динамику в развитии системы ВО субъектов УрФО, повышение уровня ее эффективности требует значительных усилий, о чем свидетельствуют лишь невысокие значения интегральных оценок ее состояния.

Лидеры по росту финансовой обеспеченности за период 2000–2012 гг. — ХМАО, и Тюменская область, при этом опережающими темпами увеличивалось финансирование из негосударственных источников. Рост финансирования нашел отражение в обеспеченности оборудованием, увеличении численности работников высшего образования в этих субъектах федерации.

При этом лидером по росту численности работников, имеющих кандидатскую и докторскую степень, стала Курганская область (последнее место по росту финансирования). Первое место по количеству научных публикаций, докладов на научных конференциях, количеству охранных документов на объекты интеллектуальной собственности студентов — у Свердловской области. Отсюда можно сделать вывод о том, что с начала двухтысячных годов наблюдается некоторое улучшение состояния системы высшего образования в целом по УрФО, заметное улучшение ситуации — в Свердловской, Тюменской (юг области), Челябинской областях и Ханты-Мансийском автономной округе.

При этом в Свердловской области общее повышение уровня развития системы ВО произошло за счет улучшения состояния образовательной и научно-исследовательской деятельности на фоне незначительно изменившихся условий ее функционирования и состояния инфраструктуры.

В Ханты-Мансийском автономном округе, напротив, несмотря на заметное улучшение условий функционирования и состояния инфраструктуры системы ВО, значимого улучшения состояния образовательной и научно-исследовательской деятельности не произошло.

Проведенный анализ на временном отрезке в 12 лет показал, что, к сожалению, не прослеживается прямой зависимости между ростом вложений и повышением его качества. Разрыв в темпах роста финансирования высшего образования по регионам достигает нескольких раз, что повышает наглядность результатов.

При этом очевидно, что лидеры по финансированию и лидеры по улучшению качества образования — различны. Это свидетельствует о необходимости реформирования регулирования высшего образования, прежде всего в части задания приоритетов его развития и совершенствования финансово-экономических механизмов их достижения.

Библиографический список

1. *Васильева А. В., Быков Д. С., Тарасьев А. А.* Программное моделирование миграционного движения и его экономических эффектов // Журнал экономической теории. 2014. № 3. С. 74–84.
2. *Васильева А. В., Тарасьев А. А.* Прогноз развития миграционных процессов и рынка труда в регионах России // Экономика региона. 2014. №4. С. 283–298.
3. *Кокшаров В. А.* Оценка развития системы высшего образования в России // Экономика региона. 2014. № 4. С. 30–44.

4. Куклин А. А., Агарков Г. А., Найденов А. С., Судакова А. Е. Теоретическая и эмпирическая оценка достоверности существующих подходов к пониманию сущности процессов глобализации // Журнал экономической теории. 2012. № 4. С. 103–112.
5. Никонов О. И., Тарасьев А. А., Луценко А. В. Задача моделирования динамики межрегиональных миграционных потоков // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2014. №2. С. 141–146.
6. Образование в Российской Федерации. 2012: Стат. сб. М. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. 444 с.
7. Пантелеев В. Ю., Судакова А. Е. Комплексный подход к обеспечению экономической безопасности потребительского рынка в Российской Федерации // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. № 5 (43). С. 142–148.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. Росстат., 2014. 900 с.
9. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.2. М.: Госкомстат России. М., 2001. 827 с.
10. Судакова А. Е. Анализ глобализационных процессов в Уральском федеральном округе // Управление экономикой: методы, модели, технологии: сборник научных трудов 14 Международной научной конференции. Уфа, 2014. С. 169–172.
11. Судакова А. Е., Синенко А. И. Финансовая безопасность в контексте устойчивого развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 24. С. 35–41.
12. Экономическая безопасность Свердловской области / Под науч. ред. Г. А. Ковалевой, А. А. Куклина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 455 с.

Inessa A. Gurban

EFFECTIVENESS OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM OF REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)

Abstract

Key problems of the higher education system of the Russian Federation are considered in this paper. We prove a need of the large-scale monitoring of the higher education system (for regions of the Russian Federation). We describe the results of implement of our methodology for this monitoring on the data of the Ural federal district over the years 2000-2012. We find the positive dynamics in development of the higher education system. However, low integrated estimates of its condition illustrate the need of considerable efforts for increase of level of its efficiency. We find that a direct dependence between the financing growth of the higher education system and an increase of its efficiency is not traced.

Keywords: higher education system, region, indicator, universities, social and economic development.

ДИНАМИКА ИНДИКАТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация

В статье рассматривается положение Российской Федерации в глобальном инновационном рейтинге (Global Innovation Index). Предложен методологический подход к определению уровня инновационной безопасности регионов России. Приведены результаты апробации предложенной методологии диагностики инновационной безопасности на данных по субъектам Российской Федерации, формирующим Уральский федеральный округ, за период 2000–2013 гг. Сделан вывод о незначительном улучшении состояния инновационной безопасности округа за исследуемый период. Уровень инновационной безопасности субъектов УрФО остается низким (интегральные оценки состояния принадлежат зоне кризиса), за исключением Свердловской области, оценка которой характеризуется качественным улучшением (о чем свидетельствует ее выход из области кризисной зоны в предкризисную).

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная безопасность, индикатор, индикативный анализ, регион.

Национальная инновационная система должна выступать ускорителем экономического роста в процессе реструктуризации российской экономики. Однако то, что мы видим сегодня «на выходе» отечественной инновационной системы, красноречиво свидетельствует о степени развития в стране сферы исследований и разработок. В секторе обрабатывающей промышленности — ключевом с точки зрения перехода на инновационный путь социально-экономического развития — в России, по меньшей мере, в шесть раз меньшее количество компаний, чем в Германии, и в 5,5 раз меньшее, чем в Бразилии, осуществляют различные инновации [2].

Неразвитостью национальной инновационной системы объясняется также скромное положение, которое занимает Россия в глобальном инновационном рейтинге (Global Innovation Index): в 2014 г. — 49 место (39,14 балла из 100), между Таиландом (39,28) и Грецией (38,95 балла) [8]. Швейцария занимает первое место (64,78 балла), далее идут Великобритания (62,37), Швеция (62,29), Финляндия (60,67), Нидерланды (60,59), США (60,09), Сингапур (59,24 балла). Такое положение страны можно охарактеризовать как угрожающее ее инновационной безопасности.

Уровень инновационной безопасности — это условный показатель, интегрально характеризующий степень достижения совокупности требований инновационной безопасности [1]. Для его оценки используется методика диагностики инновационной безопасности региона [3], которая в рамках инструментария диагностики экономической безопасности позволяет выявить основные факторы, способствующие инновационному развитию региона.

Диагностика производится путем сопоставления выбранной для анализа уровня инновационной безопасности совокупности индикаторов с их критериальными значениями (пороговыми уровнями безопасности), а результат данного сопоставления в виде индекса (нормализованной оценки) представляет собой количественную оценку уровня безопасности.

Индикаторы инновационной безопасности для территорий Российской Федерации, согласно методике [3, 4, 5], сгруппированы шесть блоков: человеческий потенциал, инновационный потенциал, материально-техническая обеспеченность, способность и возможность генерировать знания, адаптированность в информационном обществе и инновационная конкурентоспособность. Выборочно приведем результаты его апробации на данных по Уральскому федеральному округу в целом и входящим в него субъектам (по Тюменской области — включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) за период 2000–2013 гг.

В табл. 1 и 2 приведены значения индикаторов, формирующих блок «Человеческий потенциал», по субъектам УрФО за 2000 и 2013 годы [6, 7]. За исследуемый период в целом по округу численность лиц, имеющих высшее и послевузовское профессиональное образование, увеличилась на 23 %.

Таблица 1

Значения индикаторов, формирующих блок «Человеческий потенциал»

Наименование округов и субъектов	Удельный вес лиц, имеющих высшее и послевузовское профессиональное образование в общей численности населения региона, %						Доля государственных расходов на образование в ВРП, %					
	2000 г.			2013 г.			2000 г.			2013 г.		
	Знач.	НО	Сит.	Знач.	НО	Сит.	Знач.	НО	Сит.	Знач.	НО	Сит.
Уральский округ	10,11	0,978	ПК3	12,71	0,457	ПК2	1,59	1,363	К1	3,62	0,550	ПК2
Курганская область	6,33	1,734	К3	12,92	0,416	ПК2	4,36	2,428	К3	7,14	0,573	ПК2
Свердловская область	13,53	0,293	ПК1	12,85	0,431	ПК2	1,30	1,480	К2	4,77	0,092	ПК1
Тюменская область	8,98	1,204	К2	12,72	0,456	ПК2	1,73	1,383	К2	2,84	0,831	ПК3
Челябинская область	7,91	1,418	К3	12,49	0,501	ПК2	0,88	2,749	К3	5,39	0	Н

Доля государственных расходов на образование в ВРП округа выросла на 2 % (в 2000 г. в УрФО расходы на образование составляли 13 798 млн руб., в 2013 г. — 277 207 млн руб.).

Таблица 2

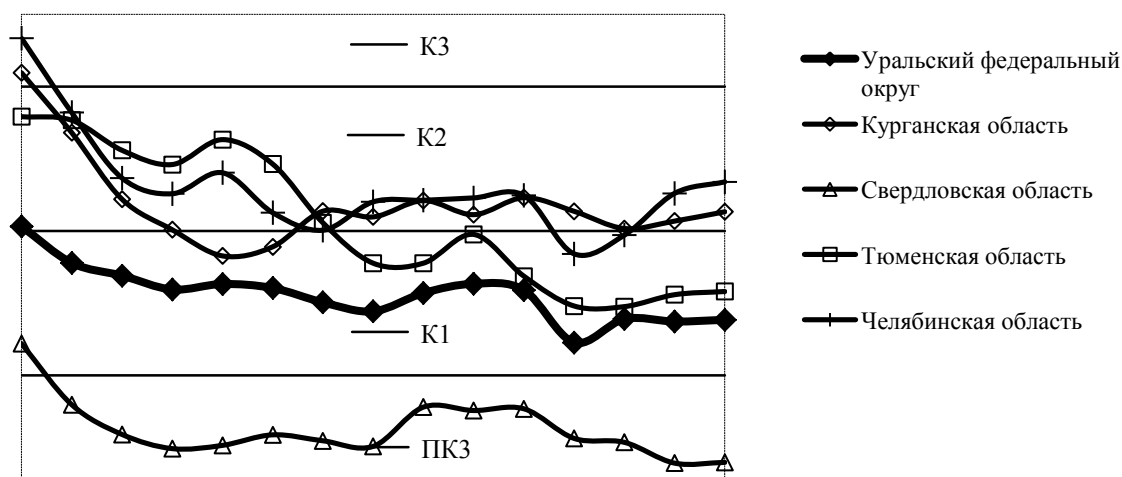
Значения индикаторов, формирующих блок «Человеческий потенциал»

Наименование округов и субъектов	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, человек на 10 тыс. человек населения						Удельная численность кадров высшей научной квалификации, человек на 10 тыс. человек населения					
	2000 г.			2013 г.			2000 г.			2013 г.		
	Знач.	НО	Сит.	Знач.	НО	Сит.	Знач.	НО	Сит.	Знач.	НО	Сит.
Уральский округ	40,66	0,622	ПК2	36,33	0,911	ПК3	1,45	2,035	К3	1,74	1,838	К3
Курганская область	18,30	1,780	К2	7,39	2,508	К3	0,40	1,228	К1	0,77	0,950	ПК3
Свердловская область	60,43	0,652	ПК2	48,30	1,057	К1	2,71	1,196	К1	3,01	0,959	ПК3
Тюменская область	15,30	1,980	К3	19,87	1,676	К2	0,68	2,179	К3	1,21	1,416	К2
Челябинская область	44,84	1,172	К1	46,49	1,15	К1	0,86	2,428	К3	0,90	2,402	К3

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по УрФО в целом за анализируемый период снизилась на 12,6% (с 50,8 тыс. человек в 2000 году до 44,4 тыс. человек в 2013 г.).

В 2000 г. в целом по УрФО число кандидатов наук составляло 2954 человека, в 2013 г. — 3283 человека (рост составил 11,13 %); число докторов наук за период 2000-2013 гг. выросло на 47 % (с 663 до 975 человек).

На рис. 1 представлены результаты расчетов состояния инновационной безопасности по блоку «Человеческий потенциал».

Примечание. Обозначение состояний по безопасности: ПКЗ - предкризисное критическое состояние; K1 - кризисное нестабильное состояние; K2 - кризисное угрожающее состояние; K3 - кризисное чрезвычайное состояние

Рис. 1. Изменение состояния инновационной безопасности по блоку «Человеческий потенциал» за 2000–2014 гг.¹

За рассматриваемый период в целом состояние инновационной безопасности по блоку «Человеческий потенциал» в Уральском федеральном округе незначительно улучшилось (нормализованная оценка уровня безопасности немного снизилась, но осталась в области K1). Среди субъектов УрФО самые высокие значения индикаторов, характеризующих человеческий потенциал инновационной безопасности, принадлежат Свердловской области.

В табл. 3 приведены абсолютные значения показателей, формирующих индикатор «Коэффициент изобретательской самообеспеченности в регионе».

Таблица 3

Абсолютные значения показателей, формирующих индикатор «Коэффициент изобретательской самообеспеченности в регионе»

Наименование округов и субъектов	Выдано патентов на полезные модели и изобретения, ед.				Подано заявок на выдачу патентов на полезные модели и изобретения, ед.			
	2000 г.	2004 г.	2009 г.	2013 г.	2000 г.	2004 г.	2009 г.	2013 г.
Уральский округ	1257	1847	2416	1992	1954	2228	2087	2304
Курганская область	44	86	129	154	90	100	101	147
Свердловская область	559	781	970	887	880	966	875	970
Тюменская область	198	1687	354	304	354	368	337	264
Челябинская область	456	643	963	647	630	794	774	801

Коэффициент изобретательской самообеспеченности в регионе определяется путем отнесения числа выданных патентов к числу поданных заявок на выдачу патентов на полезные модели и изобретения. С 2000 г. количество поданных заявок на выдачу патентов в УрФО выросло более чем в 1,5 раза, число выданных патентов — на 17,8 %.

На рис. 2 представлены результаты расчетов состояния инновационной безопасности по блоку «Патентная конкурентоспособность». Из графика видно, что состояние патентной конкурентоспособности субъектов УрФО, характеризуемое индикатором «Коэффициент изобретательской самообеспеченности в регионе», значительно улучшилась за исследуемый период, приблизившись к нормальному с точки зрения инновационной безопасности состоянию.

¹ Здесь и далее в рисунках приведены оценки статистических данных за 2014 год.

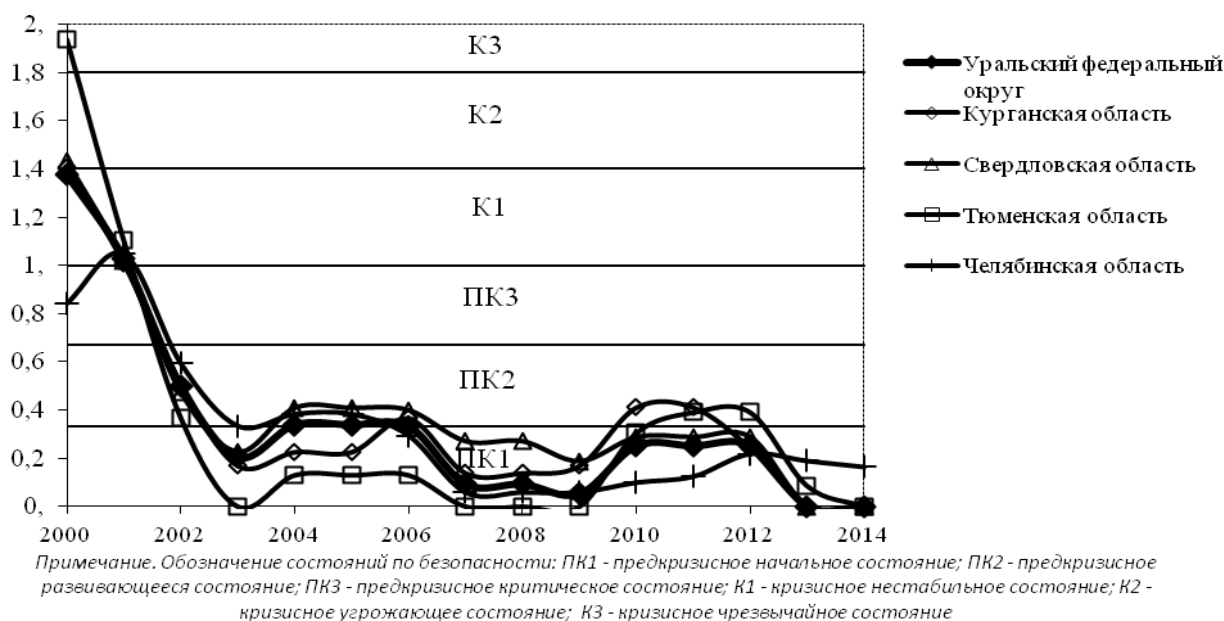

Рис. 2. Изменение состояния инновационной безопасности по блоку «Патентная конкурентоспособность» за 2000–2014 гг.

В табл. 4 приведены абсолютные значения показателей, формирующих блок «Инновационный потенциал», по субъектам УрФО за 2000, 2004, 2009 и 2013 гг. Из таблицы видно, что за период 2000–2013 гг. значительных изменений инновационной активности в среднем по региону не наблюдается.

Таблица 4

Абсолютные значения индикаторов, формирующих блок «Инновационный потенциал»

Наименование округов и субъектов	Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %				Удельный вес организаций, осуществляющих технические, организационные и (или) маркетинговые инновации, %			
	2000	2004	2009	2013	2000	2004	2009	2013
Уральский округ	2,0	6,0	2,1	2,6	10,6	12,7	10,2	9,6
Курганская область	8,4	3,4	7,7	3,9	9,2	11,1	10,9	8,3
Свердловская область	3,8	7,9	8,0	6,4	11,3	17,5	12,9	11,5
Тюменская область	1,7	5,9	0,4	0,3	8,4	7,1	7,5	8,1
Челябинская область	0,7	4,5	2,6	8,0	12,7	12,8	11,3	9,8

Однако, в разрезе субъектов округа, в Курганской области доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров (работ, услуг) снизилась более чем в два раза, в Тюменской области – более чем в 5,5 раз. В Свердловской и Челябинской областях, напротив, наблюдается рост показателя (в 1,7 и 11,4 раза соответственно). Удельный вес организаций, осуществляющих различные виды инноваций, в целом по УрФО снизился на 1%.

На рис. 3 представлены результаты оценки состояния инновационной безопасности по блоку «Инновационный потенциал». Сильные колебания графиков на рис. 3 в период 2000–2005 гг. иллюстрируют резкие (год от года) изменения доли инновационной продукции в общем объеме выпуска товаров. С 2006 г. ситуация стабилизировалась во всех субъектах УрФО, однако заметного улучшения состояния инновационного потенциала в округе не произошло

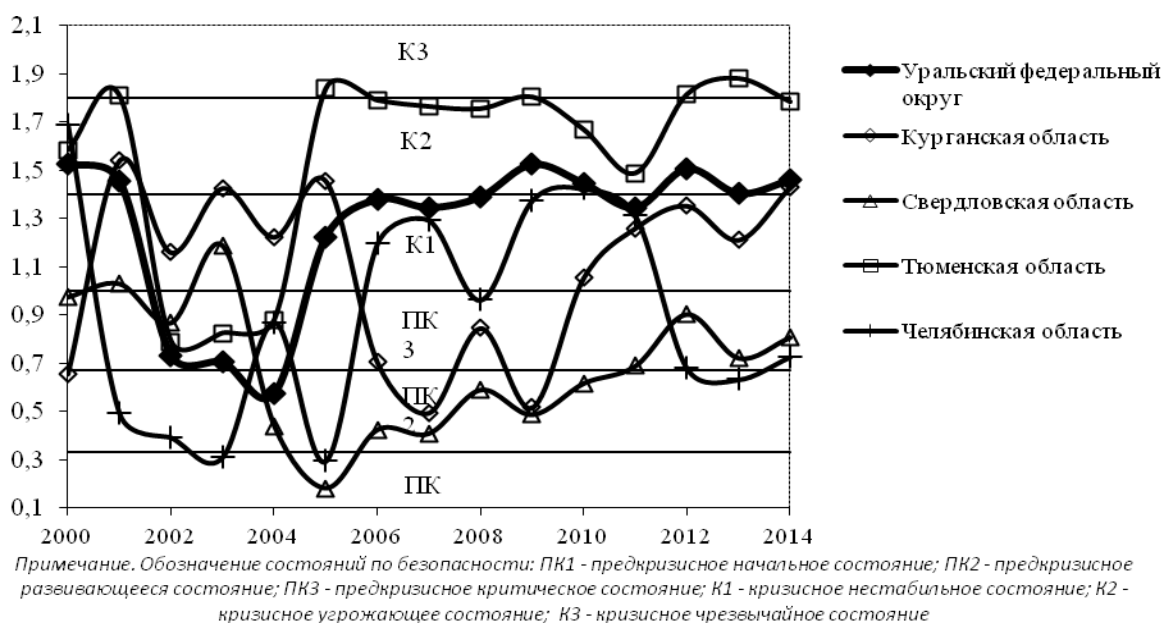

Рис. 3. Изменение состояния инновационной безопасности по блоку «Инновационный потенциал» за 2000–2014 гг.

Результаты комплексной оценки состояния инновационной безопасности УрФО за 2000–2014 гг. приведены на рис. 4.

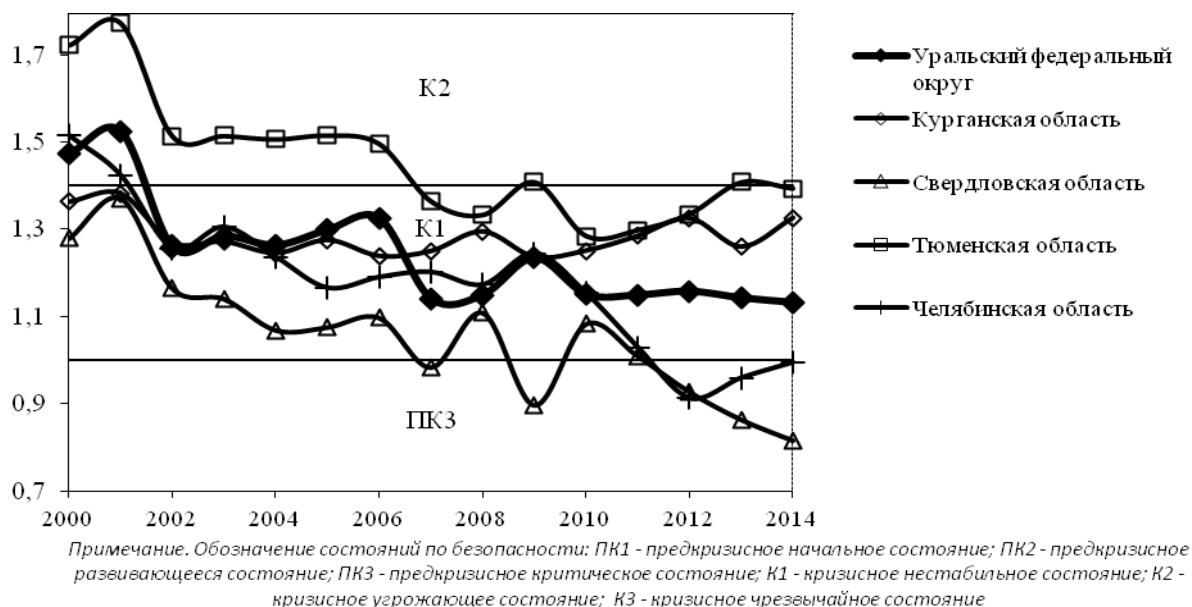

Рис. 4. Изменение состояния инновационной безопасности за 2000–2014 гг.

Подводя итог, следует отметить, что за исследуемый период наблюдается некоторое улучшение состояния инновационной безопасности Уральского федерального округа, однако оценка уровня инновационной безопасности лишь Свердловской области характеризуется качественным улучшением (о чем свидетельствует ее выход из области кризисной зоны в предкризисную).

Библиографический список

1. Багаряков А. В., Никулина Н. Л. Исследование экономической безопасности в аспекте взаимосвязи «инновационная безопасность — инновационная культура» // Экономика региона. 2012. № 4. С. 178–185.
2. Гурбан И. А. Роль государства в связке «образование-наука-инновации» в России // Теория и практика корпоративного менеджмента: сборник статей. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Пермь, 2014. С. 232–241.
3. Куклин А. А., Багаряков А. В., Никулина Н. Л., Боярских А. И. Методика диагностики инновационной безопасности региона / Под науч. ред. член-корр. РАН В.П. Чичканова и д.э.н. А.А. Куклина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 83 с.
4. Куклин А. А., Багаряков А.В., Никулина Н. Л. Инновационная безопасность и качество жизни населения региона // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономик и менеджмент. 2013. № 4. Том 7. С. 20–25.
5. Никулина Н. Л., Багаряков А. В. Влияние инновационного развития на качество жизни населения региона // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 1 (44). С. 70–72.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.
7. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.2 / Госкомстат России. М., 2001. 827 с.
8. The Global Innovation Index 2014 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf> .

Inessa A. Gurban, Anastasiya I. Boyarskih

DYNAMICS OF THE INNOVATION INDICATORS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract

The position of the Russian Federation in the global innovation ranking (Global Innovation Index) are considered in this paper. We propose a methodological approach to the determination of the innovative safety level (for regions of the Russian Federation). We describe the results of the implement of our methodology for the diagnostic innovative security on the data of the Ural federal district over the years 2000-2013. We find a slight improvement in the innovation safety condition of the Ural over the years 2000-2013. However, the level of innovative security of the Ural federal district remains low (integrated assessment belong to the «crisis» area). The only assessment of the Sverdlovsk region is characterized by qualitative improvement (its integrated assessment moved from the «crisis» area to the «pre-crisis» area).

Keywords: innovative development, innovative safety, indicator, indicative analysis, region.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА¹

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы развития социального предпринимательства в России. По мнению автора, эти проблемы актуализированы, с одной стороны, тем, что социальное предпринимательство может стать инструментом изменения концепции социальной политики и роли государства, способствовать социальной интеграции, увеличению занятости и уменьшению бедности, активизации населения, инновационному развитию общества, решению демографических проблем, улучшению имиджа страны. С другой стороны социальное предпринимательство представляет собой инновационный механизм влияния на повышение ответственности не только власти и предпринимательского сектора перед населением, но и непосредственно человека перед самим собой, предоставляя ему возможности для развития.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, инновации, развитие.

Изучение предпринимательства в аспекте ускорения социального прогресса началось относительно недавно. Поэтому общего мнения, каким образом социальное предпринимательство может влиять на изменение экономических условий и насколько широко новые социальные возможности могут быть применены в различных социально-культурных условиях, пока не сформировалось. При этом в Европе и Америке сложились определенные подходы к феномену социального предпринимательства, и оно достаточно прочно интегрировано на институциональном, политическом, практическом уровне в жизнь общества. В России, как и в других странах СНГ, социальное предпринимательство находится на стадии своего зарождения, и большинство отечественных социальных предпринимателей не осознают себя таковыми. По мнению же экспертов, мало кто из них вписывается в сложившиеся в мировой практике представления о социальном предпринимательстве.

Не останавливаясь в рамках статьи подробно на анализе встречающихся в литературе множественных определениях понятия «социальное предпринимательство», отметим, что одни исследователи определяют социальное предпринимательство через основные качества предпринимателей, другие — через поиск отличий от традиционного бизнеса или традиционной благотворительности, третьи — как искусство сочетания коммерческой устойчивости и «социального дохода от инвестиций» [1; 3].

Кроме того, часто подчеркивается, что социальное предпринимательство не является: ни еще одной формой корпоративной социальной ответственности; ни новым способом предоставления социальных услуг населению, с использованием бизнес-технологий; ни просто социальным проектом, в рамках которого есть платные «опции». При этом мировая практика социального предпринимательства показывает, что оно может развиваться внутри любой из указанных форм деятельности бизнеса, некоммерческих организаций или государственных и международных агентств [13].

В настоящее время в России все большее внимание со стороны государства уделяется поддержке социально-ориентированных некоммерческих организаций, для чего принимаются в том числе и соответствующие государственные программы. По мнению большинства экспертов, именно из некоммерческих организаций в первую очередь может вырасти социальное предпринимательство в нашей стране. С одной стороны, эти организации имеют социальную ориентированность и опыт оказания социальных услуг; с другой — постепенно начинают осваивать коммерческую деятельность и внедрять бизнес-технологии [8].

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 5164/ГФ4 «Моделирование сценариев динамического развития региональных эколого-социо-экономических систем в условиях реиндустриализации стран ЕАЭС», выполняемого НУ «Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза», г. Караганда.
© Дорошенко С. В., 2015

Но в целом выделяют четыре подхода к пониманию российской практики социального предпринимательства [5]: как способа социальной поддержки определенных групп населения; как механизма содействия экономическому развитию, поддержки предпринимательства; как альтернативного государственному механизму решения социальных проблем; как социально-ориентированный бизнес.

Однако некоторых экспертов смущает тот факт, что социальное предпринимательство размывает четкую грань между бизнесом и некоммерческими объединениями. Считается, что может возникнуть конфликт управления по поводу принятия стратегических решений и определения приоритетов развития [7].

Действительно, организационные механизмы, используемые социальными предприятиями, отличаются широкой разнородностью, характерной для государственных, частных и некоммерческих структур. При этом происходит сочетание и трансформация этих механизмов в различных пропорциях, обеспечивающих достижение определенных социальных целей [9]. Ключевыми здесь являются понятия инновации и предпринимательства. В соответствии с этим социальное предпринимательство стремится уменьшить социальные беды инновационным методом, изобретая или комбинируя социальные и экономические ресурсы так, чтобы создать самовоспроизводящийся, способный к расширению механизм производства и предоставления целевого социального блага.

Сегодня социальное предпринимательство на территории Российской Федерации на постоянной основе поддерживается достаточно ограниченным числом некоммерческих организаций и фондов. Наиболее существенный вклад в развитие этого инновационного для России направления бизнеса вносит Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», основанный В. Аликперовым в 2007 году и ставший первой отечественной организацией, всецело специализирующейся на поддержке социального предпринимательства через Всероссийский конкурс проектов, ориентированный на людей, готовых развивать и продвигать социальный бизнес [10]. Проведенные Фондом конкурсы позволили сформировать основные характеристики и параметры социального предпринимательства в России: 1) формы социальных предприятий (НКО и благотворительные организации; специализированные предприятия; малый бизнес); направленность деятельности по целевым группам (инвалиды/пенсионеры; дети/молодежь; малообеспеченные граждане); средний объем финансирования, требуемого предприятию для начала/развития своей деятельности — 2 млн рублей [11]. По словам основателя, уникальность фонда состоит в том, что он выдает не гранты, а займы. Успешной, по мнению руководителей Фонда, может быть признана лишь та бизнес модель социального предприятия, которая в конце концов окупится и достигнет финансовой устойчивости. В общей сложности фонд оказал поддержку 75 социальным предпринимателям на общую сумму более 150 млн. руб. к примеру, в 2013 году в число победителей вошли 16 социальных предпринимателей из 11 регионов страны, а общая сумма выделенных займов составила 34 млн. 400 тыс. рублей [4].

В настоящее время развитие социального предпринимательства включено в качестве одного из приоритетных направлений развития малого и среднего предпринимательства во многих регионах России. За сравнительно небольшой промежуток времени в нескольких российских городах (Новосибирске, Омске, Красноярске, Братске и др.) открылись школы социального предпринимательства.

Начиная с 2011 года, Минэкономразвития разрабатывает систему субсидий и грантов, на которые могут претендовать социально ориентированные предприятия. Одновременно была создана некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АСИ). Профиль агентства — развитие инициатив среднего бизнеса, ориентированного на социальную сферу. Деятельность АСИ призвана улучшить предпринимательский климат страны и способствовать развитию некоммерческих организаций в секторе социальных услуг [10].

В частности, АСИ собирает лучшие социальные практики и помогает тиражированию их в другие регионы. В планах — работа по введению новых мер поддержки для социальных

предпринимателей, в том числе упрощение процедур регистрации и ведения деятельности, внедрение современных механизмов финансирования, а также развитие институтов государственно-частного партнерства в социальной сфере. В целом в настоящий момент, по данным АСИ, сегодня в России социальным предпринимательством в том или ином виде занимается только около 1 % компаний, для улучшения ситуации необходимо его увеличить хотя бы до 10 % [12].

В целом, социальное предпринимательство имеет три ориентира: социальный, инновационный и рыночный, которые характеризуются следующими важнейшими проявлениями: 1) решением таких социальных проблем, которые в течение продолжительного времени существуют в обществе и не решаются из-за ограниченного доступа определенной целевой группы к финансовым и политическим ресурсам для ее решения; 2) разработкой и внедрением механизма инновационного решения существующей социальной проблемы, в результате чего происходит более справедливое распределение общественных благ; 3) созданием нового, устойчивого баланса в рыночных отношениях, высвобождающего ресурсы для оказания необходимой социальной помощи нуждающимся и благотворно влияющее на совершенствование общества.

Отсутствие нормативного регулирования выступает серьезным препятствием для развития социального предпринимательства в России. Вы настоящий момент единственным документом, где дается определение этого явления является приказ Минэкономразвития России. При этом социальное предпринимательство понимается в нем только как «предпринимательская деятельность, направленная на решение той или иной социальной проблемы», обеспечивающей занятость ряда категорий населения (инвалиды, выпускники детских домов и т.д.) и предоставляющей услуги (производство товаров) в определенных сферах [6].

По мнению экспертов, выделенная система критериев помогает идентифицировать предприятия, которые могут претендовать на получение государственной поддержки, но общепринятым критериям определения социальных предприятий соответствует не в полной мере. В частности, отсутствуют такие важные критерии, как первичность социальной миссии, инновационная активность в способах сочетания ресурсов. Такой подход может привести к тому, что поддержку получают коммерческие проекты предприятий, которые оказывают услуги, имеющие условно социальный характер [2].

Развитие института социального предпринимательства необходимо, поскольку оно может стать, с одной стороны, инструментом изменения концепции и видения социальной политики и роли государства, способствовать социальной интеграции, увеличению занятости и уменьшению бедности, активизации населения, инновационному развитию общества, решению демографических проблем, улучшению имиджа страны, а с другой — механизмом влияния на повышение ответственности не только власти и предпринимательского сектора перед населением, но и непосредственно человека перед самим собой. В итоге, социальное предпринимательство может определяться как необходимый императив достижения баланса интересов и ответственности государства, предпринимательства и населения, а также как вектор инновационного развития бизнес-сообщества.

Библиографический список

1. *Антоникова Н. А.* Использование концепции социального предпринимательства для решения социальных проблем: применимость в российском контексте. М., 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nb-forum.ru/thanalitic_391_3.
2. *Исаев А., Шамрай А., Барабанов Д., Литянская Н.* Социальное предпринимательство в России. Аналит. центр ОАО «МСП Банк», 2013. 58с.
3. *Кадол Н. Ф.* Социальное предпринимательство в рыночной и переходной экономике / Н.Ф. Кадол. Брянск: Дельта, 2009. 148 с.
4. Конкурс «Социальный предприниматель-2013»: 16 лучших. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nb-fund.ru/news/konkurs-sotsialnyu-predprinimatel-2013-16-luchshih.html>.

5. Лебедева И. С. Концепция социального предпринимательства в контексте современной российской действительности // «Философия, социология, политология». 26 ноября 2010 г. С.62-64.

6. Об организации проведения конкурсного отбора субъектов РФ, бюджетам которых в 2012 г. предоставляются субсидии для финансирования мероприятий, осуществляемых в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства субъектами РФ. Приказ Минэкономразвития России от 23.04.2012 г. № 223 [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-справочной системы «Гарант».

7. Робертсон Дж. Социальное предпринимательство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nb-forum.ru/inother_

8. Социальное предпринимательство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ladoga-park.ru/a0912.html>

9. Социализация предпринимательства на примере Великобритании и США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_CCB010CA-DAEC-40C2-9BB4-C0462737937D.html.

10. Социальное предпринимательство: люди и факты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.csjournal.com/akcent/6816-socialnoe-predprinimatelstvo-lyudi-i-fakty.html>.

11. Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах. Практика межсекторного взаимодействия: Практическое пособие / Под ред. А.Е. Шадрина. М.: Агентство социальной информации, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nisse.ru/business/article/article_1640.html.

12. Социальное предпринимательство: все только начинается. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://businessofrussia.com/item/222-socialnoe-predprinimatelstvo.html>

13. Социальное предпринимательство? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.novoterra.org/main_themes.

Svetlana V. Doroshenko

THE SOCIAL ENTREPRENEURSHIP AS AN INNOVATIVE VECTOR OF THE BUSINESS COMMUNITY DEVELOPMENT

Abstract

This article discusses the development of social entrepreneurship in Russia. According to the author, these problems are actualized, on the one hand, the fact that social entrepreneurship can be a tool for change the concept of social policy and the role of the state, promote social inclusion, increase employment and reduce poverty, increasing population, innovative development of society, the solution of demographic problems, to improve the image of the country. With another - social entrepreneurship is an innovative mechanism of the effect of increasing the responsibility not only of government and the business sector to the population, but also of man to himself, giving him opportunities for self-development.

Keywords: social entrepreneurship, innovation, development.

ИСТОЧНИКИ ИНВЕСТИЦИОННОГО КАПИТАЛА В РОССИИ: ГДЕ СОСРЕДОТОЧЕНЫ ДЛИННЫЕ ДЕНЬГИ?

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы долгосрочных ресурсов в России для инвестиций в реальный сектор экономики на фоне замедления роста ВВП. Изучаются несколько источников длинных денег, такие как банковское кредитование, фонды прямых инвестиций, венчурное инвестирование. Проводится сравнительный анализ институтов, способных инвестировать в реальный сектор экономики. При нынешней монетарной политике центрального банка, кредитные учреждения пока не могут являться источником длинных денег. Российские фонды прямых инвестиций по сравнению с банками обладают гораздо большим потенциалом.

Ключевые слова: вклады, кредитование, фонды прямых инвестиций, венчурные фонды, кредиторская задолженность, рефинансирование, ключевая ставка.

В настоящее время нефинансовый сектор испытывает сложности в связи с закрытием доступа на иностранные рынки длинных и дешевых денег, а также с отсутствием длинных денег в российской экономике. В 2014 году ситуация существенно изменилась для российской экономики. К внутренним структурным проблемам добавились существенные негативные внешние факторы в виде масштабного снижения цен и **ограничений доступа к внешним финансовым рынкам**. На это отреагировали и экономика в целом, и инфляция.

Банковский сектор пока не в состоянии выполнять функцию долгосрочного инвестора ввиду ограниченности таких ресурсов. В структуре инвестиций в основной капитал кредиты банков занимают лишь 9 % [8, с. 35]. Основную долю в структуре инвестиций в основной капитал на сегодняшний день занимают собственные средства (50 %), бюджетные средства (16 %). Почему же банки в настоящее время не могут являться основным проводником инвестиций в российскую экономику? Основная статья пассивов это – вклады, здесь наблюдается сокращение. Из рис. 1 видно, что к концу 2014 года впервые наблюдается отток вкладов и предшествующее ему замедление прироста. Вклады в привлеченных средствах коммерческих банков занимают около 44 % [4, с. 20] — это основной источник длинных денег, которого всегда было недостаточно для осуществления инвестиций.

Рис.1. Годовые темпы прироста вкладов населения, ставки по вкладам и ИПЦ

На фоне падения вкладов мы видим и повышение ставок по вкладам, что дополнительно наносит удар по рентабельности банковского сектора. Причина всего этого – рост ключевой ставки (рис. 2). Помимо этого, существует еще один негативный фактор — это рост заимствований у ЦБ по повышенной ставке. Инструменты рефинансирования ЦБ в основном краткосрочные, и только часть задолженности по кредитам под нерыночные активы и поручительства представляют собой долгосрочные кредиты, но и они подорожали в связи с ростом ключевой ставки (рис. 2).

Величина предоставленных кредитов от 3-х лет компаниям невелика — около 15 млрд. руб. (около 50% от всей ссудной задолженности). Просроченная задолженность юридических лиц стремительно выросла (с 4,2 % на 01.01.2014 до 4,8 % на 01.03.2015) [4, с. 33], что незамедлительно ведет к ограничительным, сдерживающим мерам со стороны ЦБ, при том, что ставка кредитования также значительно возросла. Кроме того одного рефинансирования ЦБ крайне недостаточно даже для поддержания даже существующего портфеля долгосрочных кредитов, несмотря на то, что ЦБ вводит новые инструменты долгосрочного фондирования для банков.

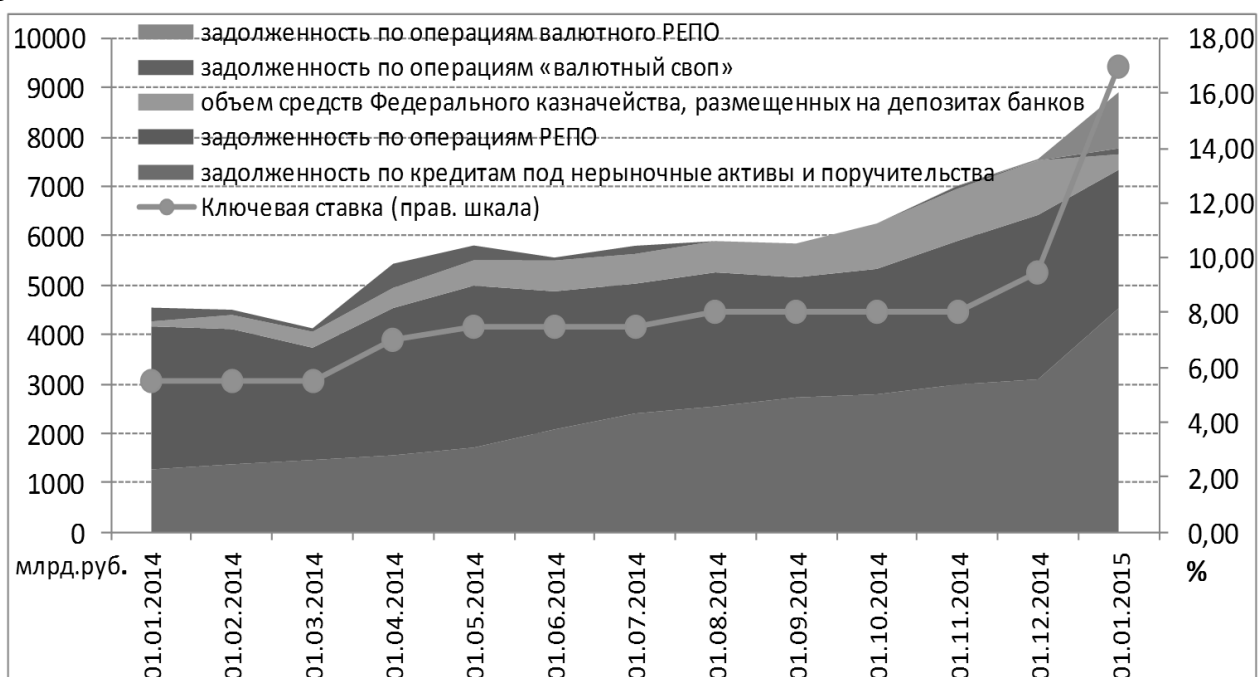

Рис. 2. Задолженность кредитных организаций перед Банком России и федеральным казначейством, млрд. руб.

Таким образом, сейчас банковский сектор пока не может выполнять функцию инвестора в перспективе, так как он сильно зависит от макроэкономической ситуации в стране и зажат нормативами ликвидности. Также имеется множество ограничений по коэффициентам риска в связи с ростом просроченной задолженности.

Фонды прямых инвестиций, например, вполне могут стать альтернативными источниками инвестиционного капитала в России. По сути именно здесь сосредоточены самые длинные деньги, которых не хватает экономике.

Как инвестируют фонды прямых инвестиций в России?

Фонды прямых инвестиций идейно очень близки к венчурным фондам: те же инвестиции в непубличные компании, их финансирование через выпуски ценных бумаг, а затем продажа этих бумаг и «выход в деньги». Но, несмотря на «похожесть», различия у этих видов фондов все же имеются. Можно сказать, что требования к фондам прямых инвестиций жестче и предусматривают больше ограничений.

Главными источниками финансов фондов прямых инвестиций являются страховые компании и пенсионные фонды. Данные организации традиционно работают только с государственными ценными бумагами, имеющими высшую категорию. Однако иногда позволяют себе рискнуть, совершив вложения в фонд прямых инвестиций.

Первое отличие состоит в том, что фонды прямых инвестиций могут финансировать только публичные акционерные общества путем выкупа дополнительных эмиссий всех акций или выкупа облигаций, в то время как венчурные фонды, кроме ОАО и ЗАО, могут инвестировать в общества с ограниченной ответственностью (ООО).

Финансирование компании производится за счет скупки фондом дополнительных выпусков ее акций. Компания получает деньги; фонд — пакет акций, дающий право на оперативное управление активами через совет директоров. С этого момента основной задачей управляющих является наращивание капитализации компании (обычно в несколько раз).

Причем, если объектами инвестирования венчурных фондов являются так называемые старт-апы (start up) — компании на начальном уровне развития, — то фонды прямых инвестиций ориентируются на уже «окрепшие» компании с более продолжительным сроком существования. Как правило, это успешно развивающаяся и быстрорастущая компания, с отработанными технологиями, но испытывающая недостаток средств для расширения бизнеса.

Инвесторам фонда прямых инвестиций законодательно запрещено выступать учредителями компании — объекта для инвестирования и участвовать в первичном размещении ее акций. Это требование сужает поиск компаний для инвестирования и разрешает финансировать только уже существующие.

Второе главное отличие в том, что фонды прямых инвестиций стремятся приобрести контрольный пакет акций компании — объекта инвестирования. А если так, то руководство компанией ложится на управляющих фондом. Многие же венчурные фонды ограничиваются «блокирующим» пакетом акций (25 % + 1 акция) и не участвуют в оперативном управлении. Но это не аксиома: есть и фонды прямых инвестиций, и венчурные фонды, которые не придерживаются выше обозначенных схем.

Так же как и при венчурном инвестировании, управляющие ПИФами прямых инвестиций при принятии решения о финансировании того или проекта должны четко представлять, каким образом фонд будет выходить из проекта через несколько лет. Это может быть продажа пакета акций, IPO, MBO (выкуп контрольного пакета акций компании ее администрацией) и др.

Доходность ПИФов прямых инвестиций, по мнению аналитиков, составляет порядка 30–35 % годовых. Естественно, что высокая доходность подразумевает и высокие риски.

Порог входа в большинство фондов, довольно высок для частного инвестора. Это следствие того, что ПИФы прямых инвестиций в большинстве своем ориентированы на институциональных инвесторов — негосударственные пенсионные фонды (НПФ), страховые компании и т.д.

Срок существования всех закрытых ПИФов ограничен и, согласно российскому законодательству, составляет 15 лет. Вложения в ПИФы прямых инвестиций являются долгосрочными (6–8 лет), и не обеспечивают пайщикам немедленной ликвидности. То есть «выйти в деньги» до прекращения фонда довольно проблематично, так как фонд не выкупает доли вкладчиков по их требованию.

В состав активов ПИФа прямых инвестиций могут входить: акции российских АО; облигации российских АО, государственная регистрация которых не сопровождалась регистрацией их проспекта эмиссии; денежные средства (только российские рубли); государственные ценные бумаги.

Каковы проблемы фондов прямых инвестиций в России?

Основными проблемами фондов прямых инвестиций в России является невысокая инвестиционная активность и недостаток «качественных» компаний для инвестиций. За последние 3 года отмечается замедление роста, как количества, так и капитала фондов. Наблюдается лишь рост доли венчурного капитала в совокупном капитале фондов (рис.3):

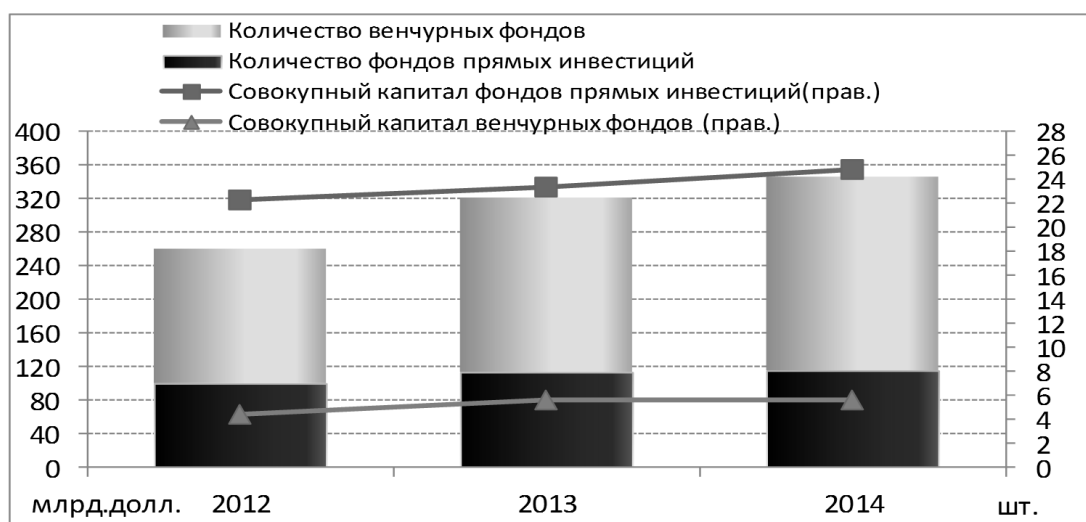

Рис. 3. Динамика совокупного капитала и количество действующих фондов в РФ

По оценкам аналитиков, сегодня минимальный размер фонда прямых инвестиций должен составлять не менее \$100 млн. Фонд прямых инвестиций никогда не вкладывает все средства в один проект — обычно это порядка десяти разнопрофильных проектов. Таким образом, в один проект фонд никогда не вкладывает более 10–15 % имеющихся средств. Поэтому для полноценной работы фондов и развития рынка прямых инвестиций в России необходимо широкое предложение проектов.

В итоге, нельзя не отметить положительную динамику развития рынка прямых инвестиций в России — формируются новые фонды, приходят западные, интерес к инвестициям растет. Однако говорить о полномасштабном развитии рынка прямых инвестиций пока еще рано.

Библиографический список

1. Бизнес-справочник СОВА, 2009-2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sova-dv.ru/index.php?info=invest&invest_termin=15.
2. Доклад о денежно-кредитной политике. № 1 (9), Март 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/DKP/>.
3. Доклад о денежно-кредитной политике от 07 апреля 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/DKP/>
4. Обзор банковского сектора Российской Федерации. 2015. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru>
5. Лаврушин О. И. Банковское дело: Учебник. М.: Кнорус, 2013. 800 с.
6. Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2015 год и на 2016-2017 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru>.
7. Обзор рынка. Аналитический отчет по итогам обзора рынка российских венчурных фондов за 2014 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/rvca-yearbook/#>.
8. Яковенко Д. В. Уроки финансовой ирригации // Эксперт. 13–19 апреля 2015. № 16 (942). С. 31–39.

SOURCE OF INVESTMENT CAPITAL IN RUSSIA: WHERE TO FOCUS LONG-TERM MONEY?

Abstract

This article describes the problem of long-term resources in Russia for investment in the real economy amid slowing GDP growth in the country. We study several sources of long-term money, such as bank loans, private equity funds and other sources. A comparative analysis of institutions able to invest in the real economy. Under the current monetary policy of the central bank, credit institutions can not yet be a source of long-term money. Russian Direct Investment Fund compared to banks have a much greater potential.

Keywords: deposits, loans, private equity funds, venture capital funds, accounts payable, refinancing, the key rate.

УДК 334.72

А. В. Иванова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация

В статье указаны современные подходы российских и зарубежных исследователей к оценке факторов развития предпринимательства. Найдены их достоинства и недостатки. Автор отметил, что методические подходы к оценке предпринимательства среди молодежи отсутствуют.

Ключевые слова: предпринимательская экосистема, молодежное предпринимательство, факторы развития.

Усиление роли сектора малого предпринимательства в настоящее время становится одним из приоритетных направлений развития экономики Свердловской области, что, требует формирования и развития предпринимательской экосистемы. Для разработки действенных механизмов развития предпринимательской экосистемы необходимо выработать единую комплексную методику оценки факторов развития предпринимательства, что, в свою очередь, требует анализа и адаптации существующего опыта.

В настоящее время существует несколько методических подходов к оценке факторов развития предпринимательства. Традиционным подходом при анализе факторов развития предпринимательства является их деление на внешние и внутренние с дальнейшей оценкой на основе использования методов стратегического менеджмента. Под внешней средой понимаются условия и факторы, оказывающие или могущие оказать воздействие на функционирование предприятия.

Внутренняя среда связана: с личностными качествами предпринимателя (важнейшими из которых являются: профессионализм, готовность к риску, уверенность в своих силах, коммуникабельность и общая культура); с наличием капитала (свободных денежных средств и/или необходимых материальных ресурсов); с организационными возможностями производства; с материально-техническим обеспечением средствами производства; с возможностями управления человеческим ресурсом; с возможностями финансового менеджмента; с маркетинговой деятельностью и др. И. Герчикова приводит следующую классификацию внешних факторов предпринимательской среды [2, с. 104]: факторы прямого воздействия (характер и состояние рыночных отношений и хозяйственные связи фирмы) и факторы косвенного воздействия (регулирование предпринимательской деятельности; общеэкономические: требования научно-технической революции; состояние экономики страны; предпринимательский климат; общеполитические).

В зависимости от характера влияния на сферу малого предпринимательства совокупность факторов разбивается на группы:

- базисные (влияют на возможность существования): законодательство, налогообложение, ресурсы;

- дополняющие (влияют на объем малого предпринимательства и на его здоровье): специальная государственная поддержка, инфраструктура рынка, социальное партнерство, самоорганизации предпринимателей;

- внутренние (влияют на показатели успешности малого предпринимательства): психологическая и профессиональная готовность к предпринимательской деятельности, окружение.

Те же факторы для акцентирования внимания на специфику характера развития малого предпринимательства в регионе удобно рассматривать в другом разрезе:

- факторы, дающие возможность функционировать малому предпринимательству (экономическая и деловая среда);

- факторы, побуждающие экономически активное население к занятию малым предпринимательством (создание общественной атмосферы, стимулирующей деловую активность).

Е. Н. Тумилевич выделяет две основные группы факторов: *регулирующие* («рамочная среда») и *обеспечивающие* (экономическая и деловая среда) [7]. К факторам формирования «рамочной среды» относятся: политика, правовые условия, административные механизмы. Вторая группа внешних факторов — факторы, благоприятствующие или не благоприятствующие ведению предпринимательской деятельности, это - экономическая и деловая среда.

Факторы, влияющие на развитие малого предпринимательства, можно разделить на *объективные* (которые мало зависят от воли предпринимателя, его желания) и *субъективные*. К объективным факторам относим плотность населения, территориальный фактор, потенциал региона, отраслевая структура региона. Предприниматель может лишь приспосабливаться к этим факторам, оценивая и прогнозируя направления их развития и адаптируясь к их изменению. К субъективным факторам можно отнести криминогенный риск, административные барьеры для предпринимателя, конкурентное окружение и другие. Эти факторы предприниматель имеет возможность изменять и влиять на них.

Целесообразным для управления системой малого предпринимательства в регионе представляется деление факторов на *неизменяемые, медленно изменяемые и быстро изменяемые факторы*.

Для оценки факторов развития малого предпринимательства авторы предлагают использовать традиционные инструменты стратегического менеджмента — матрица оценки внешних/внутренних факторов (EFEM / IFEM), PEST-анализ и SWOT-анализ. Матрица оценки внешних/внутренних факторов составляется на основе экспертных оценок ключевых факторов. Коллективным мнением экспертов каждому фактору присваиваются:

- вес, отражающий значимость данного фактора для успешной деятельности компании: от 0.0 (не важный) до 1.0 (очень важный) при условии равенства суммы всех весов единиц;

- рейтинг, отражающий направленность и силу действия данного фактора, от 1-цы до 4-х: 1 = фактор сильной угрозы; 2 = неблагоприятный фактор; 3 = благоприятный фактор; 4 = фактор успеха.

Перемножением веса на рейтинг по каждому фактору получается взвешенная оценка, а суммирование оценок позволяет получить общий балл. Чем меньше значение общего балла, тем непривлекательнее предпринимательская среда. Аналогично строится матрица оценки внутренних факторов. Итоговый общий балл непосредственно используется в построении сводной матрицы внешних и внутренних факторов и в SWOT -анализе. Матрица включает девять клеток, соответствующих значению общих баллов из матрицы внешних факторов (по

оси Y) и матрице внутренних факторов (по оси X). Клеткам матрицы соответствуют определенные стратегии.

Одним из наиболее частых методов оценки факторов является графический метод, основанный на визуализации результатов анкетирования, в которых респонденты оценивают факторы по 5-и бальной шкале.

Авторы исследования «Условия и факторы развития малого предпринимательства в регионах РФ», проведенного общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства, выделяют три типа факторов [8, с. 10]: мотивационные (определяются общим состоянием бизнеса, оценкой его перспектив в будущем), институциональные (определяются тем, насколько привлекательна предпринимательская среда в регионе) и инфраструктурные (понимаются как обеспечение условиями для ведения бизнеса с точки зрения правоприменения и судебной защиты, а также обеспеченностью производственными площадями). Для оценки институциональных факторов авторы предлагают использовать метод экспертного опроса с целью определения индикаторов проявления факторов и дальнейшего их ранжирования на основе интегрального индекса. Интегральный индекс базируется на пяти индикаторных переменных, для каждой из которых определяется индивидуальный индекс, равный разнице положительных и отрицательных оценок плюс «100». Затем вычисляется средняя арифметическая индивидуальных индексов, которая и представляет собой интегральный индекс. Значение индекса выше 100 означает, что ситуация благополучна, ниже 100 – скорее не благополучна. Аналогичный подход к оценке факторов развития предпринимательства предлагает использовать Г. Р. Имаева [4, с. 117]. На основе полученных экспертных оценок она предлагает рассчитывать интегральный индекс условий развития МСП в России. Расчет индекса производится на основе индивидуальных индексов, равных разнице положительных и отрицательных оценок плюс «100» и умноженных на весовой коэффициент, определяемый на основе частоты ответов на вопрос о блоках факторов.

Авторы проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» выделяют три главных фактора развития предпринимательства: отношение к предпринимательству, предпринимательская активность и предпринимательские устремления. Для оценки факторов они используют методы опроса, экспертного интервью и статистического анализа [1, с. 9]. Рейтинг факторов формируется на основе средних значений экспертных оценок, выставляемых по 5-ти бальной шкале. При этом для оценки каждого фактора используются 5–7 его показателей.

Рассматривая существующие теоретические подходы к выявлению факторов возникновения молодежного предпринимательства, следует обратить внимание на подход Дж. Круна [10]. Он обращается к личности молодого предпринимателя и выделяет *стимулирующие и давящие* факторы. К стимулирующим факторам он относит потерю работы, отсутствие продвижения по службе, кризис в личной жизни и т.п. К давящим факторам — давление со стороны родителей, друзей, знакомых, являющихся предпринимателями. Роль интеллектуального капитала предпринимателя подчеркивается и современными российскими исследователями.

Н. В. Ксенафонтов в своей работе [6, с. 27] среди основных факторов предпринимательской деятельности определяет *«твердые»* факторы (труд, земля, капитал) и *«мягкие»* факторы (культура, доверие, информация). При этом он подчеркивает особую значимость «мягких» факторов. Еще Дж. Коулман справедливо отмечал: «Если *физический* капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, то *человеческий* капитал менее осязаем. Он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. *Социальный* же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов» [3]. Но он так же, как физический и человеческий капиталы, облегчает производственную деятельность. Человеческий капитал – это важнейшая составная часть современного производительного капитала, которая представлена свойственным человеку богатым запасом знаний, развитых способностей, определяемых интеллектуальным и творческим потенциалом [5, с. 35]. Л. Ю. Филобокова подчеркивает, что в XXI веке ведущим ком-

понентом, определяющим возможности функционирования и развития бизнеса, становится *интеллектуальный капитал* [9, с. 281].

Наличие внешних и внутренних условий для развития предпринимательства современные зарубежные исследователи характеризуют понятием *предпринимательской среды* – «экосистемы». В настоящее время можно выделить два основных зарубежных подхода к оценке предпринимательской экосистемы: это подход ученых Гарвардского университета и университета Беркли Б. Хермана и М. Мармера, авторов проекта «Startup Genome» и подход ученого Бабсон колледжа Д. Айзенберга, автора проекта «Babson Entrepreneurship Ecosystem Project - ВЕЕР».

Д. Айзенберг определяет шесть ключевых элементов предпринимательской экосистемы: политика; финансовая индустрия; культура; инфраструктура, обеспечивающая поддержку предпринимательства; человеческий капитал (включая образование); рынок. Он предполагает оценивать ее на основе экспертной оценки данных показателей. Западные исследователи Б. Херман и М. Мармер, основатели проекта «Startup Genome», предложили понятие глобального индекса предпринимательской экосистемы, который рассчитывается на основе взвешенной оценки восьми компонент: индекс предпринимательской активности; индекс финансирования; индекс производительности стартапа; индекс мышления; индекс адаптивности к изменениям; индекс инфраструктурной поддержки; индекс таланта предпринимателя и индекс дифференциации. На основе оценки данных индексов определяется ранг глобального индекса.

Анализ подходов позволяет определить, что авторы используют аналогичные индикаторы для оценки предпринимательской экосистемы. Однако подход Б. Хермана и М. Мармера шире: в их системе оценки дополнительно учитываются предпринимательская активность и производительность стартапа.

Анализ существующих методических подходов позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто выделяют такие типы факторов развития предпринимательства, как внешние, внутренние, личностные. Однако сегодня недостаточно исследований, посвященных выявлению специфичных типов факторов развития молодежного предпринимательства. К основным методам оценки факторов развития предпринимательства относятся методы стратегического анализа (матрица оценки внешних/внутренних факторов (EFEM / IFEM), PEST-анализ и SWOT-анализ), методы опроса, глубинных интервью, экспертных оценок, расчета интегральных индексов и ранжирования. Данные выводы могут быть использованы при разработке комплексной методики оценки факторов развития предпринимательской экосистемы.

Библиографический список

1. *Верховская, О. Р., Дорохина О. Р.* Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2011. СПб: ВШМ СПбГУ, 2012. 63 с.
2. *Герчикова И. Н.* Менеджмент. Учебник: М.: ЮНИТИ. 2003.
3. *Дж. Коулман.* Капитал социальный и человеческий. Переведено по изданию: Social Capital: A Multifaceted Perspective. Partha Dasgupta, Ismail Serageldin. The World Bank. Washington, 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [<http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf>].
4. *Имаева Г. Р.* Предпринимательский климат в России и формирующие его факторы: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения. № 8 (114). С. 114–121.
5. *Квашин В. В., Орехова С. В.* Человеческий капитал как основа инновационной деятельности фирмы // Проблемы развития молодежного предпринимательства в инновационной среде: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. Екатеринбург. 2011. С. 35–37.
6. *Ксенафонтов Н. В.* Развитие теории факторов предпринимательской деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 8 (262). Экономика. Вып. 36. С. 26–32.

7. Тумилевич Е. Н. Факторы и формы развития малого предпринимательства в регионе // Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия «Экономика и право», № 1-2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-01/343-a>.

8. Условия и факторы развития малого предпринимательства в регионах России : аналитический отчет. М: Опора России ВЦИОМ, 2006. 156 с.

9. Филобокова Л. Ю. Экономический потенциал малого предприятия и методика его оценки // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 3. С. 281–285.

10. J. Kroon, S. de Klerk and A. Dippenaar. Developing the next generation of potential entrepreneurs: co-operation between schools and businesses? South African Journal of Education. 2003. Vol 23(4) 319 – 322.

Anastasia V.Ivanova

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING FACTORS OF ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT

Abstract

The modern approaches of Russian and foreign researchers to the assessment factors for the development of entrepreneurship are presented. Their advantages and disadvantages are found. The author emphasizes that there is a lack of methodological approaches to the assessment of youth entrepreneurship today.

Keywords: entrepreneurial ecosystem, youth entrepreneurship, entrepreneurship, factors of development.

УДК 332.122.66

Г. М. Коркина, А. И. Арефьева

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И УГРОЗЫ

Аннотация

В статье рассматриваются негативные факторы, которые формируют угрозы продовольственной безопасности страны и региона. Рассмотрены уровни продовольственной безопасности. Выявлены тенденции развития рынка продовольствия Свердловской области. Выделены актуальные угрозы продовольственной безопасности региона.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, угроза, платежеспособный спрос, аграрный сектор.

Продовольственная безопасность — это постоянная способность государства и общества обеспечивать доступность продуктов для всего населения в количестве и качестве, необходимом для активной здоровой жизни [1, с. 126–127].

Обеспечение национальной продовольственной безопасности связано с преодолением влияния негативных факторов, которые формируют угрозы продовольственной безопасности и ведут к уменьшению количества, отсутствию или ухудшению пищевой и энергетической ценности основных видов пищевых продуктов. Это могут быть [7, с. 25–26]:

- недостаточный уровень развития и устойчивости сельскохозяйственного производства;
- неразвитая инфраструктура агропромышленного комплекса, моральное и физическое устаревание его материально-технической базы;
- слабое развитие науки в аграрном секторе, которое ведет к отставанию в инновационной сфере;

- низкая степень обеспеченности продовольствием отечественного производства и перенасыщение рынка импортной продукцией;
 - несоответствие качества продуктов питания требованиям экологичности и полезности для здоровья;
 - неадекватная аграрная политика государства, которая не уделяет должного внимания агропромышленному комплексу;
 - недостаточные объемы продовольственных запасов на случай форс-мажорных обстоятельств;
 - нарушение стабильности финансово-кредитной системы;
- снижение уровня платежеспособного спроса населения на продукты питания.

Анализ регионального рынка продовольствия Свердловской области позволил выявить следующие актуальные тенденции и угрозы.

➤ Снижение покупательского спроса населения.

Финансовые эксперты и аналитики считают главными причинами стремительного падения курса рубля спровоцированный США отток инвестиций с развивающихся рынков, а также искусственно созданный чрезмерный покупательский спрос. Население России максимально закредитовано банковскими кредитами, что привело к потребительскому буму. В декабре 2014 г. рубль стремительно обесценился: по отношению к доллару с 32,66 руб. до 67,77 руб.; по отношению к евро с 42,61 руб. до 76,83 руб. Укрепление рубля произошло в марте 2015 г., когда доллар торговался на уровне 60 руб., а евро — 66 руб.

Падение рубля привело к обесцениванию банковских вкладов и снижению потребительского спроса населения [6].

➤ Рост цен на продукты питания.

Неблагоприятные изменения экономической ситуации в стране повысили уровень инфляции. Сильнее всего подорожали продовольственные товары — цены на них в феврале 2015 г. выросли на 25,1 % без учета алкоголя по сравнению с февралем 2014 г. Индекс цен на все товары составил 117,4 %, а на услуги — 115,7 %. Расходы россиян на еду по оценкам экспертов в 2015 г. могут достигнуть 50-55 % от доходов. Доля этих расходов выросла до 40 % в последние месяцы 2014 года. На февраль пришелся пик продовольственной инфляции. В феврале 2015 г. цены выросли на 2,2 % относительно января, а по сравнению с декабрем 2014 г. цены увеличились на 7 %. Инфляция за 2014 год составила 16,9 % [5].

➤ Снижение качества продовольствия.

Оно связано с ростом доли фальсифицированной продукции. Наиболее неблагонадежными с точки зрения экспертов остаются молочные, рыбные и кулинарные продукты. До 20 % молочной продукции на полках магазинов является фальсификатом, утверждает сайт «Агроинвестор», ссылаясь на независимые проверки качества.

Кроме того, в стране сложилась ситуация фактически бесконтрольного и нерегулируемого распространения генно-модифицированных продуктов. Правила торговли рекомендуют ритейлерам указывать на упаковке наличие ГМО, но не обязывают их это делать. По результатам мониторинга эксперты отмечают снижение доли ГМ-продуктов, но эта тенденция не означает, что мы стали меньше потреблять таких продуктов. Она означает, что их стали меньше маркировать [4].

➤ Снижение объема поставок импортного продовольствия.

В августе 2014г. правительство России в соответствии с Указом президента от 06.08.2014 г. запретило ввоз ряда продовольственных товаров (мяса, молока, овощей, фруктов и др.) из Евросоюза, Норвегии, США, Канады и Австралии. Такая мера была предпринята в ответ на санкции этих стран в отношении России.

В стране в последние десятилетия сложилась порочная зависимость от импортных поставок продуктов. Как следует из данных Росстата за 2013 год, Россия полностью обеспечивает собственные потребности только в зерновых культурах. Но по целому ряду продуктов

отказ от импорта невозможен. Так, отечественные производители свинины лишь на 74 % покрывают потребительский спрос, говядины — на 70 %, курицы — на 90 %.

Большая зависимость от импортных закупок племенного молодняка КРС, свиней, яйца, а также семян, овощей, картофеля, кукурузы, сои, рапса и других сельскохозяйственных культур. В Свердловской области птицефабрики завозят племенное яйцо для выращивания бройлеров из Чехии, Германии, Голландии. Это серьезный фактор риска для областного птицепрома, который может резко снизить объемы производимой продукции мяса и яйца в случае отказа от импорта [2].

➤ Недостаточный уровень развития агропромышленного комплекса.

Аграрная и земельная реформа, начавшиеся в современной России с 1990 года, вместо ожидаемого прогресса оказали деструктивное воздействие на аграрную экономику. В результате отечественные сельскохозяйственные товаропроизводители оказались неспособны обеспечить население страны необходимым сырьем и продовольствием. Импорт продовольствия за период с 2000 г. по 2014 г. вырос в 5,88 раз (с 7,4 до 43,5 млрд. \$), что привело к значительному усилению угрозы продовольственной безопасности.

Соотношение производства и потребления аграрной продукции в Свердловской области представлено ниже (табл. 1).

Таблица 1

Производство и потребление сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения в 2014 г., в Свердловской области

Наименование продукции	Производство	Потребление
Зерно, тыс.руб.	14,1	16,5
Мясо и мясопродукты, тыс. руб.	3,9	7,7
Молоко и молочные продукты, тыс. руб.	14,2	24,0
Яйца, шт.	32,1	29,7
Овощи, тыс. руб.	4,3	9,8
Картофель, тыс. руб.	16,7	9,3

Сравнивая данные по потреблению этих продуктов питания, мы видим, что потребляется в разы больше, чем производится. Это свидетельствует о значительном поступлении на территорию Свердловской области продовольственных товаров, в том числе импортных.

Сельское хозяйство современной России обладает значительным потенциалом: свыше 40 % черноземов мира, 20 % пресной питьевой воды, свыше 100 млн. га пашни.

Однако финансированию АПК не уделялось должного внимания в последние десятилетия. Он финансировался в довольно скромных размерах. Данные представлены ниже (табл. 2).

Таблица 2

Расходы федерального бюджета на развитие сельского хозяйства

Показатели	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Млрд. руб. (в текущих ценах)	25,9	190,1	107,3	168,0	173,3	198,0
Удельный вес в общем объеме расходов федерального бюджета, %	0,7	2,1	1,1	1,6	1,4	1,4

В Свердловской области разработана и реализуется областная госпрограмма по поддержке АПК, на которую планируется направить из областного и федерального бюджетов около 5 млрд. рублей. Для того, чтобы решить проблему замещения импорта отечественными продовольственными товарами, этого явно недостаточно.

На решение возникшей проблемы направлена государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2020 годы. Однако, все запланированные меры будут иметь логическое завершение лишь через 5–10 лет. На эти сроки заключены договоры на кредитование и субсидирование процентных ставок по коммерческим кредитам для сельскохозяйственных товаропроизводителей из федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ [3].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Угрозы продовольственной безопасности региона за последний год усилились.

2. Потребление продовольствия снизилось. По итогам 2014г. доля продовольственных товаров в общем объеме потребления сократилась на 25,3% по сравнению с 2013г. Это связано с падением покупательского спроса, ростом цен на продукты питания, сокращением объемов их поступления в торговлю и ассортимента. Однако это снижение не является критическим.

3. Экологическая чистота и полезность продуктов для здоровья зачастую вызывают сомнения. Доля фальсифицированной продукции по оценкам экспертов составляет 15–20%.

4. Тенденцию довольно резкого снижения объемов импорта, которое в свердловской области составило 25% после августа 2014 года, можно рассматривать с двух позиций. С одной стороны, это привело к сокращению разнообразия ассортимента продуктов питания. С другой стороны, у аграрного бизнеса появились реальные стимулы для развития с целью импортозамещения, что позволяет оценивать сложившуюся тенденцию как явно положительную.

В целом население региона обеспечено продуктами питания. Однако доля продуктов отечественного производства ниже уровня 80–85%, предлагаемого экспертами в качестве приемлемого. Из этого следует, что продовольственная безопасность региона обеспечена сегодня лишь частично. Но при определенных усилиях, которые прилагаются бизнесом и структурами власти, существующие угрозы могут быть снижены и достигнута желаемая продовольственная независимость региона и страны в целом.

Библиографический список

1. Большая актуальная политическая энциклопедия / Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2013.

2. Конеген С.С. Wikimedia.org. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekb.dk.ru/news/sverdlovskaya-oblast-na-chetvert-sokratila-import-prodovolstviya>.

3. Министерство агропромышленного комплекса и продовольствия Свердловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekb.dk.ru/wiki/ministerstvo-agropromyshlennogo-kompleksa-i-prodovolstviya-sverdlovskoy-oblastin>.

4. Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации. М.: Росстат, 2015. С. 9.

5. Расходы россиян на питание в 2015 году вырастут до 55% / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zol.ru/znews/showlinks.php?id=124992#>.

6. Россия готовится к снижению потребительского спроса. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://hoodo.info/article-1180-1.html>.

7. *Симонова С. С.* Проблемы продовольственной безопасности в современной России. 2014. №1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enotabene.ru/nb/article_10740.html.

Galina M. Korkina, Anastasia I. Arefyeva

FOOD SAFETY OF REGION: ACTUAL TENDENCIES AND THREATS

Abstract

This article describes Identified negative factors that form a threat to food security of the country and the region. The levels of food security. The development trends of the food market of the Sverdlovsk region. Selected current threats to food security in the region.

Keywords: food safety, threat, solvent demand, agrarian sector.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО БИЗНЕСА РЕГИОНА**Аннотация**

В статье рассматриваются потенциальные угрозы деятельности строительных предприятий. Выявлены тенденции развития рынка строительного бизнеса Уральского региона. Выделены современные угрозы экономической безопасности участников рынка.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угроза, строительный бизнес, деловая активность.

Строительный комплекс России представляет собой сложную межотраслевую производственно-хозяйственную систему, элементами которой являются предприятия, осуществляющие производство строительных материалов, изделий и конструкций, выполняющие работы по проектированию, возведению и реновации зданий и сооружений [7, с. 12–14]. Как отрасль материального производства строительство имеет ряд специфических особенностей [8, с. 126–127]: разнотипность производства и характер конечной продукции; технологическую взаимосвязанность всех операций, входящих в состав строительного процесса. Проблема обеспечения устойчивости строительного бизнеса обусловлена состоянием: общих финансово-экономических проблем страны и региона; взаимодействия властных структур и субъектов рынка на уровне региона; взаимодействия субъектов строительного рынка; организации внутрипроизводственных отношений деятельности самих строительных предприятий.

Угроза экономической безопасности строительного предприятия - это такое развитие событий, в результате которого появляется возможность, либо повышается вероятность нарушения нормального функционирования предприятия и не достижения им своих целей [9, с. 145–159]. Строительство традиционно является в нашей стране проблемным видом бизнеса в силу своей специфики и множества угроз, сопровождающих его производственный процесс.

К числу потенциальных угроз предприятия строительного бизнеса можно отнести следующие.

– Рост влияния административных рисков подразумевает изменение законодательства, смену сотрудников администрации и контролирующих органов, изменение их позиции в отношении строительного предприятия из-за отсутствия определенных правил игры организации и инвесторы вынуждены постоянно искать компромисс с регулирующими органами на всех этапах строительства, начиная с получения многочисленных разрешений и заканчивая сдачей работ в эксплуатацию.

– Коррупционные отношения при распределении государственных и муниципальных заказов [6, с 45–47].

– Недобросовестная конкуренция во всех ее проявлениях может причинить убытки другим предприятиям или нанести ущерб их деловой репутации.

– Монополизация рынка. Монопольное положение является желанным для строительного предприятия, так как оно позволяет избежать целый ряд проблем, связанных с конкуренцией: занять привилегированную позицию на рынке, концентрируя в своих руках определенную хозяйственную власть; влиять на других участников рынка, навязывать им свои условия.

– Угроза роста социальной напряженности. Проявляется в резком росте недовольства, недоверия к властям, конфликтности в обществе, экономической депрессии, ухудшении демографической ситуации.

– Нанесение экономического ущерба вследствие ошибок управления, несанкционированных действий, отказов, неисправностей и дефектов элементов строительства и ин-

фраструктуры. Даже небольшой брак или незначительное несоблюдение строительных технологий может впоследствии привести к серьезным финансовым потерям.

– Проблемы с кадрами. Строительное предприятие всегда стоит перед выбором: либо содержать большой штат сотрудников с простоями в период с низкой загрузкой, либо привлекать дополнительных, часто случайных и неквалифицированных, работников в периоды с высокой загрузкой.

– Ошибки при выборе поставщиков и подрядчиков, когда необходимо проверить их опыт в строительстве данного типа, оснащение бригад современными техническими средствами, степень использования новых технологий, подготовку и уровень квалификации персонала, что зачастую не делается и ведет к финансовым потерям.

В 2014 году на территории Свердловской области работали 176 строительных компаний, обеспечивающих занятость более 100 тысяч человек. В Екатеринбурге ведут строительство более 60 застройщиков, в том числе ряд крупнейших, которые имеют выраженное лидерство по количеству объектов застройки.

Анализ показывает, что для рынка строительного бизнеса региона характерен сегодня ряд тенденций.

Снижение спроса на строительные-монтажные работы со стороны коммерческих структур и населения почти по всем сегментам рынка. Основной причиной ухудшения ситуации стало сокращение новых заказов на строительство. В I квартале 2015 года представители строительного бизнеса дали более низкие по сравнению с предыдущим кварталом оценки по количеству заключенных договоров и физическому объему работ: в 4 квартале 2014 года снижение составило (–4 %) и (–3 %); в 1 квартале 2015 года (–8 %) и (–4 %) соответственно [2].

Сегодня рыночные тенденции в большинстве городов Свердловской области схожи и зависят, прежде всего, от влияния макроэкономических факторов. По данным уральской палаты недвижимости в 2014 году в городах Свердловской области обнаружилась тенденция к понижению спроса на недвижимость на 20% [1].

– Произошло падение инвестиционной активности участников рынка строительного бизнеса. Так, инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2014 году снизились на 2,5 %. По оценкам экспертов, в 2015 году они упадут на 13,7% [5].

Основная причина: резкий рост процентов по ипотечным кредитам. Банки предлагают предприятиям кредиты уже не под 20, а под 28% годовых [2].

Такие проценты практически ставят крест на кредитовании компаний.

– Усугубилась проблема с кадрами. Не хватает кадров с высокой квалификацией как специалистов (например, проектировщиков), так и рабочих специальностей. В связи с этим на Урале широко распространена многолетняя практика найма строителей- мигрантов в летний сезон.

Массовый приток мигрантов стартует обычно с началом сезонных работ в апреле-мае, а отток происходит в октябре-декабре. Эта тенденция наблюдалась и в 2014 году.

В начале 2015 года въезд трудовых мигрантов резко сократился по данным УФМС России по Свердловской области, в январе на миграционный учет в Свердловской области поставлено в два раза меньше иностранцев, чем за аналогичный период прошлого года [4].

Такая тенденция связана с изменением миграционного законодательства согласно закону от 20.04.2014 № 71–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации».

– Повышение уровня инфляции. В связи с неблагоприятной экономической ситуацией в стране выросли цены на металл, стройматериалы, энергоресурсы.

Руководители строительных предприятий следующим образом проранжировали лимитирующие факторы для своего бизнеса:

1. Недостаток заказов на работы — 85 % руководителей;
2. Высокая стоимость стройматериалов — 82 % руководителей;
3. Недостаток высококвалифицированных рабочих — 74 % руководителей;

4. Недостаток собственных финансовых средств и сложности с получением кредита — 69 % руководителей;
5. Недобросовестная конкуренция — 61 % руководителей;
6. Неопределенность экономической обстановки — 61 % руководителей.

Так, более 80 % руководителей констатировали недостаток спроса на оказываемые услуги, поставив эту угрозу не первое место. Около 70 % предпринимателей заявили, что испытывают недостаток собственных финансовых средств, что ограничивает или сводит на нет их инвестиционную активность, а получить банковский кредит сложно и он подорожал.

Таким образом, преобладающими для участников строительного бизнеса региона является сегодня внешние экономические угрозы. Они связаны с ухудшением макроэкономической ситуации в стране. Главный результат — заметное снижение деловой активности участников рынка почти во всех сегментах, что привело к сокращению объемов строительных работ и ухудшению показателей промышленного строительства по итогам 2014 года. Очевидна стагнация, особенно в части нового строительства.

Одной из немногих положительных тенденций является сокращение устойчивого спроса населения на недорогое и небольшое по площади загородное жилье. Основной негативный фактор: удорожание кредитов по причине нестабильности финансово-кредитной системы, а большинство участников строительного рынка работают с привлечением заемных средств. Дополнительные угрозы связаны с ростом инфляции на рынке стройматериалов и металлов и усугубление проблемы рабочих кадров.

Библиографический список

1. Аналитика рынка недвижимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.megapolis-online.com/articles/stati/vypusk-9-21-/195-rekordy-i-trevozhnye-ozhidaniya.html>.
2. Инвестиции в строительство снижаются [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://орес.ru/1675603>.
3. Коттеджи из секунд хенда [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/realty/2015/02/10_a_6406097.shtml.
4. Прогноз основных показателей экономического развития России в 2015 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://analitkaru.ru/2015/04/07/prognoz-osnovnyx-makroekonomicheskix-pokazatelej-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii-v-2015-godu/>.
5. Строительство 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ancb.ru/publication/read/820>.
6. *Мацевский Н. С.* Теневая Россия: истоки, сущность, причины, последствия. Казань, 2011.
7. Экономика недвижимости / под ред. А. Н. Асаул, А. В. Карасев. СПб.: Питер, 2012. 300 с.
8. Экономика строительства / под ред. Казанского Ю. Н., Панибратова Ю. П. М.: АСВ., 2013. 128 с.
9. *Бендиков М. А.* Экономическая безопасность предприятия в условиях кризисного развития. М.: АСВ, 2012. № 10. 200 с.

Galina M. Korkina, Olga P. Smirnova

MODERN THREATS OF DEVELOPMENT OF BUILDING BUSINESS OF REGION

Abstract

This article describes potential threats activity of build enterprises are certain. Progress of market of a build business of the Ural region trends are exposed. Modern threats economic security of market participants are selected.

Keywords: economic security, threat, construction business, business activity.

КРИМИНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ¹**Аннотация**

В статье рассматриваются особенности функционирования ряда отечественных криминальных рынков, таких как рынок запрещенных наркотических веществ, торговли оружием, работоторговли (использования рабского труда), а также проституции, приводится оценка их оборота по Уральскому федеральному округу за 2013 год. Особое внимание уделяется рассмотрению поведения преступника через анализ рентабельности и рисков преступного бизнеса. По ряду преступных рынков приводятся отдельные правовые аспекты, демонстрирующие определенные недочеты российского законодательства. Основное внимание в работе уделяется исследованию наркобизнеса, как наиболее прибыльного и деструктивного для экономики России криминального рынка.

Ключевые слова: криминальная экономика, наркобизнес, торговля оружием, работоторговля, проституция.

Обеспечение устойчивого роста экономики требует решения ряда проблем, в том числе минимизации влияния различных деструктивных тенденций, к которым относится распространение криминальной экономики в субъектах Российской Федерации. Значительные масштабы нелегальной экономики свидетельствуют о том, что на сегодняшний день меры противодействия данному процессу не соответствуют реально сложившейся ситуации. В то же время, для успешного противостояния криминальной экономике необходимо понимание особенностей формирования конъюнктуры входящих в нее рынков, ряда правовых вопросов, касающихся ее регулирования, а также мотивов преступника. Преступник, совершающий преступления, формирующие криминальную экономику, изначально полагается рациональным индивидом [7], который в своей деятельности руководствуется сугубо экономической выгодой. Классический подход “*to catch a criminal, you have to think like one*” [9] применим в данном случае и к социально-экономическому анализу криминальной экономики – только поняв мотивы и экономические выгоды преступника возможно эффективное противостояние его деятельности.

Криминальная экономика это хозяйственная деятельность, а также совокупность отношений, складывающихся в системе незаконного производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг (экономических благ). Важно понимать, что криминальная экономика влияет на экономику региона *сугубо негативно*. В этом заключается ее принципиальное отличие от неформальной и теневой экономик, которые могут оказывать нейтральное, а порой и положительное влияние (в особенности во время кризисов) на экономику регионов. В нашей работе мы рассмотрим отечественные особенности следующих классических преступных рынков: Наркобизнеса, Торговли оружием, Работоторговли (использование рабского труда), а также Проституции.

1. Наркобизнес (ст.228 УК, о приобретении без цели сбыта — ст.6.8 КоАП). Наркобизнес представляет собой противозаконную торговлю запрещенными наркотическими средствами, а производство и распространение наркотиков представляют собой на сегодняшний день один из наиболее динамично развивающихся секторов криминального бизнеса (табл. 1).

По оценкам ФСКН в РФ около 18 млн. человек хоть раз в жизни употребляли какие-либо наркотики (около 13 % населения), около 8 млн. употребляют наркотики эпизодически и регулярно, около 3 млн. — активно [4].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Экономика наркорынка: теоретико-методологические основы и методический инструментарий диагностики и прогнозирования», проект №15-32-01293а2.

© Кривенко И. А., 2015

Таблица 1

Оборот наркобизнеса по Уральскому федеральному округу, 2013 год

Регион	Оборот, млн. рублей	Оборот, процент от ВРП, %
Курганская область	6 254	4,08
Свердловская область	36 891	2,20
Тюменская область	40 832	0,80
<i>В том числе: ХМАО</i>	<i>21 294</i>	<i>0,73</i>
<i>ЯНАО</i>	<i>3 629</i>	<i>0,26</i>
Челябинская область	31 335	3,43

Особенностью наркобизнеса является его высокая рентабельность в совокупности с достаточно низкими рисками на ряде наркотических рынков (например, на рынке «легальных» или синтетических наркотиков). Так, например, согласно УК РФ за сбыт наркотических средств предусмотрено наказание от 8 до 15 лет лишения свободы, однако практика [6] такова, что большинство правонарушителей проходит по статье за хранение, суровость наказания за которое существенно ниже (а за хранение наркотических средств, размер которых не превышает *значительного*, например, менее 6 грамм конопли или 2 грамм гашиша – что, в сущности, является разовой дозой – предусмотрена только административная ответственность). Совершенно очевидно, что преступники принимают все возможные меры, дабы не быть изобличенными *во время самой сделки*, понижая, таким образом, свои риски и увеличивая совокупный доход.

Рост прибыли в наркобизнесе особенно наглядно видно на рынке героина [11], на котором присутствуют различные уровни наркосбытчиков. 90% опия, из которого впоследствии производится героин, получают в южных регионах Афганистана. Чистый героин (содержание диацетилморфина — основного действующего вещества — в котором достигает 95 %) через Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан попадает в Россию. Рентабельность от продаж наркотика на данном этапе составляет около 35 %, и почти с такой же рентабельностью героин реализуется крупным российским оптовикам (ROM около 40 %). В России героин разбавляется, и мелкому опту реализуется уже с рентабельностью около 90 %. Далее по цепочке героин реализуется самим уличным сбытчикам (т.н. «бегункам») с рентабельностью около 95 %, которые, в свою очередь, перепродают его конечному потребителю, имея ROM около 60 %. На конечном этапе чистота героина составляет от 0,5 % до 3 %, при этом, как было показано, основная прибыль сосредоточена на оптовых продажах. Рентабельность на рынках синтетических наркотиков (например, курительных смесей на основе JWH-018) еще выше, и может достигать 97 %, при этом сама организация преступного бизнеса значительно проще – эти наркотики формируют самые прибыльные рынки с минимальными рисками, а для их изготовления не требуется каких-либо особых навыков или умений.

2. Торговля оружием (ст. 222 УК). Под незаконной торговлей оружием в работе понимается незаконный сбыт легкого стрелкового оружия, как наиболее популярного оружия в локальных конфликтах (табл. 2).

Таблица 2

Оборот торговли оружием по Уральскому федеральному округу, 2013 год

Регион	Оборот, млн. рублей	Оборот, процент от ВРП, %
Курганская область	227	0,15
Свердловская область	797	0,05
Тюменская область	1 416	0,03
<i>В том числе: ХМАО</i>	<i>527</i>	<i>0,02</i>
<i>ЯНАО</i>	<i>189</i>	<i>0,01</i>
Челябинская область	762	0,08

Разумеется, на черном рынке оружия осуществляются сделки по купле-продаже техники, взрывчатки, ракет и т. д., однако эти сделки имеют скорее федеральный характер, и то, что они осуществляются на территории того или иного региона не означает, что они должны

засчитываться в оборот криминальной экономики региона. Стрелковое оружие, приобретенное в определенном субъекте РФ, чаще всего находит свое применение именно в нем. Основная часть реализуемого в РФ оружия похищается со складов, часть изготавливается вручную из газового оружия [3]; лишь небольшая доля оружия на черном рынке в России поставляется из-за рубежа.

Таблица 3

Средняя стоимость и структура продаваемого оружия по видам, 2013

Тип оружия	Доля, %	Цена, руб.
Автоматы (<i>Assault Rifles</i>)	15,2	45 000
Винтовки и карабины	5,1	36 000
Пулеметы	2,4	60 000
Пистолеты и револьверы	44,3	24 000
Гладкоствольное оружие	32,9	30 000

Данный вид преступного бизнеса хоть и уступает по рентабельности наркобизнесу, тем не менее, является достаточно прибыльным и перспективным, в особенности при общем высоком преступном фоне в регионе. Существующая политика приема оружия [2], очевидно, недостаточно мотивирует граждан к обращению в силовые структуры. Так, огнестрельное нарезное короткоствольное оружие принимают к сдаче за 1300 рублей, при этом гражданину необходимо будет пройти ряд процедур, составить протокол и т. п.

При всем этом, рыночная стоимость ПМ (без патронов и доп. снаряжения) составляет около 10 тыс. рублей; уже сам этот факт делает экономически невыгодным обращение в МВД, и мотивирует гражданина к продаже оружия на черном рынке.

3. Работоторговля (использование рабского труда) (ст. 127 УК). Торговля людьми остается достаточно выгодным и актуальным бизнесом и в наши дни: ее международный оборот оценивается от 600 до 800 тыс. чел. в год, а оценка, включающая торговлю людьми внутри стран, составляет от 2 до 4 миллионов человек [12]. Торговля людьми в целях эксплуатации *рабского труда* — наиболее распространенная форма торговли людьми в России; основной по масштабам группой риска для данного вида торговли людьми являются *мигранты*, в первую очередь из стран СНГ, нелегально работающие на неквалифицированных работах в теневой экономике России [1].

Таблица 4

Оборот от использования рабского труда по УрФО, 2013 год

Регион	Оборот, млн. рублей	Оборот, процент от ВРП, %
Курганская область	11	0,01
Свердловская область	1 807	0,11
Тюменская область	15 003	0,29
<i>В том числе: ХМАО</i>	<i>7 257</i>	<i>0,25</i>
<i>ЯНАО</i>	<i>5 115</i>	<i>0,36</i>
Челябинская область	1 021	0,11

Интересно, что в целом в Мире ситуация несколько иная: за рубежом чаще всего людей покупают для сексуальной эксплуатации (79 %) и принудительного труда (18 %); возможными вариантами являются также домашнее рабство, принудительные браки и извлечение органов.

Эксплуатация нелегальных мигрантов является одним из самых выгодных видов данного бизнеса. Сам факт того, что мигрант нелегально находится на территории РФ, сильно усложняет его уход от «Хозяина», и упрощает последнему контроль над ним. В России на данный момент насчитывается около 490 тыс. людей [10], находящихся в подневольном состоянии, а средняя стоимость мужчины-чернорабочего на этом рынке колеблется около 20 тыс. рублей.

4. Проституция (ст. 241 УК, ст. 6.11 и 6.12 КоАП). Проституция — оказание сексуальных услуг за плату. Этот вид криминального бизнеса в России все больше и больше выходит из

тени (например, через «массажные» салоны), и порой законодательно достаточно сложно признать тот или иной случай интимной близости конкретно *проституцией*.

Таблица 5

Оборот рынка сексуальных услуг по УрФО, 2013 год

Регион	Оборот, млн. рублей	Оборот, процент от ВРП, %
Курганская область	1 533	1,00
Свердловская область	10 408	0,62
Тюменская область	7 646	0,15
<i>В том числе: ХМАО</i>	<i>3 974</i>	<i>0,14</i>
<i>ЯНАО</i>	<i>1 185</i>	<i>0,08</i>
Челябинская область	8 227	0,90

Согласно оценкам МВД, около 2,5 % женщин (от 18 до 35 лет) России, проживающих в городах, занимаются проституцией, похожую оценку дают исследователи из International Organization for Migration (ИОМ) [8]. Данный вид бизнеса является одним из наименее рискованных видов криминального бизнеса с точки зрения изобличения со стороны правоохранительных органов, а средняя выручка российской «жрицы любви» составляет около 80 тыс. рублей в месяц [5]. В среднем сутенеры (при наличии оных) забирают около 20 % выручки, а их деятельность (при рациональном подходе к преступному бизнесу) регламентируется только КоАП (штраф до 2500 рублей или арест до 10 суток).

Библиографический список

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / Под общей редакцией А. Г. Вишневого и С. Н. Бобылева; М.: ЗАО «ПриПресс Интернэшнл», 2009. 208 с.
2. О добровольной сдаче гражданами незарегистрированного оружия // официальный сайт МВД по Новгородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://53.mvd.ru/citizens/uslugi/ri/O_dobrovolnoj_sdache_oruzhija.
3. Орлов А. А. Легкое и стрелковое оружие: новый круг противоречий, Вестник МГИМО, №4, 2010, С. 57–62.
4. Официальный сайт Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fskn.gov.ru/>.
5. Русакова М. М., Яковлева А. А. Региональная специфика современной российской проституции (на примере Санкт-Петербурга и Оренбурга) // Петербургская социология сегодня, Том: 1, 2010. С.: 451–467.
6. Сборник по Уральскому федеральному округу «О состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений», ИСХ. N 34/4/1-
7. Becker Gary S. "Crime and Punishment: An Economic Approach". The Journal of Political Economy 76, 1968, 169–217 pp.
8. Donna M. Hughes Trafficking for Sexual Exploitation: The Case of the Russian Federation // International Organization for Migration (IOM), No. 7, Switzerland, 2002
9. Smartt U., Criminal Justice // SAGE Publications Ltd - London, 2006, P. 232
10. The Global Slavery Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globallslaveryindex.org/>
11. The Opium Economy in Afghanistan : An International Problem, Office on Drugs And Crime, United Nations Publication, New York, 2003, P. 226
12. Victims of Trafficking and Violence Protection Act of 2000: Trafficking in Persons Report. US State Department, 2005.

CRIMINAL ECONOMY IN THE MODERN WORLD**Abstract**

This article describes peculiarities of domestic criminal markets, such as drug trafficking, arms trafficking, slave labor, and prostitution. An assessment of criminal market's turnover in the Ural Federal District in 2013 is given. Particular attention is paid to the behavior of the offender through the analysis of criminal business's profitability and risk. For a variety of criminal markets separate legal aspects are given. A shortcoming of the Russian legislation is provided. The main attention is paid to the investigation of drug trafficking as the most profitable and destructive to the economy of Russia.

Keywords: Criminal Economy, Drug Trafficking, Arms Trafficking, Slave Labor, Prostitution.

УДК 332.8

А. А. Ладейщикова

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЖКХ**Аннотация**

Данная статья подготовлена в рамках проекта УрО РАН «Разработка методологии прогнозирования структурной и пространственно-временной динамики отраслевых рынков». Автор ставит перед собой задачу определить готовность к участию в процессе реформирования сферы ЖКХ органов местного самоуправления, Госжилинспекции, управляющих компаний, а также населения г.Екатеринбурга и Свердловской области. На основе анализа результатов комплексного социологического исследования показаны сложившиеся к настоящему времени в г.Екатеринбурге жилищно-коммунальные отношения.

Ключевые слова: социальная стабильность общества, жилищно-коммунальное хозяйство, управляющая компания, жилищно-коммунальные услуги, социальный дискомфорт.

Развитие человеческого сообщества всегда было многовекторным, причем по мере усложнения и совершенствования социальной организации многовекторность путей развития возрастала. Направленность, содержание и ритмика социальных процессов не остаются линейными. Они являют собой сложную панораму, в которой медленное, спокойное, эволюционное течение прерывается качественными скачкообразными переходами, катастрофическими потрясениями, которым не всегда уделяют должного внимания [1].

Население в целом любит стабильность больше, чем перемены, поэтому переходные периоды вызывают чувство настороженности и социального дискомфорта. Согласно опубликованным данным более 80 % россиян не раз испытывали чувство собственной беспомощности и ощущения невозможности повлиять на происходящее, 90% не раз сталкивались с несправедливостью, при этом 77 % считают, что дальше так жить нельзя [2].

Сегодня социальная стабильность общества выходит на первый план и является одной из приоритетных задач нашего государства, поэтому автор исследования сосредоточился на проблеме ее сохранения на примере наиболее животрепещущей компоненты — реформирования жилищно-коммунального хозяйства (далее ЖКХ). На сегодняшний день, ЖКХ является стратегически важным направлением деятельности социального государства, обеспечивающим население жизненно важными услугами, создающими условия безопасного комфортного проживания и оказывающими немалое влияние на социальную стабильность общества [3]. Наряду с позитивными изменениями, которые произошли в этой сфере, такими как вовлечение все большего количества субъектов в процесс реализации жилищной политики, наделение их необходимым объемом прав и обязанностей, произошли многочисленные нарушения жилищных прав собственников многоквартирных домов как основных участников жилищной политики.

Многие эксперты отмечают прямые ошибки в реформировании сферы ЖКХ, которые по их прогнозам могут привести к серьезной напряженности и даже к социальному кризису в обществе. Ежедневно и ежечасно население зависит от работы коммунальных служб, хотя не всегда замечает их присутствие. Однако благостно-отстраненное состояние длится лишь до тех пор, пока не произойдут нарушения в работе коммунальных систем.

Отсутствие воды, газа или электричества, приостановка в работе лифтового хозяйства, перебои в вывозке мусора воспринимаются как серьезные неудобства. Люди начинают испытывать не только физиологические или санитарные проблемы, но и подвергаются нервным стрессам [3]. Эти обстоятельства создают обстановку нестабильности, а разрушительные столкновения в сфере ЖКХ в конечном счете могут привести к появлению социального взрыва, поэтому представленное исследование, цель которого спрогнозировать, на примере крупного российского мегаполиса, к какой обстановке в стране может привести существующий уровень конфликтности основных субъектов жилищной политики в процессе целенаправленного реформирования ЖКХ, является актуальным. Для реализации цели исследования в период с июля 2012 года по январь 2013 года совместно с Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Свердловской области было проведено масштабное исследование, в котором приняли участие все субъекты данной отрасли: органы исполнительной власти Свердловской области (Министерство энергетики и ЖКХ, Управление Государственной жилищной инспекции, осуществляющее региональный государственный жилищный надзор), органы местного самоуправления (на территории городского округа Верхняя Пышма, Березовского городского округа, городов Нижний Тагил и Екатеринбург), руководители управляющих компаний города Екатеринбурга и собственники многоквартирных домов семи районов г. Екатеринбурга в количестве 2100 человек. В ходе исследования было доказано, что сложившийся вектор развития сферы ЖКХ прямо влияет на социальную стабильность общества. Уход основных субъектов жилищной политики от своих обязательств, слабая нормативно-правовая база, многочисленные нарушения жилищных прав собственников, необоснованный рост тарифов на предоставление жилищно-коммунальных услуг, и, как следствие, рост задолженности по их оплате незащищенными слоями населения (пенсионеры, многодетные семьи, инвалиды и др.), создают напряженную социальную обстановку. Остается низким уровень обслуживания жилья и качество предоставляемых услуг.

Поступление обращений в Управление Государственной жилищной инспекции и в Аппарат Уполномоченного по правам человека, в основе которых нарушения жилищных прав граждан, увеличивается с каждым годом. Это создает обстановку угрозы нестабильности, социального напряжения, разрушительных столкновений и, в конечном счете - возможность появления социального кризиса и даже масштабного социального взрыва. Для решения столь многосложной проблемы высказан ряд рекомендаций, которые в совокупности способны стабилизировать напряженную социальную обстановку в рассматриваемой сфере, уменьшить социальное напряжение, поднять гражданскую активность населения, отдалить столь нежелательные события, как социальный кризис и взрыв и, как следствие, обеспечить социальную стабильность российского общества.

Библиографический список

1. *Бабосов Е. М.* Катастрофа как объект социологического анализа // СОЦИС. 1998. № 98, 19.
2. *Басков А.* Как меняется общественное мнение: (смена общественных настроений как объект изучения) // Уральский ревизор. 2012. № 1. С. 28–29.
3. *Бочко В. С., Букин В. П.* Системы коммунальной инфраструктуры жилищного сектора (проблемы функционирования и эффективного развития) // Научное издание, УРО РАН. 2012.

HOUSING AND PUBLIC RELATIONS IN THE PROCESS OF HOUSING AND UTILITIES SERVICES REFORMING

Abstract

This article was produced within the UB RAS "Development of the structural and spatial-temporal dynamics of industrial markets forecasting methodology" project. The author aims to determine the readiness of local authorities, State Housing Inspectorate, management companies and the population of Ekaterinburg and Sverdlovsk region to participate in the process of reforming the housing and utilities sector. The current state of Ekaterinburg's housing and utility relations is shown on the basis of the complex sociological research analysis.

Keywords: social stability, housing and utilities sector, management company, housing and utilities services, social discomfort.

УДК 338.436

Е. В. Малыш

ИННОВАЦИОННЫЙ ВЕКТОР СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Инновационный сценарий развития предприятий должен опираться на создание системы конкурентных преимуществ. Развитие пищевой и перерабатывающей промышленности Свердловской области опирается на инновационный сценарий. Система конкурентных преимуществ основывается на систему рентных факторов предоставляемых территорией. Система сравнительных преимуществ предприятий и территорий определяет систему их конкурентного взаимодействия. Характеристики местоположения хозяйствующего субъекта позволяют извлекать систему рентных доходов. Эффект взаимодействия становится базой для дополнительной добавленной стоимости. Инновационный сценарий долгосрочного развития предполагает системное развитие отрасли на основе целей и приоритетов региональной политики.

Ключевые слова: конкурентные взаимодействия, сравнительные преимущества, рентные факторы, инновационное развитие, пищевая промышленность.

Основой процессов адаптации сельского хозяйства страны в условиях глобальной социально-экономической нестабильности и перехода агропродовольственной системы на инновационную траекторию развития выступают процессы формирования и развития конкурентных преимуществ каждого конкретного хозяйствующего субъекта, которые в свою очередь складываются в процессы формирования и развития конкурентных преимуществ аграрной сферы всего региона. Системы конкурентных преимуществ предприятий и территорий формируются и получают свое развитие на основе системы сравнительных преимуществ. При этом нужно заметить, что обе системы по своей экономической сути опираются на систему рентных факторов [3, с. 77]:

а) дифференциальные ренты I порядка, дающие предприятиям и территориям систему сравнительных преимуществ по отношению к факторам их создающих: технические, технологические, организационные и иные избыточные факторы производства предприятий и территории;

б) дифференциальные ренты II порядка в основном формируют и дают импульс развитию системы конкурентных преимуществ предприятий и территорий: в связи с благоприятной внешней средой сельскохозяйственных организаций, что обусловлено их выгодным территориальным местоположением и возможностью извлечения дополнительного дохода в от производственной деятельности, связанного с особыми инвестициями в повышение ка-

чества избыточных факторов производства. В соответствии современными представлениями теории ренты основой в построении траектории реализации преимуществ играют не добавочные вложения капитала в расчете на единицу факторов производства, которые (при неизменных прочих условиях) приводят к снижению предельной производительности, а наличие возможностей направлять инвестиции в нововведения, позволяющие в краткосрочном периоде получать различные виды рент (квазирент).

Конкурентное преимущество территории формируется под воздействием его особых характеристик местоположения [1, с. 96].

Совокупность названных характеристик местоположения региона создает особые условия перехода хозяйствующих субъектов к экономике, построенной на знаниях и позволяющей извлекать систему рентных доходов, обусловленных территориальными возможностями региона.

Конкурентное преимущество того или иного местоположения хозяйствующего субъекта, когда в роли базового фактора производства выступают знания и квалификация, обеспечивается состоянием внешней среды, которая максимально способствует их расширенному воспроизводству.

Траектория развития предприятия в новых условиях предполагает постоянную гонку по улучшению качества продукта, за более глубокое удовлетворение потребностей потребителей; вместе с тем дифференциация приведет к переходу от массового производства к серийному и даже к штучному. Движение по траектории обеспечит только потенциал по формированию добавленной стоимости.

Инновационное социально-ориентированное развитие пищевой и перерабатывающей промышленности Свердловской области в современных условиях предполагает повышение инвестиционной, бюджетной и экспортной привлекательности отрасли, ее роли в экономике региона и страны [5, с. 107–113].

При инновационном сценарии развития предполагается формирование благоприятных условий для развития предприятий пищевой промышленности в регионе. Наряду с использованием традиционных мер, стимулирующих экономический рост пищевой промышленности, он предусматривает новые дополнительные целевые меры государственной поддержки. Это меры по привлечению инвестиций на техническое перевооружение и радикальную модернизацию производства, на реализацию высокотехнологичных пилотных проектов и важнейших инвестиционных проектов государственного и стратегического значения на основе развития частно-государственного партнерства, что позволит увеличить масштабность внедрения прогрессивных наукоемких технологий, обеспечить более высокие темпы роста объемов выпуска продукции, повысить в объеме продаж долю инновационной продукции.

Этот вариант предполагает сочетание построения активной бизнес-модели развития предприятий с мерами государственного стимулирования [4, с. 57]. По данному сценарию предусматриваются коренные изменения в структуре производства, приоритетного развития эффективных предприятий, ориентированных на выпуск импортозамещающей и экспортной продукции с высокой долей добавленной стоимости. Инновационный путь экономического развития пищевой промышленности на региональном уровне базируется на следующих предпосылках и тенденциях: создание программ социально-экономического развития регионов, среднего и малого бизнеса, региональных кластеров, стратегий и концепций развития отрасли и сопряженных отраслей, комплексный системный подход и концентрация внимания на реализацию мероприятий, касающихся повышения эффективности инновационной деятельности отрасли в рамках единой стратегии, ориентированной на ускорение инвестиционного процесса, масштабную технологическую модернизацию производства, рост производительности труда, снижение предпринимательских и инвестиционных рисков, прежде всего в сферах научных исследований и разработок, внедрение новых технологий, создание максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышения инвестиционной привлекательности малого бизнеса.

Инновационный сценарий долгосрочного развития предполагает системное развитие

отрасли на основе целей и приоритетов региональной политики. Он опирается на создание конкурентных преимуществ:

- обеспечение нарастания производства продуктов питания условиями для расширения их сбыта;
- корпоративное развитие на основе создания современных крупных производств;
- институциональное развитие в рамках отраслевых общественных организаций;
- смена технологической парадигмы развития с использованием механизмов государственной поддержки и агропарка;
- развитие отраслевых общественных организаций;
- поддержание высокого технологического уровня производства пищевых продуктов с использованием механизмов государственной поддержки.

Основными преимуществами инновационного сценария развития являются:

- ускорение темпов экономического роста на основе максимального использования имеющегося потенциала;
- повышение конкурентных преимуществ отрасли;
- рост налоговых поступлений в консолидированный бюджет области;
- обеспечение социального эффекта в виде сохранения количества занятых, создания новых рабочих мест и роста уровня оплаты труда в отрасли.

Активное формирование эффективных отраслевых организаций приведет к тому, что большая часть краткосрочных задач отрасли будет решаться внутри рынка с использованием механизмов отраслевого соглашения [6, с. 8]. Отраслевые организации станут эффективным проводником технологий производства и дистрибуции, стандартов менеджмента качества, будут стимулировать развитие человеческих ресурсов, при условии государственной поддержки станут инструментом масштабной модернизации в отрасли, удобным инструментом мониторинга и анализа развития малого бизнеса в отрасли.

Создание агропарка приведет к выстраиванию эффективной системы межотраслевых связей в АПК, на новый уровень поднимет использование сельскохозяйственного сырья в области, создаст технологическую платформу первичной переработки сырья, доступную в том числе и малым товаропроизводителям [2, с. 48].

Внедрение представленных форм управления развитием рынка позволит снизить степень государственного участия в отрасли. Государство оставит за собой функции обеспечения безопасности продовольственных товаров, определения концептуальных направлений развития отрасли, развития нормативно-правовой базы. Реализация комплексных мероприятий по модернизации производства в отрасли приведет к увеличению уровня загруженности мощностей, повышению производительности труда [7, с. 8–10].

Социальный эффект заключается в опережающем темпе роста уровня оплаты труда в отрасли, а также в обеспечении населения области качественными продуктами питания.

Таким образом, в целях сохранения и развития пищевой промышленности в Свердловской области инновационный сценарий является оптимальным для эффективной работы отрасли, повышения ее конкурентного уровня и улучшения экономических показателей, импортозамещения, расширения области сотрудничества с различными компаниями и научными центрами Уральского региона и страны в целом.

Библиографический список

1. *Горев В. П.* Экономика России в системе международных конкурентных отношений : монография. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2010. 144 с.
2. *Лаврикова Ю. Г., Малыш Е. В.* Зеленая экономика в кластерном развитии // Региональная экономика. Теория и практика. 2014. № 36 (363). С. 48–59.
3. *Малыш Е. В.* Система инструментов регулирования земельно-рентных отношений // Аграрный вестник Урала. 2012. № 10 (102). С. 74–78.

4. *Малыш Е. В., Сычева Ф. А.* Проблемы государственного субсидирования предприятий агропромышленного комплекса России в условиях ВТО // *Агропродовольственная политика России*. 2013. № 12 (24). С. 56–59.

5. Стратегические основы развития предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности региона в условиях ВТО: монография / *Е.В. Малыш, Ю.Г. Лаврикова, В. В. Дрокин, А. С. Журавлев, С. Н. Полбицын, А .В. Суворова*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 160 с.

6. *Татаркин А.И., Попов Е. В.* Императивы современной теории экономических институтов // *Журнал экономической теории*. 2013. № 4. С. 7–10.

7. *Татаркин А. И., Татаркин Д. А.* Возможности развития реального сектора российской экономики в условиях мировых кризисов // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2009. Т. 26. № 4. С. 5–24.

Elena V. Malysh

INNOVATIVE VECTOR OF STRATEGY DEVELOPMENT OF SUBJECTS BUSINESS ACTIVITY OF THE FOOD INDUSTRY SVERDLOVSK REGION

Abstract

The innovative scenario of development of the enterprises has to rely on creation of system of competitive advantages. Development of food and processing industry of Sverdlovsk region is guided by the innovative scenario. The system of competitive advantages is based on system of the rent factors provided by the territory. The system of comparative advantages of the enterprises and territories defines system of their competitive interaction. Characteristics of location of an economic entity allow to take system of investment incomes. The effect of interaction becomes base for an additional value added. The innovative scenario of long-term development assumes system development of branch on the basis of the purposes and priorities of regional policy.

Keywords: competitive interactions, comparative advantages, rent factors, innovative development, food industry.

УДК 332.14; 338.45

Е. С. Мезенцева

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА¹

Аннотация

В статье рассматривается ситуация в промышленном секторе малого и среднего предпринимательства Свердловской области, описывается существующая система поддержки и инфраструктура развития малого производственного, в том числе инновационного, малого бизнеса. Делается вывод, что при росте количественных показателей, качественные изменения и эффективность существующих институтов вызывают вопросы. Выявляются основные проблемы развития малого предпринимательства в промышленности. Обосновываются направления совершенствования мер государственной поддержки и стимулирования малых производственных предприятий.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, промышленность, институциональная среда, государственная поддержка.

Для успеха в развитии производства важно наличие как сильных крупных предприятий, так и активного, упорного в снижении издержек и нахождении инновационных решений малого и среднего бизнеса. Малый бизнес помогает крупным предприятиям более гибко работать и находить инновационные решения «на стыке» основных технологических направ-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Оценка влияния институциональной среды на эффективность развития малого предпринимательства в регионах», проект №15-32-01360.

© Мезенцева Е. С., 2015

лений. Малый и средний бизнес играет также важную роль в формировании конкурентоспособных кластеров, без их участия невозможна реструктуризация действующих промышленных предприятий [1].

Можно выделить три основных фактора, влияющих на развитие в регионе малого и среднего бизнеса и повышение его доли в экономике и в производстве: 1) условия спроса, 2) специфика отраслевой структуры, 3) предпринимательский, или бизнес-климат. Последний фактор – предпринимательский климат – в большей степени, чем первые два, может определяться проводимой экономической политикой.

По Индексу условий для развития малого и среднего бизнеса в секторе обрабатывающих производств в рейтинге 39 российских регионов, рассчитанном ОПОРОЙ [2], Свердловская область занимала в 2012 году 24 место. При этом, г. Екатеринбург в рейтинге 12 городов-миллионников занял первое место¹. Число малых предприятий Свердловской области на конец 2013 г. составляло 81,7 тыс. [3]. В обрабатывающих производствах Свердловской области осуществляли деятельность в 2008 г. 2637 субъектов малого предпринимательства, в 2009 г. — 5841, в 2010 г. — 5865, в 2011 г. — 6700, в 2012 г. — 7100, в 2013 г. — 7200. Таким образом, с 2008 года количество субъектов малого предпринимательства по виду деятельности «Обрабатывающие производства» возросло в 2,7 раза. Численность занятых на малых предприятиях обрабатывающих производств на конец 2013 г. составила 61,4 тыс. чел.; оборот — 105,9 млрд. руб. При этом доля малых предприятий, занятых в обрабатывающих производствах остается довольно низкой — меньше 10 % (8,8 % на конец 2013г.). Доля занятых на малых предприятиях обрабатывающих производств в 2013 г. составила 15,4 %, доля оборота — 10,2 %. Подавляющее количество малых предприятий сосредоточено в сфере оптовой и розничной торговли.

По данным выборочных исследований по технологическим инновациям в малом предпринимательстве наибольшее число малых предприятий, осуществлявших технологические инновации (более 95 %), сосредоточено в обрабатывающих производствах. Приоритетными видами инновационной деятельности малых предприятий являются исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов и приобретение машин и оборудования, связанных с внедрением технологических инноваций.

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) в Свердловской области осуществляется на основе программно-целевого метода. В настоящее время реализуется областная целевая программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Свердловской области на 2011-2015 годы», утвержденная постановлением Правительства Свердловской области от 11.10.2010 года № 1483-ПП (в редакции постановления Правительства Свердловской области от 24.08.2011 года № 1123-ПП).

Систему поддержки малого, в том числе производственного и инновационного, предпринимательства в Свердловской области можно признать удовлетворительной. Она реализует весь спектр инструментов, предусмотренных федеральным законодательством. В частности, применяется ряд мер поддержки, ориентированных на производственное предпринимательство:

- субсидирование части затрат субъектов МСП, связанных с приобретением оборудования;
- предоставление льготных инвестиционных кредитов;
- предоставление грантов начинающим предпринимателям;
- и другие.

¹ Индекс включает в себя 5 слагаемых, каждое из которых входит в его состав с равным весом: недвижимость и инфраструктура; людские ресурсы; финансовые ресурсы; административный климат, безопасность и коррупция; система поставщиков.

Инвестиционное агентство Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства создано в июле 2014 г. На сегодняшний день в работе Инвестиционного агентства более 30 проектов, и их количество постоянно увеличивается.

В Свердловской области сформирована современная инновационная инфраструктура, включающая 4 бизнес-инкубатора; 3 инновационно-технологических центра; 3 региональных промышленных центра; 2 центра трансфера технологий для продвижения на рынок инновационной продукции; центры стандартизации, метрологии, сертификации; научно-технологические технопарки и инновационно-технологические центры.

При росте количественных показателей развития как малых предприятий, так и инфраструктуры поддержки, нельзя однозначно говорить о позитивных качественных сдвигах и росте эффективности.

Проблемы развития малого предпринимательства в промышленности. Нет действенных рычагов привлечения финансовых ресурсов в проекты реального сектора. Отсутствуют программы кредитования создания нового бизнеса в производстве. Недостаточность банковского кредитования для пополнения оборотного капитала и инвестиционного финансирования ограничивает развитие новых предприятий, модернизацию существующих МСП и появление новых фирм с высоким потенциалом роста, которым требуются инвестиции в собственный капитал.

Неразвитость кооперационных связей производственных, в том числе инновационных, малых предприятий с крупным бизнесом. Причины – низкое качество поставок от малых предприятий; нежелание крупных предприятий внедрять инновационные продукты/решения малых предприятий. Отсутствуют коммуникационные площадки для взаимодействия, нет связей между малыми предприятиями отрасли.

Направления совершенствования поддержки малого производственного предпринимательства. Следует отдать предпочтение направлениям поддержки, которые повышают эффективность деятельности МСП. Так, кредиты и кредитные гарантии обычно обеспечивают более высокую эффективность государственных расходов, чем гранты, поскольку обеспечивают обновление фондов и уравнивают другие финансовые ресурсы. Целевая поддержка, такая, как поддержка инновационных и экспортно-ориентированных МСП, также обычно более эффективна, поскольку предоставляется тем типам предприятий, которые наиболее подвержены сбоям рыночных механизмов и влиянию на экономическое развитие. Кроме того, нужны инвестиции в инфраструктуру услуг для развития предприятий, которые важны для изменения управленческих способностей и стратегий МСП.

Принимая рекомендации экспертов из ОЭСР (OECD), следует изменить баланс портфеля политики для снижения удельного веса нецелевых грантов в пользу более целевых субсидий для вновь создаваемых предприятий с высоким потенциалом, инновационных МСП и экспортно-ориентированных МСП, кредитов и кредитных гарантий, а также расширенных услуг по анализу хозяйственной деятельности, консультациям, консультативной деятельности и обучению.

Можно выделить еще ряд конкретных направлений государственной политики поддержки малого и среднего производственного бизнеса:

- участие малых предприятий в проектах импортозамещения в приоритетных отраслях промышленности Свердловской области;
- привлечение субъектов МСП в сферу поиска, добычи и использования драгоценных, полудрагоценных, поделочных камней и металлов на участках недр, не представляющих промышленного значения (изменения законодательства);
- развитие кооперации МСП с крупными предприятиями. Формирование связей с потенциальными поставщиками МСП, а также обучение руководства, консультационные услуги и финансирование, чтобы помочь поставщикам МСП повысить качество и эффективность своих продуктов и производственных процессов до общероссийских и международных стандартов;

- разработка законодательной базы, отражающей вопросы МСП в промышленности с включением соответствующих разделов в законодательные акты Свердловской области;
- улучшение информационного обеспечения системы поддержки МСП за счет разработки методик по оценке развития МСП в условиях неопределенности информации; проведение ежегодного мониторинга по проблемам развития МСП в промышленности;
- создание на инвестиционном портале Свердловской области раздела по МСП, с размещением сведений о возможности участия МСП в кластерах с постоянным обновлением информации;
- устранение административных барьеров и упрощение процедур в части подключения к инженерным сетям; оптимизации процедур в сфере строительства; аренды или выкупа нежилых помещений; регистрации собственности / предприятия; привлечения трудовых мигрантов.

При активизации государственной политики по указанным направлениям, формировании соответствующей законодательной базы и на основе взаимодействия малого, среднего и крупного бизнеса промышленный сектор Свердловской области получит импульс к более эффективному развитию.

Библиографический список

1. *Мезенцева Е. С.* Оценка динамики и инфраструктуры развития малого производственного предпринимательства в регионах УрФО // Экономика и предпринимательство. 2014. № 11. С. 250–255.
2. Предпринимательский климат в России: Индекс ОПОРЫ 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xn--h1aankaj.xn--p1ai/business/article/article_1998.html?effort=1.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. М.: Росстат., 2014. 990 с.
4. OECD Russia SMEE Review - Assessment and Recommendations (Исследование ОЭСР по вопросам МСП и предпринимательской деятельности в Российской Федерации). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=130627.

Elena S. Mezentseva

CURRENT STATUS AND PROSPECTS OF STATE SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN INDUSTRY IN THE URALS

Abstract

The article deals with the situation in the industrial sector of small and medium-sized enterprises of the Sverdlovsk region, it describes the current system of support and infrastructure development of small manufacturing, including innovative, business. It is concluded that during the growth of quantitative, qualitative changes and the effectiveness of existing institutions raise questions. The main problems of small business in the industry are identified. Directions of improvement of state support and stimulation of small industrial enterprises are justified.

Keywords: small and medium enterprises, industry, institutional environment, government support.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АПС

Аннотация

В статье рассматривается процесс диверсификации в аграрной сфере, приводящий к формированию агропродовольственной системы (АПС) – нового института на баз существующего в настоящее время агропромышленного комплекса (АПК). При этом под агропродовольственной системой понимается крупнейший межотраслевой комплекс, объединяющий несколько отраслей экономики, направленных на производство и переработку сельскохозяйственного сырья и получения из него продукции разнообразного назначения, доводимой до конечного потребителя. Диверсификация дает несомненные конкурентные преимущества всем участникам АПС, однако, в настоящее время его масштабное осуществление затруднено специфическими факторами, в частности – неблагоприятный деловой климат в экономике страны.

Ключевые слова: диверсификация, агропродовольственная система.

Диверсификация — относительно новое явление в отечественной экономике, получившее повсеместное распространение в начале 90-х годов в связи с переходом к рыночным отношениям, когда многие предприятия начали заниматься несвойственными им видами деятельности. В последние годы процесс диверсификации вновь обрел актуальность, особенно в сфере производства продуктов питания в связи с введенными ограничениями на импорт таких товаров. В традиционном агропромышленном комплексе (АПК) диверсификация происходит, в основном, в двух направлениях:

- 1) организация сельскохозяйственных подразделений предприятий промышленности (подсобные хозяйства);
- 2) развитие промышленных производств в структуре сельскохозяйственных предприятий.

Среди объективных причин подобного изменения деятельности можно назвать факт большей устойчивости диверсифицированного производства в рыночной среде, несоизмеримо высокие объемы наличных денежных потоков, рост масштабов производства.

Субъективной причиной диверсификации служит диктат перерабатывающей промышленности и отраслей торговли на рынке продовольствия [1]. Занимая в конечном продукте агропромышленного комплекса более 60 %, сельскохозяйственные товаропроизводители получают в 2-3 раза меньше доходов, чем обслуживающие его сферы.

При этом только за счет сокращения потерь и собственной углубленной переработки сельскохозяйственного сырья производитель может увеличить общий объем производства на 20–30 %.

Процесс диверсификации в той или иной степени затрагивает до 44% агропредприятий. В большинстве случаев (88 %) они увеличивают число видов продукции сельскохозяйственной деятельности в границах избранной специализации, улучшая качество, меняя ассортимент, реже — номенклатуру выпускаемой продукции или оказываемых услуг. Возможность диверсификации определяется наличием свободных рыночных ниш, которые предприятие может занять. Основная доля товаров реализуется в пределах района или области — такова специфика агропредприятий промышленно развитых регионов, поскольку гарантированный сбыт определенной продукции обуславливает ее производство.

Новыми сферами деятельности сельскохозяйственных предприятий становятся, главным образом, сельскохозяйственные услуги (41 %), переработка произведенного сельскохозяйственного сырья и торговля (27 %), реже — производство принципиально новых видов продукции (16 %). В конечном итоге диверсификация сельскохозяйственного производства приводит к формированию нового института — агропродовольственной системы в масштабах региона или страны.

Агропродовольственная система (АПС) — крупнейший межотраслевой комплекс, объединяющий несколько отраслей экономики, направленных на производство и переработку сельскохозяйственного сырья и получения из него продукции разнообразного назначения, доводимой до конечного потребителя. Агропродовольственная система объединяет весьма разнообразные и многочисленные отрасли и субъекты. В современных условиях углубления процессов глобализации мировой экономики при активном воздействии на аграрные отрасли научно-технического прогресса и распространения этих процессов на продовольственный сектор, усиливших тенденции вертикальной интеграции, становится вполне правомерным говорить о формировании большой технологической системы производства продовольствия по промышленному типу, состоящей из основных и вспомогательных отраслей.

Агропродовольственная система включает 9 блоков-сфер деятельности:

- 1) сельское хозяйство — ядро АПС, которое включает отрасли, производящие сельскохозяйственное сырье и продукцию;
- 2) отрасли и службы, обеспечивающие сельское хозяйство средствами производства и материальными ресурсами: тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, производство минеральных удобрений, химикатов и др.;
- 3) отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье: пищевая промышленность, отрасли по первичной переработке сырья для легкой промышленности;
- 4) инфраструктурный блок — производства, которые занимаются заготовкой сельскохозяйственного сырья, транспортировкой, хранением, логистикой;
- 5) коммерческий блок — реализация, сбыт и продажа (включая предпродажную подготовку) продуктов питания и продовольственных товаров;
- 6) промышленность и строительство в отраслях АПС;
- 7) учебно-научные комплексы, включающие образовательную и научную деятельность в области сельского хозяйства и продовольственного обеспечения;
- 8) сектора фармацевтической промышленности, использующие продукцию и сырье сельскохозяйственного производства;
- 9) сектора парфюмерно-косметической и косметологической отраслей экономики, использующие продукцию и сырье сельскохозяйственного производства.

Ожидаемый результат организации системного взаимодействия всех экономических субъектов агропродовольственной системы может быть сформулирован следующим образом:

- обновление форм и методов сельскохозяйственного производства;
- активизация экономических субъектов агропродовольственной системы в решении конкретных производственных и коммерческих проблем;
- повышение качества продуктов питания;
- сокращение числа посредников в снабженческо-сбытовых процессах;
- снижение себестоимости и конечной цены реализации продуктов питания;
- сокращение сроков транспортировки и продажи продуктов питания.

Несмотря на эти очевидные преимущества АПС перед функционирующим сегодня АПК, сколько-нибудь заметного масштабного усложнения производственной структуры агроэкономики не происходит. Причины этого многообразны. Основными, по мнению Г. Явлинского, являются следующие [2]:

1. Неблагоприятный деловой климат в большинстве отраслей российской экономики, за исключением финансового и торгово-сервисного секторов.

2. Исключительные условия для получения особо крупных доходов в сырьевом секторе и обслуживающих его предприятий, и, в меньшей степени, отрасль телекоммуникаций.

В связи с этим, широкая диверсификация в целом в настоящее время представляется маловероятной, но необходимой, поскольку, помимо уже указанных преимуществ,

способствует отходу от сырьевой экономики, повышению конкурентоспособности других отраслей и сфер деятельности.

Соответственно, необходимо комплексное решение проблемы диверсификации:

- формирование цивилизованного делового климата, ключом к которому является организация нормальной работы основных институтов – судебной, правоохранительной и административной систем, государственных регуляторов, институтов саморегулирования бизнеса в отдельных сферах;

- ограничение возможностей частного бизнеса в получении доли топливно-сырьевой ренты, и в тех сферах, где есть элемент рентного дохода, например работы по государственному заказу в специфических областях;

- создание привлекательных деловых возможностей в обрабатывающих и иных отраслях промышленности, в частности — в производстве продуктов питания и сельскохозяйственного сырья.

Результатом этих мер для экономики в целом будет выравнивание условий хозяйствования и конкуренции в различных сферах за счет снижения привлекательности сегмента, который до сих пор обеспечивал действующим в нем субъектам исключительные условия для извлечения крупных доходов, и повышение рентабельности отраслей, исторически относящихся к категории неэффективных и убыточных. Именно поэтому для успешной диверсификации в агропроизводстве недостаточно только внутренних вызовов, этот процесс требует мер общегосударственного регулирования.

Библиографический список

1. Доктрина продовольственной безопасности. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mcx.ru>.

2. Явлинский Г. Прозрачность как путь к диверсификации // Ведомости. 2013. № 3285. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru>.

Natalya N. Mineeva

DIVERSIFICATION OF EMPLOYMENT IN THE AFS

Abstract

The article discusses the process of diversification in the agricultural sector, leading to the formation of the agro-food system (AFS) — a new institution on the bases of existing agro-industrial complex (AIC). Under the agri-food system is the largest cross-industry complex, which includes several sectors of the economy aimed at the production and processing of agricultural raw materials and produce products from a variety of destination, are brought to the end user. Diversification gives you a definite competitive advantages to all participants in the APS, however, currently its large-scale implementation is hampered by specific factors, such as unfavorable business climate in the economy.

Keywords: diversification, agro-food system.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ФИНАНСОВ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В РЫНОЧНОЙ СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Аннотация

Финансы домашнего хозяйства (домохозяйства) представляют собой экономические денежные отношения по формированию и использованию фондов денежных средств в целях обеспечения материальных и социальных условий жизни членов хозяйства и их воспроизводства. Финансы домохозяйств выступают первичным и приоритетным элементом социально-экономической структуры общества и играют важную роль в общей совокупности финансовых отношений. Областью возникновения финансов домашнего хозяйства следует считать стадию процесса воспроизводства, на которой происходит распределение произведенного общественного продукта. Специфика финансов домашних хозяйств определена тем, что эта сфера финансовых отношений в наименьшей степени регламентирована государством.

Ключевые слова: домашнее хозяйство, домохозяйство, финансы домашнего хозяйства, финансовая система, финансовые отношения, функции домохозяйств, экономика домашнего хозяйства.

Финансы домашнего хозяйства (домохозяйства), как и финансы общества в целом, представляют собой экономические денежные отношения по формированию и использованию фондов денежных средств в целях обеспечения материальных и социальных условий жизни членов хозяйства и их воспроизводства.

Являясь звеном в финансовой системе на уровне отдельной семьи, они выступают первичным элементом социально-экономической структуры общества.

В отличие от финансов коммерческих предприятий и организаций, имеющих решающее значение в создании, первичном распределении и использовании стоимости валового внутреннего продукта и национального дохода, финансы домохозяйства становятся приоритетным звеном финансовой системы и играют важную роль в общей совокупности финансовых отношений.

Выделение финансов домохозяйства в самостоятельное звено финансовой системы в условиях развитых рыночных отношений, когда кругооборот капитала охватывает преобладающую часть процесса производства, обусловлено рядом факторов [1].

Известно, что финансовые отношения носят, как правило, денежный характер.

Ведение домашнего хозяйства в условиях рыночной экономики невозможно без использования денег, значит, существует реальная база для возникновения финансовых отношений на уровне домашнего хозяйства.

Домашнее хозяйство в условиях рыночной экономики не может находиться вне финансовых отношений, оно постоянно вступает в такие отношения, возникающие как внутри домашнего хозяйства, так и с внешними по отношению к домашнему хозяйству рыночными субъектами.

К *внутренним* финансам домашнего хозяйства относятся отношения, возникающие между его участниками по поводу формирования семейных денежных фондов, имеющих различное целевое назначение: страхового резерва для поддержания уровня текущего потребления; денежного резерва для повышения уровня капитальных расходов; денежного фонда с целью его дальнейшего инвестирования.

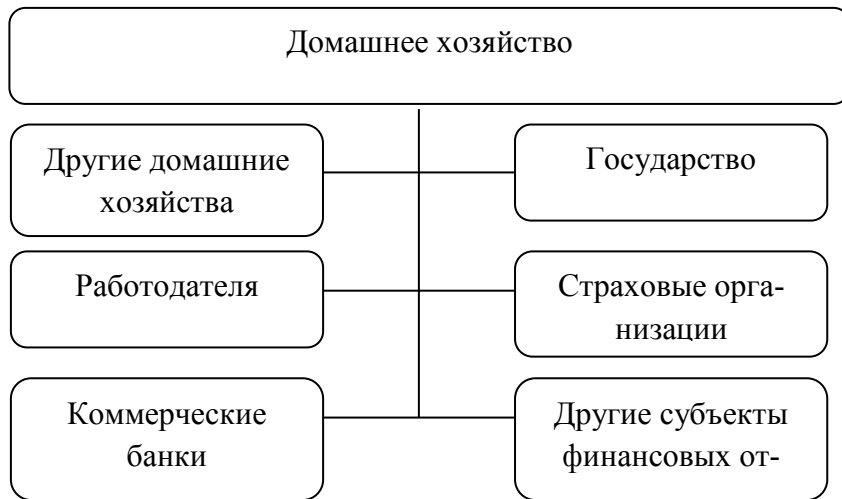

Рис. 1. - Система внешних финансовых отношений домашнего хозяйства

Из рисунка видно, что домашнее хозяйство вступает в финансовые отношения:

- с другими домашними хозяйствами по поводу формирования и использования совместных денежных фондов (к ним не относятся отношения взаимного обмена, в которых также могут участвовать домашние хозяйства);
- с предприятиями, работающими в различных сферах материального производства или производства услуг и выступающими в качестве работодателей по отношению к участникам домашнего хозяйства по поводу распределения части произведенного валового внутреннего продукта в его стоимостной форме;
- с коммерческими банками по поводу привлечения потребительских и ипотечных кредитов, их погашения; по поводу размещения временно свободных денежных средств на банковском счете;
- со страховыми организациями по поводу формирования и использования различного рода страховых фондов;
- с государством по поводу налогообложения, образования и использования бюджетных и внебюджетных фондов.

Перечисленные выше отношения составляют социально-экономическое содержание категории «финансы домашнего хозяйства».

Областью возникновения финансов домашнего хозяйства следует считать стадию процесса воспроизводства, на которой происходит распределение произведенного общественного продукта. Члены домашнего хозяйства являются собственниками рабочей силы (человеческого капитала) – одного из факторов процесса производства, а, следовательно, имеют право на получение части стоимости созданного продукта [2].

Домашние хозяйства участвуют не только в первичном распределении национального дохода, но и в процессе его вторичного перераспределения, когда государство через систему прямых налогов, пенсионную систему, систему социальных трансфертов перераспределяет доходы между различными домашними хозяйствами (например, дотации на оплату услуг жилищно-коммунального хозяйства).

Социально экономическая сущность финансов домашних хозяйств проявляется через их функции.

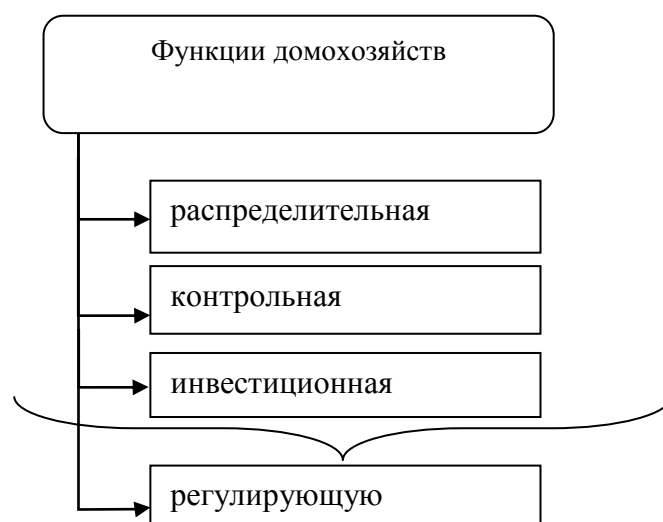

Рис. 2. Функции домохозяйств

Важнейшей функцией финансов домохозяйств является **распределительная** функция, она охватывает первичное распределение национального дохода и формирование первичных доходов семьи. Финансовые отношения домашнего хозяйства включают две группы: отношения между данной хозяйственной единицей и другими звеньями финансовой системы (государственными финансами и внебюджетными фондами, и финансами коммерческих организаций и предприятий), создавая первичные доходы в виде заработной платы, пенсий, пособий и т.п. выплат; отношения между членами домохозяйства, когда средства распределяются и обособляются, образуя обособленные денежные фонды. Обособление средств внутри домохозяйства не меняет собственника.

Выполняя распределительную функцию, финансы домашних хозяйств обеспечивают материальными ресурсами непрерывность процесса воспроизводства рабочей силы – как одного из производственных факторов. Именно через эту функцию происходит обеспечение каждого человека ресурсами, необходимыми ему для поддержания жизни.

Объектом действия распределительной функции является располагаемый доход домашнего хозяйства – часть совокупного дохода, которая осталась в распоряжении домашнего хозяйства после выплаты налогов и других обязательных платежей. К субъектам распределения относятся все участники домашнего хозяйства [3].

Еще одной функцией финансов домашних хозяйств является **контрольная** функция. Домашнее хозяйство в условиях рыночной экономики является самостоятельным хозяйствующим субъектом, то есть уровень жизни членов хозяйства полностью зависит от величины приходящегося на его долю дохода. На эту величину влияет целый ряд факторов. Под их воздействием она может изменяться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Поэтому имея целью поддержание обычного уровня потребления, домашнее хозяйство не может обойтись без контроля за распределением полученного дохода по различным фондам, а также за целевым использованием средств этих фондов.

Экономика домашнего хозяйства опирается на достаточно сложный комплекс отношений между его различными участниками. Нормальное развитие домашнего хозяйства возможно лишь в том случае, если его участники находят взаимопонимание при принятии экономических решений. Согласование экономических интересов различных участников домашнего хозяйства обеспечивается их регулированием, под которым понимается возможное изменение части располагаемого дохода, приходящегося на одного члена домашнего хозяйства. Следовательно, финансы домашнего хозяйства выполняют еще одну функцию - **регулирующую**, которая поддерживает сбалансированное развитие домашнего хозяйства как единого целого. Достигается это путем перераспределения финансовых ресурсов. Важно подчеркнуть, что на уровне домашнего хозяйства регулирование его развития происходит в основном

посредством саморегулирования. Свобода участников домашнего хозяйства в этом процессе не может быть ограничена государством.

Важной функцией финансов домашних хозяйств в системе общественного воспроизводства выступает также *инвестиционная*. Она заключается в том, что домашние хозяйства являются одними из основных поставщиков финансовых ресурсов для экономики. Рост доходов домашних хозяйств является материальной основой для выполнения данной функции. Часто инвестиционную функцию домашних хозяйств связывают только с долей капитализируемых доходов, то есть используемых как сбережения (вложение средств в различные финансовые институты и в реальное производство). Но этот подход является односторонним. На самом деле и увеличение доли потребления является фактором, способствующим росту инвестиций в экономике. Сокращение потребительских расходов, каким бы фактором оно не вызвалось, естественным образом сдерживает и развитие производства. Так в современной России из-за низкого уровня заработной платы предприятия не могут наращивать производство и товарооборот [4].

Таким образом, финансы домашних хозяйств являются одним из элементов финансовой системы государства. Каждый из этих элементов определенным образом влияет на процесс общественного воспроизводства.

Специфика финансов домашних хозяйств определена тем, что эта сфера финансовых отношений в наименьшей степени регламентирована государством. Домашнее хозяйство самостоятельно принимает решение о необходимости и способе формирования денежных фондов, их величине и целевом назначении, о времени их использования. Другими словами, в условиях рыночной экономики государство не имеет инструментов прямого влияния на процесс распределения располагаемого дохода домашних хозяйств [5].

Вместе с тем государство способно влиять на общую величину дохода, которым реально располагает домашнее хозяйство. Реальные доходы домашнего хозяйства образуются в результате многократного распределения и перераспределения стоимости совокупного общественного продукта в процессе реализации финансовых отношений домашнего хозяйства и государства. Повышение ставок налогов, выплачиваемых физическими лицами, ведет к сокращению их реального дохода. Вместе с тем финансовые ресурсы, мобилизованные посредством сбора налогов, направляются через бюджет в сферу здравоохранения, образования, социального обеспечения, в результате уровень реальных доходов домашних хозяйств возрастает.

Библиографический список

1. *Батракова, А. Г.* Сбережения домашних хозяйств: сущность, группировки и роль в современной экономике // Деньги и кредит. 2006. № 11.
2. *Белозеров С. А.* Финансы домашнего хозяйства: инвестиционный аспект. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2006.
3. *Жеребин В. М., Романов А.Н.* Экономика домашних хозяйств. М.: ЮНИТИ. 1998.
4. *Кашин Ю. И.* Финансовые активы населения (сбережения): подход к оценке уровня жизни // Вопросы статистики. 1998. № 5.
5. *Домашнее хозяйство как элемент социально-экономического развития общества Н.Ю.Никитина, Н. А.Соловьева.* Екатеринбург: УрИБ. 2013. 272 с.

Natalya Y. Nikitina, Nina A. Solovieva

SOCIO-ECONOMIC ESSENCE AND FUNCTIONS OF FINANCE HOUSEHOLDS IN A MARKET ECONOMY

Abstract

The household (housekeeping) finances are economic monetary relations to form and use the money funds in order to provide material and social living conditions of the household members, and their reproduction. The finance of households are the primary and priority element of the socio-

economical structure of the society, and they play an important part in the total set of the financial relations. The stage of the reproduction process, when the distribution of the industrial social product happens, should be considered as the area of the household finance occurrence. The specificity of the household finances is defined by the fact that this field of the financial relations is the least regulated by the government.

Keywords: household, housekeeping, household finances, financial system, financial relations, household functions, household economy.

УДК 378

А. М. Пименова

ВНЕДРЕНИЕ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА¹

Аннотация

Изменение образовательной парадигмы требует пересмотра и реформирования форм и методов обучения, используемых в образовательном процессе. Современный подход к обучению должен ориентироваться на интерактивные формы обучения. Эффективное применение данных форм обучения предполагает внедрение новых методов оценки эффективности образовательного процесса в рамках высшего профессионального образования. Одним из таких методов оценки является метод поведенческих характеристик.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, интерактивные формы обучения, метод поведенческих шкал.

Современное российское профессиональное образование находится на стадии активного реформирования. Со времен Я. А. Коменского система обучения была направлена на формирование знаний, умений и навыков как основных результатов обучения. В тоже время профессиональная среда всегда имела дело с другими единицами — компетенциями. Участие России в построении единого общеевропейского образовательного пространства привело к необходимости пересмотра традиционной образовательной идеологии (знания-умения-навыки) и трансформации ее в соответствии с требованиями работодателей.

Федеральным законом от 1 декабря 2007 года № 309–ФЗ была утверждена новая структура ФГОС ВПО так называемого 3-го поколения, согласно которым высшее образование должно вырабатывать у студентов общекультурные и профессиональные компетенции. Таким образом, главной задачей высшего образования сегодня становится формирование компетенции, которые требуются в определенной профессиональной сфере.

В Глоссарии терминов Европейского Фонда Образования компетенция определяется как способность делать что-либо хорошо или эффективно; способность выполнять особые трудовые функции. В основе любой компетенции лежат определенные действия, которые направлены на решение конкретной задачи.

Из этого можно сделать вывод о том, что основной ценностью в высшем образовании становится не усвоение суммы сведений, а освоение обучающимися таких умений, которые позволяли бы им определять свои цели, принимать решения и действовать в типичных и нестандартных ситуациях. Главным результатом обучения, согласно компетентностного подхода, является не сумма усвоенной информации, а способность студента адекватно действовать в различных ситуациях на основе данной информации.

Изменение образовательной парадигмы требует пересмотра и реформирования форм и методов обучения, используемых в образовательном процессе. В традиционной организа-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Моделирование потоков в предпринимательской экосистеме срединного субрегиона», проект №15-06-08375а

© Пименова А. М., 2015

ции учебного процесса в качестве способа передачи информации используется в основном односторонняя форма коммуникации- пассивный метод. Суть ее заключается в следующем: преподаватель транслирует информацию, которая в последующем должна быть воспроизведена обучающимся. Основным источником обучения в этом случае является опыт педагога. Обучающийся при этом находится в пассивной роли воспринимающего. Более того, односторонняя форма коммуникации чаще всего присутствует не только на лекционных занятиях, но и на семинарских, когда преподаватель меняется местами с обучающимся, который транслирует некоторую информацию. Это могут быть ответы на поставленные преподавателем до начала семинара вопросы, рефераты, воспроизведение лекционного материала. Пассивный метод обучения, столь популярный в традиционной системе высшего образования, при обучении в рамках компетентностного подхода не является эффективным. И тому есть ряд причин. Во-первых, односторонняя коммуникация оправдана лишь в случае недостатка информации, невозможности ее получения другим способом, кроме как из рассказа лектора. Сегодня в большинстве случаев это не так. Преподаватель, как правило, использует материал, который не является оригинальным. В большинстве случаев он легко доступен и растрепан в самых различных источниках. Во-вторых, эффективность пассивного метода обучения является крайне низкой. Согласно исследованиям американских ученых Р. Карникау и Ф. Макэлроу существует определенная закономерность обучения: человек помнит 10 % прочитанного; 20 % — услышанного; 30 % — увиденного; 50 % — увиденного и услышанного; 80 % — того, что говорит сам; 90 % — того, до чего дошел в деятельности.

Современный подход к обучению должен ориентироваться на интерактивные формы обучения. Интерактивное обучение — это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие преподавателя и обучающегося. Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и давать обратную связь по поводу того, что они знают и думают. Совместная деятельность обучающихся в процессе освоения учебного материала означает, что каждый вносит свой особый индивидуальный вклад, идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Основная особенность образовательных интерактивных форм — это высокий уровень взаимно направленной активности субъектов взаимодействия, эмоциональное, духовное единение участников. При использовании интерактивных методов обучаемый становится полноправным участником процесса восприятия, его опыт служит основным источником учебного познания. Преподаватель не дает готовых знаний, но побуждает обучаемых к самостоятельному поиску. По сравнению с традиционными формами ведения занятий, в интерактивном обучении меняется взаимодействие преподавателя и обучаемого: активность педагога уступает место активности обучаемых, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы. Педагог выполняет функцию помощника в работе, одного из источников информации. Таким образом, интерактивные формы проведения занятий:

- пробуждают у обучающихся интерес;
- поощряют активное участие каждого в учебном процессе;
- обращаются к чувствам каждого обучающегося;
- способствуют эффективному усвоению учебного материала;
- оказывают многоплановое воздействие на обучающихся;
- осуществляют обратную связь (ответная реакция аудитории);
- формируют у обучающихся мнения и отношения;
- формируют жизненные навыки;
- способствуют изменению поведения.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что интерактивные формы обучения являются основным инструментом формирования компетенций у обучающихся.

Целесообразным и обоснованным при применении интерактивных форм обучения для формирования компетенций у обучающихся становится вопрос об оценке эффективности

применяемых методов. Оценка эффективности методов обучения может быть построена на основе оценки уровня усвоения знаний и оценки уровня изменения поведенческих характеристик обучающихся, так как для компетентного подхода основное значение имеет формирование способности к действиям, к изменению поведения. Кроме того, согласно современным экспертным оценкам профессиональные компетенции любого сотрудника, вне зависимости от профессии и уровня в управленческой цепочке, в подавляющем большинстве связаны именно с поведенческими компетенциями: 80 % качеств успешного сотрудника — поведенческие характеристики, и только 20 % — технические навыки. Оценка уровня усвоения знаний основывается на контроле знаний и умений студентов. Система контроля знаний и умений учащихся является традиционной и глубоко изученной в системе традиционного высшего образования. В тоже время вопросы внедрения систем оценки поведенческих характеристик как метода оценки эффективности профессионального образования на сегодняшний день мало освещены и слабо применяются в системе высшего образования.

Поведенческие методы оценки широко применяются в процессе аттестации персонала в современных организациях. Они основаны на фиксации и анализе устойчивых примеров профессионального поведения в процессе решения конкретных управленческих задач. Механизм действия данных методов базируется на описании «правильного поведения» (поведения, способствующее реализации профессиональных целей), характерного для решения конкретной задачи, и сравнении с ним того поведения, которое демонстрирует конкретный обучающийся. Таким образом, данные методы могут помочь определить конкретные образцы поведения, освоенные студентами в процессе интерактивного обучения, и их соответствие тем результатам обучения, которые представлены в основной образовательной программе по профилю подготовки. Наиболее распространенными методами поведенческой оценки являются:

- метод поведенческих шкал — рейтинговые шкалы, комбинированные с поведением (Behaviorally Anchored Rating Scales— BARS, Smith and Kendall, 1963);
- шкалы поведенческих ожиданий (Behavioral Expectation Scales — BES, Zedeck and Baker, 1972);
- шкалы наблюдения за поведением (Behavioral Observation Scales — BOS, Dunnette, Campbell, 1968).

Оценка эффективности интерактивного обучения на основе оценок поведенческих характеристик невозможна без проведения достаточно трудоемкого подготовительного этапа. В ходе подготовительных мероприятий необходимо составить примеры эффективного и неэффективного профессионального поведения, которое могут демонстрировать обучающиеся по результатам интерактивного обучения. Далее, экспертным путем выделенные примеры группируются по степени их схожести в 5–10 факторов измерения профессионального поведения. Важно, чтобы полученные оценочные критерии были четкими и однозначными в понимании для всех обучающихся. Далее каждый фактор расписывается в виде шкалы, описывающей примеры поведения обучающихся в различных ситуациях от наиболее желательного до недопустимого. После этого проводится непосредственная оценка сформированных поведенческих характеристик и их соответствие результатам обучения.

Методы оценки поведенческих характеристик могут существенным образом повысить эффективность оценки компетенций студентов, формируемых в процессе интерактивного обучения. В тоже время для их внедрения в образовательный процесс необходимо провести трудоемкую работу по созданию баз данных в отношении примеров профессионального поведения по направлениям подготовки, определить факторы измерения профессионального поведения, определить соответствие между данными факторами и компетенциями, которые формируются в рамках конкретных модулей и дисциплин, разработать поведенческие шкалы на основе выделенных факторов, разработать регламент и сопутствующие нормативные акты для проведения оценки на их основе.

Однако, внедрение компетентного подхода в сферу высшего образования – это шаг навстречу работодателям и их потребностям в качественных трудовых ресурсах. Фор-

мирование же высокопрофессиональных специалистов на современном этапе развития невозможно без новых форм обучения и соответствующих им новых методов оценки эффективности образовательного процесса в рамках высшего профессионального образования.

Библиографический список

1. Бозванова Е. И. Компетентностный подход в подготовке современного специалиста // Актуальные задачи педагогики: материалы междунар. науч. конф. 2011. С. 174–176.
2. Козлова Н. С. Компетентностный подход в отечественной системе образования // Молодой ученый. 2014. №4. С. 1001–1003.
3. Окуловский О. И. Компетенции и компетентностный подход в обучении // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 499–500.
4. Хасия Т. В. Компетентностный подход: инновационные технологии в подготовке компетентных специалистов // Молодой ученый. 2011. № 12. Т.2. С. 150–151.

Alexandra M. Pimenova

INTRODUCTION OF BEHAVIOURAL CHARACTERISTICS ASSESSMENT METHODS IN PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURSHIP

Abstract

Change of an educational paradigm demands revision and reforming of the training forms and methods used in educational process. Modern approach to training has to be guided by interactive forms of education. Effective application of these training forms assumes introduction of new efficiency assessment methods of an educational process within higher education. One of such assessment method is the behavioural characteristics method.

Keywords: competence, competence-based approach, interactive educational forms, behavioural scales method.

УДК 332.133.23

С. Н. Полбицын

СЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ¹

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы развития предпринимательства в сельских районах преимущественно промышленного региона. Автор доказывает, что устойчивое развитие сельских территорий возможно только в условиях организации многофункционального экономического развития путем поддержки органами местного самоуправления малого бизнеса, как основы сельской экономики.

Ключевые слова: сельские территории, многофункциональная модель, социально-экономическое развитие, агроинновационная система.

Рассматривая проблему конкурентоспособности применительно к сельскому хозяйству, правильнее, на наш взгляд, оперировать не понятием «конкурентоспособность» сельскохозяйственной продукции, а понятием «конкурентные преимущества» сельского хозяйства той или иной сельской территории, потенциал конкурентных преимуществ сельских территорий, которые могут быть реализованы через организацию производства наиболее выгодных для данной местности видов сельскохозяйственной продукции. Это связано с тем, что значительная часть сельскохозяйственных товаропроизводителей реализует свою про-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Инновационный механизм реализации модели многофункционального развития сельских территорий Свердловской области», проект № 15-12-66007
© Полбицын С. Н., 2015

дукцию в основном в виде сырья для дальнейшего производства продуктов питания, т. е. в сферу переработки. Известно, что доля сельскохозяйственного сырья в себестоимости готовых продуктов питания значительна. Так, доля стоимости мяса, например, в себестоимости вареных колбас достигает 77 %, твердокопченых — 83 %. В цельномолочной продукции доля стоимости сырья (молока) составляет 68 %. Отсюда конечная цена готовых продуктов питания, их конкурентоспособность в значительной мере будут зависеть от стоимости перерабатываемого сельскохозяйственного сырья, затрат на его производство.

Чем дешевле исходное сельскохозяйственное сырье, тем выше конкурентоспособность выработанных из этого сырья продовольственных товаров. При производстве продуктов питания могут использоваться различные технологии, может отличаться ассортимент выпускаемых продуктов из одного и того же вида сырья, т. е. будут различаться потребительские качества и цена продуктов питания. Но в конечном итоге под давлением рыночной конкуренции условия массового производства продуктов питания будут выравниваться, нивелируются в каждой нише ценовые расхождения, и тогда более рельефно обозначатся в цепочке «сельское хозяйство — переработка и торговля — конкурентные преимущества конкретных сельскохозяйственных территорий».

Конкурентные преимущества сельского хозяйства территории можно считать достаточными, если сложившиеся, прежде всего, или формируемые условия для производства основных, традиционных для региона видов сельскохозяйственной продукции позволяют обеспечить сельхозтоваропроизводителям необходимую для расширенного воспроизводства доходность. К числу главных условий при этом следует относить имеющиеся на территории как природные факторы, так и экономические, т. е. материальные, трудовые и финансовые ресурсы, уровень эффективности организации производства.

Кроме того, к конкурентным преимуществам области в сфере сельского хозяйства в определенной мере можно отнести и возможности сбыта произведенной сельскохозяйственной продукции на территории области. В крупном плане это проявляется через соотношение числа потребителей и производителей сельхозпродукции. На это может указывать и соотношение численности городского и сельского населения в регионе, число занятых в сельском хозяйстве и др. То есть в этом направлении сельхозтоваропроизводители промышленно развитой области имеют определенные преимущества по сравнению с другими областями, где преобладает сельское хозяйство.

Основной причиной низкой рентабельности и убыточной деятельности сельскохозяйственных предприятий, снижения инвестиций в развитие производства за счет собственных и заемных средств, низкой заработной платы работников сельскохозяйственных предприятий послужил диспаритет в ценах на реализуемую продукцию и потребляемые в сельскохозяйственном производстве промышленную продукцию и услуги.

Рентабельность производства во многих сельскохозяйственных предприятиях поддерживается за счет низкой заработной платы их работников. Этот фактор по существу является пока чуть ли не определяющим в поддержании рентабельности (хотя и на низком уровне) для большинства хозяйств области.

Необходимость улучшения социальных условий жизни сельского населения, сохранения кадрового потенциала объективно требует увеличения заработной платы в отрасли сельского хозяйства. Увеличение же заработной платы, а в связи с этим и дополнительных налоговых начислений на нее, повлечет за собой снижение рентабельности отрасли. Это будет особенно заметно в регионах с менее благоприятными для ведения сельского хозяйства условиями. Наметившееся противоречие между социальной необходимостью увеличения заработной платы и возможными негативными последствиями в экономике сельского хозяйства (снижение рентабельности сельскохозяйственного производства и ослабление его позиций в конкурентной борьбе) усиливается при вступлении России в ВТО.

Результаты анализа социально-экономического положения Свердловской области и ее отдельных сельских территорий позволяют сделать следующие выводы [1].

1. Местные сельхозтоваропроизводители продолжают терять свои позиции по молоку на агропродовольственном рынке области.

2. Емкость областного агропродовольственного рынка позволяет увеличивать объемы производства животноводческой продукции, что в свою очередь вызывает необходимость в соответствующем укреплении кормовой базы.

3. Увеличение спроса на областном продовольственном рынке на продукцию местных сельхозтоваропроизводителей возможно при повышении ее конкурентоспособности, что реально при снижении затрат на производство этой продукции с одновременным улучшением ее качества.

4. Для компенсации части тех дополнительных расходов, которые объективно обусловлены неэквивалентным межотраслевым обменом и худшими природно-климатическими условиями, на региональном уровне имеются все правовые основы увеличения финансовой поддержки сельхозтоваропроизводителей.

Из изложенного следует, что для наращивания объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции в хозяйствах всех категорий как основы сохранения и развития сельских территорий, в Свердловской области основные возможности имеются. Для их реализации требуется, на наш взгляд, уточнение некоторых позиций в механизме организации финансовой государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей. Поддерживая необходимость восстановления разрушенной сельской инфраструктуры по тем направлениям, которые предусмотрены в программных документах, следовало бы одновременно больше внимания обратить на организацию производства конкурентоспособной продукции на всей территории области за счет более дифференцированной финансовой государственной поддержки как в разрезе отдельных муниципальных образований, так и отдельных категорий хозяйств (сельхозпредприятий, хозяйств населения и фермеров). Эта работа должна быть направлена, прежде всего, на максимальное использование имеющихся у области конкурентных преимуществ в производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции и формирование этих преимуществ за счет организационных факторов по совершенствованию производства и маркетинга. Требуется, на наш взгляд, разработка и реализация специальной областной программы, направленной на повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции. Это необходимо для расширения возможностей закрепления местных сельхозтоваропроизводителей на внутриобластном рынке продовольствия, что, в свою очередь, будет непосредственно способствовать сохранению сельского образа жизни, возрождению и укреплению деревни. За счет расширения кустарных промыслов, увеличения заготовок ягод, грибов и других дикоросов решить полностью рассматриваемую проблему на большинстве сельских территорий области не представляется возможным.

На областном уровне особую значимость для сохранения и развития сельских территорий приобретает вопрос уточнения для каждой территории необходимого соотношения различных форм хозяйствования. Многоукладный характер аграрной экономики, значительные территориальные различия в объемах продукции, произведенной отдельными категориями хозяйств, предполагают необходимость использования принципа эффективного сочетания различных форм хозяйствования, функционирующих на территории муниципального образования. При этом в зависимости от преобладания той или иной формы хозяйствования на территории возможны три основных направления в организации производства и взаимоотношений между ними:

1. Развитие сельскохозяйственного производства в районах, где практически не осталось крупных и средних сельскохозяйственных организаций. Здесь предусматривается создание системы кооперативов по всей технологической цепочке производства, сбыта, переработки и реализации сельскохозяйственной продукции на основе активизации малого предпринимательства. Это в первую очередь кооперативы по производству кормов для обеспечения ими хозяйств населения, по приему сельскохозяйственной продукции от хозяйств населения, ее переработке и реализации, кредитные кооперативы и др.

2. Развитие сельскохозяйственного производства в районах, где сохранились крупные, средние и малые сельскохозяйственные организации, функционируют крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения. Здесь предполагается формирование интеграционных структур на базе сельскохозяйственных предприятий, хозяйств населения, крестьянских (фермерских) хозяйств (заготовка кормов силами сельскохозяйственных предприятий хозяйствам населения, оказание сельхозпредприятиями услуг хозяйствам населения, в том числе по закупке и переработке сельхозпродукции, транспортных, ветеринарных; обеспечение молодняком животных для их откорма в хозяйствах населения и др.). Инициаторами интеграции различных форм хозяйствования в районе могут выступать как бизнес-структуры, так и муниципальные образования.

3. Развитие сельскохозяйственного производства в районах, где функционируют крупнотоварные сельскохозяйственные предприятия, в том числе и в составе агрохолдингов. В этом случае появляется возможность организации переработки сельскохозяйственной продукции на базе формирования муниципальных или совместных с бизнесом предприятий, кооперации сельскохозяйственных предприятий, других интегрированных формирований, подконтрольных в своей деятельности сельхозтоваропроизводителям. Для сбыта произведенной продукции в рамках муниципального образования или бизнес-структуры могут формироваться маркетинговые службы. Использование этого принципа в государственно-частном партнерстве позволит:

- повысить доходность (рентабельность) сельскохозяйственных предприятий;
- увеличить товарность хозяйств населения и крестьянских (фермерских) хозяйств;
- повысить реальные доходы и занятость сельского населения;
- сформировать условия для пополнения местных бюджетов через организацию переработки сельскохозяйственной продукции, произведенной на территории района, в том числе на созданных муниципальных предприятиях.

Решение проблемы сохранения и развития сельских территорий через организацию достаточно рентабельного сельскохозяйственного производства связано, прежде всего, с высококвалифицированным кадровым обеспечением. Однако, так называемая «оптимизация» школьного образования и здравоохранения вынуждает наиболее активную и трудоспособную часть сельского населения уезжать в более благоприятные в этом плане места проживания.

Библиографический список

1. Полбицын С. Н., Дрокин В. В., Журавлев А. С., Чистяков Ю. Ф. Многофункциональная модель социально-экономического развития сельских территорий. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 160 с.

2. Полбицын С. Н., Дрокин В. В., Журавлев А. С. Обоснование приоритетов развития региональных агроинновационных систем // Электронный научный журнал «Управление экономическими системами». 2014. № 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uecs.ru>.

Sergey N. Polbitsyn

RURAL ENTREPRENEURSHIP IN THE RURAL DEVELOPMENT MULTIFUNCTIONAL MODEL

Abstract

The study examines the problem of the rural entrepreneurship development of mostly industrial region. The author argues that the sustainable rural development must be provided only by support of small businesses in terms of multifunctional model of economic development

Keywords: rural territories, multifunctional model, socio-economic development, agriinnovation system.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В настоящее время стабильное развитие экономики любого региона зависит от состояния инвестиционного процесса, сложность и непрерывность которого требуют разработки и реализации определенной инвестиционной стратегии как ключевого звена социально-экономической стратегии. При этом инвестиционная стратегия региона должна создавать условия для повышения активности внешних и внутрирегиональных инвесторов, следовательно, при ее формировании должны учитываться территориальные аспекты. В статье обозначается важность оценки территориального фактора в инвестиционной политике региона и необходимость четкого выделения пространственных зон роста и концентрации усилий по их дальнейшему развитию.

Ключевые слова: территория, инвестиционная стратегия, территориальные приоритеты, территориальное развитие.

В современных условиях стабильное развитие экономики любого региона в существенной степени зависит от состояния инвестиционного процесса. Его сложность и непрерывность требуют разработки и реализации определенной инвестиционной стратегии как ключевого звена социально-экономической стратегии. При этом инвестиционная стратегия региона должна создавать условия для повышения активности внешних по отношению к региону и внутрирегиональных инвесторов, следовательно, при ее формировании должны учитываться территориальные аспекты. Как категория территория представляет собой иерархически представленную цепь территориальных образований различных уровней [3, с. 33]. Особенности территории с точки зрения географических, экономических, политических и других аспектов являются важнейшими предпосылками формирования самостоятельной политики региональных органов управления. Территориальный фактор сегодня активно воздействует на условия принятия решений ведущими социальными и экономическими сообществами, но, к сожалению, не всегда учитывается ими. Одной из причин недооценки территориального фактора в развитии современного общества следует считать дефицит исследований в сфере территориальных преобразований, что создает иллюзию о пассивном характере пространственных условий. В свою очередь отсутствие серьезных исследований по определению роли территорий в социально-экономическом развитии общества приводит к снижению эффективности мер государственного регулирования регионального развития. Например, нет полной ясности в том, как влияют отдельные признаки территории на характер протекающих в ее границах процессов. Учет соответствующих признаков осуществляется посредством оценки. Оценка территории становится сегодня инструментом формирования ее статуса, необходимого в процессе вовлечения территориальных образований в хозяйственный оборот. Место регионального уровня в системе стратегического территориального управления определяется необходимостью планомерного и пропорционального развития территорий, локализованных на определенных участках пространства страны и различающихся по степени социально-экономического развития. «Если на федеральном уровне реализации стратегии предполагается регулирование процессов общественного производства в целях повышения его эффективности за счет совершенствования территориального разделения труда, межрегиональных и международных связей, то стратегия развития региона имеет дело с воспроизводственными процессами и экономическими кластерами, локализованными на конкретной территории» [2, с. 155].

В различных странах, в том числе в странах Европейского союза, известного своими глубокими традициями в области региональной политики, признано научным фактом экономического роста инновационное развитие региона не за счет крупных городов, в этих странах сформирована и реализуется стратегия, ориентированная на внедрение идеи территориального сплочения и сбалансированного подхода к территориальному развитию.

Так же, например, активизируются усилия руководства Китая повысить роль глубинных и окраинных территорий в решении проблем развития региона путем расширения их инфраструктурных возможностей. При этом окраинные территории рассматриваются как трансляторы геополитических интересов региона в приграничных отношениях с другими регионами, глубинные территории и моногорода - как участники кластерных проектов и решений, рождаемых в региональном центре, что позволит в будущем превратить данные территории в центры экономического развития регионального масштаба. Сельские территории рассматриваются как зарождающиеся центры конкурентоспособности, возникающие на базе формирования новых возможностей по использованию возобновляемых источников энергии, повышению эффективности и коренному изменению технологий сельхозпроизводства [4, с. 45]. Региональная политика в нашем государстве также должна быть нацелена на реализацию потенциала подобных территорий при постоянном развитии и обновлении их интеграции с региональным центром инноваций. Для этого необходимо, как нам представляется, с одной стороны, повысить роль человеческого фактора в социально-экономическом пространственном развитии. С другой - активизировать роль региона и его органов управления в регулировании пространственного развития территории активным подключением к этим процессам общефедеральных, региональных и территориальных институтов и механизмов. Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ) на основе лучших региональных практик разработан Стандарт деятельности органов государственной власти Российской Федерации по созданию благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности (далее — Стандарт). Ключевым требованием данного Стандарта является утверждение и планомерная актуализация Инвестиционной стратегии региона. Инвестиционная стратегия является стержневым документом, регламентирующим стратегические цели и направления инвестиционного развития региона, принципы инвестиционной политики в долгосрочной перспективе. Основной задачей Инвестиционной стратегии является определение инвестиционных приоритетов — отраслевых (то есть тех отраслей или проектов, которые смогут стать драйверами социально-экономического развития региона) и территориальных (то есть тех территорий, которые смогут стать «опорной сетью» пространственного развития региона), а также механизмов реализации выбранных приоритетов.

В Свердловской области в последние годы отмечается ряд процессов, свидетельствующих о нарастании асимметрии территориального развития. Отмечается усиление дифференциации показателей социально-экономического развития муниципальных образований Свердловской области, порой разброс между минимальными и максимальными значениями основных социально-экономических показателей достигает нескольких десятков раз. В средних и малых городах наблюдается сокращение численности постоянного населения. Причиной этого является вынужденная миграция населения в соседние территории в целях поиска более высокооплачиваемой работы и улучшений условий жизни.

Происходит снижение финансовой самостоятельности местных бюджетов. Сегодня более половины муниципальных образований в Свердловской области имеют долю собственных доходов местного бюджета менее 50 процентов, при этом не могут самостоятельно привлечь на территорию инвесторов, создать рабочие места и развить инфраструктуру. Превращение большинства муниципальных образований в дотационные не только обременяет региональный бюджет увеличивающимися расходами на выравнивание, но и значительно сдерживает возможности отстающих территорий повышать свой стратегический и инвестиционный потенциал.

На этапе зарождения новой волны экономического цикла, когда ресурсы ограничены, а развиваться нужно быстро и инновационно, необходимо переходить к четкому выделению пространственных зон роста и концентрации усилий по их дальнейшему развитию.

В инвестиционной стратегии Свердловской области до 2020 года выделено 4 группы территорий, определяющих возможные векторы пространственного развития Свердловской области [1]:

Первая группа — «Территории роста» (высокий темп роста, высокий уровень обеспеченности инфраструктурой и ресурсами). Данные территории развиваются темпами, превышающими достигнутый уровень среднеобластного развития. Вторая группа — «Территории стабильного развития» (высокий темп роста, ограниченный уровень обеспеченности инфраструктурой и ресурсами). Данные территории развиваются темпами, превышающими достигнутый уровень среднеобластного развития. Однако перспективы их дальнейшего развития ограничены недостатком ресурсов. Третья группа — «Территории потенциального развития» (низкий темп роста, высокий уровень обеспеченности инфраструктурой и ресурсами). Данные территории развиваются темпами ниже достигнутого уровня среднеобластного развития, однако имеют неплохие перспективы для дальнейшего развития, обусловленные опережающим развитием инфраструктуры. Четвертая группа — «Территории ограниченного развития» (низкий темп роста, низкий уровень обеспеченности инфраструктурой и ресурсами). Данные территории развиваются темпами ниже достигнутого уровня среднеобластного развития. Дальнейшее развитие этих территорий также затруднено по причине недостатка или отсутствия ресурсов.

В Инвестиционной стратегии заявлено, что инвестиционная политика Свердловской области будет направлена на обеспечение высоких темпов социально-экономического развития территорий первой и второй групп; создание инвестиционной инфраструктуры для ускорения темпов экономического развития территорий третьей группы; поиск факторов устойчивого развития территорий четвертой группы и реализацию проектов, способствующих сохранению социальной стабильности в регионе, укреплению его территориальной целостности.

Основой же роста экономики Свердловской области должна стать опорная сеть ряда муниципальных образований — «точек экономического роста». При условии успешной реализации стратегии территориальное развитие региона будет давать существенный синергетический эффект на всю территорию Свердловской области. Определение территориальных приоритетов на основе существующих и перспективных конкурентных преимуществ отдельных территорий Свердловской области позволяет сформировать порядка 35 «точек роста», которые могут и должны стать «опорной сетью» пространственного развития региона. Выделение территориальных агломерационных «точек роста», определит пространственную конфигурацию социально — экономического, и, соответственно, инвестиционного развития области.

Таким образом, территориальный приоритет, наравне с отраслевым входит в один из ключевых приоритетов стратегии инвестиционного развития Свердловской области до 2020 года. Необходимость перехода к новой модели пространственного развития и управления экономикой региона позволит, с одной стороны, создать каркас территориальных центров сосредоточения экономического роста («точки роста»), способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы, с другой — управлять этими процессами, опираясь на рыночные институты, выводя на траекторию ускоренного и устойчивого развития глубинные и окраинные территории региона. Сбалансированное территориальное развитие Свердловской области, основанное на грамотном размещении производительных сил и реализации экономического потенциала территории Свердловской области — одна из стратегических целей инвестиционной политики Свердловской области на период до 2020 года. Реализация данной стратегической цели должна осуществляться в соответствии с территориальными приоритетами инвестиционного развития Свердловской области.

Библиографический список

1. Об утверждении Инвестиционной стратегии Свердловской области на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Губернатора Свердловской области от 14.11.2012 №862-УГ. Режим доступа: <http://economy.midural.ru/content/ukaz-gubernatora-sverdlovskoy-oblasti-n-862-ug-ot-14-noyabrya-2012-goda>.
2. Пространственный аспект стратегии социально-экономического развития региона / под ред. А. С. Новоселова. Новосибирск: ИЭОПП РАН, 2006. 408 с.
3. *Рой О. М., Белоусова А. Г.* Стратегическое территориальное управление: бизнес-стратегии территориальных образований: монография/ - Омск: Изд-во Ом. Гос. Ун-та, 2009. 244 с.
4. *Татаркин А. И.* Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (24). 2012. С. 42-58.

Olga A. Prilukova, Valentina I. Gushtan

TERRITORY PRIORITIES AS A STRATEGICAL REFERENCE POINT OF INVESTMENT-DRIVEN DEVELOPMENT OF THE SVERDLOVSK REGION

Abstract

Nowadays, stable development of every region economy depends on investment process state. The complexity and continuity of investment process provoke development and implementation of proper investment strategy as a key chain of social and economic strategy. Also, regional investment strategy has to create frame works to increase of foreign and domestic investment activity, so in order to create it we need to take into account the territory aspects. The article indicates the importance of assessing the territorial factor in the investment policy of the region and the need of a clear selection of the territory growth areas and focus on their further development.

Key words: territory, investment strategy, territorial priorities, territorial development.

УДК 332.122

О. А. Пышминцева

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ, КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ¹

Аннотация

Продовольственная безопасность страны является одной из основной компонентой национальной безопасности, которая определяет способность государства обеспечить экономическую и продовольственную независимость. Особенно остро стал вопрос обеспечения продовольственной независимости в связи с обострением политико-экономическими отношениями со странами Европейского Союза и США. В результате возникла необходимость проведения политики экономического протекционизма, а основным инструментом ее реализации стал курс по импортозамещению. В статье проведен контент-анализ отраслевых программ по импортозамещению и региональных планов мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности регионов и выявлены основные инструменты и механизмы реализации замещения импорта в агропромышленном комплексе.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, импортозамещение, протекционизм, агропромышленный комплекс.

Внутренний агропродовольственный рынок России характеризуется высоким уровнем зависимости от импорта: за счет него формируется до 36 % продовольственных ресурсов. По мясу и молоку доля импорта оценивается более 50 %.

¹ Публикация подготовлена при поддержке УрО РАН в рамках проекта проведения научных исследований «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения», поект. №15-14-7-2

© Пышминцева О. А., 2015

Тенденция к росту ввоза продовольствия сохраняется (табл. 1), а по животноводческой продукции даже усиливается. Особенно опасная ситуация складывается с обеспечением крупных индустриальных городов и отдельных регионов, снабжение которых на 50–70 % зависит от импортных поставок продовольствия [3].

Таблица 1

Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах, % (источник: ЕМИСС)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Доля импортных продовольственных товаров в товарных ресурсах розничной торговли продовольственными товарами	36	35	36	33	33	34	33	34	36
из них:									
Сухое молоко и сливки			22,4	30	37,3	60,1	40,7	48,4	60,4
Говядина	48,9	49,8	56,4	61,7	61,8	64,5	59,5	59,9	58,9
Изделия кондитерские	11,7	9,8	10,2	10,3	6,8	11,1	11,6	12,5	11,9
Консервы мясные	24,3	21,8	17,5	18,8	16,5	17,1	22	25,1	20
Масла животные	35,8	37,6	32	27	27,1	32,3	32,2	34,2	35,8
Масла растительные	31,9	23,2	26,3	31,2	18,5	23,9	22	16,3	19
Мясо и птица	45,9	45,7	44,2	43,8	38,2	33,7	30	30,3	26,5
Свинина	56,7	54,2	52,7	56,5	41,6	46,8	42,8	41,3	31
Соль пищевая	22	23	24,5	24,5	40,4	42,3	46	39,7	
Сыры	46,5	40,9	42,6	41,3	41,2	47,4	46,1	47,8	48

Особо обострились существовавшие проблемы по продовольственному обеспечению отечественными товарами в последний год, когда Россия объявила запрет на ввоз продуктов питания из стран ЕС и США, что вызвало продовольственное напряжение в стране и рост цен на них. Для снятия негативных последствий от принятых решений правительства страны была выдана директива всем уровням власти, разработать отраслевые программы по импортозамещению и обеспечить населения необходимыми и по доступной цене продуктами питания, а также поиском новых зарубежных партнеров по поставке продуктов питания из стран Аргентины, Бразилии и Фолклендских островов. В долгосрочной перспективе снижение импортной зависимости возможно за счет инноваций и стимулирования инвестиций в переоснащение отрасли и создания новых производств в АПК. По оценке Минпромторга, в случае реализации продуманной политики импортозамещения к 2020 году можно рассчитывать на снижение зависимости от импорта по разным отраслям промышленности с 70–90 % до 50–60 %. А в ряде отраслей возможен выход на более низкие показатели [1].

Для оценки разработанных региональными властями программ и антикризисных мероприятий по импортозамещению мы использовали контент-анализа, который заключается в проведении целевой экспертной оценки всех рассматриваемых мер в одном формате. Информационной основой для оценки государственной политики по замещению импорта в АПК стали нормативно-правовые акты (20 отраслевых программ по содействию импортозамещению в регионах РФ и 50 региональных планов первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности на 2015-2017 гг.).

Общий принцип отбора программ и планов является использование только публично доступных документов, размещенных на официальных сайтах органов власти и правовых порталах. Спектр инструментов, с помощью которых государство регулирует отраслевые программы и антикризисные планы, довольно широк и включает полный набор имеющихся в распоряжении рычагов — от налогового стимулирования до административно-организационных инструментов и в рамках нашего анализа они сгруппированы по следующим направлениям:

- государственные гарантии и финансовая поддержка предприятий АПК (субсидии, госзакупки и т. д.);
- налоговое и таможенное стимулирование — это налоговые льготы и других экономические средства, стимулирующие инвестиции в производство и научно-технические исследования;

- организационно-административные государственное содействие бизнесу — это способ воздействия и регулирования развития предприятий.

- мониторинг, анализ, информационно-консультационные работы.

В результате проведенного контент-анализа, выявлены основные инструменты, используемые почти во всех региональных программах (рис.1.):

1. Львиную долю в политике замещению импорта более половины мер — это инструменты содействия доступу предприятий АПК к финансовым ресурсам. В рамках государственной поддержки предприятиям предоставляются субсидии на уплату процентов по кредитам и компенсации части затрат, израсходованные на модернизацию оборудования. Особый интерес вызвал к форме отбора инвестиционных проектов для господдержки на федеральном уровне. Министерством промышленности и торговли РФ разработана методика по приоритизации отраслей и проведен мониторинг отраслей наиболее импортозависимых в стране и подготовлен перечень приоритетных импортозависимых сфер производства и видов продукции, т. е. ужесточились требования к отбору инвестиционных проектов (господдержка отталкивается не от наличия инвестиционных проектов, а от того какую пользу принесет этот проект отрасли по замещению импорта и сможет ли составить конкуренцию аналогам зарубежных товаров).

2. Снижение налоговой и таможенно-тарифной нагрузки на бизнес. Основным ответом на экономические санкции стран ЕС и США стала политика экономического протекционизма, то есть политика защиты внутреннего рынка через систему определенных ограничений: импортных и экспортных пошлин. Таможенное регулирование заключается в запрете в течение одного года импорт ряда продовольственных товаров из стран ЕС и США, снижение экспортных пошлин на ряд отечественных товаров. Также разработаны меры по налоговому стимулированию в целях повышения инвестиционной активности предприятий, к ним относятся налоговые каникулы в течение двух лет для малых и средних предприятий АПК, которые способствуют замещению импорта и увеличению экспорта выпускаемой продукции. Во многих региональных программах говорится о разработке предложений по снижению ставки налога на прибыль и имущества, однако нет конкретных предложений и действий.

3. К мерам стимулирования внутреннего спроса можно отнести содействие региональных властей в расширении рынка сбыта, организации сельскохозяйственных ярмарок и международных выставок, договоренность с торговыми сетями о расширении доли местных товаров, в поиске заказов для стратегически значимых предприятий и т. д.

4. На основании разработанных региональных программ, во многих регионах планируется создание агропромышленных кластеров. В результате создания агропромышленного кластера на территории региона обеспечит мультипликативный эффект для динамичного развития всей экономики региона, будет служить катализатором развития сопредельных, смежных отраслей экономики, а также будет являться фактором ограничивающим монополизм торговых посредников, обеспечивая тем самым более безопасную, качественную и быструю доставку продуктов питания до местного потребителя.

5. Немаловажно еще и то, что ориентация на развитие сельского хозяйства и поддержание продовольственной безопасности предполагает наличие профессиональных кадров и воли руководства в решении ими же поставленных задач. Говоря о роли обеспечения продовольственной независимости страны, необходимо учесть аспекты экономической доступности продовольствия в регионах, что не достаточно учтено в региональных программах и антикризисных планах. Так как для многих регионов в силу природно-климатических и иных особенностей это не только затруднительно, но и экономически не выгодно. Для таких регионов, которые испытывают постоянную потребность во внешних поставках продовольствия из-за низкой обеспеченности собственными ресурсами, ввоз продовольствия из других близ расположенных регионов — основное средство обеспечения продовольственной безопасности.

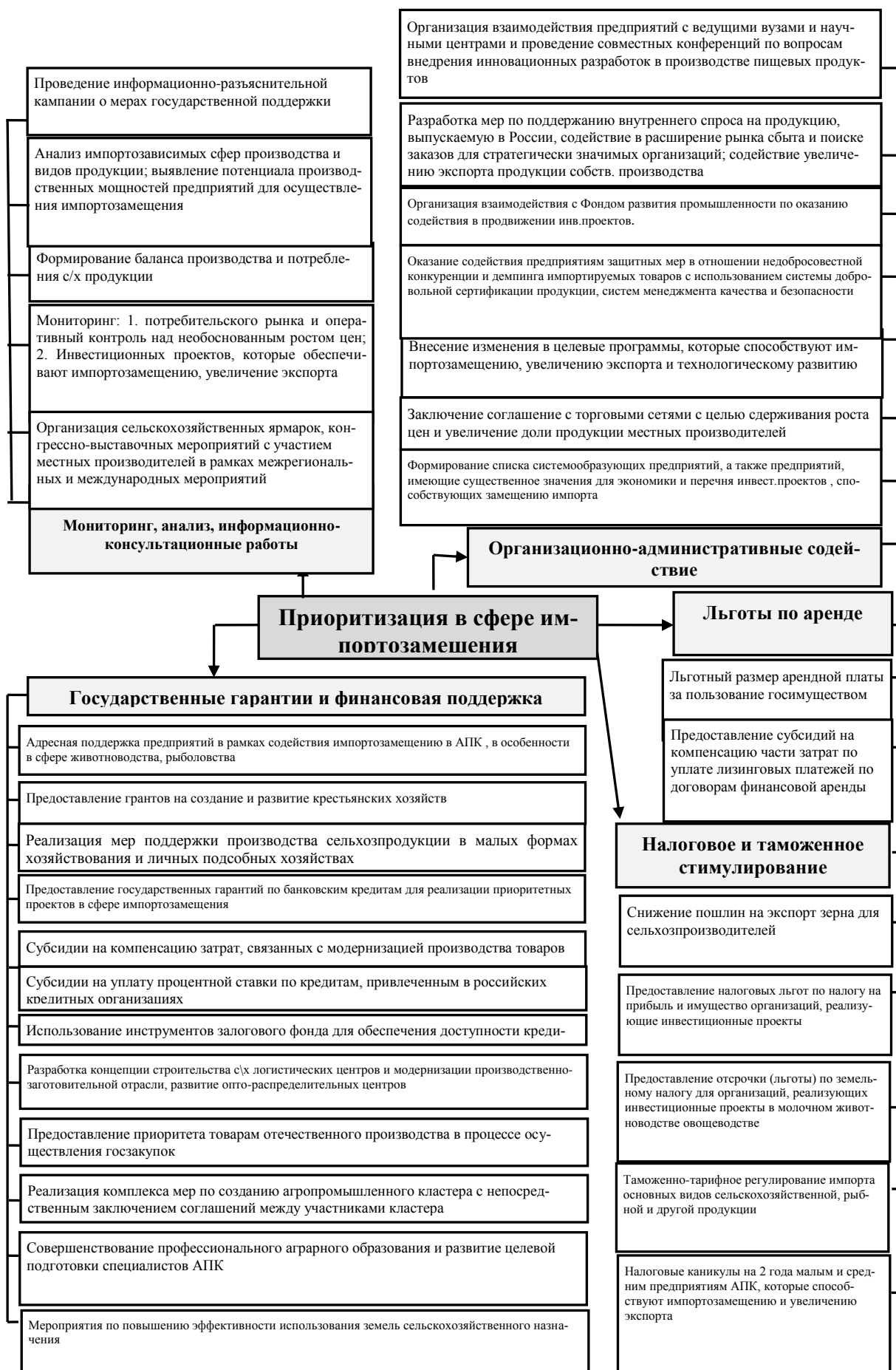

Рис. 1. Основные меры по поддержке импортозамещения в АПК субъектах РФ

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что принципиальное значение в государственной политике имеет недопущение каких-либо межрегиональных барьеров в торговле, создание единого торгового пространства в стране, необходимо развивать межрегиональную интеграцию. Все это позволит более эффективно использовать агропродовольственный потенциал страны и стимулировать конкурентоспособное отечественное производство продуктов питания для населения.

Библиографический список

1. Лекарство от зависимости. Интервью с заместителем министра промышленности и торговли РФ Цыба С.А. // Российская газета от 08.05.2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/08/05/zameshenie.html>.
2. Оценка антикризисных мер по поддержке реального сектора российской экономики // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 21–46.
3. Шахова О. А., Воронина Л. Н., Евтюгина А. А. Продовольственное обеспечение населения как фактор экономической безопасности страны // Экономика региона. 2011. № 1. С. 229–233.

Olga A. Pyshmintseva

IMPORT SUBSTITUTION AS AN INSTRUMENT OF NATIONAL FOOD SECURITY

Abstract

Food security of the country is one of the main components of national security, which determines the ability of the state to ensure the economic and food sovereignty. Became particularly acute issue of food sovereignty due to the worsening political and economic relations with the countries of the European Union and the United States. The result is a need for a policy of economic protectionism, and the main instrument of its implementation has become a course on import substitution.

In the article the content analysis of sectoral programs on import substitution and regional action plans for sustainable economic development and social stability of the region and identified the major tools and mechanisms for the implementation of import substitution in the agricultural sector.

Keys words: food security, import substitution, protectionism, agro-industrial complex.

УДК 338: 327.5

А. В. Савченко, М. А. Задорина

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД САНКЦИЙ

Аннотация

Статья посвящена вопросам обеспечения экономической безопасности Свердловской области в период социально-политической нестабильности. Особое внимание уделяется факторам, негативно сказывающимся на экономической безопасности региона. Авторы анализируют меры по минимизации воздействия санкций на малый и средний бизнес, а также и экономику области в целом, предпринимаемые органами власти. Рассматриваются промежуточные результаты реализации государственной политики по поддержанию экономической безопасности Свердловской области в условиях санкций. Выделены наиболее перспективные направления развития Свердловской области в 2015-2016 годах в условиях санкционного режима.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угрозы экономической безопасности, санкции, инфляция, экономическое развитие.

Свердловская область по итогам 2014 года приобретает статус одного из 14 субъектов

тов-доноров Российской Федерации [6], в связи с чем в краткосрочной перспективе область может рассчитывать только на свои собственные экономические силы. Изменение статуса Свердловской области предполагает особое внимание Правительства области к экономике региона в сложный экономический период — период санкций.

В настоящее время на еще до конца не восстановившуюся после кризиса 2008-2010 годов экономику Свердловской области оказывают негативное влияние введенные в отношении Российской Федерации санкции. Расторгаются партнерские соглашения со странами Европы, в частности с Германией, уменьшается число покупателей и потребителей продукции промышленности региона, закрываются промышленные предприятия, в регионе повышается уровень безработицы и многое другое. Наиболее значительным оказалось воздействие санкций на малый бизнес и предпринимательство. Санкции коснулись, в первую очередь, компаний, которые работали на грани рентабельности. Большинство компаний закрывается. Работать малому бизнесу в сегодняшних условиях трудно, так как большинство предприятий работают с комплектующими, поставляемыми из Европы [2].

С учетом изменения курса рубля по отношению к иностранной валюте многим предпринимателям просто не выгодно закупать продукцию у иностранных партнеров и продавать ее на внутреннем рынке.

Количество малых и средних предприятий, осуществляющих экспортную деятельность в Свердловской области, снизилось с 566 предприятий в 2014 году до 430 предприятий в 2015 году [3]. Индекс PSB small business index по итогам 3 квартала 2014 года был зафиксирован на уровне 49,7 п. в Российской Федерации, что отражает сокращение деловой активности предпринимателей сегмента малого и среднего бизнеса. В Свердловской области индекс PSB small business index составил 48,7 п. [9] В дополнение, сложнее стало взять кредит на открытие и развитие малого предпринимательства. Центральный Банк России несколько раз за 2014 год повышал ставку рефинансирования. На сегодняшний день ставка составляет 8,25 % [11]. Из-за повышения ставки рефинансирования кредиты выдаются предпринимателям в среднем от 25 % годовых. Все это негативно отражается на экономической безопасности региона.

Как известно, под экономической безопасностью региона принято понимать совокупность текущего состояния внешней и внутренней среды, условий и факторов, характеризующих стабильное, устойчивое развитие экономики территории, определенную независимость, взаимосвязанность и интеграцию в экономику страны. Экономическую безопасность обеспечивает комплекс мер, направленных на стабильное и постоянное развитие и совершенствование экономики региона, в который обязательно включается механизм противодействия угрозам внешней и внутренней среды. Региональная экономическая безопасность защищает интересы и удовлетворяет потребности населения, как региона, так и страны в целом.

Можно выделить следующие основные задачи экономической безопасности региона: обеспечение стабильного экономического роста; сдерживание инфляции и безработицы; выстраивание эффективных внутренних и внешних экономических связей; уменьшение займов у населения региона; сокращение дефицита бюджета Свердловской области; выполнение социальных обязательств перед населением области.

В структуре экономической безопасности области можно выделить два основных блока угроз: внешнеэкономические угрозы и внутренне экономические угрозы. В настоящее время к факторам, угрожающим экономической безопасности Свердловской области, можно отнести: особое геополитическое положение Российской Федерации; санкционный режим; ослабление рубля по отношению к иностранной валюте, доллару и евро (курс рубля ослаб в 2014 году на 6,8 %, а в 2015 году — на 13,5 % [13]); возросшая экономическая нагрузка на регион из-за изменения статуса региона-донора [6]; уменьшение финансовой поддержки со стороны Российской Федерации; изношенность материально-технической базы промышленной сферы региона; потеря постоянных рынков сбыта продукции, покупателей; уменьшение инвестиций в экономику региона; рост уровня безработицы (с 6,1 % в 2014 году до 6,8 % в

2015 году [12]); высокий уровень инфляции (по сравнению с мартом 2014 года цены на продовольственные товары (без учета алкоголя) выросли на 25,7 %; непродовольственные товары стали дороже на 12,6 %, услуги — на 13,7 %, алкоголь — на 13,6 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года; темпы инфляции за последние месяцы не снизились, так как по сравнению с февралем 2015 года продукты, включая алкогольные напитки, подорожали на 2,3 %, а непродовольственные товары — на 1,5 % [8]); уменьшение покупательной способности жителей региона (в 2014 году население области могло приобрести в среднем в месяц на 5,9 % меньше продуктов питания, включенных в минимальный набор, рассчитанный по среднероссийским нормам потребления, чем в 2013 году [10]); дефицит бюджета области на 2015 год (по предварительным данным, доходы областного бюджета составят 171,5 млрд. руб., а расходы — 200,3 млрд. руб. [7]).

Для уменьшения влияния данных факторов Правительством Свердловской Области и Управлением экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Свердловской области реализуются меры, которые представлены следующими направлениями [1]: содействие экономической независимости страны в целом; развитие и поддержка устойчивого функционирования сельского хозяйства региона; инвестиции в малый и средний бизнес; льготные налоговые условия для предпринимателей; импортозамещение; активная работа бирж труда; поиск новых рынков сбыта продукции и партнеров для внешнеэкономической деятельности; мониторинг цен на продукты первой необходимости; реализация программ экономической безопасности региона. Реализация Правительством Свердловской области мер по поддержанию экономической безопасности в условиях санкций по данным направлениям приносит свои плоды. Так, по итогам 2014 года были достигнуты следующие промежуточные результаты.

Во-первых, переориентация производства тяжелой и легкой промышленности на внутрироссийское потребление. В 2013 году Свердловская область произвела промышленной продукции почти на 1,5 триллиона рублей. При этом 18 % продукции было реализовано за рубежом. В базовой отрасли — металлургии, особенно цветной, это соотношение не в пользу внутрироссийского потребителя. Перед Правительством области стоит задача как минимум утроить объем производимой продукции за ближайшие двадцать лет. При этом главным рынком сбыта должна стать Россия [5].

Во-вторых, развитие отраслей: металлургии, оборонно-промышленного комплекса. На Урале производятся пушки, артиллерийские установки, ракетные комплексы, танки и многое другое, без чего невозможно представить современную армию — делают сложные, наукоемкие продукты высочайшего уровня. Такая структура экономики — сочетание ресурсной базы с развитым машиностроительным комплексом и эффективной научно-инженерной школой — обеспечивает устойчивость поступательного регионального развития. Металлургия и оборонно-промышленный комплекс станут теми якорями, которые стабилизируют региональную экономику и обеспечат ее дальнейшее развитие в будущем. Государственный оборонный заказ способен обеспечить загрузку мощностей уральских предприятий [5].

В-третьих, ускорение процессов модернизации и технического оснащения материально-технической базы производств, развитие таких отраслей как: железнодорожное машиностроение, медицинское приборостроение, производство медицинской техники и лекарственных препаратов в Свердловской области. В Новоуральске открылся биофармацевтический технопарк — пример программы импортозамещения. Следует отметить, что биофармацевтическая и медицинская промышленность, представляющая собой наукоемкие и высокотехнологичные отрасли, становятся одними из точек роста региональной экономики.

В-четвертых, стабилизация экономического и социального положения области, поиск новых экономических партнеров, отказ от импортных продуктов — развитие собственного производства молочных продуктов, увеличение производства мяса, сельскохозяйственных овощей. Так, например, в 2014 году в крупных и средних сельскохозяйственных организациях Свердловской области производство молока увеличилось на 6,9 % к уровню 2013 года, мяса скота и птицы — на 3 %, яиц — на 1,1 %. Предприятия пищевой промышленности

Свердловской области выпускают практически весь необходимый ассортимент продуктов питания [4].

В-пятых, мониторинг ценовой ситуации в магазинах и на продовольственных рынках. В области активно реализуется проект «Выбирай наше — местное», который помогает обеспечить наличие в магазинах качественных и доступных по цене продуктов питания, поддержать, защитить жителей области от конъюнктурных скачков цен. Правительство области сотрудничает с Прокуратурой и Федеральной антимонопольной службой, особенно пристально отслеживается все, что входит в категорию жизненно важных продуктов, в том числе и продуктов первой необходимости (лекарства и др.) [4].

Несмотря на проделанную работу со стороны властей, санкции до сих пор оказывают большое влияние на экономическую безопасность, как региона, так и страны в целом. Представляется возможным выделить наиболее перспективные направления развития Свердловской области в 2015-2016 годах в условиях санкций.

– *Развитие научного сектора.* У Свердловской области огромный научный потенциал. На территории области находится 1394 организации, которые занимаются различной научной, научно-технической и проектно-изыскательской деятельностью. В 2015 году началась практическая реализация программы «Уральская инженерная школа». Развитие научного потенциала области позволит снизить зависимость от иностранных научных решений, позволит создавать собственные передовые технические установки и внедрять их в производство.

– *Экономическое партнерство* с другими регионами страны. Ориентация экономики области на внутренний рынок страны позволит во много раз уменьшить зависимость от иностранных партнеров, даст толчок к развитию экономики других регионов.

– *Поддержка моногородов области.* В Свердловской области шесть моногородов (Краснотурьинск, Волчанск, Карпинск, Североуральск, Каменск-Уральский и Первоуральск). Их развитие позволит создать новые рабочие места, снизить социально-экономическую напряженность в области, дать толчок к развитию окружающих их территорий, повысить уровень благосостояния населения области в целом, уменьшить миграционные потоки внутри области.

– *Расширение числа иностранных экономических партнеров.* Поиск новых экономических партнеров даст области новые рынки сбыта, сгладит последствия ввода санкций, позволит реализовать производимые тяжелой промышленностью товары, сохранит небольшие заводы и фабрики, увеличит приток налоговых поступлений в областной бюджет.

В заключение отметим, что на данный момент органы власти предпринимают все усилия для обеспечения экономической безопасности Свердловской области. Однако, последствия санкций, введенных в отношении Российской Федерации, все еще представляют серьезную угрозу для экономики региона. Санкции позволяют выявить слабые стороны региональной экономики и стимулируют работу по сокращению проблемных зон. Несмотря на то, что Правительство Свердловской области принимает комплекс мер, направленных на развитие и совершенствование экономики региона, защищая интересы общества и удовлетворяя потребности населения, как региона, так и страны в целом, наблюдается рост цен и снижение уровня благосостояния населения. В связи с вышеизложенным, следует обратить внимание на наиболее перспективные направления развития Свердловской области в 2015-2016 годах (развитие научного сектора, экономического партнерства, поддержку моногородов), что позволит нивелировать последствия санкционного режима для экономической безопасности региона.

Библиографический список

1. *Бойбородина Е.* Свердловское правительство приняло «антикризисный» план // Областная газета. 10 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oblgazeta.ru/news/4368/>.

2. *Каневский А.* Эксперт: малый и средний бизнес РФ накрыт волной санкций // Национальная Служба Новостей. 29 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nsn.fm/economy/expert-small-and-medium-business-of-the-russian-federation-will-be-covered-by-a-wave-of-sanctions.php>.
3. Количество малых и средних предприятий, осуществляющих экспортную деятельность [Электронный ресурс] / Росстат. 2015. Режим доступа: <http://www.gks.ru/metod/pred-export.htm>
4. *Куйвашев Е.* Мобилизация на успех // Областная газета. 26 февраля 2015 г. Режим доступа: <http://www.oblgazeta.ru/politics/22061/>.
5. *Куйвашев Е.* Сохраним опорный край Державы [Электронный ресурс] / Официальный сайт Правительства Свердловской области. 20 марта 2014 г. Режим доступа: <http://www.midural.ru/news/list/document38814/>.
6. О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 01.12.2014 № 384-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Проект бюджета 2015 [Электронный ресурс] / Официальный портал Министерства финансов Свердловской области. Режим доступа: http://minfin.midural.ru/document/category/89#document_list.
8. Сводные индексы потребительских цен в Свердловской области [Электронный ресурс]: оперативная информация / Свердловскстат. 2015. Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/prices/.
9. Снижение деловой активности компаний малого и среднего бизнеса по итогам 3 квартала 2014 года [Электронный ресурс]: Индекс PSBI / Официальный сайт ОАО «Промсвязьбанк». 2015. Режим доступа: http://psbindex.ru/Аналитическая%20записка_PSBI.pdf.
10. Срочная информация по актуальным вопросам [Электронный ресурс] / Свердловскстат. 2015. Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/publications/official_publications/electronic_versions/.
11. Ставка рефинансирования [Электронный ресурс] / Официальный портал Центрального банка Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/>.
12. Численность экономически активного населения, занятых и безработных [Электронный ресурс]: оперативная информация / Свердловскстат. 2015. Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/employment/.
13. *Шадрина Т.* Алексей Кудрин спрогнозировал небольшое ослабление рубля в 2015 году // Российская газета. 13 декабря 2014 г. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/13/rubl-site-anons.html>.

Anna V. Savchenko, Maria A. Zadorina

ECONOMIC SECURITY OF SVERDLOVSK REGION IN THE PERIOD OF SANCTIONS

Abstract

The article is devoted to ensuring the economic security of the Sverdlovsk region in the period of social and political instability. Particular attention is paid to the factors that adversely affect the economic security of the region. The authors analyze the measures to minimize the impact of sanctions on small and medium businesses, as well as the economy of the region. Intermediate results of implementation of state policy to support the economic security of the Sverdlovsk region in terms of sanctions are considered. The authors identify the most prospects for development of the Sverdlovsk region in 2015-2016 under the sanctions regime.

Keywords: economic security, economic security threats, sanctions, inflation, economic development.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕГИОНА: ТЕХНОЛОГИЯ ОЦЕНКИ

Аннотация

В статье представлена методология оценки состояния системы высшего образования (для территорий уровня субъекта Федерации). Мониторинг системы высшего образования регионов России предложено осуществлять, используя индикативные показатели, сгруппированные в два блока. Блок условий функционирования и состояния инфраструктуры системы высшего образования оценивается по условиям финансирования системы ВО, состоянию основных фондов и условий обучения в системе ВО, состоянию ее кадрового потенциала. Блок состояния образовательной и научно-исследовательской деятельности в системе ВО характеризуется состоянием научно-исследовательского потенциала профессорско-преподавательского состава, образовательного и исследовательского потенциала студентов, результативностью научно-исследовательской деятельности ППС.

Ключевые слова: индикативный анализ, экономика образования, региональная экономика.

Данная статья является продолжением цикла работ, посвященных экономике образования (авторами данного цикла работа являются Кокшаров В. А. [1], Агарков Г. А. [2], Гурбан И. А. [3], [4], Судакова А. Е.). Данная статья освящает технологию оценки системы высшего образования на региональном уровне.

Анализ состояния системы высшего образования в зарубежной и российской практике проводится преимущественно через присвоение рейтинговой оценки непосредственно самим университетам.

В настоящее время существует достаточно большое количество различных российских и зарубежных рейтингов для разноплановой оценки высших учебных заведений.

Среди зарубежных рейтингов можно отметить такие как Academic Ranking of World Universities (ARWU или Шанхайский рейтинг) Шанхайского университета (Shanghai Jiao Tong University), Times High Education (THE) британского журнала, специализирующегося на вопросах высшего образования, QS University Rankings британской консалтинговой компании Quacquarelli Symonds, специализирующейся на международных образовательных программах; среди российских — Национальный рейтинг университетов (ИА Интерфакс) [5], рейтинг вузов рейтингового агентства «Эксперт РА» [6], рейтинг вузов, составляемый Министерством образования и науки РФ (Минобрнауки РФ) в рамках мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования [7] и др. [8].

В упомянутых международных рейтингах придается разное значение формирующим их показателям: среди наиболее значимых показателей в рейтингах ARWU выделено качество научных исследований (40%) и качество преподавательского персонала (40% [9], [10]); THE — качество преподавания (30%), качество научных исследований (30%) и научное влияние университетов (30%) [11]; QS — академическая репутация (40%), качество научных исследований (20%) и качество преподавания (20%) [12].

Отечественные рейтинги также вводят балльные оценки значимости предложенных показателей, которые ориентированы на сопоставление российских университетов между собой и выявление вузов-лидеров в области предоставления образовательных услуг. Критерием эффективности работы вузов по оценкам упомянутых рейтингов является попадание вуза в данный рейтинг и занимаемая в нем позиция.

Кроме того Министерство образования и науки РФ оценивает эффективность работы российских вузов по заданным критериям, ориентированным на выявление неэффективных государственных образовательных учреждений и последующую их реорганизацию.

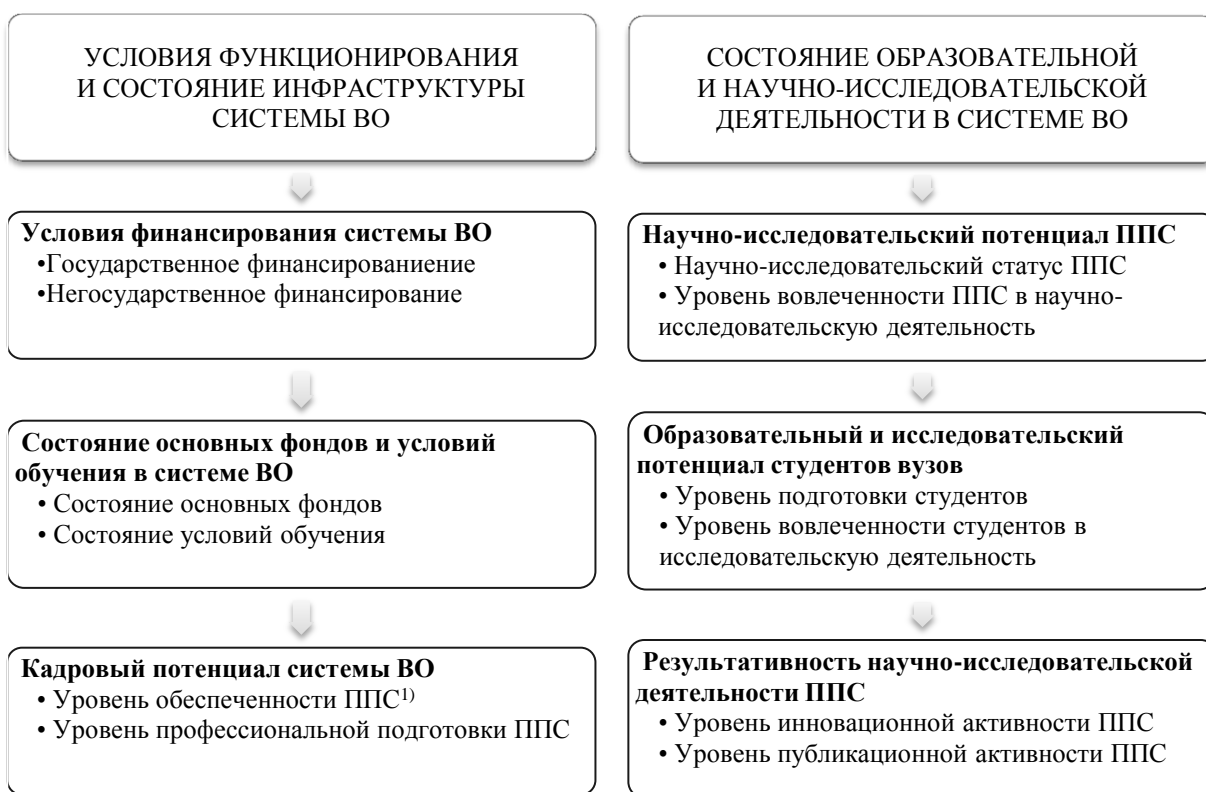
Составление различного рода рейтингов в настоящее время является широко распространенным и полемичным инструментом анализа, поэтому и подходы к рейтингованию высших учебных заведений периодически подвергаются критике со стороны экспертного сообщества. Целью формирования глобальных рейтингов университетов является помощь потребителям образовательных услуг в выборе лучших университетов мира. Цель мониторинга, проводимого Минобрнауки РФ — оценка эффективности деятельности российских вузов.

Авторы статьи ставят перед собой задачу немного иного рода, в частности авторы статьи предлагая методологию оценки состояния системы высшего образования России в целом на примере некоторых ее регионов.

Диагностика состояния системы высшего образования (далее ВО) проводится по индикативным показателям, сгруппированным в два блока:

а) условия функционирования и состояние инфраструктуры системы высшего образования (далее ВО);

б) состояние образовательной и научно-исследовательской деятельности в системе высшего образования (рис. 1)

Примечание. ¹⁾ ППС – профессорско-преподавательский состав.

Рис. 1. Структура диагностики состояния системы высшего образования

Блок условий функционирования и состояния инфраструктуры системы высшего образования оценивается по условиям финансирования системы ВО, состоянию основных фондов и условий обучения в системе ВО, состоянию ее кадрового потенциала. Блок состояния образовательной и научно-исследовательской деятельности в системе ВО характеризуется состоянием научно-исследовательского потенциала профессорско-преподавательского состава, образовательного и исследовательского потенциала студентов, результативностью научно-исследовательской деятельности ППС.

Для анализа состояния системы высшего образования регионов России (по аналогии с классификационными уровнями состояния экономической безопасности [13], человеческого капитала [14], [15]) введены следующие оценки уровня ее развития по каждому из индикаторов: *высокий (В)*, *средний (С)* и *низкий (Н)*. Средний и низкий уровень разбиваются каждый на три подуровня.

Отнесение территории j (субъекта РФ) по рассматриваемому индикатору i к тому или иному уровню состояния определяется соотношением индикатора X_{ji}^t и его пороговыми значениями. Все индикаторы, выраженные в именованных (натуральных) единицах, переводятся в индексную (нормализованную) форму согласно следующим соотношениям:

$$\left. \begin{array}{l} \text{если } X_{ji} \geq X_{C1,ji}, \text{ то } X_{ji}^H = 0; \\ \text{если } X_{ji} < X_{C1,ji}, \text{ то } X_{ji}^H = \frac{X_{C1,ji} - X_{ji}}{X_{C1,ji} - X_{H1,ji}}, \end{array} \right\} \quad (1)$$

$$\left. \begin{array}{l} \text{если } X_{ji} \leq X_{C1,ji}, \text{ то } X_{ji}^H = 0; \\ \text{если } X_{ji} > X_{C1,ji}, \text{ то } X_{ji}^H = \frac{X_{ji} - X_{C1,ji}}{X_{H1,ji} - X_{C1,ji}}, \end{array} \right\} \quad (2)$$

где X_{ji} – фактическое значение индикативного показателя i для территории j , выраженное в именованных единицах;

X_{ji}^H – нормализованное значение индикатора i для территории j , выраженное в относительных единицах;

$X_{C1,ji}$, $X_{H1,ji}$ – пороговые значения индикатора i для территории j , пограничные между высоким и средним, средним и низким уровнями соответственно, выраженные в именованных единицах.

По соотношению (1) нормализованные оценки (НО) определяются в случае, когда в исходной (именованной) системе единиц уменьшение значения индикатора ведет к ухудшению состояния системы образования (индикаторы «убывающего» типа), и по соотношению (2), если к ухудшению состояния ведет увеличение значения индикатора (индикаторы «возрастающего» типа). В соотношениях (1) и (2) для упрощения записи опущен индекс принадлежности к текущему периоду времени – t .

После оценки состояния по частным индикаторам определяется состояние по модулям, блокам и системе образования в целом. Для решения данной задачи вводятся балльные оценки b_{ji} . Как показали опыты различных расчетов по предлагаемой методике наиболее приемлемым правилом для определения нормализованных оценок по модулям, блокам и состоянию объекта в целом является расчет средневзвешенной нормализованной оценки, где в качестве весов выступают балльные оценки состояния индикаторов (табл. 1)

$$C_{kj} = \left(\sum_{i=1}^{N_{kj}} b_{ji} X_{ji}^H \right) / \sum_{i=1}^{N_{kj}} b_{ji}, \quad (3)$$

где C_{ji} – нормализованная оценка состояния k -го индикативного модуля для территории j , отн. ед.;

N_{kj} – количество индикаторов в k -м индикативном модуле для территории j , ед.;

b_{ji} – балльная оценка состояния индикаторов.

Статья, посвященная апробации методического инструментария диагностики системы высшего образования представлена в статье Гурбан И. А. данного сборника.

Библиографический список

1. Кокшаров В. А. Оценка развития системы высшего образования в России // Экономика региона. 2014. № 4. С. 30–44.
2. Кокшаров В. А., Агарков Г. А. Анализ экономических мотиваций при выборе индивидами образовательных траекторий // Экономика региона. 2015. № 1. С. 245–252.

3. Гурбан И. А. Состояние научно-исследовательского капитала субъектов Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 13 (149). С. 89–96.
4. Гурбан И. А. Состояние образовательного капитала регионов России: анализ, проблемы и пути решения // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2012. № 6. С. 116–127.
5. Национальный рейтинг университетов. Методика построения рейтинга классических и исследовательских университетов 2012/2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.univer-rating.ru/txt.asp?rbr=30&txt=Rbr30Text9399&lng=0>
6. Рейтинговое агентство «Эксперт РА», Методологические подходы составления рейтинга вузов России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_rus_2013/method/
7. «Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования 2014 года (на основе данных формы «Мониторинг по основным направлениям деятельности образовательной организации высшего образования за 2013 г. (форма № 1-Мониторинг)» (утв. Минобрнауки России 03.04.2014 N АК-39/05вн) // КонсультантПлюс.
8. Кокшаров В. А., Сандлер Д. Г., Кадочников С. М., Толмачев Д. Е. Научно-исследовательский потенциал российских вузов // Экономика региона. 2012. № 3. С. 33–46.
9. Florian R.V. Irreproducibility of the results of the Shanghai academic ranking of world universities // Scientometrics. 2007. Т. 72. № 1. С. 25–32.
10. ARWU (2013). Methodology. Retrieved on 4 Aug. 2014 from: <http://www.shanghairanking.com/ARWU-Methodology-2013.html>
11. World University Rankings 2013-2014 methodology. Retrieved on 4 Aug. 2014 from: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2013-14/world-ranking/methodology>.
12. Andrejs Rauhvargers. Global university rankings and their impact. Retrieved on 4 Aug. 2014 from: http://www.eua.be/pubs/global_university_rankings_and_their_impact.pdf
13. Экономическая безопасность Свердловской области / Под науч. ред. Г.А. Ковалевой, А. А. Куклина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 455 с.
14. Национальное богатство регионов России: анализ, проблемы и пути решения // Куклин А. А., Мызин А. Л., Гурбан И. А., Денисова О. А., Пыхов П. А. Под редакцией д.э.н. А. А. Куклина, д.т.н. А. Л. Мызина. Екатеринбург, 2013.
15. Куклин А. А., Гурбан И. А. Региональные особенности демографической составляющей человеческого капитала // Народонаселение. 2012. № 4 (58). С. 035–050.

Anastasiya Ye. Sudakova

EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE VOCATIONAL TRAINING OF REGION: TECHNOLOGY ASSESSMENT

Abstract

In the article is represented methodology of an estimation state of the system of higher education (HE). Monitoring of system of higher education regions of Russia offered for carrying out, using indicative indicators, for sale grouped in the two blocks. Unit operating conditions and the state of the infrastructure of higher education system is evaluated under the terms of the financing system HE of fixed assets and the learning environment in the HE of its human resources. Block the state of educational and scientific-research activities in the system of HE characterized by a state scientific-research capacity professorial-the teaching staff, Education and Research potential of students, productivity of scientific-research activity of professors and teaching staff.

Keywords: an indicative analysis, economics of education, regional economy.

ОПИСАНИЕ ДИНАМИКИ ВЗАИМОУСЛОВЛЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ СТРАН СНГ¹**Аннотация**

В данной работе предложена динамическая модель трудовой миграции, основанная на положениях теории позиционных игр. Данная модель позволяет описать и спрогнозировать миграционные процессы, происходящие между рядом стран СНГ и некоторыми регионами Российской Федерации. Приведено описание алгоритма применения динамического уравнения миграционного движения и разработанных в рамках неоклассической экономической теории специфических функций заработной платы. Применение разработанного комплекса упрощает прогнозирование миграционных потоков, обусловленных дифференциацией уровней заработной платы, численностью потенциальных мигрантов в странах отправления и численностью мигрантов, ранее прибывших в регионы назначения. Данный комплекс также позволяет получить прогноз динамики уровней оплаты труда в принимающих регионах.

Ключевые слова: международная трудовая миграция, теория игр, рынок труда, динамическое моделирование, неоклассическая экономическая теория.

Основным проявлением демографического кризиса в Российской Федерации является резкая убыль населения. За период времени с 1992 по 2013 год численность населения снизилась со 148 до 143 млн. чел. В 2010 году появились тенденции к улучшению демографической ситуации на территории Российской Федерации. В 2012 году наблюдалось увеличение численности населения до 143,3 млн. человек.

Одним из важных источников формирования населения в субъектах Российской Федерации в условиях естественной убыли населения является миграция населения, которая подразумевает под собой вынужденное или добровольное территориальное перемещение человеческих ресурсов, связанное с пересечением государственных и региональных границ административных образований, имеющее целью смену постоянного места жительства или временного пребывания на территории другого государства, а также с целью осуществления трудовой или учебной деятельности под действием факторов притяжения или выталкивания человеческих ресурсов с территории.

Под трудовой миграцией понимается перемещение населения, связанное с пересечением государственных и региональных границ административно-территориальных образований, имеющее целью трудоустройство на территории принимающего субъекта. Понятие образовательной и учебной миграции подразумевает переезд в другой регион или страну с целью получения образования или повышения уровня квалификации индивида и охватывает стажировки, дополнительное образование, курсы повышения квалификации.

Стабильность потоков трудовой миграции из стран СНГ в регионы Российской Федерации объясняется стремлением индивида повысить свой уровень жизни за счет дифференциации социально-экономического развития территорий отправления и притяжения миграции. При этом трудовая миграция устремляется в страны с высоким уровнем экономических свобод [8] и, соответственно, большей вероятностью трудоустройства мигрантов в официальном секторе экономики принимающей страны [9, 10]. Необходимо подчеркнуть, что динамика миграционных потоков между странами СНГ и Российской Федерацией претерпеть существенные изменения в условиях повышения уровня жизни и стабилизации экономической ситуации в странах ближнего зарубежья [5].

Также необходимо отметить существенное влияние транзитной миграции на устойчивость социально-экономических систем регионов. Как правило, транзитную миграцию свя-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Научно-методическое обоснование повышения эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионах России: баланс интересов экономического прагматизма и национальной безопасности», проект № 15-32-01352а2.

© Тарасьев А. А., Тарасьева Т. В., 2015

зывают с притягательностью государств с развитой экономикой, переезд в которые является конечной целью для многих выходцев из наиболее бедных стран третьего мира, при этом транзитные мигранты могут искать способы заработка в регионах, через которые происходит перемещение, что ведет к изменению состояния трудового капитала данных регионов [4]. Также транзитная миграция является одним из способов доставки наркотиков в регионы транзита [2].

В то же время, мигранты устремляются в регионы, характеризующиеся развитой инфраструктурой и высоким уровнем жизни, при этом степень развитости региональной экономики в большинстве случаев зависит от состояния энергетической обеспеченности [4] и природно-ресурсного капитала территории [11]. При рассмотрении миграционных процессов между странами СНГ и регионами УрФО объем и направленность потока мигрантов будет зависеть от уровня экономических благ, которые возможно получить, работая в выбранном регионе. При анализе экономического развития региона необходимо принимать в расчет энергетическую составляющую, важную роль в которой играет энергетическая безопасность [7].

Трудовая миграция из стран СНГ в Россию характеризуется сильными выталкивающими факторами. В виду неполной взаимозаменяемости на рынке труда мигрантов и коренного населения складывается ситуация, в которой изменение численности мигрантов в принимающем регионе отражается на мигрантах, приехавших раньше, что объясняется высокой конкуренцией между ними за определенные сферы рынка труда [12]. Для оценки вероятности реализации обозначенных рисков и угроз необходим специальный модельный комплекс, позволяющий прогнозировать потоки трудовой миграции в рамках либеральной модели развития.

Динамическая игровая модель поиска равновесного уровня трудовой миграции предполагает, что каждый участник миграционного процесса будет принимать решение о перемещении из страны отправления i в регион притяжения j , основываясь на сравнении уровней заработной платы в регионах отправления и притяжения [1]. Предполагается, что численность трудовых мигрантов из страны отправления i , находящихся в n регионах притяжения, оказывает прямое влияние на зарплату в стране отправления w_i , а численность трудовых мигрантов из m стран отправления, находящихся в регионе притяжения j , прямо пропорционально влияет на зарплату в регионе притяжения w_j . Важным институтом саморегулирования миграционных процессов выступают миграционные сети, которые оказывают содействие миграции соотечественников. Динамика развития данных сетей зависит от численности и национального состава мигрантов, ранее прибывших в регион притяжения j из страны отправления i . Показатель $x_{ij}(t_p)$, отражающий прирост или убыль миграционной рабочей силы в регионе, также будет отражать влияние миграционных сетей на принятие решения о миграции.

Соответственно принятие индивидом решения о переезде в другой регион или страну будет представлено в следующем виде:

1) $w_j(t_p) - w_i(t_p) > 0$ — решение о миграции из страны i в регион j будет положительным;

2) $w_j(t_p) - w_i(t_p) < 0$ — будет принято решение о возвращении мигранта в страну i или выборе другого региона РФ $k \neq j$, для которого выполняется условие $w_k(t_p) - w_i(t_p) > 0$.

При выборе региона назначения каждый участник миграционного процесса кроме максимизации ожидаемого дохода будет стремиться минимизировать прямые издержки переезда [6]. Таким образом, при условии, что распределение ожидаемых доходов во всех регионах одинаково и основные критерии, которыми человек руководствуется при выборе региона для переезда, дублируются, из множества потенциальных регионов для миграции n индивид выберет тот регион, затраты на переезд в который будут минимальны. Поскольку существует прямая зависимость между развитием миграционных сетей и численностью ми-

грантов в конкретном регионе, воздействие миграционных сетей отражено в модели с помощью показателя $x_{ij}(t_p)$.

Алгоритм применения динамического уравнения миграционного движения и разработанных в рамках неоклассической экономической теории функций заработной платы при прогнозировании миграционного движения и его экономических эффектов представлен на рисунке 1. Результатом реализации данного алгоритма являются прогнозные траектории и выведенные в таблицы и на диаграммы значения показателей $x_i(t_p)$, $x_j(t_p)$, $w_i(t_p)$, $w_j(t_p)$.

Предложенный алгоритм позволяет прогнозировать миграционные потоки, обусловленные рядом результирующих факторов: разницей уровня заработной платы и расстоянием между страной отправления и регионом назначения, численностью потенциальных мигрантов в странах отправления и численность мигрантов, ранее прибывших в регионы назначения.

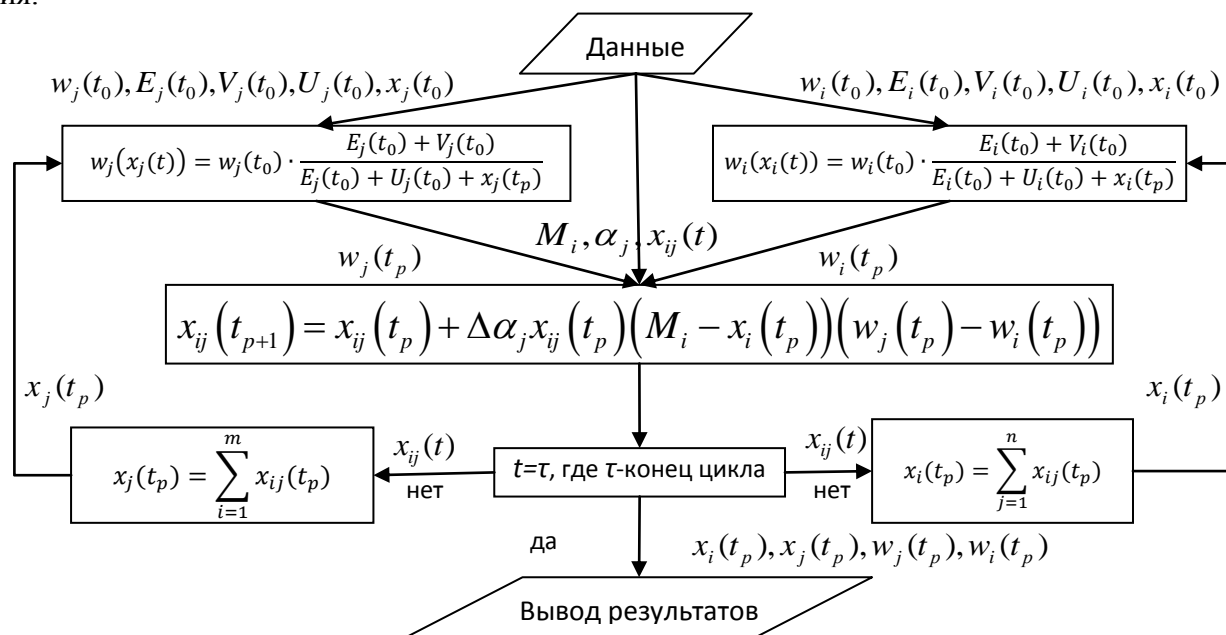

Рис. 1. Блок-схема моделирования динамики трудовой миграции населения

При отсутствии барьеров для динамики рабочей силы мы увидим, что система неизбежно стремится к равновесию, что объясняется особенностью задания начальных условий и наличия элементов равновесия по Нэшу в основном уравнении. По этой же причине уровни заработной платы стабилизируются в одной точке, поскольку данные условия предполагают объединение трудовых рынков на бесконечном горизонте. В основных центрах миграционного притяжения иностранная рабочая сила служит именно для покрытия дефицита рынка труда, а не вытеснения местного населения с их рабочих мест.

Процессами трудовой миграции, благодаря которым соединяются капитал и труд, рабочее место и работник, находящиеся в разных странах, управляет, в первую очередь, рынок труда. Миграция — это лишь рефлексия на ситуацию на региональном рынке труда. Таким образом, в основных центрах миграционного притяжения иностранная рабочая сила служит именно для покрытия дефицита рынка труда, а не вытеснения местного населения с их рабочих мест. Следовательно, нельзя судить о потенциальных угрозах миграции только по численности иностранной рабочей силы в регионе. Приступать к оценке таких угроз надо с анализа ситуации на рынке труда, а именно дефицита рабочей силы и возможностей его покрытия иностранной рабочей силой с учетом эффективности подбора соответствующих требованиям работников и рабочих мест. При этом попытки ограничить доступ мигрантов на местные рынки труда посредством ужесточения квот на привлечение иностранной рабочей силы при условии свободного въезда граждан СНГ в Россию и наличия дефицита рынка труда

приведет лишь к развитию теневых форм занятости мигрантов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Библиографический список

1. *Васильева А. В., Тарасьев А. А.* Динамическая модель трудовой миграции: построение и реализация // Экономика региона. 2012. № 4. С. 140–148.
2. *Гурбан И. А., Клевакин А. Н.* Оценка социально-экономических последствий наркомании в Уральском федеральном округе // Экономика региона. 2013. № 2. С. 34–42.
3. *Денисова О. А., Пыхов П. А.* Оценка современного и перспективного состояния УрФО с позиций энергетической безопасности // Экономика региона, № S4, 2008. С.52–61.
4. *Куклин А. А., Гурбан И. А.* Состояние трудового капитала регионов России в контексте исследования национального человеческого капитала // Известия Уральского государственного экономического университета. 2012. Т. 42. № 4 (42). С. 42–49.
5. *Куклин А. А., Гурбан И. А.* Региональные особенности демографической составляющей человеческого капитала // Народонаселение. 2012. № 4. С. 35–50.
6. Миграция и демографический кризис // Под ред. Ж.А. Зайончковской, Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010.
7. *Мызин А. Л., Козицын А. А., Мезенцев П. Е., Пыхов П.А.* Анализ влияния газового комплекса на энергетическую безопасность региона: разработка методики и результаты оценки // Экономика региона, №2, 2007. С.54–69.
8. *Найденов А. С., Судакова А. Е., Кривенко И. А.* Анализ экономической интеграции регионов уральского федерального округа // Экономика и предпринимательство. 2014. № 10. С. 446–450.
9. *Найденов А. С., Кривенко И. А.* Теневая экономика в условиях экономического кризиса: диагностика состояния и прогнозирование последствий // Экономика региона. 2013. № 1 (33). С. 46–53.
10. *Naidenov A. S., Krivenko I. A.* View's' Evolution of Western Researchers to Understanding of the Illegal Economy // Журнал экономической теории. 2014. № 4. С. 221–229.
11. *Пыхов П. А.* Диагностика природно-ресурсного капитала территории // Экономика региона. 2013. № 2. С. 55–63.
12. Стратегические риски России: оценка и прогноз / МЧС России; под общ. ред. Ю. Л. Воробьева. М.: Деловой экспресс, 2005.

Aleksandr A. Tarasyev, Tatyana V. Tarasyeva

DESCRIPTION OF INTERDEPENDENT MIGRATION PROCESSES DYNAMICS ON THE CIS TERRITORY

Abstract

In this paper we propose a dynamic model of labor migration, based on the theory of positional games provisions. This model allows to describe and simulate migration processes, which occur between a number of CIS countries and Russian Federation regions. We present a description of the algorithm, which includes the dynamic equation of migration movement and specific wage functions developed under the neoclassical economic theory. Application of the developed complex facilitates migration flows forecasting. According to this model migration depends on differentiation in wages, number of potential migrants in countries of origin and the number of migrants who arrived into the region before. This model complex provides also a forecast of wage levels in host regions.

Keywords: international labor migration, game theory, labor market, dynamic simulation, neoclassical economic theory.

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ¹**Аннотация**

В статье рассматриваются проблемы моделирования развития предпринимательской организации. Проблема выбора дальнейшего пути развития является одной из ключевых. В качестве показателя выбора автор настоящей статьи предлагает использовать потенциал развития, который определяется как разность между рисками и возможностями развития. Для количественного анализа рисков и возможностей рекомендуется использовать теорию нечетких множеств.

Ключевые слова: риски, угрозы, возможности, потенциал развития, нечеткие множества.

Управление предпринимательской деятельности существенно усложнилось, поскольку решения приходится принимать с учетом многовариантности развития, неопределенности. Поскольку риск — это общепризнанный измеритель неопределенности, то разработка и усовершенствование методик оценки риска в целях моделирования развития предпринимательской организации является актуальным.

Кроме того, предпринимательская деятельность осуществляется для получения возможностей и, следовательно, этот аспект также необходимо учесть в ходе моделирования. Таким образом, риски и возможности являются показателями неопределенности развития, а их сопоставление позволяет оценить потенциал развития.

Автор работы предлагается определять потенциал развития поэтапно:

1. Постановка задачи исследования;
2. Определение исходных данных;
3. Оценка возможностей и рисков;
4. Определение потенциала развития [6].

Первый этап включает в себя определение таких необходимых для оценки параметров, как структура управления предпринимательской организацией, цели развития для каждого иерархического уровня, жизненный цикл организации, основные стратегические установки и ограничения развития и т. д.

Второй этап заключается в выявлении и описании исходных данных, необходимых для определения рисков, возможностей и, в конечном итоге, потенциала развития. Данный этап включает в себя следующие шаги: 1) определение значений лингвистических переменных; 2) определение набора иерархических систем показателей; 3) определение приоритетов показателей; 4) определение весов показателей.

Лингвистическая переменная позволяет описать сложно или плохо формализуемые явления, которые нельзя описать количественно. Преобразование лингвистической переменной в нечеткие множества осуществляется с помощью базовой переменной и функции совместимости (функции принадлежности) [1, 3]. Одним из важнейших моментов данного этапа является определение иерархии системы показателей. В настоящей работе предлагается придерживаться четырехуровневой системы показателей, поскольку она соответствует уровням управления проектом.

Поскольку анализируемые показатели возможностей и рисков имеют различную значимость, то каждому показателю на основе существующих требований и ограничений проек-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Моделирование потоков в предпринимательской экосистеме срединного субрегиона», проект. №15-06-08375а © Шкурко В. Е., 2015

та выставляется соответствующий приоритет. Кроме того, помимо приоритетов показателей в рамках одного уровня иерархии также необходимо расставить приоритеты, отражающие степень вклада показателя более низкого уровня иерархии в показатель более высокого уровня иерархии (табл. 1).

Таблица 1

Иерархия управления проектом и системы показателей

№ п.п.	Уровень иерархии	Система показателей	Соответствующие возможности	Соответствующие риски
1.	Уровень Спонсора проекта	Система Ценностей проекта (СЦ)	Интегральная возможность, A^0	Интегральный риск, R^0
2.	Уровень Руководителя проекта	Система целевых показателей (СЦП)	Целевые возможности проекта, A_i^I	Целевые риски, R_j^I
3.	Уровень команды управления проектом	Система контрольных показателей (СКП)	Частные возможности проекта, A_i^{II}	Частные риски проекта, R_j^{II}
4.	Уровень исполнителей проекта	Система первичных показателей (СПП)	Индикаторы возможностей, A_i^{III}	Индикаторы риска, R_j^{III}

Это связано с тем, что в ходе оценки ряда факторов, сложно выделить однозначное соответствие фактора более низкого иерархического уровня факторам, стоящим на более высокой иерархической ступени [4].

После идентификации (уточнения) приоритетов показателей возможностей и рисков осуществляется определение весов показателей. Для определения весов показателей, особенно в случае их большого количества, целесообразно использовать методику Фишберна [4, 5].

Целью третьего этапа является определение значений интегральных показателей возможности и риска развития предпринимательской организации. Процедура получения интегрального значения риска или возможности осуществляется по направлению дуг графа: от показателей самого низкого иерархического уровня к корневой вершине F_0 .

Расчет степени частных рисков и возможностей рекомендуется осуществлять с использованием следующей системы выражений:

$$A_{ij}^{II} = S_{ij}^A \sum_{n=1}^5 \alpha_n \mu_{ij}(u)^A \quad (1)$$

$$R_{ij}^{II} = S_{ij}^R \sum_{n=1}^5 \alpha_n \mu_{ij}(u)^R \quad (2)$$

где A_{ij}^{II} (R_{ij}^{II}) - степень частной возможности (риска) в разрезе результата, времени или стоимости; S_{ij}^A (S_{ij}^R) – значимость показателя возможности или риска (A_i или R_i соответственно); α_n – узловые точки нечеткого классификатора значений степени частных возможностей/рисков (A_{ij}^{II} / R_{ij}^{II}); $\mu_{ij}(u)^A$ ($\mu_{ij}(u)^R$) – значения функций принадлежности.

Целевые показатели возможностей и рисков определяются суммированием соответствующих частных показателей:

$$A_j^I = \sum_{i=1}^N A_{ij}^{II} \quad (3)$$

$$R_j^I = \sum_{i=1}^N R_{ij}^{II} \quad (4)$$

где A_{ij}^{II} (R_{ij}^{II}) — степень частной возможности (риска) в разрезе результата ($j=1$), времени ($j=2$) или стоимости ($j=3$); A_j^I (R_j^I) — степень целевой возможности (риска) в разрезе результата ($j=1$), времени ($j=2$) или стоимости ($j=3$).

Для получения интегральных показателей возможности и риска следует воспользоваться выражениями:

$$A^0 = \sum_{j=1}^3 r_j^A A_j^I \quad (5)$$

$$R^0 = \sum_{j=1}^3 r_j^R R_j^I \quad (6)$$

где A^0 (R^0) – интегральная возможность (риск); A_j^I (R_j^I) — целевые показатели возможностей (рисков); r_j^A (r_j^R) — вес целевого показателя возможностей (рисков).

Потенциал развития (четвертый этап) относится к сравнительным показателям и рассчитывается с использованием выражения:

$$P^0 = A^0 - R^0 \quad (7)$$

где: P^0 — потенциал развития; A^0 — интегральная возможность; R^0 — интегральный риск.

Возвращаясь к проблеме моделирования развития предпринимательской организации, следует отметить, что определив потенциалы развития различных вариантов, выбор наиболее приоритетного осуществляется на основе максимального значения потенциала.

Библиографический список

1. *Заде Л. А.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Математика сегодня. М.: Знание, 1974.
2. *Гребенкин А. В., Шкурко В. Е.* Возможности и риски в системе управления инновационными проектами организационного развития // Экономика региона. 2008. № 2 (14). С. 194-198.
3. *Недосекин А. О.* Нечетко-множественный анализ риска фондовых инвестиций. СПб: Изд-во Сезам, 2002.
4. *Гребенкин А. В., Шкурко В. Е.* Оценка рисков инновационных проектов на основе теории нечетких множеств. // Инновации. 2008. №7 (117). С.117-121.
5. *Фишберн П.* Теория полезности для принятия решений. М.: Наука, 1978.
6. *Шкурко В. Е.* Управление рисками проектов : [учеб. пособие] / В.Е. Шкурко ; [науч. Ред. А.В. Гребенкин] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 184 с.

Valentina E. Shkurko

DEVELOPMENT MODELING AN ENTREPRENEURSHIP ORGANIZATION

Abstract

The article considers the problem of modeling the development of an entrepreneurship organization. The problem of choosing the future path of development is a key. As an indicator of the choice of the author of this article proposes to use the development potential, which is defined as the difference between risk and opportunity development. For the quantitative analysis of risks and opportunities, it is recommended to use the theory of fuzzy sets.

Keywords: risks, threats, opportunities, potential development, fuzzy sets.

СЕКЦИЯ 3. ВЛАСТЬ В РЕШЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ, ИНСТИТУТОВ И ТЕРРИТОРИЙ: ВИДЫ И ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

УДК 321

О. Г. Александров

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности административного управления в современной России раскрываются проблемы в области государственного управления. Автор предполагает переход от административного управления к правовому регулированию в сфере государственного управления.

Ключевые слова: администрация, бюрократия, диалектика, понятие, право, власть, контроль.

Развитие России, как государства, зависит от многих факторов и, прежде всего, от того, как понимается сущность концепции государства, а также система государственного управления. По мнению автора статьи, концепция современного российского государства состоит в развитии бюрократизма, а система государственного управления — в администрировании. В политическом выражении российское государство можно определить, как авторитарный бюрократизм, основанный на жестком администрировании, которое реализуется через систему государственного управления. И чем больше развивается администрирование, тем в большей мере мы видим несовершенство государственного механизма управления. По нашему мнению, это вызвано тем, что нарушены процессы реализации законов государственного управления, которые должны действовать через реализацию функций государства. В последние десятилетия произошел отказ от диалектического подхода в реализации механизма государственного управления. В рамках административной реформы провозглашено много интересных и здравых начинаний, касающихся «функциональных процессов управления, управления «ориентированного на результат» [1, с. 1], но ни одно из них до конца не реализовано.

Сегодня существует много противоречий в понимании сущности государства и роли государственного управления. Государственное управление понимается как властно – административное воздействие власти на общество, где таковое рассматривается лишь как объект управления, а его роль состоит в реализации этих властно — административных решений. Общество отстранено от принятия и контроля реализации государственных управленческих решений, а отсюда появление бюрократизма и, как следствие, — коррупция. Одно порождает другое (а именно, бюрократизм коррупцию), и это следствие закономерно. В соответствии с нормами Федеральных законов «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (главе 2, п. 10, ст. 17) [2] и «О муниципальной службе в Российской Федерации» (главе 3, п.9, ст. 14) [3] запрещены высказывания против мнения руководителей, критика в системе государственного управления. (Как тут не вспомнишь слова В.И. Ленина, что критика и самокритика — движущая сила нашего общества). По нашему мнению, в настоящее время в государственном управлении нарушен основной закон диалектики, а именно, единство и борьба противоположностей, что неминуемо приведет к стагнации в управлении.

Нарушена основа механизма государственного управления — взаимодействие власти и общества. Бюрократическая система не подконтрольна общественным организациям. Возможность влияния Народного фронта и общественных палат на деятельность исполнительную власть не реализуется, потому что нарушен демократический принцип формирования и функционирования, и представительско-законодательные структуры не могут контролиро-

вать исполнительные органы власти. Более того, в настоящее время именно подзаконные акты органов исполнительной власти, а не законы, как акты, принимаемые представительной демократией, формируют правовую систему государства. Возникает закономерный вопрос: Будет ли работать такая правовая система, как система административного бюрократизма?

По нашему мнению, такая система неработоспособна, потому что нарушен механизм институтов сдержек и противовесов разных ветвей государственной власти: представительно — законодательной, исполнительно — распределительной, судебной — правоохранительной. Государственные органы исполнительной власти, которые курирует администрация Президента Российской Федерации (далее — РФ), явно вышли из-под влияния представительных органов, более того, их роль в государственном управлении, усиленная прямым влиянием администрации Президента РФ, выводит их из института сдержек и противовесов, на принципах которого должно осуществляться разделение властей. К чему это приведет? Если обратиться к трудам просветителей восемнадцатого века, то они уже тогда предсказали сегодняшнюю кризисную ситуацию (и, ни дай бог, будущее страны). Существует неопределенность в понимании функциональности ветвей власти, включая взаимодействие четырех ветвей, включая президентскую власть. Например, министерство внутренних дел (далее — МВД), как и некоторые правоохранительные структуры, отнесены к органам федеральной исполнительной власти, а не к судебной — правоохранительной системе. Если в советское время было понятно, что правоохранительные органы, наделенные карательными функциями, имели власть над обществом с целью защиты основ и устоев государства, а человек в форме воспринимался как представитель власти, то в чем сегодня главная функция правоохранительных органов — это власть или правоохранение?

Общество и общественные организации, а также человек практически выключены из системы государственного управления. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации» [4, 1] вызывает непонятную волокиту в исполнительных органах власти. Главное, по мнению автора, государственные служащие стремятся вовремя отписаться от предложений, заявлений и жалоб — просьб, т. е. уложиться в сроки ответа. Смысл этого закона — это не требование гражданами защиты своих прав, а просьба к административным структурам защитить нарушенные права граждан по усмотрению самих административных структур.

В советское время было модным провозглашать такую идею, как «Будущее принадлежит молодежи». В настоящее время более 2,7 миллиардов рублей потрачено на всевозможные гранты по патриотическому воспитанию молодежи. Не спорим, что это архи - важная проблема. Но причина низкой эффективности программ патриотического воспитания и использованных бюджетных средств состоит в том, что молодежь политически недоучена и безграмотна, потому что ни в средней, ни в высшей школе сегодня не учат философии и политологии, не формируют правовое мировоззрение. Для представителей бюрократии в средней школе главное — это организация единого государственного экзамена (далее — ЕГЭ). А высшая школа настолько увлеклась рыночными отношениями в обучении, что цели, задачи и качество обучения отошли на второй план.

Еще недавно многими теоретиками и практиками признавалось, что политика — это концентрированное выражение экономики. Думаем, что взаимосвязь политики и экономики, действительно, сложно опровергнуть. Но из-за бюрократического администрирования всей системы управления не будет развиваться и бизнес, потому что у него нет предпринимательской свободы, которая особенно необходима среднему и малому бизнесу. Государственное управление, основанное на электронных технологиях, как и другие здравые начинания в использовании механизмов и технологий государственного управления (государственно — частное партнерство, аутсорсинг, саморегулирующие организации), призванные искоренить административно — бюрократическую систему, были выборочно инициированы самой бюрократической системой и в своих интересах. Российское бизнес-сообщество в настоящее время монополично и элитарно. Антикоррупционная политика реализуется под давлением стран, входящих в группу государств по борьбе с коррупцией (англ. Group of States Against

Corruption, GRECO), и направлена не на борьбу с коррупцией, а на предотвращение роста новой олигархии и монополизацию олигархии.

Рассмотрим еще один сюжет, связанный с санкциями, вызванными кризисной ситуацией, которые должны, в какой-то степени, помочь экономике, вынужденной развиваться в условиях политики импортного замещения. Долгое время экономика страны была «паразитирующей». Она, по мнению автора статьи, и сегодня существует только за счет нефти и газа. Однако у нашей страны имеется опыт по выходу из кризисных ситуаций. В этом случае показателен опыт России середины 20-ых годов 20 века — политика НЭПа. Концепция НЭПа, а именно обеспечение учета и контроля со стороны государства, а также свободы предпринимательства реализуется сегодня в Европе, прежде всего, в Германии. Концепция НЭПа в немецком варианте работает в государственной системе «государство – гарант», в основе которой сочетание общественного саморегулирования и государственного регулирования, а также приватизация государственных функций, выраженных в четырех моделях приватизации: организационной, функциональной, материальной и имущественной.

Для России интересен тот факт, что представители научных кругов увлеклись изучением опыта государственного управления США. Но в США изучали феномен государственного управления 70-х годов 20 века Юго-Восточной Азии, а именно таких государств, как Япония, Южная Корея, Сингапур. В свою очередь Юго-Восточная Азия изучала наш, советский опыт управления 30-х и послевоенных годов 20-го века. В тоже время в основных чертах «модели Я» отразился опыт управления советского времени. Таким образом, мы изучаем и копируем свой же опыт, переработанный в зарубежных концепциях государственного управления. Относительно моды изучения англо – саксонской системы администрирования стоит напомнить важный факт, что в основе англосаксонской системы государственного администрирования лежит совершенно иная, то есть прецедентная система права, следовательно, действовать в российской действительности англо – саксонское администрирование не будет.

В каждом государстве есть своя система права, есть национальные особенности, специфический механизм государственного устройства, и понятно, что копировать вслепую опыт других государств не надо: у нас есть свой опыт. В копировании чужих систем, без учета специфики российской государственности и правовой системы, и заложена причина сбоев, которые отражаются на механизме российского государственного управления, ее неработоспособности и искаженном администрировании.

Основная проблема в системе государственного управления — понимание государственного управления, как административного управления, как деятельности только исполнительных органов власти, как прямое воздействие на общественные отношения и человека посредством организационно-распорядительных и социально-психологических методов властвования. Управление понимается как одностороннее воздействие власти на общество и человека, а не взаимодействие власти и общества, при этом административное воздействие исключает правовое регулирование. Право и закон определяются как синонимы. Административное управление с помощью законов и подзаконных актов, принятых без реальной общественной экспертизы, реального общественного одобрения и согласия, приводит к не легитимности нормативных актов, хотя имеющих легальный характер. Данная ошибка приводит к тому, что законы и подзаконные акты, формально определенные как правовые, могут иметь не правовой характер, не соответствовать сложившимся правилам и потребностям, интересам общественных отношений. Поэтому не правовые нормативные акты властям приходится постоянно дополнять, изменять и редактировать. Такой практики на Западе нет, где «Закон есть закон». Не правовое действие законов и подзаконных актов отражают в себе регулирование не реальных потребностей и интересов общественных отношений.

Для разрешения проблем в системе государственного управления необходимо изменить концептуальные подходы к государственному управлению. Современная концепция государственного управления определяется передачей функций государственного управления гражданскому обществу и бизнес-сообществу, где цели государственного управления в

публичной сфере связаны с интересами и потребностями, прежде всего, человека и общества, а затем государства. А, значит, механизм государственного управления должен быть правовым. В основе государственного управления должны лежать не административные методы, а правовое регулирование. Административные методы не должны определяться как власть чиновников. Административная власть реализует, прежде всего, административные интересы, что и порождает бюрократизм и коррупцию. Не власть чиновника, а власть права и власть закона должны определять управленческое решение, т. к. само управленческое решение — это управомоченный, законодательный или подзаконный акт, определенный через право компетенции, полномочий и предмета ведения субъектом власти. Ни администратор, как личность, а должностные полномочия и закрепленные за ним компетенции определяют управленческое решение.

Администрирование, как проявление воли власти, должно реализовываться в определенных сферах: финансово-налоговая сфера, безопасность и правопорядок. В остальных сферах жизнедеятельности должно реализовываться управление, как система взаимодействия, взаимозависимости административных структур и общества, человека через правовое регулирование.

В системе государственного управления, где ни администрирование, а правовое регулирование, чиновник является служащим (государственным работником): соответственно, власть принадлежит не чиновнику, а правовому закону. Для российского государства сегодня главным является разработка собственной концепции развития государства, где в первую очередь необходимо сформировать механизм современного государственного управления, соответственно российской концепции государства. Возможно, решением основы новой государственной концепции станут идеи, заложенные в миссии «Россия — Ноев ковчег» [5, 1].

Библиографический список

1. Концепция административной реформы в Российской Федерации (Электронный ресурс) (в ред. Распоряжений Правительства РФ от 09.02.2008 №157-р от 28.03.2008 № 221, Постановления Правительства РФ от 10.03.2009 №219) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172342/.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.06.2004 года № 79-ФЗ // Принят Государственной Думой 7.07.2004 года. Одобрен Советом Федерации 15 июля 2004 года (в ред. Федеральных законов от 2.12.2013 г. № 350-ФЗ).
3. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон (с изменениями, внесенными Федеральным законом от 7.05.2013 года № 99-ФЗ (Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.05.2013) // Принят Государственной Думой 7.02.2007 года. Одобрен Советом Федерации 21.02.2007 года.
4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 9-ФЗ (в ред. от 24.11.2014) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171254.
5. Россия – Ноев ковчег // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rnk-concept.ru/2882>.

O.G. Aleksandrov

PROBLEMS OF ADMINISTRATION IN PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract

The article discusses the characteristics of administrative governance in modern Russia describes the problems in public administration. The author suggests the transition from administrative management to legal regulation in public administration.

Keywords: administration, bureaucracy, dialectics, the concept, the right, power, control.

ПРОБЛЕМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация

В статье рассматриваются результаты социологического опроса государственных служащих Свердловской области, проведенного летом 2014 года. Опрошено 400 человек. Цель: выявить проблемы в профессиональной деятельности государственных служащих и разработать предложения по их решению. Методы: анализ официальных документов, анкетный опрос, анализ статистических данных. Научная новизна: разработана новая диагностическая методика, позволившая оценить различные аспекты профессиональной деятельности государственных служащих; получены новые факты о профессиональной деятельности государственных служащих Свердловской области; доказано наличие проблем в профессиональной деятельности государственных служащих; выявлены факторы, которые препятствуют полной реализации должностных обязанностей.

Ключевые слова: государственные служащие, профессиональная деятельность.

В Указе Президента Российской Федерации № 601 говорится о совершенствовании института государственной гражданской службы, о зависимости оплаты труда государственных гражданских служащих от достижения показателей результативности профессиональной служебной деятельности, а также о едином подходе к осуществлению выплаты государственным гражданским служащим премий за выполнение особо важных и сложных заданий по результатам работы; о применении системы комплексной оценки деятельности государственных гражданских служащих с использованием ключевых показателей эффективности и общественной оценки их деятельности, в том числе на базе социальных сетей и с учетом мнения сетевых сообществ [2].

Летом 2014 года нами был проведен социологический опрос государственных служащих Свердловской области, предметом которого стали различные аспекты их профессиональной деятельности. Рассмотрим полученные результаты.

Традиционно самыми распространенными ценностями, связанными с работой, для государственных служащих являются стабильность заработка, социальная защищенность (68,5 %) и содержание труда, возможность проявить себя как профессионала (58,4 %).

Мы соотнесли ведущие ценности, связанные с работой, и степень удовлетворенности различными характеристиками трудовой деятельности.

Что касается стабильности заработка и социальной защищенности, то менее половины респондентов (41,3 %) удовлетворены окладом, 47,5 % респондентов удовлетворены премиями. В то же время большинство респондентов (74,4 %) удовлетворены надежностью места работы, дающей уверенность в завтрашнем дне, пенсией по окончании государственной службы (75,8 %), самим процессом выполняемой работы устраивает (75 %).

Таким образом, можно сделать вывод, что за исключением удовлетворенности оплатой труда, остальными аспектами своей работы, представляющими наибольшую ценность для госслужащих, они в основном удовлетворены.

Отвечая на вопрос об эффективности работы большинства государственных служащих, респонденты дают положительную оценку. По их мнению, большинство государственных служащих в их органе власти работают эффективно. Однако госслужащим приходится сталкиваться с различными проблемами, характерными для их работы. Наиболее часто респонденты упоминают следующие проблемы:

- слишком большой объем работы — 34,5 %;
- много срочных поручений, невозможно сосредоточиться — 34,5 %;
- не устраивает заработная плата — 32,1 %.

При ответе на вопрос о факторах, которые препятствуют полной реализации должностных обязанностей, 26,4 % респондентов вновь обращают внимание на избыток поручений от руководства, которые не входят в должностные обязанности. На втором месте — проблема разумного, рационального распределения руководителями исполнения того или иного документа.

Чтобы сделать работу госслужащих более результативной, по их мнению, необходимо в первую очередь справедливо распределить объемы работы (39,7 %) и повысить заработную плату (38,3 %).

Рассмотрим мнения респондентов по поводу различных направлений кадровой работы. Большинство опрошенных госслужащих согласно с тем, что:

- конкурс — лучший способ приема на службу подготовленных кадров — 67,7 %;
- кадровый резерв — основной источник поиска наиболее перспективных государственных служащих — 63,5 %;
- руководители государственных органов должны назначаться в первую очередь из резерва управленческих кадров — 63,5 %;
- аттестация — эффективный способ оценки работы служащих — 60,9 %;
- квалификационный экзамен — объективная процедура присвоения классного чина — 70,4 %;
- стажировка необходима всем служащим при приеме на новые должности — 74,5 %;
- наставничество — обязательная форма подготовки к должности — 70,9 %.

Однако на практике стажировка и наставничество не получили должного распространения в органах власти. В соответствии с Федеральным законом [1] в Свердловской области осуществляется создание системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации государственных гражданских служащих, что является одной из основных задач совершенствования государственной гражданской службы Свердловской области, с применением компьютерных программ, обеспечивающих учет государственных служащих, направленных на повышение квалификации или профессиональную переподготовку.

По программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации в 2010 году было обучено 855 человек (12,5 % от общего числа государственных гражданских служащих), в 2011 году — 1707 человек (28,6 % от общего числа государственных гражданских служащих), в 2012 году (за первое полугодие) — 480 человек (7,9 % от общего числа государственных гражданских служащих), показатель по итогам 2012 года — 1065 человек (17,5 % от общего числа государственных гражданских служащих) [3].

В организации повышения квалификации госслужащих, с точки зрения респондентов, важнее дифференцированная подготовка (под конкретные проблемы отдельных групп должностей), чем массовая подготовка.

Большинство респондентов считают оптимальным установленный законодательством период повышения квалификации — не реже одного раза в три года.

Большинство респондентов отметили, что содержание программы обучения на последних курсах повышения квалификации, в которых им довелось участвовать, соответствовало содержанию их профессиональной деятельности (82,9 %). Однако большинство респондентов не принимали участие в выборе программы обучения (табл. 1):

Таблица 1

Вы лично принимали участие в выборе программы обучения?

Варианты	%
Да	41,8
Нет	56,3
Нет ответа	1,9
Итого	100,0

Под качеством повышения квалификации (профессиональной переподготовки) госслужащих в первую очередь понимают полезность в профессиональной деятельности (63,9 %) и практическую применимость результатов обучения (53,3 %).

Более половины госслужащих (56,8 %) оценивают качество обучения на данной программе как высокое (табл. 2):

Таблица 2

Как бы Вы оценили качество обучения на данной программе?

Варианты	%
Высокое	56,8
Среднее	33,2
Низкое	2,4
Нет ответа	7,6
Итого	100,0

Удовлетворенность обучением по программе последних курсов повышения квалификации оказалась высокой (88,6 %).

Тех, кто был не вполне удовлетворен обучением, не устраивало, что было мало практики. Обучение должно носить более прикладной характер.

Таким образом, в результате опроса были выявлены следующие проблемы в профессиональной деятельности государственных служащих: большой объем работы; много поручений, не входящих в должностные обязанности; низкая удовлетворенность оплатой труда; проблема нерационального и несправедливого распределения руководителями объемов работ между служащими; стажировка и наставничество не получили должного распространения в органах власти; большинство служащих не принимают участие в выборе программы обучения.

Библиографический список

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 601. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении областной целевой программы «Развитие кадровой политики в системе государственного и муниципального управления Свердловской области» на 2013-2015 годы: Постановление Правительства Свердловской области от 19.02.2013 № 183-ПП (в ред. от 10.06.2013). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Tatiana E. Zerchaninova

PROBLEMS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF CIVIL SERVANTS

Abstract

The article considers the results of a poll of civil servants of the Sverdlovsk region, conducted in the summer of 2014. Interviewed 400 people. Objective: To identify the problems in the professional activity of civil servants and develop proposals for their solution. Methods: analysis of official documents, questionnaire, analysis of statistical data. Scientific novelty: developed a new diagnostic technique that allows to evaluate different aspects of professional activity of civil servants; new facts about the professional activity of civil servants of the Sverdlovsk region; proved the existence of problems in the professional activity of civil servants; identified factors that impede the full realization of duties.

Keywords: civil servants; professional activity.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ МОНИТОРИНГА ПРИ ОЦЕНКЕ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ НА ПРИНИМАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ^{1*}

Аннотация

В современном мире миграционные процессы приобрели глобальный масштаб, именно миграция называется одним из главных факторов социального преобразования и развития регионов. Влияние миграции сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях, культуре, национальной политике и безопасности. Поэтому так важна разработка адекватных инструментов, позволяющих проводить диагностику миграционных процессов, оценку адаптации и приживаемости мигрантов в местном сообществе, прогнозировать возникновение очагов социальной напряженности. Мониторинг как метод оценки миграционного развития региона определяет направления, динамику миграционных процессов и позволяет выявить факторы и степень их влияния на местное сообщество.

Ключевые слова: миграция, местное сообщество, адаптация, мониторинг, социологические методы.

Обеспечение безопасности территории невозможно без внимания к проблемам адаптации такой многочисленной социальной общности, как мигранты. Свердловская область является одним из регионов Российской Федерации с интенсивными миграционными процессами. Ежегодно на территорию области прибывает более 250–300 тыс. иностранных граждан [9].

Мигранты активно влияют на темпы и характер развития территорий, формируют структуру общества и характер общественных отношений. Так, общее число лиц, проживающих за пределами стран, в которых они родились, достигло почти 175 млн. человек, и при этом подавляющее большинство мигрантов вносит существенный вклад в развитие принявших их стран и регионов [2].

Взаимосвязь адаптации мигрантов и безопасности территорий очевидна, поскольку приезд мигрантов сопровождается появлением новых этнических групп, отличных по языковой, религиозной, культурной принадлежности, изменением практик управления социальными процессами, повышением социальной напряженности.

Местное сообщество принимающей территории и сами мигранты в период адаптации постоянно сталкиваются с решением сложных социокультурных задач. В первую очередь, это задача взаимного проникновения и уважения культурных ценностей, отказ от которых может стать угрозой идентичности каждой из сторон. Во-вторых, поиск толерантных форм общения, что предполагает отказ из практики взаимодействия взаимоисключающих норм поведения. В-третьих, перед местным принимающим сообществом стоит задача признания используемых мигрантами и диаспорами социальных практик, не противоречащих нормам закона, а перед мигрантами и диаспорами — задача усвоения и соблюдения этих норм [4]. Этот процесс зачастую становится источником конфликтов, что напрямую влияет на уровень безопасности территорий.

Результатом массовых внешних миграций являются различные варианты взаимоотношений мигрантов с местным населением, которые могут быть реализованы на групповом и индивидуальном уровне.

Исследователи выделяют несколько основных моделей: полное исключение, дифференциальное исключение или сегрегация, ассимиляция и плюрализм. Часто эти взаимоотношения носят негативный характер и приобретают формы этноцентризма, ксенофобии, структурной дискриминации по этническому признаку. Именно поэтому разработка методик изу-

¹Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал в рамках проекта проведения научных исследований «Оценка социально-экономического благополучия Свердловской области в условиях роста трудовой миграции», проект №14-12-66025

© Мельникова А. С., 2015

чения проблем социокультурной адаптации мигрантов, оказавшихся в чуждой им социальной среде, является актуальной [5].

В этой связи выбор методов изучения миграции, их взаимосвязи с социально-экономическими территориальными процессами, использование экономических и социальных инструментов анализа является одной из основных задач при оценке эффективности стратегий управления миграционными процессами. Использование такого инструмента, как мониторинг региональных миграционных процессов, включающий изучение общественного мнения, проблем жизнедеятельности и состояния экономики территории, позволяет диагностировать и прогнозировать возникновение очагов социальной напряженности. Необходимо констатировать, что механизмы мониторинга миграции пока разработаны слабо. Создание системы мониторинга миграционных процессов на региональном уровне является важнейшим условием социально-экономического роста и развития территорий, оценки и ликвидации очагов социальной напряженности, развитию системы адаптации мигрантов на принимающей территории.

Существует множество подходов к определению мониторинга миграционных процессов. Один из них говорит о мониторинге, как о специально организованной и постоянной действующей системе сбора и анализа статистической информации, проведения дополнительных информационно-аналитических обследований и оценки состояния, тенденций развития и остроты миграционных проблем. Мониторинг миграционных процессов является способом систематического отслеживания ситуации в регионах как основа для выработки региональной и национальной политики [1].

Традиционно к элементам мониторинга можно отнести: цель проведения мониторинга; объект мониторинга; субъекты организации и проведения мониторинга; методы сбора и анализа информации; критерии мониторинга.

Остановимся подробнее на выборе методов исследования миграционных потоков и проблем адаптации мигрантов. При выборе методов изучения миграции необходимо учитывать региональные особенности, направление и формы миграционных процессов. Этот выбор определяется целями и задачами, программой исследования, основными гипотезами, выбранным объектом изучения (мигранты, предприятия, населенные пункты и др.) [8].

Большинство исследований миграции проводится на макроуровне при использовании средств статистического анализа и количественной социологии. Этот подход малоэффективен на мезо- и микроуровнях, он практически не дает результата на личностно-групповом уровне, без которого невозможен полноценный корректный анализ жизненных стратегий и практик, культурных ценностей и поведенческих норм, мифов и стереотипов. Для более углубленного изучения миграционных процессов привлекаются методы математической статистики (дисперсионный и корреляционный анализ, теория выборки, расчет динамических рядов и относит, величин и др.), теория игр, моделирование, системный анализ и др. [7].

При переходе на уровень межличностных отношений и отношений с местным сообществом требуется использование специальных социологических методов. Только с их помощью можно выявить конфликтные, нейтральные и комплементарные культурные ценности и поведенческие нормы субъектов взаимодействия, успешные и неуспешные примеры взаимной адаптации сторон [4].

Социологические методы исследования охватывают практически все социально значимые стороны миграционного процесса, к которым можно отнести:

- миграционная мобильность населения по отдельным социальным группам;
- изменение социального статуса мигранта на территории прибытия;
- взаимосвязь социального происхождения и миграционной мобильности;
- влияние личностных установок на скорость адаптации мигрантов на принимающей территории;
- интересы, ожидания индивидов и социальных групп в связи со сменой жительства и их подтверждения в действительности;
- политические предпочтения мигрантов и их политическое положение;

- проблемы национализма, социальные и социально-психологические основы конфликтов;
- диагностика и прогнозирование изменений в культуре и поведении групп, которые могут произойти в результате воздействия миграции на социум [3].

Рассмотрим применение социологических методов для изучения миграции с точки зрения используемого инструментария. Специалисты выделяют три основных вида сбора социологической информации: опрос, анализ документов и наблюдение. Опрос, в свою очередь, можно разделить на анкетирование и интервьюирование. Анализ документов является первичным источником получения информации о социальных явлениях. Он включает такие методы, как: традиционный анализ и контент-анализ. Под наблюдением мы традиционно понимаем прямую регистрацию тех или иных событий, зафиксированных исследователем или полученных от очевидцев.

В качестве примера применения социологических методов при оценке миграционных процессов рассмотрим применение контент-анализ СМИ для изучения поведения и целевых установок мигрантов, их адаптации и влияния на жизнедеятельность населения принимающей территории, формирование образа мигранта через средства массовой информации. СМИ активно влияют на отношение общества к той или иной проблеме, формируя образ мигранта, озвучивая проблемы взаимоотношений мигрантов и местного сообщества, что способствует эмоциональной восприимчивости населения принимающей территории мигрантов [6].

Средства массовой информации и, в частности, печатные издания информируют, создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Общественное мнение во многом складывается не в процессе непосредственного общения, а в результате внедрения суждений и установок, созданных при помощи медиа-образов.

Функции СМИ в современном обществе многообразны:

- сбор и распространение общественно значимой информации. В процессе социальных коммуникаций происходит обмен информацией между социальными субъектами [2].
- формирование единого информационного пространства как основы социального единства через механизм социальной идентичности.
- формирование общих смыслов, символов, дискурсов, повестки дня общественного внимания.
- формирование оценок, ценностей и их трансляция.

Также следует отметить, что через региональные и местные СМИ органы государственной власти проводят политику формирования позиции относительно мигрантов.

Разработка системы мониторинга региональных миграционных процессов с широким использованием социологических методов анализа дают возможность сбора и анализа эмпирической информации о тех социальных сторонах миграционных процессов, изучение которых традиционными статистическими и расчетными методами не представляется возможным. В частности, именно с помощью методов социологических исследований можно получить такую уникальную информацию об этносоциальной интеграции и адаптации мигрантов на принимающей территории как: уровень освоения и использования языка, браки в иммигрантской среде, формирование диаспор в различных социально-этнических группах, самоидентификация мигрантов, возможные пути культурного и этнокультурного развития иммигрантов.

Библиографический список

1. *Агоева З. И., Топсахалова Ф.М-Г.* Мониторинг проблем социально-экономического развития региона / «Экономические науки», С. 621-624.
2. *Виценец Т. Н.* Методы регионального анализа миграционных процессов: <http://aspirans.com/metody-regionalnogo-analiza-migratsionnykh-protsessov#>.
3. *Гасиев В. И., Плиева М. Г.* Особенности социологического исследования миграционных процессов. URL: <http://www.tmy.mwport.ru/files/2009-2-soc-05.pdf>.

4. Дятлов В. И. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации Сетевой межрегиональный проект. Иркутск: Иркутский МИОН, 2009.

5. Кашиур В. В., Поправко И. Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) /«История» 23 ноября 2011 г.

6. Мельникова А. С. Современные методы оценки миграционного развития региона // Достойный труд – основа стабильного общества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. Т. 1. С. 37-41

7. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.

8. Рабочая книга социолога. М., 1976.

9. Светин А. «Трудовая» миграция заболеваний: <http://eburg.mk.ru/articles/2015/01/15/trudovaya-migraciya-zabolevaniy.html>.

Anna S. Melnikova

USE OF INSTRUMENTS OF MONITORING AT THE ASSESSMENT OF PROBLEMS OF ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE ACCEPTING TERRITORY

Abstract

In the modern world migratory processes assumed a global scale, migration is called as one of the main factors of social transformation and development of regions. Influence of migration affects a condition of a national economy, the social relations, culture, national policy and safety. Therefore development of the adequate tools allowing to carry out diagnostics of migratory processes, an assessment of adaptation and survival of migrants in local community, to predict emergence of the centers of social tension is so important. Monitoring as a method of an assessment of migratory development of the region defines the directions, dynamics of migratory processes and allows to reveal factors and extent of their influence on local community.

Keywords: migration, local community, adaptation, monitoring, sociological methods.

УДК 37.07

А. В. Томильцев

АНАЛИЗ НЕПРЕРЫВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ: 30 ЛЕТ ИСТОРИИ

Аннотация

Данная статья анализирует общий ход реформ в образовании со середины 20 века и до наших дней. Основной упор делается на рассмотрение хода образовательных реформ в общем образовании. Автор прослеживает связь между направлением реформ и идеологическими установками у лиц, принимающих решения. Констатируется тезис о том, что позиция реформаторов часто противоречит потребностям населения и потому не принимается социумом, что влечет за собой провал реформ. Попытка рассмотреть одновременно экономические и политические установки авторов реформ, нормативную базу образования и осуществить философский анализ проблем образования практически не встречаются в отечественных публикациях.

Ключевые слова: Реформа, либеральная экономика, оптимизация, контроль, развитие.

Сегодня мало кто помнит, что страна вступила в тридцать первый год непрерывных реформ в области образования. Реформа образования, не меняющая существующего положения дел, а лишь приспособляющая его к новым целям и задачам, начата была в 1984 году К. У. Черненко, Генеральным секретарем ЦК КПСС Советского Союза. Ее целью было привести образование в соответствие с изменяющимися потребностями экономики (в тот период уже осознавалось существенное технологическое отставание промышленности СССР от Запада, уже вступившего в постиндустриальную эпоху).

Реформы образования всегда связаны с изменениями в социальном заказе, запросе экономики и государства в уровне общей и профессиональной подготовки граждан. Общество меняется, исчезают прежние установки и идеалы, а также качества личности. Например, требуется гибкий, мобильный и креативный человек, а школа основной упор делает на изучение дисциплин и зазубривание, а также на усвоение норм поведения, сложившихся еще в 19-м веке. Надо заметить, что образование — это именно та область, где реформы затеваются чаще всего. В этом есть какой-то парадокс. Разговоры о необходимости реформ в образовании звучат постоянно, а оно каким было, таким и остается.

Известно, что школа — один из самых консервативных институтов общества, наряду с церковью она выполняет в том числе и охранительные функции, создает ту среду, которая позволяет членам одного общества осуществить самоидентификацию. Один из механизмов самоидентификации осуществляется следующим образом: дедушки и внуки изучали одни и те же произведения литературы, решали одни и те же задачи, одинаковым способом выполняли типовые домашние задания. Реформы образования отражали изменившиеся требования производства. В 90-е годы прошлого века, с началом слома старой модели существования страны и перехода от социализма к капитализму, естественно, встал вопрос о необходимости реформирования образования. Руководителям нового государства стало понятно, что идет существенное расслоение общества, прежнего единомыслия нет и не будет, следовательно, и образование должно стать разнообразным, удовлетворяющим любой запрос в зависимости от размера кошелька потребителя. Поэтому школу отпустили «на свободу». Каждая школа стала развиваться самостоятельно, осуществлялось большое количество педагогических экспериментов, а творческие личности вернулись в систему образования.

На смену идеологическим установкам и подготовке рабочей силы появилась новая концепция, в основе которой лежала идея денег как ведущей и главной ценности в жизни человека, денег как меры вещей и меры человека, идея выгоды как единственной движущей силы общественного развития. В условиях коренного слома всего и вся, когда государство пыталось перевести также и школу на платную основу, реформы натолкнулись на полное их неприятие населением.

Граждане видели в образовании сохранение тех основ, свидетельство той старой жизни, когда все было просто и понятно. Образование воспринималось как последний оплот социализма. Общественные выступления начала 90-х годов показали, что необходимо учитывать и настроения жителей страны.

Внедрение основ монетарной политики и либеральных экономических установок поставило перед обществом вполне естественный вопрос, как финансировать различные модели школ и определять необходимость финансирования тех или иных педагогических экспериментов. Ответом на этот вопрос явилось внедрение государственных образовательных стандартов, убивающих, по мнению автора, свободу школы и переводящих ее деятельность на консервативно-охранительные рельсы. Школа, работающая по государственным стандартам, должна финансироваться государством по одинаковым условиям. В законе 1992 года появилась норма, что бесплатным является образование в рамках стандартов, а они представляют собой минимум содержания образования. Деньги на минимальный объем образования гарантировались школе. Это слегка успокоило население, которое увидело в школе островок стабильности и неизменности. Внедрение стандартов и новых программ не имело значения, поскольку не наблюдалось принципиальных отличий новой школы от старой.

Таким образом, уже в начале 90-х годов был создан механизм расслоения общества по образовательному признаку: население встало перед выбором, какому уровню образования платить школе или вузу, или тому и другому. Это оказалось удобно для государства, поскольку оно продолжило перевод управления образованием на рельсы чисто экономических отношений и сняло с себя финансовую нагрузку, да еще и прибыль получило в виде налогов. Реформы образования требовали денег, а их не было в бюджете государства, как не было и желания помочь отладить новый финансовый механизм в поддержку образования.

Дух реформ образования, проводимых в 90-х годах оказался диаметрально противоположным духу реформ К. У. Черненко, одного из секретарей ЦК КПСС в годы Советского Союза. Сократилось финансирование, школа из привлекательной сферы экономики превратилась в инструмент для отъема денег у населения и стала источником ограничения для части молодежи и доступа к социальным лифтам. Вполне очевидно, что половинчатость реформ не соответствовала потребностям и настроениям либеральных экономистов, желающих вписать образование в рынок. Смена лиц в управлении образованием ничего не меняла. Оставалась общая установка на включение образования в рыночный механизм при снижении доли бюджетных расходов.

24 июля 2007 года Президент России Владимир Путин подписал Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования» [8]. Закон предусматривал, что с 1 сентября 2007 года образование будет 11-классным и бесплатным. Получить его обязаны все, в том числе осужденные, пока им не исполнится 30 лет. Обычный ученик должен получить полное среднее образование до 18 лет. Закон вносил изменения в законодательство, устанавливающее обязательность получения гражданами всех трех ступеней общего образования — начального общего, основного общего и среднего (полного) общего. До сих пор обязательным являлось только основное общее образование до девятого класса.

9 февраля 2007 года Путин подписал Федеральный закон о введении единого госэкзамена [7], согласно которому с 2009 года ЕГЭ становится единственной формой государственной итоговой аттестации и совмещает в себе выпускные школьные экзамены и вступительные в техникумы и вузы. Осуществлялась компьютеризация школ, весьма спорная разработка новых стандартов всех уровней образования, введение профильной старшей школы. Оптимизация (сокращение) сети сельских школ и программа «Школьный автобус» по замыслу чиновников должны были снизить расходы на содержание сельских школ, но без учета специфики реального положения дел в регионах, перевод школ в статус юридических лиц и разработка нормативно-подушевого финансирования привели к негативным изменениям положения дел в малокомплектных и сельских школах. Ухудшилось социальное самочувствие жителей небольших населенных пунктов. Не помогли меры по переводу заработной платы учителей с муниципального уровня на уровень субъектов Российской Федерации.

По данным Росстата в России в этот период было закрыто примерно 7200 школ, или 14 % от их общего числа. Прочитываем высказывания Д. А. Медведева по поводу исчезновения школ: «Когда я начинал заниматься этими вопросами, у нас было 52 тысячи школ. Сейчас 47 тысяч. Часть из них ушла просто потому, что так сложились демографические условия, и некоторые другие. Но эта реорганизация все-таки должна идти в понятном для нас направлении, а именно: все-таки присоединение более слабых, объективно, учебных заведений к более сильным, там, где это возможно. Конечно, не по указке сверху, и не в результате какой-то кампании, чтобы все мы должны, так сказать, к какому-то периоду достичь такие-то цифры по учебным заведениям. Нет, конечно. Но это должен быть естественный отбор. Это абсолютно нормально» [3]. Наиболее явно эта негативная тенденция проявилась именно в сельской местности, где было закрыто более 5700 школ, или 16 % от общего числа. Социально-экономические последствия реформирования образования оказались спорными, хотя намерения авторов реформ как всегда были благими.

Фактически речь идет о том, что государство выбрало путь сокращения бюджетных расходов путем сокращения образовательных организаций, снятия с себя части социальных обязательств. Явно видно желание перенаправить потребителей образовательных услуг из бюджетного сектора в коммерческий сектор. Эта модель работает в ряде стран мира. Но условием ее реализации является необходимость выстраивать экономическую политику с учетом социальной ориентации и при этом не перечеркивать конкуренцию и экономическую свободу, поощрять индивидуальную инициативу, сохранять и даже усиливать стимул к росту личного благосостояния. При такой модели государство должно бороться не против богатства, а против нищеты, отрицать чрезмерный этатизм в распределении благ, поощрять соци-

альную функцию частной собственности. В условиях очень ограниченных материальных ресурсов большей части населения страны, эта модель не имеет права на существование.

В период сжатия экономики и фактической ликвидации целых секторов высокотехнологического производства (машиностроения, приборостроения и других) система образования, прежде выстроенная для кадрового и управленческого обеспечения средне- и высокотехнологичных производств, оказалась избыточной. При том, что за деиндустриализацией так и не последовало создание масштабной и развитой сервисной экономики и, тем более, «экономики знаний». В этих условиях получение качественного образования как инструмента социального лифта утратило свое значение. Важно стало иметь только сертификат об образовании, вместо самого образования. Образовательная мотивация вернулась на уровень Брежневской эпохи. Экономия на образовании полностью вписывается в такую концепцию. Снижение качества и количества высокообразованных специалистов — это и экономия на затрачиваемых государством средствах на образование, и снижение качества человеческого потенциала до такого уровня, когда от самого потенциала ничего не останется.

Идея создания инструмента оценивания учебных достижений как независимого электронного тестирования выпускников школ разрабатывалась в недрах высшей школы экономики (далее — ВШЭ) в течение нескольких лет, пока в 2003 году не началась экспериментальная апробация этой формы аттестации школьников по всей стране, а затем в 2009 году Единый государственный экзамен (далее — ЕГЭ) не заработал в штатном режиме. Этот общегосударственный экзамен вводился на фоне абсолютного непонимания обществом его целей и задач. При учете необходимости получить некий документ, подтверждающий прохождение испытаний, завершающих определенный период жизни молодого человека, ЕГЭ превратился в своего рода обряд инициации. Привязка результатов тестирования к справедливому порядку отбора в вузы (помните: «талантливый школьник из провинции получит шанс»?) исковеркал весь смысл образовательного процесса в старших классах: учителя перестали требовать от учеников понимания содержания урока и стали натаскивать на сдачу тестов. Школа оказалась заложником этого инструмента достаточно простого и дешевого, как казалось авторам и экономистам (но жизнь опровергла этот тезис), поскольку оценивались не только и не столько знания ученика, сколько работа учителя и всей школы в целом. Для абсолютного большинства учащихся обучение в школе утратило всякий смысл, поскольку предназначение школы стало рассматриваться как подготовка к получению свидетельства о прохождении обрядового испытания при вступлении во взрослую жизнь. Результаты сдачи ЕГЭ в 2014 году являются ярким доказательством этого. Фактически, введение ЕГЭ совместно с внедрением в 2010 году новых типов образовательных организаций привело к реализации идеи социал-дарвинизма о необходимости конкурентной борьбы, в которой выживает сильнейший. Сильнейшим оказывается наиболее состоятельный, а не умный. Окончившему казенную школу с минимумом содержания образования получить высокие баллы будет проблематично, он не находится в равных условиях с выпускниками бюджетных и автономных школ, обеспечивающих дополнительные образовательные возможности.

Дальнейшие реформы образования совпали с ухудшением экономического положения страны, проведением административных реформ и объявлением образования сферой экономики, которая не приносит прибыли, выполняет функцию «камеры хранения» молодежи, не позволяющей развиваться массовым формам девиантного поведения. Отмечается тенденция переноса экономических моделей управления хозяйственным комплексом и внедрение моделей управления государственными органами на образование. Получила развитие идея снижения объема финансирования, прикрытая объяснением неэффективности расходов образовательными учреждениями, которые нуждаются в корректировке и конкурсном доступе к ограниченному бюджету. Концепция развития конкуренции школ и борьба за финансы должна была привести к закрытию «неэффективных» организаций и укреплению победителей. Назрела необходимость выбора сценария развития образования, для чего могла бы быть развернута широкая общественная дискуссия о приспособлении образования к потребностям муниципалитета (или региона). Вероятен был выбор из нескольких возможных, что не про-

изошло. На федеральном уровне был принят либеральный вариант реформ, о котором мы уже говорили выше: а именно, концепция максимально жесткой оптимизации расходов, вплоть до самых необходимых, что ставит под вопрос саму идею модернизации образования и его адаптации к современным условиям.

Курс на оптимизацию финансовых ресурсов распространен на всю социальную сферу, что было закреплено в принятых Федеральном законе № 83 от 23.04.2010 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [10], прозванного в народе законом об автономии и Федеральном законе № 210 от «Об организации и оказании государственных и муниципальных услуг» [11]. В сочетании с принятым ранее Бюджетным кодексом РФ [1] они заложили основу реформирования всей экономики образования. Эти изменения были закреплены в принятом в декабре 2012 году новом Федеральном законе № 273 от 29.12.2012 «Об образовании» [12].

С началом административной реформы в Российской Федерации утвердился тезис о сервисном характере государства, которое оказывает населению строго определенный набор государственных и муниципальных услуг, обеспечивающий населению равную доступность, количество и качество выделяемых ресурсов. В этих условиях реализация образовательных потребностей граждан может быть определена только теми людьми, которые формулируют объем и другие параметры муниципального задания. Всякая самодеятельность школ ограничена только интересами муниципалитета. В этом случае развитие образования в разных частях территории Российской Федерации может идти по разным сценариям.

Федеральный закон о государственных и муниципальных услугах закрепил за образованием статус услугодателя, который удовлетворяет потребности населения за те средства, которые оно отдает ему в виде налогов. Поскольку каждый налогоплательщик имеет право на получение услуг, то и финансирование последних, согласно положению Конституции Российской Федерации [5] о равноправии граждан, должно быть минимально одинаковым. Но дифференциация осуществляется на основании того, что плату за реализацию данных услуг вносят регионы и муниципалитеты. Это означает одно: если ребенок родился в бедном регионе, у него нет возможности получить дорогие и качественные образовательные услуги, выходящие за рамки стандарта образования, т. е. минимального объема, если же родился и живет в достаточно обеспеченном муниципалитете, то и вложения в его будущее будут в разы больше.

Образовательные организации реализуют процесс обучения исходя из требований муниципального задания, которое формируется из объемов стандартов и представлений о необходимых и достаточных результатах в сфере образования, достигаемых с участием глав органов местного самоуправления. Напомним, что муниципальное задание – это документ, устанавливающий требования к составу, качеству и (или) объему (содержанию), условиям, порядку и результатам оказания муниципальных услуг (выполнения работ) [1]. Таким образом, сделана попытка установить связь между финансовым обеспечением муниципального учреждения и качеством (результатом) его работы. В школе укрепляется вертикаль власти. Руководитель образовательной организации рассматривается как лицо, нанятое и организующее выполнение муниципального задания в специфических условиях. Директор рассматривается как эффективный менеджер, который может и не иметь профессионально-педагогического образования. Директора школ, таким образом, теперь становятся людьми минимально социально защищенными: они не являются педагогическими работниками и не госслужащими, а целиком зависят от капризов руководителей органов муниципального управления. Лишить их работы не составляет большого труда без объяснения причин: возможен такой аргумент как недостаточно полное выполнение муниципального задания. Есть еще один вариант: учителя — «посадить» на контракт, доказать низкую результативность его деятельности, а после этого уволить.

Федеральный закон Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ [10] определил возможность появления автономных школ, которые будут финансироваться в значительной

мере за счет денег населения. Эти школы должны сами себя содержать за счет привлеченных средств, выплачивать налоги государству, выплачивать часть денег на содержание зданий и сооружений. Эта школа ничем не должна отличаться от иных некоммерческих организаций. Сделан серьезный шаг к созданию платности образования. Заметим, что пока никто этого не почувствовал, но нормативно-финансовый механизм создан, и когда будет нужда, то он реализуется.

Таким образом, реализуется либеральный подход к экономике: рынок сам все расставит на место, кто преуспел в доходах, тот и имеет право на качественное образование. Те же, кто не сподобился жить в мегаполисе и иметь высокий доход, должны учиться в казенных школах, получая минимально возможное образование, а в будущем обеспечивать благополучие первых. Это чревато острыми и трудно обратимыми социальными последствиями. В стране создаются предпосылки для перерастания имущественного неравенства в социальное и классовое. Разделение услуг на образовательные, т.е. бесплатные для населения в рамках государственного стандарта, дополнительные образовательные и услуги по присмотру и уходу позволяют образовательным организациям прикрыть дефицит бюджета. Школа становится прагматичной: никакой романтики и энтузиазма, все измеряется баллами и деньгами, есть работодатели, а также исполнители услуг и клиенты. Только на словах Федеральный закон «Об образовании» утверждает об единстве обучения и воспитания, но на деле воспитание уходит из школы, да и денег на проведение внешкольных мероприятий теперь не хватает. Безусловные требования законодательства к качеству предоставляемых услуг населению предопределяют необходимость внедрения важных регуляторов, а именно, административных регламентов и стандартов, позволяющих объективно оценить качество работы производителей услуг. Таковую оценку осуществляют органы государственного управления. Соответствующие действия государства создают гарантию того, что финансирование не может опуститься ниже некой планки. Закладывается понятие нормы оказания образовательных услуг. Но при этом возникают препятствия для развития самостоятельности и творчества, а педагог превращается только в инструмент для реализации чужой воли, заложенной в стандарты и регламенты. Теоретически можно представить вероятность того, что в каждом муниципалитете будет формироваться самостоятельная модель определения качества образования, привязанная к потребностям ученика и его семьи, а также того социума, в котором он существует.

Провозглашенная и документально закрепленная свобода школы должна была привести к бесконечному разнообразию таких моделей, приспособлению их к требованиям потребителей образовательных услуг, избавлению от мелочной опеки. Но подходы к качеству образовательных услуг как разновидности муниципальных услуг не нашли единодушного понимания и трактовки на всех уровнях государственного управления, для них сама мысль об этой возможности является крамольной, что отражено в документах Министерства образования и науки Российской Федерации. Более того, в целях сбора доказательств качества образовательных услуг представители всей вертикали власти требуют бесконечных отчетов и замеров, что ведет к бюрократизации образования в ущерб основной деятельности. Другая сторона медали — это централизованное управление образованием. Сформировалось представление о том, что чиновник, находящийся в Москве, лучше всех представляет потребности иного региона и социума. Сегодня эта тенденция даже усилилась по сравнению с советским временем.

Идея управленцев состоит в том, что если у нас государственные школы, то они должны быть единообразными и должны использовать определенные формы отчетности. Этим форм отчетности может прибавляться все больше и больше, и в конце концов, они становятся важнее самого процесса преподавания и его результатов [6]. Итоги реформирования образования последнего десятилетия были подведены на различных уровнях. Зафиксировано отклонение от идеальной модели и необходимость дальнейшей его модернизации.

В 2014 году стало понятно, что проводимая в стране реформа образования привела его в тупик и обеспечила снижение всех показателей. Система образования нуждается в се-

рзых изменений. Дальнейшее реформирование образования нашло свое отражение в документах Министерства образования и науки Российской Федерации таких как Программа развития образования [2], Дорожная карта развития образования [9] и Концепция развития образования на период 2016–2020 годов [4], а также в документах Президента Российской Федерации. Проблему нехватки средств на образование предполагается решить через еще большую дифференциацию и стратификацию.

По нашему убеждению, начнется настоящая битва за право попасть в список из 200-т инновационных школ, использующих самые современные технологии и методики преподавания, а также в перечень 30-ти национальных методических сетей для распространения передового педагогического опыта. При этом, нет сомнения в том, что основная часть из них окажется в Москве вместе с денежными потоками из регионов. Тридцать первый год непрерывных реформ в образовании начался с желания еще больше формализовать и проконтролировать все протекающие в образовании процессы. Все реформы идут только сверху, без учета состояния системы и ее восприимчивости к ним. Отказ от обсуждения направлений развития с людьми, работающими внутри системы, авторитарный характер их проведения, отсутствие внятных представлений о целях и задачах реформ, которые практически не предполагают участие рядовых сотрудников в процессе их реализации, вызывают сопротивление. Безусловно, что не все изменения наталкиваются на сопротивление, часть из них изначально воспринимаются как позитивные и несущие улучшения. Низкий уровень доверия к чиновникам из образования, находящимся в Москве и не желающим учитывать специфику других регионов, ведет к росту отрицательного отношения к реформам на местах. Сопротивления изменениям связаны также с изменением ценностных ориентаций и социальных норм, действующих в образовательных организациях: имеются в виду усиление влияния прежних ценностей, возврат к традициям, действие нормативного контроля, поскольку педагоги являются во многом носителями охранительных традиций разрушающегося традиционного общества. Необходимо коренное изменение отношения к образованию, поиск модели опережающего развития, которая могла бы осуществить рывок во всех областях, в том числе и в экономике. Необходимо найти оптимальную модель управления системой образования, избавить ее от бесконечных реформ и тотального контроля, предоставив образовательным организациям самостоятельно откликаться на потребности социума, реально дать возможность реализовать все то, что уже закреплено в Федеральном законе № 273 от 29.12.2012 «Об образовании» [12], нейтрализовать негативное воздействие чиновников (не только образовательных) и их стремление сформулировать абсолютную истину.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс (БК РФ) / от 31.07.1998 N 145-ФЗ. Принят ГД ФС РФ 17.07.1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.consultant.ru/popular/budget/?utm_campaign=law_doc&utm_source=ya.direct&utm_medium=cpc&utm_content=Budget%20Code&utm_term=dec.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы: Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2012 г. № 2148-р. Об утверждении государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013-2020 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/70265348/#block_1000#ixzz3Wh0m8h00.
3. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf>.

4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/konstituciya>.
5. Майерс М. Разномыслие, как ни странно, началось при Сталине. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://postnauka.ru/talks/24084>.
6. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2007 г. № 17-ФЗ. Принят Государственной Думой 26.01.2007 г. Опубликовано: 14 февраля 2007 г. в «РГ» Федеральный выпуск № 4294. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/02/14/ege-dok.html>.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с установлением обязательности общего образования. Федеральный закон от 21.07.2007 г. № 194-ФЗ. Принят 06.07.2007 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/830/30531035/>.
8. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. № 2620-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.rg.ru/pril/76/89/67/2620_plan.pdf
9. Федеральный закон от 8.05.2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Принят Государственной Думой 23.04.2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12175589/#help#ixzz3Wh1s0qUz>.
10. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07. 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Принят Государственной Думой 07.07.2010 года. Опубликовано: 30.07.2010 г. в «РГ» Федеральный выпуск № 5247. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html>.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» Опубликовано: 31.12. 2012 г. в 5976. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>.

Alexey V. Tomiltsev

ANALYSIS OF CONTINUOUS EDUCATIONAL REFORMS IN RUSSIA: 30 YEARS OF HISTORY

Abstract

The article is devoted to the analysis of general progress of educational reforms in Russia taken from the middle of XX cent. till present. The main focus of research made on reforms at the sphere of basic education. The author traced the connections between vectors of reforms and ideological orientations of decision makers. Thus, the basic thesis of the article is that the reformer's position frequently goes into contradictions with the habitant's needs and expectations. This situation is the main reason why society reject the reformers' initiatives and reform processes fail. The attempts to consider together the political and the economic orientations of decision makers, and the normative base of education and the philosophic analysis of education are almost not represented in Russian publications.

Keywords: Reform, liberal economics, optimisation, control, development.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ УСЛУГИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГ

Аннотация

В статье рассмотрены основные аспекты функционирования института муниципальных услуг, проанализированы его наиболее значимые функции. Особое внимание уделяется правовой базе, регулирующей предоставление муниципальных услуг в городе Екатеринбург. В статье представлен подробный анализ предоставления муниципальных услуг Администрацией города Екатеринбурга. Немаловажным аспектом данной статьи являются проблемы, которые возникают при предоставлении органами местного самоуправления муниципальных услуг, предложены возможные пути решения. Автором сформулированы положения о важности предоставления муниципальных услуг на муниципальном уровне.

Ключевые слова: муниципальные услуги, местное самоуправление, население муниципального образования, электронные услуги, проблемы предоставления муниципальных услуг.

Значение муниципальных услуг возрастает в связи с проведением административной и муниципальной реформ в Российской Федерации. Происходит совершенствование процессов предоставления услуг населению, их многообразие и способность обеспечивать потребности личности, общества и государства в целом. Зачастую обращение граждан в орган местного самоуправления для получения необходимой муниципальной услуги сопровождается бесконечными очередями, отнюдь не удобным графиком работы учреждения и предварительным сбором в различных инстанциях большого количества документов. Вследствие чего затрачивается много времени и сил, и в связи с наличием такого рода проблем необходимо совершенствовать и оптимизировать процесс предоставления муниципальных услуг.

В настоящее время в муниципальном образовании «город Екатеринбург» предоставляются муниципальные услуги по следующим направлениям: *Жилищно-коммунальное хозяйство* (Предоставление информации о порядке предоставления жилищно-коммунальных услуг населению; Выдача документов и т. д.); *Социальное обеспечение* (Льготы; Пособия, субсидии и компенсации и т. д.); *Образование* (Дошкольное воспитание и образование; Общее среднее образование); *Предпринимательство* (Выдача, продление, переоформление, аннулирование разрешений на право организации розничных рынков на территории муниципального образования «город Екатеринбург» и т. д.); *Здравоохранение* (Медицинская помощь: прием заявок (запись) на прием к врачу, выдача гражданам направлений на прохождение медико-социальной экспертизы); *Строительство и развитие инфраструктуры* (Выдача градостроительных планов земельных участков; Присвоение адреса объекту недвижимости и т. д.); *Недвижимое имущество и земельные отношения* (Прием заявлений и выдача документов о согласовании проектов границ земельных участков; Выдача разрешений на установку и эксплуатацию рекламных конструкций и т. д.); *Архивное дело* (Выдача архивных справок, архивных выписок и архивных копий по документам, находящимся на ведомственном хранении и т. д.); *Культура и искусство* (Запись на обзорные, тематические и интерактивные экскурсии; Предоставление информации о времени и месте проведения культурных мероприятий и т. д.); *Жилье* (Военнослужащие; Молодые семьи; Многодетные семьи); *Транспорт и дорожное хозяйство* (Выдача разрешения на закрытие и (или) ограничение движения транспорта на время производства дорожных работ и т. д.); *Прочие услуги* (Например, выдача копий зарегистрированных трудовых договоров, заключенных работниками с работодателями — физическими лицами и т. д.).

Всего Администрацией города Екатеринбурга, согласно перечню, утвержденному Постановлением Администрации города Екатеринбурга от 14 февраля 2014 г. № 348 «О внесении изменений в Постановление Администрации города Екатеринбурга от 04.10.2012

№ 4319 «Об услугах (функциях), предоставляемых (исполняемых) Администрацией города Екатеринбурга и подведомственными учреждениями (организациями), и о порядке размещения сведений о них в реестре государственных и муниципальных услуг (функций) Свердловской области и на официальном портале Екатеринбурга » предоставляется **116 муниципальных услуг**.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Постановлением Администрации города Екатеринбурга от 14.08.2013 № 2858 «Об утверждении программы проведения мониторинга качества предоставления и доступности муниципальных (государственных) услуг в муниципальном образовании «город Екатеринбург» [1] в отношении оказываемых услуг регулярно (один раз в полугодие), проводится мониторинг качества предоставления и доступности услуг. Предметом мониторинга являются: соблюдение стандартов предоставления муниципальных услуг, в том числе обеспечение комфортности предоставления услуг; обращения заявителей, обусловленные проблемами, возникающими при получении услуги; финансовые затраты заявителя при получении им конечного результата муниципальной услуги; затраты времени заявителя при получении им конечного результата услуги [2].

МБУ «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг муниципального образования «город Екатеринбург» оказывает населению 86 услуг, что составляет 74,1 % от общего количества предоставляемых услуг. Услуги предоставляются в соответствии с административным регламентом деятельности учреждения и Постановлением № 3558 от 24.11.2014 «О внесении изменения в Постановление Администрации города Екатеринбурга от 24.07.2014 № 2061 «Об утверждении перечня государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в МБУ «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг муниципального образования «город Екатеринбург». [3]

В Екатеринбурге муниципальные услуги предоставляются населению не только посредством «одного окна», но и с помощью электронного портала, а именно — Единого портала государственных услуг (далее — ЕПГУ) и официального сайта Администрации города Екатеринбурга. Так, в электронном виде населению предоставляется **67 муниципальных услуг (57,8 % от общего количества предоставляемых Администрацией города услуг)**.

На официальном сайте Администрации города Екатеринбурга в рамках программы «Электронный муниципалитет» жители Екатеринбурга могут получить информацию о работе органов местного самоуправления, о предоставлении муниципальных услуг в электронной форме. С использованием официального сайта Администрации города Екатеринбурга предоставляются муниципальные услуги в сферах жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, культуры и средств массовой информации, образования, имущественных отношений, социального обеспечения и других.

Проанализировав Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также изучив данные «Отчета о результатах мониторинга качества предоставления и доступности муниципальных (государственных) услуг за 2013 год»[4], аналитического отчета «Оказание услуг по изучению общей удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в Свердловской области с использованием данных, представленных в средствах массовой информации» [5], был выявлен ряд проблем, касающихся, непосредственно, процесса предоставления услуг.

Перечень услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных и муниципальных услуг, утвержден нормативным правовым актом представительного органа местного самоуправления [6], что соответствует пункту 1.3 статьи 9 Федерального закона от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Что же касается портала муниципальных услуг Администрации Екатеринбурга, то здесь выявлены некоторые несоответствия. Во-первых, согласно Постановлению Админи-

страции от 03.09.2014 № 2586 [7] в городе населению предоставляется 116 муниципальных услуг, но не все из них нашли отражение на страницах портала. А именно: «Предоставление жилого помещения муниципального жилищного фонда в аренду»: услуга предоставляется Комитетом по жилищной политике Администрации города Екатеринбурга, согласно Постановлению Администрации Екатеринбурга от 02.07.2012 № 2871 [8], на сайте не представлена.

По данным отчета о результатах мониторинга качества предоставления и доступности муниципальных (государственных) услуг за 2013 год [9], нужно отметить, что с ЕПГУ поступали заявления лишь по 11 муниципальным услугам — 16,4 % от общего количества услуг, предоставляемых в электронном виде. Исходя из этого, можно сделать вывод *о непродуктивном использовании портала, низкой степени его использования*. Это, прежде всего, связано с некоторыми обстоятельствами, с которыми сталкиваются граждане при обращении на ЕПГУ: отсутствие необходимой информации по оказанию услуги, согласно требованиям к организации предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме (сведения на ЕПГУ приведены о 65 муниципальных услугах, всего услуг, предоставляемых в электронном виде, 67); частые перебои с доступом к portalу. Отсутствуют должная технология в работе и стандарты в системе взаимодействия ведомств, в связи с этим, соглашения с региональными и федеральными органами власти об информационном обмене и взаимодействии в процессе предоставления муниципальных услуг, заключаются без ссылок на конкретные сроки и действия. Одна из причин несоблюдения сроков – проблемы с нормативно-правовым регулированием на федеральном уровне, несвоевременный выпуск подзаконных актов, постоянные изменения НПА и отсутствие скоординированного плана их выпуска. Актуальной остается проблема, связанная с отсутствием единых принципов определения и классификации муниципальных услуг. Так, на официальном портале муниципальных услуг Екатеринбурга услуги распределены по трем блокам: *по тематике, по ведомству, по жизненным ситуациям*, что препятствует четкому структурированию оказываемых услуг, и, следовательно, восприятию их гражданами.

Решение задач повышения качества и своевременности предоставления муниципальных услуг, сокращения затрат, которые несет заявитель, требует реализации интеграции усилий федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Свердловской области и органов местного самоуправления при предоставлении ими услуг заявителю.

Для того чтобы сократить время ожидания в очереди для получения муниципальной услуги необходимо открыть отделения МФЦ в муниципальном образовании «город Екатеринбург» как минимум в каждом районе города, что позволит предоставлять услуги населению более мобильно

Улучшение качества оказания услуги требует повышение уровня материально-технического оснащения учреждений, закупки современного оборудования и т.д.

Что касается несоблюдения сроков оказания услуг — это также связано с организационными и инфраструктурными проблемами. Считаю нужным обеспечить региональные органы власти и структуры местного самоуправления компьютерной техникой и широкополосным доступом в Интернет в должном объеме. Это позволит обеспечить своевременное заполнение реестра государственных и муниципальных услуг, а также более четкую работу ЕПГУ, без частых перебоев.

Важным остается вопрос о своевременном контроле портала муниципальных услуг на официальном сайте города Екатеринбург. Требуется постоянно отслеживать изменения в правовых актах и, исходя из этого, редактировать перечень услуг, представленный населению на сайте. А именно, необходимо привести в соответствие наименование муниципальных услуг согласно административному регламенту. Тем не менее, тот факт, что портал существует и функционирует, уже требует заслуженной оценки.

Для того чтобы предоставлять услуги высокого качества, органам муниципальной власти следует полностью руководствоваться требованиями потребителей. На сегодняшний

день это не всегда выполняется. Процесс предоставления муниципальных услуг бюрократизирован: регламентируется большим количеством различных нормативно-правовых документов, процедура оказания услуг сложна, ограничена интервалами времени, сопровождается обязательной необходимостью предъявлять различные справки, и требует получения услуг промежуточных.

В целом, институт муниципальных услуг имеют хорошую тенденцию к развитию. Возможность граждан пользоваться электронными услугами позволит перейти на новый этап организации местного самоуправления.

Библиографический список

1. Оказание услуг по изучению общей удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в Свердловской области с использованием данных, представленных в средствах массовой информации: Аналитический отчет / Портал административной реформы в Свердловской области. 12.12.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ar.gov66.ru/article/komissya_oo.
2. О разработке и утверждении административных регламентов исполнения муниципальных функций [Электронный ресурс]: Постановление № 1050 от 16.04.2014 / Официальный портал Екатеринбурга. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ekburg.ru/officially/glavadoc/glavadoc2014/7031/#>.
3. Об утверждении программы проведения мониторинга качества предоставления и доступности муниципальных (государственных) услуг в муниципальном образовании «город Екатеринбург: Постановление Администрации города Екатеринбурга от 14.08.2013 № 2858 / Официальный портал Екатеринбурга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ekburg.ru/officially/glavadoc/glavadoc2013/5919/>.
4. О внесении изменений в Постановление Администрации города Екатеринбурга от 06.11.2013 № 3788 «Об утверждении Муниципальной программы «Электронный Екатеринбург» на 2014 – 2016 годы: Постановление № 3518 от 20.11.2014 / Официальный портал Екатеринбурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ekburg.ru/officially/glavadoc/glavadoc2014/7977/>.
5. О внесении изменения в Постановление Администрации города Екатеринбурга от 04.10.2012 № 4319 «Об услугах (функциях), предоставляемых (исполняемых) Администрацией города Екатеринбурга и подведомственными учреждениями (организациями), и о порядке размещения сведений о них в реестре государственных и муниципальных услуг (функций) Свердловской области и на официальном сайте Администрации города Екатеринбурга в сети Интернет: Постановление № 2586 от 03.09.2014 / Официальный портал Екатеринбурга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ekburg.ru/officially/glavadoc/glavadoc2014/7602/>.
6. О внесении изменения в Постановление Администрации города Екатеринбурга от 24.07.2014 № 2061 «Об утверждении перечня государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в Муниципальном бюджетном учреждении «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг муниципального образования «город Екатеринбург: Постановление № 3558 от 24.11.2014 / Официальный портал Екатеринбурга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ekburg.ru/officially/glavadoc/glavadoc2014/8006/>,
7. Об утверждении Перечня услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления Администрацией города Екатеринбурга муниципальных услуг, и Порядка определения размера платы за их оказание Решение Екатеринбургской городской Думы от 24.01.2012 № 1/52 / Официальный портал Екатеринбурга. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ekburg.ru/administration/administration-gorod/12/11/287>.

**MUNICIPAL SERVICES. BETWEEN LOCAL AUTHORITIES WITH A POPULATION
OF THE CITY OF YEKATERINBURG**

Abstract

The article describes the main aspects of the functioning of the municipal services, analyzes its most important functions. Particular attention is paid to the legal framework governing the provision of municipal services in the city of Yekaterinburg. The paper presents a detailed analysis of municipal services Administration of the city of Yekaterinburg. An important aspect of this article are the problems that arise in the provision of local government of municipal services offered possible solutions. The author stated position on the importance of municipal services at the municipal level.

Keywords: municipal services, local government, the population of the municipality, e-services, the problem of providing municipal services.

СЕКЦИЯ 4. СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ, ИНСТИТУТОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

УДК 504.7

О. Г. Александров, А. И. Павлюченков

УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОСФЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ЧАСТЬ ИНТЕГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация

В данной статье рассматриваются задачи управления техносферной безопасностью муниципальных образований; обобщены наиболее значимые проблемы, выявлены факторы влияния на эффективность управления.

Ключевые слова: среда обитания, техносфера, техносферная безопасность, техногенные угрозы, управление техносферной безопасностью, система управления техносферной безопасностью.

Человечество, стремясь обезопасить себя от угроз окружающего мира и создать наиболее благоприятные условия своего существования, на протяжении многих десятилетий изменяет окружающую среду. Это вмешательство, с одной стороны, действительно обеспечивает определенную защиту от природных угроз (непогоды, низких температур и пр.), позволяет производить больше полезных продуктов, с другой — создает новые угрозы, которые вызваны влиянием новой окружающей среды — техносферой. В отличие от биосферы (естественной среды обитания), техносфера — это творение человека, которая возникла как результат прямого или косвенного воздействия людей и технических средств на биосферу [1, с. 17]. Таким образом, можно определить техносферу, как симбиоз техники и природной среды, как новую среду обитания человека.

Как и биосфера, техносфера может представлять опасность для человека, причем даже в большей степени, чем природная среда. Опасности в техносфере связаны как с возможными техногенными рисками (авариями, вредными выбросами и пр.), так и с негативным влиянием техники на природу, что ведет к необратимым изменениям биосреды. Опасности техносферы сопровождают человека и в процессе труда, и в быту. Поэтому обеспечение техносферной безопасности — это комплексное понятие, которое охватывает экологическую, производственную и бытовую безопасность.

Техносферной безопасностью необходимо управлять. В литературе управление техносферной безопасностью рассматривается как составная часть общей системы управления, и определяется, как «непрерывный целенаправленный циклический процесс воздействия органа управления на объект с целью противостоять негативным факторам техносферных опасностей» [2, с. 5]. Процесс управления техносферной безопасностью включает:

- поступление и анализ информации о состоянии техносферной безопасности объекта (объект управления);
- подготовку, принятие и реализацию управленческих решений по осуществлению мероприятий, направленных на обеспечение требуемого уровня техносферной безопасности.

Совокупность иерархически организованных органов, звеньев и уровней управления, деятельность которых направлена на повышение эффективности функционирования управляемого объекта, называется системой управления. Система управления подразделяется на управляющую и управляемую подсистемы, и представляет собой определенный набор средств сбора сведений об объекте управления и средств воздействия на его поведение (см. рис. 1).

Рис. 1. Система управления.

Для координации своей деятельности система управления использует два инструмента: организационную структуру (иерархически упорядоченную совокупность элементов управления) и процессы управления (отражают взаимодействие субъекта и объектов управления).

Можно достаточно ясно представить систему управления техносферной безопасностью в рамках какой-либо организации, предприятия, имеющих четко выраженную структуру управления — необходимо только определить функции управления и те структурные подразделения, которые за них отвечают.

Все намного сложнее, если речь идет о территории — субъекте РФ или конкретном муниципальном образовании. Прежде всего, значительно расширяется перечень техногенных угроз, а, следовательно, и функций управления безопасностью. Сегодня к основным техногенным угрозам относятся:

- транспортные аварии (ДТП, крушения поездов, авиационные катастрофы);
- пожары на промышленных объектах, транспорте и в жилых зданиях;
- аварии на магистральных трубопроводах;
- обрушения транспортных коммуникаций, производственных и непроизводственных зданий и сооружений;
- прорывы гидротехнических сооружений с образованием волн прорыва и катастрофических затоплений;
- аварии с выбросом химических, радиоактивных веществ, разливом нефтепродуктов;
- аварии на электростанциях и сетях с долговременным перерывом электроснабжения;
- аварии на системах жизнеобеспечения и очистных сооружениях;
- прорывы в сетях тепло- и водоснабжения;
- несвоевременная и некачественная уборка улиц;
- нарушение порядка утилизации производственных и бытовых отходов;
- воздействие внешних факторов на качество питьевой воды и др.

Вторая проблема — отсутствие системы управления, в частности конкретного органа управления, обеспечивающего техносферную безопасность на определенной территории.

Третья проблема: для эффективного управления техносферной безопасностью необходима информация о динамике функционирования объектов управления и контроля и протекающих в них процессах. Причем эта информация должна быть оперативной и доступной. Сегодня такой информацией обладают «узкие» специалисты, причем объем ее таков, что потребовались бы сотни томов для ее систематизации и опубликования.

В Российской Федерации сегодня реализуется целый ряд систем для обеспечения безопасности человека в техносфере: безопасность труда, защита от чрезвычайных ситуаций,

пожарная безопасность и др. Каждая из систем обладает четкой организационной структурой (в частности, структурные подразделения в субъектах РФ), имеет доступ к информации в соответствии с определенными функциями.

Все эти системы имеют общие цели — противостоять техносферным опасностям, чтобы обеспечить благоприятные для человека условия существования (табл. 1).

Таблица 1

Системы обеспечения техносферной безопасности

Система	Органы управления	Нормы права
Система охраны здоровья и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения	Министерство здравоохранения РФ Роспотребнадзор	ФЗ № 323 (2011 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» ФЗ № 52 (1999 г.) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»
Система охраны труда	Министерство труда РФ	Трудовой Кодекс РФ (2001 г.)
Система обеспечения экологической и промышленной безопасности	Министерство природы РФ Ростехнадзор	ФЗ № 7 (2002 г.) «Об охране окружающей среды» ФЗ № 116 (1997 г.) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»
Система предупреждения и ликвидации ЧС	Правительственная комиссия по предупреждению и ликвидации ЧС и обеспечению пожарной безопасности	ФЗ № 68 (1994 г.) «О защите населения и территорий от ЧС природного и техногенного характера»
Система гражданской обороны	Правительство РФ	ФЗ № 28 (1998 г.) «О гражданской обороне»

Общность целей и задач систем обеспечения безопасности человека требует комплексного подхода к управлению техносферной безопасностью на муниципальном уровне. Именно эта задача ставится перед органами самоуправления в Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»: формирование на уровне субъекта РФ и муниципального образования комплексной многоуровневой системы обеспечения общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания, базирующейся на современных подходах к мониторингу, прогнозированию, предупреждению правонарушений, происшествий и чрезвычайных ситуаций и реагированию на них [3].

Основными задачами построения и развития комплекса «Безопасный город» являются:

- формирование коммуникационной платформы для органов местного самоуправления с целью устранения рисков обеспечения общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания на базе межведомственного взаимодействия;
- разработка единых функциональных и технических требований к аппаратно-программным средствам, ориентированным на идентификацию потенциальных точек уязвимости, прогнозирование, реагирование и предупреждение угроз обеспечения безопасности муниципального образования;
- обеспечение информационного обмена между участниками всех действующих программ соответствующих федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности через единое информационное пространство с учетом разграничения прав доступа к информации разного характера;
- обеспечение информационного обмена на федеральном, региональном и муниципальном уровнях через единое информационное пространство с учетом разграничения прав доступа к информации разного характера;
- создание дополнительных инструментов на базе муниципальных образований для оптимизации работы существующей системы мониторинга состояния общественной безопасности;

– построение и развитие систем ситуационного анализа причин дестабилизации обстановки и прогнозирования существующих и потенциальных угроз для обеспечения безопасности населения муниципального образования.

В целом комплексная информационная система «Безопасный город» должна обеспечить прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз и контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений, т. е. стать интегрированной системой обеспечения безопасности муниципального образования.

Создание такой системы назрело давно. Сейчас перед органами местного самоуправления стоит задача разработки Целевой программы по внедрению единого информационного пространства в рамках муниципального образования с целью координации существующих систем обеспечения техносферной безопасности. Эта работа требует определенных материальных и временных задач. Но именно такая система в сочетании с методами математического моделирования может поднять решение проблемы обеспечения техносферной безопасности на новую качественную ступень управления данным процессом.

Таким образом, управление техносферной безопасностью муниципального образования должно базироваться на научных методах исследования причин возникновения техногенных угроз. Необходима также интеграция действий информационно-управленческих подсистем дежурных, диспетчерских, муниципальных служб для их оперативного взаимодействия в интересах муниципального образования. При этих условиях управление техносферной безопасностью станет частью интегрированной системы обеспечения безопасности территории муниципального образования.

Библиографический список

1. Белов С. В. *Ноксология*. М.: Юрайт, 2012. 429 с.
2. Ефремов С. В. *Управление техносферной безопасностью* СПб.: Питер, 2013. 47 с.
3. Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»/утверждена распоряжением Правительства РФ от 03.12.2014 г. № 2426-р: Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.12.2014 (дата обращения 12.03.2015).

Oleg G.Alexandrov, Artem I. Pavlyuchenkov

MANAGEMENT TECHNOSPHERE SAFETY OF THE MUNICIPALITY AS PART INTEGRATION SYSTEMS SOFTWARE SECURITY TERRITORY

Abstract

The article discusses the problems of the technosphere safeness at the municipal level. Summarized the most important problems in organization of the technosphere safeness, identified factors which influence on the effectiveness of the indicated process.

Keywords: habitat, the technosphere, the technosphere safeness, technological threats, technosphere safety management, system management technosphere safety.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК ПРЕКАРИЗИРОВАННАЯ ЗАНЯТОСТЬ

Аннотация

Формирование и развитие человеческого капитала происходит в процессе родительского труда. В статье рассматриваются признаки прекаризированной занятости с точки зрения родительского труда. Охарактеризованы свойства и особенности, объекты и субъекты родительского труда. Рассмотрены прекаризированные условия труда и выделены их признаки. Методами сравнительного теоретического анализа показано, что родительский труд прекаризирован, субъекты родительского труда незащищены в социальном плане, не идентифицируют себя как субъекты труда, ограничены в своих правах. В то же время, и сам родительский труд выступает фактором, определяющим будущую прекаризацию профессионального труда родителя.

Ключевые слова: родительский труд, прекариат, прекаризированная занятость.

В конце XX века человеческий капитал превратился в основной интенсивный производственный фактор экономического развития общества. Инвестиции в повышение уровня и качества жизни населения, в том числе в воспитание, образование, здоровье, культуру, в социализацию молодого поколения, его профессионализацию и развитие креативности перестали рассматриваться исключительно как затратные. Стало очевидно, что результаты развития человеческого капитала населения, будучи востребованными в самых разных сферах, приносят доход как самому его носителю, так и обществу в целом.

Формирование и первоначальное развитие человеческого капитала молодых членов общества происходит в семье, в процессе родительского труда.

Родительский труд — это сознательная, целесообразная деятельность субъектов труда, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности [1, с. 6]. *Объектом родительского труда* является личность и ее характеристики, а *предметом (продуктом)* — человеческий капитал. Субъект родительского труда может быть выделен на разных уровнях: личностном (родители), групповом (семья), общественном (социальные институты) [там же, с. 7].

Родительский труд включает в себя подготовку к рождению детей, рождение детей, уход за ними, а также их социализацию и обучение. Участниками этого процесса могут быть как родители, так и другие — понимаемые в широком смысле — субъекты родительского труда, а именно — родственники, специалисты сферы образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, социальной защиты. Родительский труд обладает рядом характерных свойств и особенностей. Так, например, для него свойственно соединение физической и умственной занятости субъекта и объекта труда, сочетание рутинных и творческих элементов труда. Родительский труд — это эмоционально окрашенный труд, основанный на любви и заботе. С другой же стороны, это — труд, требующий от субъекта труда широкого спектра разнообразных знаний и навыков [1, с. 7].

Характер родительского труда описывается через такие особенности, как свобода его реализации, сочетание в нем элементов личного и общественного труда. Родительский труд — это в основном самонаемный труд; он может быть как групповым, так и индивидуальным; сочетает в себе видимые и невидимые действия; это добровольный труд; труд с нематериальным результатом; родительский труд — это значимый и важный для общества труд, но в то же время, непрестижный и низкостатусный; длительный, постоянный, практически неоплачиваемый труд [1, с. 11]. Наряду с вышеперечисленными особенностями родительский труд обладает комплексом признаков, присущих прекаризованному труду.

Учитывая недостаточную исследованность данного вопроса в российской науке, рассмотрим его основные характеристики.

Термин «прекариат» (англ. precarious — ненадежный, шаткий, неуверенный) сформировался в связи с распространением так называемых прекариальных условий труда, которые можно распознать по четырем признакам: отсутствие стабильной занятости, отсутствие гарантий и защищенности, отсутствие профессиональной самоидентификации, сужение, а часто отсутствие гражданских, политических и экономических прав.

Субъектам прекаризованного труда свойственны такие личностные характеристики, как недовольство социальной незащищенностью, утрата ориентиров в отношении профессиональной самоидентификации, беспокойство за рабочее место и отчуждение от труда. Такие работники не видят перед собой жизненных перспектив, им кажется, что все достойные пути к благополучной жизни закрыты. Частая смена работ и, как следствие, рабочего коллектива не позволяют им установить прочные отношения и вызывают социальные противоречия. Субъекты прекаризованного труда живут в тревоге потерять то малое, чем они располагают, в состоянии отсутствия уверенности. Мышление таких работников питается и мотивируется страхом, им не хватает самоутверждения и понимания социальной ценности своего труда.

Истоки этого явления берут свое начало в 80-х годах XX века, когда в странах Европы к власти повсеместно приходили левые партии. Под их влиянием европейские государства проводили широкую социальную политику, стремились к максимальной занятости населения. К концу столетия привлекательность социализма снизилась, победила неолиберальная доктрина и глобализация. Открытая рыночная экономика принесла в Европу дешевую рабочую силу из других стран. В результате этих процессов экономика развитых стран стала неподконтрольной традиционным механизмам демократического общественного контроля, которыми так гордились развитые страны. Изменилось отношение государства к рынку труда.

Как пишет Гай Стэндинг, «считалось, помимо всего прочего, что следует повысить гибкость рынка труда, а это значило переложить бремя рисков (снижение доходов, безработицы) на плечи рабочих и их семей, делая их еще более уязвимыми», в частности перед кризисами, безработицей, возможной неработоспособностью, старостью [2]. Тогда-то и возникли новые понятия — «прекаризованная занятость» и «прекариат» как субъект соответствующего труда.

Прекаризованная занятость в разных странах имеет свои особенности. Установлено, что в российской экономике наиболее широкое распространение получили такие формы нестабильной занятости, как занятость, регламентированная срочными трудовыми договорами, заключаемыми с работниками предприятием; занятость в режиме неполного рабочего времени; договоры аутстаффинга, заключаемые с работниками агентствами занятости; занятость на основании трудовых договоров с условием работы вне местонахождения работодателя [3].

Прекаризованная занятость мало зависит от сферы деятельности работника и может возникнуть практически в любом виде профессионального труда. «Кто пополняет ряды прекариата? Можно сказать: на самом деле все, большинство из нас. От этого никто не застрахован, и оказаться в прекариате может едва ли не каждый — из-за несчастного случая или если кризис уничтожит все «подушки безопасности», на которые мы привыкли полагаться. При этом не следует забывать, что прекариат — это не только жертвы обстоятельств: одни попадают в прекариат, потому что отказываются от доступных альтернатив, другие — потому что их в данный момент устраивает. Короче говоря, прекариат многолик», — заключает Гай Стэндинг [2, с. 109].

Предпримем попытку выявления признаков прекаризованности в родительском труде (табл. 1).

Проявление признаков прекаризированной занятости в родительском труде

Признак прекаризованных условий труда	Проявление признака в родительском труде
Отсутствие стабильной занятости (работа по срочному трудовому контракту, устным договоренностям, договорам подряда)	Рождение ребенка, необходимость ухода за малышом, его социализация, детские болезни, тревоги забирают у родителей силы и время, делают их уязвимыми в профессиональном плане. Отпуск по уходу за ребенком может стать началом прекаризации, роста вероятности сокращения на основном месте работы и перехода на другие условия занятости, на работу с неполным рабочим днем, работу по договору подряда.
Отсутствие гарантий и защищенности у субъектов труда (пенсий, пособий по безработице, медицинской страховки)	Родительский труд не гарантирует качественный его результат (например, в виде ребенка-гения), который бы обеспечил родителей в старости. Отсутствие достойно оплачиваемой работы влечет за собой отсутствие налогов, отчислений, нет пособий по безработице и помощи в пенсионном возрасте. Родительский труд не обеспечивает надежного положения в случае болезни самого субъекта родительского труда, болезни или смерти родителя. Родительский труд связан с неопределенностью будущего. Каждый новый этап в развитии ребенка несет с собой новое, неопределенное. Ошибки в воспитании могут иметь различные последствия. Это усиливает общую тревожность, незащищенность родителей.
Отсутствие профессиональной самоидентификации у субъектов труда	Родителями, как правило, становятся в молодости, когда профессиональная карьера еще строится. Серьезный родительский труд мешает карьере, профессиональной идентификации в обществе. Отсутствие профессии «родитель», обучения, нормирования тарификации труда, социального пакета, охраны труда.
Сужение (отсутствие) гражданских, политических и экономических прав субъектов труда	Родители в отношении самих себя (не своих детей) имеют не так много прав. Как правило, они не знакомы с принципами защиты (социальной, экономической, политической), и не имеют возможности защитить свои позиции и права.

Таким образом, родительский труд можно рассматривать в качестве прекаризованного, поскольку субъекты родительского труда (родители) незащищены в социальном плане, не идентифицируют себя как субъекты труда, ограничены в своих правах. В то же время, и сам родительский труд выступает катализатором будущего прекаризованного профессионального труда.

Тема прекаризации родительского труда является сегодня крайне актуальной. Чтобы родительский труд не воспринимался как прекаризованная занятость, необходимо предусмотреть нормы, делающие его привлекательным, выплаты, надбавки за неустойчивость трудовых отношений, минимальные гарантии, обеспечивающие общественно приемлемое качество жизни.

Профессиональный и родительский труд решают важные задачи общества. Тем не менее, общественное отношение к этим видам труда существенно различается. Стереотипные представления населения включают понимание необходимости стимулирования профессионального труда, в то время как родительский труд, сопряженный с высокими затратами различных ресурсов, отличающийся сложностью реализации, не только практически материально не стимулируется, но и не оценивается обществом по достоинству.

Библиографический список

1. Багирова А. П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона : монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. 271 с.
2. Стэндинг, Гай. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

3. Федорова А. Э., Парсюкевич А. М. Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // Известия УрГЭУ. 2013. № 5.

Anna P. Bagirova, Edgar V. Ilves

PARENTAL LABOUR AS PRECARIOUS EMPLOYMENT

Abstract

Development of human capital is based on parental labour. This article describes properties of precarious employment from the perspective of parental labour. This article describes features of precarious employment from the perspective of parental labour. Properties and features, objects and subjects of parental labour were characterized. Precarious working conditions were analyzed. By using methods of theoretical analysis it is shown that parental labour is precarious, subjects of parental labour are not protected in social way and don't identify themselves as subjects of labour, they only have limited rights. At the same time, parental labour is a factor for increasing future precarisation of parent's professional labour.

Keywords: parental labour, precariat, precarious employment.

УДК 314.7

Е. Б. Бедрина, Н. Л. Струин

УГРОЗЫ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ АКТИВНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ ТЕРРИТОРИЙ В УСЛОВИЯХ РОСТА ТРУДОВОЙ ИММИГРАЦИИ¹

Аннотация

В статье анализируются особенности и причины распространения социально-значимых заболеваний в Российской Федерации, представляющих угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию территории в условиях роста трудовой миграции, таких как ВИЧ-инфекция, туберкулез, наркомания и т.п. В особую группу выделяются наиболее благополучные, активно развивающиеся регионы, и в силу этого являющиеся наиболее привлекательными для трудовых мигрантов. Проводится сравнительный анализ по выявлению заболеваемости среди автохтонного населения и трудовых мигрантов. Делается вывод о необходимости усиления контроля за миграционными процессами, в частности, за прохождением иммигрантами процедуры медицинского освидетельствования, поощрения семейной миграции и активизации процессов интеграции трудовых мигрантов.

Ключевые слова: санитарно-эпидемиологическое благополучие территории, социально-значимые заболевания, иммиграция.

Как правило, к активно развивающимся территориям относят индустриальные центры, отличающиеся большой «скупенностью» населения, урбанистической культурой, склонной к гипертрофированной самостоятельности и независимости индивидов, в силу чего на этих территориях возникают угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию и здоровью его жителей. Одной из таких угроз является появление и распространение социально-значимых заболеваний, к которым принято относить туберкулез, ВИЧ-инфекцию, вирусные гепатиты, инфекции передающиеся половым путем (далее — ИППП), наркоманию, алкоголизм, психические расстройства и т.п.

В Российской Федерации социально-значимые заболевания получили широкое распространение в 90-е гг. XX в. с периодом перехода к рыночной экономики, в связи с ухудшением уровня жизни населения, частичным отказом от государственной системы профилактики заболеваний и коммерциализации медицинских услуг, ростом девиантного поведения населения.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ-Урал в рамках проекта проведения научных исследований «Оценка социально-экономического благополучия Свердловской области в условиях роста трудовой миграции» и Правительства Свердловской области, проект №141266025

© Бедрина Е. Б., Струин Н. Л., 2015

В настоящее время определенную лепту в ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации в российских регионах вносит иммиграция, устремляясь в центры с высокой экономической активностью. В условиях интенсивных трудовых (а значит, «временных») иммиграционных потоков, мигранты могут выступить в роли потенциальных источников ряда заболеваний. Так, при проведении экспертного опроса в Свердловской области в ноябре-декабре 2014 г. 14 % респондентов среди отрицательных черт иммиграции отметили ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки и рост социальных болезней (Бедрина Е. Б., 2014).

Отнесение иммигрантов к группе риска связано с рядом факторов. Во-первых, они часто работают в тяжелых и вредных для здоровья условиях. Во-вторых, проживают в неблагоустроенных помещениях, плохо питаются. В третьих, часто находятся длительное время без семьи, что приводит к определенным поведенческим рискам, результатом которых могут быть заражение ВИЧ-инфекцией и ИППП. В четвертых, не имея страхового медицинского полиса, либо имея его на сильно ограниченный перечень медицинских услуг, предпочитают не прибегать к профессиональной медицинской помощи, а лечиться самостоятельно, либо прибегать к совету однополчан, имеющих познания в медицине. В пятых, силу несовпадения их культурных ценностей и принимающего населения, они оказываются наиболее уязвимыми к социально-значимым заболеваниям.

Как можно судить по рис. 1, в Российской Федерации наблюдается постоянный рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией.

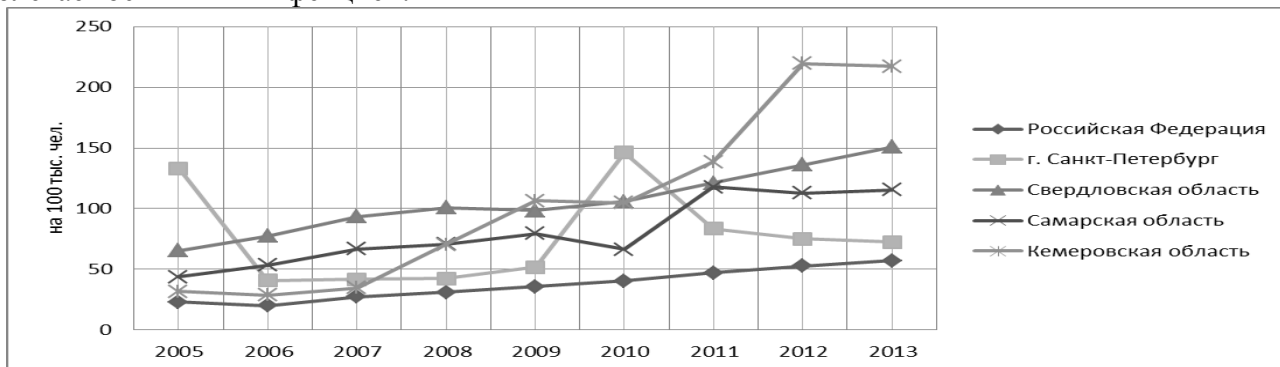

Рис. 1. Заболеваемость впервые в жизни установленным диагнозом ВИЧ-инфекция на 100 тыс. чел. (источник: Госкомстат России /www.gks.ru)

Несмотря на некоторое снижение уровня заболеваемости туберкулезом (рис. 3), в Российской Федерации сохраняется опасность его распространения в условиях роста трудовой миграции из Средней Азии, в особенности из Таджикистана, имеющего высокий уровень данного вида заболевания [8].

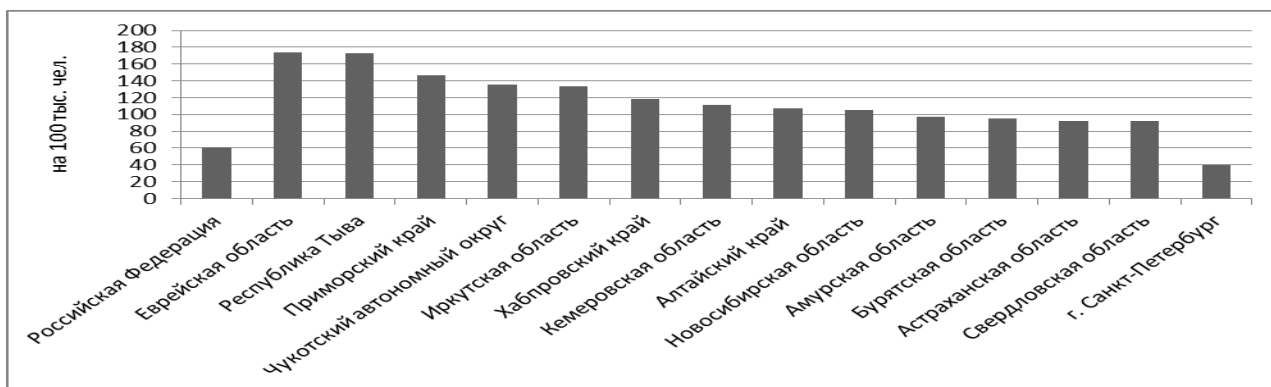

Рис. 2. Рейтинг регионов по заболеваемости впервые в жизни установленным диагнозом туберкулез органов дыхания на 100 тыс. чел. в 2013 г. (источник: Госкомстат России /www.gks.ru)

Уровень заболеваемости среди иммигрантов обычно значительно выше, чем среди автохтонного населения. К примеру, среди мигрантов, прошедших медицинское освидетель-

ствование в Свердловской области в 2011 г., было выявлено 68 случаев заболеванием ВИЧ-инфекцией и 329 туберкулезом, в 2012 г. — 57 и 207 соответственно [5]. Если соотнести эти показатели с количеством мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование, то получится, что в 2011 г. в Свердловской области пришлось на 100 тыс. мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование 117 чел. с ВИЧ-инфекцией и 564 чел. с заболеванием туберкулеза, в 2012 г. — 128 и 466 соответственно. Среди мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование на 1.01.2015 г. в связи с гуманитарной ситуацией на Украине было выявлено случаев: 587 ВИЧ-инфекции, 227 туберкулеза, 115 ИППП и 2030 других инфекционных заболеваний на 100 тыс. чел. соответственно¹.

Неблагоприятные условия проживания мигрантов способствуют появлению новых очагов инфекционных заболеваний. Так, в Санкт-Петербурге в 2009 г. произошла вспышка острой кишечной инфекции (ОКИ), в результате которой пришлось госпитализировать 8349 чел., из них около 16 % составляли мигранты [7]. Расширение географии миграции ведет к появлению «новых» или «хорошо забытых» для данной территории болезней. Примером могут служить случаи завоза брюшного тифа на территорию г. Санкт-Петербурга (2006 г.) [2]. Московскую область (2013 г.), вируса дикого полиомиелита из Таджикистана в Свердловскую область (2010 г.). По мнению исследователей, мигранты часто «завозят» к нам туберкулез и, вероятно, ИППП и «вывозят» ВИЧ [1, с. 78]. Так, первый случай заболевания ВИЧ-инфекцией был зарегистрирован в Таджикистане в 1990 г., а уже в октябре 2014 г. было зарегистрировано 6309 случаев, из них более 70 % заражений пришлось на потребителей инъекционных наркотиков [3]. Высокий уровень показателей заболевания иммигрантами ВИЧ-инфекцией и ИППП может быть объяснен рядом моментов. Во-первых, поло-возрастными характеристиками приезжих, поведенческими особенностями лиц прибывших на заработки и проживающих вдали от семьи, а также низкой грамотностью лиц, прибывших в города Российской Федерации из сельских районов Средней Азии. Во-вторых, наличием в регионах-реципиентах миграции устойчивого рынка секс-услуг. В-третьих, тенденцией к повторному заражению в связи с тем, что иностранцы периодически возвращаются в страну исхода и заражают там своих жен, формируя очаг заболевания. Данную гипотезу подтверждает тот факт, что среди женщин-иммигранток при медицинском освидетельствовании преобладают поздние формы сифилиса. Исследователи, отмечают рост ИППП среди женщин-мигранток [1, с. 78].

Рост наркомании имеет место в виду наличия устойчивого наркотрафика героина из Афганистана через Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан и Казахстан в Российскую Федерацию и страны Западной Европы, а также расширения поставок синтетических психотропных наркотических веществ из Китая, типа JWH и MDPV. Смертность от передозировки наркотических веществ в Российской Федерации за период с 2012 по 2014 гг. возросла на 10,5 %. Среди территорий с высокой интенсивность миграционных потоков в 2014 г. произошло улучшение ситуации в Ленинградской, Красноярской и Свердловской областях и ухудшение в г. Санкт Петербург. Самая большая смертность от передозировки наркотиками имела место в Московской области, а именно 27,1 случай на 100 тыс. чел. [6]. При анонимном опросе число потребителей наркотических препаратов среди мигрантов составляет 3 % (Струин Н.Л., 2013).

Наркотический путь распространения ВИЧ-инфекции тесно связан с половым. Так, в соответствии исследованиями, проведенными в рамках приоритетного национального проекта в 2007-2009 гг., от 15 до 50 % потребителей внутривенных наркотиков женского пола были вовлечены в оказание сексуальных услуг (Струин Н.Л., 2009). Ведение в июле 2010 г. патентной системы, имело негативный эффект на распространение социально-значимых болезней, так как позволило мигрантам, работающим на физические лица не проходить медицин-

¹ Рассчитано по данным предоставленных Р. Р. Айзатулиной, начальником отдела организации надзора за ВИЧ/СПИД, вирусными гепатитами Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

ского освидетельствования, пополнив численность нелегально трудоустроенных работников. Так, по данным социологического опроса в г. Первоуральске в марте-апреле 2014 г., только 7 % мигрантов, получающих патенты, имели письменный трудовой договор с работодателем (Бедрина Е.Б., 2014).

Внесенные изменения в законодательство Российской Федерации в ноябре 2014 г. обязали всех мигрантов, в течение 30 календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию представить документы, подтверждающие отсутствие заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний из Перечня, а также сертификат об отсутствии у данного иностранного гражданина заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека [4]. Одной из проблем реализации механизма медицинского освидетельствования мигрантов является не доведение или несвоевременное доведение до адресата в виду его отсутствия по указанному адресу уведомления о принятии решения о нежелательности пребывания иностранного лица с выявленной патологией. Так, по данным Р.Р. Айзатулиной, всего 15 % решений о нежелательности пребывания (проживания) вручено иностранным гражданам. С нашей точки зрения, для оздоровления санитарно-эпидемиологической ситуации в регионах Российской Федерации необходимо усилить контроля за миграционными процессами, в частности, за прохождением иммигрантами процедуры медицинского освидетельствования, поощрять семейную миграцию и активизировать процессы интеграции трудовых мигрантов.

Библиографический список

1. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / *Е.В. Тюрюканова (ред.), Ж. А. Зайончковская, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян, Д. В. Полетаев, Ю. Ф. Флоринская / под ред. Е. В. Тюрюкановой.* М.: МАКС Пресс, 2011. 120 с.
2. Коваленко А. Н., Иванов А. М., Одинаев Н. С., Рахманов М. И., Мурачев А. А. Брюшной тиф: опыт последнего десятилетия // Журнал инфектологии. 2009. Т. 1. № 2–3. С. 69–72.
3. Назиров М., Бакытжанова А. Е. Статистические данные по борьбе с ВИЧ/СПИДом в Таджикистане // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 11. С. 1307.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.11.2014 №357-ФЗ, ст. 13.3. Режим доступа: <http://www.consultant-so.ru>.
5. Роспотребнадзор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.66/rospotrebnadzor.ru>
6. Сила в правде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://roizman.livejournal.com/>.
7. Яковлев А. А., Погромская М. Н., Федуняк И. П., Мусатов В. Б., Кутузов В. Н., Горбова И. В., Кафтырева Л. А., Коржаев Ю. Н., Петрова Л.В. Этиологическая характеристика и практические уроки крупной вспышки острой кишечной инфекции среди трудовых мигрантов // Журнал инфектологии. Т. 5. № 4. 2013. С. 55–60.
8. Global tuberculosis report 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/global_health_risks/en/.

Elena B. Bedrina, Nikolay L. Surin

THREAT TO THE SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL WELL-BEING OF THE ACTIVELY DEVELOPING TERRITORIES IN THE CONDITIONS OF LABOR IMMIGRATION GROWTH

Abstract

This article describes the characteristics and causes of the spread of socially significant diseases in the Russian Federation, which pose a threat to the sanitary and epidemiological well-being of the territory in conditions of growth of labor migration, such as HIV infection, tuberculosis, drug addiction, etc. The regions that are actively developing are the most successful and allocated in

special group and are the most attractive to labor migrants. In article the comparative analysis of incidence among local population and labor migrants is made. In the conclusion the conclusion about the need of strengthening control of migration processes, in particular, behind passing by immigrant of procedure of medical examination, the assistance of family migration and activation of integration of labor migrants

Keywords: sanitary and epidemiologic wellbeing of the territory, socially important diseases, immigration.

УДК 338.4 (075,8)

Е. Н. Гневашева

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕВЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГРАММ НА ОСНОВЕ ВЫЯВЛЕНИЯ РЕЗЕРВОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация

В существующей российской реальности объем финансирования мероприятий целевых программ за период ее действия чаще всего не «дотягивает» до запланированного изначально. Повышение результативности видится в снижении затрат на реализацию мероприятий за счет выявления резервов эффективности на всех уровнях. Предложенная методика оценки эффективности позволяет определить и проанализировать соотношение «затраты – результат» с целью совершенствования системы управления рациональным природопользованием в пределах локальной территории.

Ключевые слова: целевая комплексная экологическая программа, программно-целевой метод планирования, резервы реализации мероприятий экологической программы, предотвращенный ущерб.

Целевые комплексные экологические программы на уровне муниципалитета являются организационным механизмом реализации мероприятий по охране обеспечению экологической безопасности урбанизированных территорий. Наряду с решением природоохранных вопросов такие программы предусматривают решение многих сопутствующих им проблем – экономических, социальных и правовых. В муниципальном образовании программно-целевым инструментом реализации приоритетных направлений обеспечения социально-эколого-экономической безопасности становится городская целевая экологическая программа, которая реализуется через конкретные программные мероприятия, система которых разбита на несколько разделов по направлениям деятельности:

- охрана атмосферного воздуха;
- охрана водных ресурсов;
- обращение с отходами производства и потребления;
- сохранение и воспроизводство зеленого фонда города;
- экологическое просвещение и образование населения.

Главенствующей идеей эффективности применения любой целевой экологической программы по обеспечению экологической безопасности урбанизированной территории (на основе резервного метода), является соотношение роста (достижение) совокупного социально-эколого-экономического эффекта и минимизации затрат при комплексном использовании свойств, качеств природных ресурсов, объектов и объединении усилий природопользователей — участников общей программы.

Резервы (от фр. *reserve* — запас, от лат. *reservare* — сберегать, сохранять) оптимизации и повышения эффективности природопользования представляют собой нереализованные возможности рационального природопользования, зависящие от достигнутого уровня развития методов, средств, форм организации (технических, технологических, организационных, правовых, экономических). Резервы в природопользовании обусловлены возможностью познания свойств и качеств природных ресурсов, объектов и вовлечения их в процесс исполь

зования, пользования. В то же время они ограничены степенью познания, уровнем развития методов и средств вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов, объектов.

На рисунке отображены три вида резервов. Выявление естественных резервов предполагает максимально эффективное использование возможностей и условий экосистемы (различаются в различных регионах). Антропогенные резервы представляют собой предотвращение или максимальное снижение негативных изменений в экосистеме в результате человеческой деятельности. Факторы третьего вида обусловлены самой идеей программно-целевого планирования и реализацией принципов объединения усилий большого количества участников.

Таблица 1

Классификация резервов по обуславливающим их факторам [5]

РЕЗЕРВЫ		
Естественные	Антропогенные	Выявленные при реализации целевых комплексных программ
Факторы, обусловившие возникновение резервов		
Корреляционная взаимосвязь отдельных элементов экосистемы	Сокращение изменений в балансах природных ресурсов из-за разобщенности, несогласованности действий между отдельными участниками	Четкое обоснование целей, подцелей программы и ее задач, их конкретизация по уровням, по исполнителям, по видам ресурсов и объектов природопользования
Наиболее полное использование объекта природы	Минимизация изменений свойств и качеств ресурсов	Организация объектов природы в соответствии с требованиями потребителей - участников программы
Выгодное территориальное расположение ресурсов, объектов	Исключение ведомственного, узкоотраслевого подхода и территориального эгоизма	Четкое разграничение полномочий, обязанностей участников программы
Использование процесса «старения» отходов производства и потребления под воздействием естественных факторов	Снижение раздробленности затрат на природопользование	Реализация мониторинга природопользования в пределах определенной экосистемы, отслеживание, контроль, корректировка деятельности участников в соответствии с целями, задачами программы
	Совершенствование экономических связей между территориями	

Именно резервы третьего вида предлагаются в качестве одного из значительных источников ресурсного, финансового обеспечения заданий целевых экологических программ. При этом автор в обосновании концепции обеспечения исходит из принципа природно-ресурсной ренты, а именно, оставления ее части у природопользователя для осуществления предупредительных природоохранных мероприятий в ходе самого воспроизводственного процесса. Применимость предложенного, на взгляд автора, доказывается тем, что при таком подходе возможно применение идеи сопряжения мероприятий целевых программ. В основу идеи сопряжения мероприятий в работе взят принцип возможности снижения удельных затрат на осуществление природоохранных мероприятий и заданий по рациональному использованию природных ресурсов в составе целевой программы и прекращения дублирования мероприятий участниками программы.

Практическая реализация названного подхода в работе выражается в определении удельного веса мероприятий (элементов сопряжения) с целью выявления приоритетов в заданиях целевых комплексных экологических программ, конкретизации экономической «ответственности» отдельных направлений, мероприятий в формировании параметров экологической обстановки и тем самым формировании реальной экономической ответственности при реализации заданий программы.

Программно-целевой метод планирования предполагает создание целого комплекса инструментов для достижения главной цели, во имя которой программа и создавалась. На стадии непосредственного планирования мероприятий программы на конкретной урбанизированной территории (с учетом сопредельных) экономится часть ресурсов, которые были бы затрачены при реализации изолированных друг от друга мероприятий. Другими словами,

планирование определяет будущие резервы [3]:

- вовлечение в процесс реализации программы уже существующих предприятий, чья деятельность не соответствует экономическим или экологическим требованиям, совершенствование их технологии производства или перепрофилирование на производство продукции другого вида;
- вовлечение в процесс реализации программы предприятий ВПК (высококвалифицированный персонал, новейшая техника, технология, научный потенциал), расположенных в городе и способных обеспечить мероприятия программы приборами, оборудованием, реагентами;
- организационно-планировочные решения на основе геохимического мониторинга, способные обеспечить снижение концентраций выбросов токсичных и вредных для здоровья веществ в расчете на одного проживающего в данной локальной зоне путем перераспределения транспортных потоков, перепрофилирования функций отдельных объектов (снижение времени пребывания населения). На этой же основе возможно выделение приоритетных зон для осуществления мероприятий;
- планирование мероприятий по экологическому просвещению и образованию населения, мероприятий по повышению культуры производства, что позволит снизить затраты путем превентивных мер;
- выявление и включение в программу только тех мероприятий, за счет которых можно максимально быстро достичь благоприятной среды обитания для населения с затратой минимального объема ресурсов;
- структурирование планируемых задач, выделяя первичные и подчиня вторичные достижения первых, построение дерева целей;
- использование существующей инфраструктуры, ее модернизация и приспособление;
- вовлечение всех структур муниципалитета в процесс реализации мероприятий;
- создание условий для развития экологического предпринимательства – предоставление возможности решения части задач программы коммерческими структурами;
- привлечение нецентрализованных средств и средств негосударственных структур в их сочетании и стимулирование последних;
- совершенствование системы контроля за деятельностью предприятий-природопользователей на территории города, применение системы аудиторского контроля и сертификации;
- ориентация на местные ресурсы при разработке мероприятий программы;
- снижение, исключение дублирования мероприятий, предусмотренных другими программами, согласование действий в процессе реализации мероприятий со всеми структурными подразделениями администрации города;
- упорядочение функций, задач, их оптимизация и тем самым экономия затрат на содержание большого числа контролирующих организаций и учреждений, создание единой системы информации, анализа, контроля, мониторинга природопользования на основе объединения усилий и возможностей существующих организаций.
- Резервы, обусловленные методами решения заданий программы, в основном представляется следующим образом:
 - планирование и прогнозирование природопользования в городе, понимая под этим, прежде всего, установление оптимальных пропорций;
 - организацию реального учета и контроля масштабов и количественных показателей воздействия на природную среду на главных уровнях (предприятие - город), а также изменений в природной среде, «наложенных» на природный комплекс;
 - внедрение системы заинтересованности и ответственности (материальной, финансовой, правовой) за последствия загрязнения и несоблюдения Федерального закона «Об охране окружающей природной среды».

Автор статьи обращает внимание, что данные положения справедливы и необходимы при взаимодействии с сопредельными территориями, использующими общие природные объекты. При обеспечении контроля за ходом реализации региональных, отраслевых проектов и программ по охране окружающей среды, определение предотвращенного ущерба в отчетном году проводится в том случае, если предусмотрена поэтапная реализация программы либо ввод в действие определенной очереди проекта или конкретного мероприятия за отчетный период времени, что привело к снижению негативной нагрузки на окружающую среду уже в отчетном году. В этом случае величина предотвращенного ущерба определяется по формуле:

$$U_{np}^z = U_{np}^a + U_{np}^e + U_{np}^n + U_{np}^b, \quad (1)$$

где U_{np}^a - величина предотвращенного ущерба от загрязнения атмосферного воздуха;

U_{np}^e - величина предотвращенного ущерба от загрязнения водной среды;

U_{np}^n - величины предотвращенного ущерба от загрязнения почвы;

U_{np}^b - величина предотвращенного ущерба биоресурсам.

Библиографический список

1. Временная методика определения предотвращенного экологического ущерба. Москва. 1999.
2. *Серебрякова Л. А.* Проблемы программно-целевого планирования развития регионов// Вестник СевКавГТУ. Серия «Экономика». 2004. № 2(13). <http://science.ncstu.ru/articles/econom/13/37.pdf>.
3. Стратегия развития крупнейшего города: взгляд в будущее (научно-методологический подход)/ Науч. рук. авт. колл. проф. *Е. Г. Анимица и проф. В. С.Бочко.* Екатеринбург. 2003. 600с.
4. Управление муниципальным экономическим развитием/ под ред. *Г. Ю. Ветрова,* М. Фонд «Институт экономики города». 2009. 258с.
5. *Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Ведерникова Е. Н.* Целевые экологические программы (методология, практика). Екатеринбург: Изд-во АМБ. 2010. 314 с.

Ekaterina N. Gnevasheva

IMPLEMENTATION OF TARGETED INTEGRATED ENVIRONMENTAL PROGRAMS BY IDENTIFYING RESERVES IN ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY IN URBAN AREAS

Abstract

In the current Russian reality the amount of funding targeted programs for the period of its validity more often than not "hold out" before the scheduled start. Increase of productivity seen in reducing the cost of implementation of activities by identifying reserves efficiency at all levels. The proposed method allows the evaluation of the effectiveness to identify and analyze the ratio of 'costs - the result "in order to improve the management system of environmental management within the local area.

Keywords: special comprehensive environmental program, program-target method of planning, implementing measures reserves environmental program, prevent damage.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, связанные с возрастающим влиянием информационных технологий в обеспечении национальной безопасности России в глобализирующемся мире. Приведены примеры методов и приемов информационного противоборства. Исследована роль средств массовой информации в общественной жизни и информационной войне.

Ключевые слова: информация, информационное оружие, информационная война, информационное противоборство.

Глобализация и виртуализация общественной жизни привели к радикальным переменам, как в разных областях социальной жизни, так и в обеспечении национальной безопасности, в том числе и оборонной политики. Нас интересует воздействие информационного фактора в обеспечении национальной безопасности России через анализ противоречий и вызовов современной жизни. Информационный фактор существовал в жизни общества всегда, но его масштабы и влияние были принципиально иными. Соответственно современным условиям изменились традиционные представления ученых о том, что такое информационное оружие и информационная война. Основной тезис состоит в том, что войну можно вести более «цивилизованно». Вместо того чтобы вводить на территорию противника танки, его можно ослабить более эффективно, разрушив у него систему информационного управления.

Следует учитывать, что в современном мире опасность представляют не только реально существующие, традиционные угрозы, но и те, которые имеют нераспознанные, и даже сугубо гипотетический характер. К числу такого рода угроз в первую очередь следует отнести воздействие на массовое сознание населения страны путем внедрения и реализации различных социальных технологий, имеющих непосредственной целью разрушение культурного ядра народа, размонтирование «центральной матрицы» мировоззрения, системы ценностных координат, демонтаж исторической памяти и в конечном итоге смену государственного строя. Украинский кризис наглядно показал, для реализации своих геостратегических задач Запад будет предпринимать различного рода действия по дестабилизации ситуации внутри страны и развалу единства российского народа. Особое место среди таких действий занимают информационное оружие и технологии ведения информационной войны.

В последнее время в научный обиход вошло понятие «информационного противоборства», под которым обычно понимается борьба в информационной сфере, предполагающая комплексное деструктивное воздействие на информацию, информационные системы противоборствующей стороны с одновременной защитой собственной информации, информационных систем и информационной инфраструктуры от подобного воздействия. Конечной целью информационного противоборства является завоевание и удержание информационного превосходства над противоборствующей стороной [1, с. 13].

С этой целью широко применяются следующие приемы и способы:

- фабрикация фактов;
- замалчивание информации;
- создание информационного шума;
- создание видимости плюралистичности мнений;

изменение смысла слов и понятий, применяемых в освещении событий.

В полной мере система информационного противоборства прошла обкатку во время войны в Ираке (2003 год). Там США, используя свои неправительственные и некоммерческие организации, создали структуру, разрушившую государственное устройство этой страны.

О значимости информационного противоборства свидетельствует и тот факт, что созданные в США информационные войска уже в течение семи лет выпускают подразделения кибервоинов. Сегодня в директивах Министерства обороны США подробно излагается порядок подготовки населения и страны в целом, к информационным войнам.

По своей результативности информационное оружие сопоставимо с оружием массового поражения. Спектр действия информационного оружия может простираться от нанесения вреда психическому здоровью людей до внесения вирусов в компьютерные сети и уничтожения информации в системе государственного управления. Пентагон на суперкомпьютерах моделирует варианты возможных войн в XXI столетии с использованием методов и технологии «не смертельного» оружия.

Одной из важнейших задач информационного противоборства является воздействие на систему государственного и муниципального управления, основу которых составляют информационные действия.

Управленческая сфера издавна служила как полем столкновения противоположных интересов разного рода противников (враждующих государств, политических деятелей), так и объектом подрыва с их стороны форм и способов борьбы. Это разнообразные ограничительные меры как, например, экономическая блокада, блокирование резолюций ООН, использование методов заимствованных из арсенала спецслужб (шпионаж, подрывная деятельность, диссидентство, совершение экономических диверсий, финансовые махинации, тайные сделки).

В последнее время существенно возросла роль информации в жизнедеятельности общества, и немаловажное значение в этом принадлежит роли СМИ в общественной жизни. Теперь СМИ выступает как самостоятельная отрасль деятельности и политический институт. По этому поводу еще в начале XX века метко высказался выдающийся идеолог анархизма П. Кропоткин. В своей работе «Современная наука и анархия», которая увидела свет в 1913 г, он пишет: «Вообще, чем дальше мы продвигаемся в нашей буржуазной государственнической цивилизации, тем более пресса, переставая быть выражением того, что называют общественным мнением, прилагает все усилия к тому, чтобы самой фабриковать общественное мнение отвратительными способами. Крупная пресса во всех крупных государствах есть уже ни что иное, как два или три синдиката финансовых воротил, которые формируют нужное им, в интересах их предприятий, общественное мнение. Большие газеты принадлежат им, а все остальное не считается: их можно купить почти ни за что» [2, с. 144].

Появление PR привлекло внимание ученых, предпринимателей и политиков к такой серьезной области, как работа с информацией, в результате чего усовершенствовались коммуникативные технологии, применявшиеся ранее только во внешнеполитической сфере.

Основная задача специалистов, работающих в этой области — создание совершенных коммуникативных технологий, то есть таких вариантов организации подачи информации обществу, которые смогут гарантировать, или, по крайней мере, обещать достижения программируемого эффекта, например, победы своего кандидата на выборах, повышение спроса на рекламируемый товар.

Сегодня медиакампании применяются, как правило, для проведения специальных информационных операций. Такие операции очень различаются по объектам направления и схемам осуществления, но по содержанию и задачам они едины, и заключаются в расширении определенным образом организованной информации с целью выгодного психологического воздействия на дружескую или враждебную аудиторию для достижения тех или иных преимуществ (военный, политических, экономических).

Развитию экономики в мировом масштабе дали толчок глубокие сдвиги в сфере информационных технологий, хотя и базируется на широкой интеграции рынков и национальных экономик. И это одна из примет глобализации наряду с информатизацией и экономизацией в большинстве сфер человеческой деятельности. В современных условиях конкуренция существует между гигантскими монополистическими объединениями, внутри них, а также

между предприятиями немонополизированного сектора экономики и различных форм собственности.

Таким образом, особенностью современности является то, что центр борьбы перемещается преимущественно из сферы обращения в сферу производства, с отраслевого на межотраслевой, с национального на интернациональный уровень. И как не парадоксально, информационные технологии, которым экономики стран обязаны своим ростом, одновременно таят в себе угрозы для их разрушения.

Библиографический список

1. Информационная безопасность (2-я книга социально-политического проекта «Актуальные проблемы безопасности социума»). М.: «Оружие и технологии», 2009. 456 с.
2. Кропоткин П. А. Анархия: сборник. Москва: Айрис-Пресс, 2002. 572 с.

Sergey M. Ivanov, Alexey S. Ivanov

THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGY IN NATIONAL SECURITY

Abstract

The article discusses the problems associated with the growing influence of information technology in Russia's national security in a globalizing world. The examples of methods and techniques of information warfare. The role of the media in public life and the information war.

Keywords: information, information warfare, information warfare, information warfare.

УДК 323.174; 297.17; 323.285

А. С. Исаков

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния ислама на обеспечение безопасности территории. Тема раскрывается на базе российского общества, имеющего неоднородный религиозный состав. В исследовании применяется авторская методология анализа политических изменений с помощью мазхабов. Рассматриваются две позиции влияния мусульман на безопасность. Во-первых, как угроза безопасности. Во-вторых, как фактор, способствующий безопасности. Отдельно анализируется проблема возникновения экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: безопасность, ислам, идентичность, миграция, экстремизм.

22 апреля глава российского внешнеполитического ведомства Сергей Лавров высказал мнение, что главной угрозой для России является группировка «Исламское государство». Это способствовало активизации академического дискурса так называемой «исламской угрозы», а именно описания потенциального влияния представителей мусульманского вероучения на безопасность в контексте гетерогенного общества.

Как многонациональное и многоконфессиональное государство, современная Россия стоит перед вопросом оценки влияния ислама на потенциал безопасности государства. Основа этого влияния зиждется в плоскости формирования альтернативной идентичности на базе религии. Ее наиболее экстремальное проявление оформляется в виде ряда делинквентных феноменов, кульминативным выражением которых становится социальное отчуждение и, как наиболее потенциально опасная угроза, терроризм. «Именно использование террора как способа влияния на формирование политической повестки субъекта изменило восприятие региональных проблем в контексте идентичности. Если ранее существовал тренд формирования общенациональной идентичности, основанный на артикуляции исторически традиционных ценностей, часто инкорпорируемых в концепт национальной идеи; то современное измерение идентичности зиждется на локальном уровне» [3].

Угроза формирования локальных версий идентичности может быть выражена как варианты самоидентификации человека, его принадлежности к определенным сообществам, при отсутствии значимых аксиологических альтернатив. Локальная идентичность может быть создана с помощью нескольких оснований. Во-первых, идентичность, связанная с географической местностью: региональная, как житель Урала; или муниципальная, как Екатеринбург. Во-вторых, может иметь национально-этническую окраску, как русский. В-третьих, может быть основана на идеологическом базисе, как либерал. В-четвертых, может быть локализована на уровне религии. Современный академический дискурс особо акцентирует внимание на последнем, как являющемся конгруэнтным исчерпывающему репертуару актуальных угроз для РФ.

Религиозная гетерогенность российского общества характеризуется наличием в нем так называемых «традиционных конфессий», в состав которых включают христианство, ислам и буддизм; а также иные, малочисленные, конфессии. В контексте безопасности территории, основной вызов создания альтернативной аксиологии приходится на ислам. При этом основной вариацией данной религии для жителей России является суннитский ислам ханафитского мазхаба. Его приверженцами являются как большинство российских мусульман, так и основные группы иммигрантов. В основном, исключение составляет только ряд кавказских народностей, использующий шафиитский мазхаб суннитского ислама; и азербайджанцы, исповедующие ислам шиитского толка.

Мазхаб является правовой школой религии. С его помощью происходит легитимация политических изменений в жизни общины. Политологическая логистика данного процесса оказывает системообразующее влияние на характер предполагаемой локальной идентичности за счет особенностей реализации механизмов натурализации общественных новаций.

Обращаясь непосредственно к ханафитскому мазхабу, можно выявить ряд особенностей его влияния на политические процессы. [6; 134-135].

Во-первых, ханафитский мазхаб является самым умеренным течением мусульманской веры. Допускаемая умеренная секуляризация сочетается с детерминацией особенностей исповедания религии местными традициями, в совокупности формирующими синкретическую религию. Данная синкретия позволяет инкорпорированным носителям веры сочетать как аксиологию ислама, так и местные традиции. Также это отражается в виде отсутствия ориентаций на религиозный экстремизм.

Во-вторых, основные процедуры легитимации общественных изменений в рамках ханафитского мазхаба зиждутся на демократическом посыле. С помощью исламского принципа «истихсан» используется механизм, предполагающий рассмотрение любых новаций с позиции удобства. Критерием удобства может выступать воля уммы, т.е. если какая-либо практика принята населением, то она может считаться приемлемой с точки зрения ислама.

В-третьих, для ханафитского мазхаба свойственна высокий уровень так называемой этноконфессионализации, т.е. диалектического характера идентичности, предполагающего ассоциативность национальной и религиозной идентичности. Кроме того, в дихотомии космополитизм-национализм ханафиты отдают предпочтение национальной идентичности. Это означает высокий уровень опасности возникновения сепаратизма на базе этнических характеристик, но умоляет угрозу аксиологической дивергенции на базе религии.

Данный аутентичный потенциал российских мусульман принято рассматривать в диалектическом ключе. Во-первых, как фактор, представляющий угрозу безопасности территории проживания. Во-вторых, как фактор, способствующий обеспечению безопасности территории.

Доминирующим является подход, рассматривающий наличие альтернативной идентичности на основе религиозного фактора как угрозу безопасности территории. Это обусловлено анализом природы большинства наиболее крупных происшествий противозаконного характера, несущих угрозу безопасности: их инициация происходит на базе религии. Кроме того, как в научном дискурсе, так и в обывательском сознании; существует ассоциативная

связь между угрозами для безопасности территории и религиозной гетерогенностью. В крайних версиях эта связь облекается в так называемый образ «исламской угрозы».

Данный образ проецируется на проблему обеспечения безопасности не только в потенциальном, но и реальном измерении. Наибольшую угрозу представляет создание автономной автономности, приводящей к социальной дивергенции и аномии. «С помощью автономизации община старается сохранить аутентичный характер собственного вероисповедания, противостоять религиозной синкретии и обеспечить воспроизведение автохтонных элементов» [3].

Наиболее подверженными социальной дивергенции слоями населения являются неофиты, т.е. новообращенные мусульмане из тех слоев населения, для которых исповедание ислама не является традиционным. У неофитов происходит нивелирование социальных связей вне общины и увеличивается риск возникновения симпатий к экстремистским группам, что делает их основной рекрутинговой базой для терроризма.

Угрозы иного рода могут явиться следствиями социально-политических особенностей самого мазхаба. Ханафитская правовая школа предполагает артикуляцию не только религиозных, космополитических, ценностей; но также делает особый акцент на сохранении и воспроизводстве национальных традиций. Подобная особенность затрудняет полную инкорпорацию носителей ислама в российское общество. Данная проблема свойственна широким слоям мигрантов, акцентирующих свою национальную идентичность, представляемую через призму этноконфессионализации. [2; 88] В отношении этносов, исторически проживающих на территории РФ, данная угроза нивелируется за счет их исторической инкорпорации в российское общество, институционально оформленной в процессе создания советской культуры.

Иное влияние на проблему обеспечения безопасности территории можно увидеть анализируя вызванную исламом религиозную гетерогенность в контексте его рассмотрения как фактора, оказывающего позитивное воздействие. Данный подход не является доминирующим в академическом дискурсе, однако, необходим для комплексного анализа феномена.

Укрепляющий безопасность территории потенциал может быть рассмотрен в нескольких направлениях: Во-первых, как потенциал для ассимиляции и натурализации. Во-вторых, как потенциал социальной стабилизации. В-третьих, как потенциал сдерживания демографической агрессии.

Ассимиляционный потенциал религиозной гетерогенности подразумевает рассмотрение проживающих в РФ мусульман как катализатора ассимиляции и натурализации мигрантов. Подобный эффект возникает за счет экстраполяции на новоприбывших местных традиций отношения к политическим и социальным процессам. В свою очередь, это не позволяет создавать замкнутые социальные общины на основе религиозного фактора. С другой стороны, это также способствует ресоциализации. Так как основной причиной миграции является трудовая деятельность; то рецепция практик социального поведения со стороны своей религиозной группы облегчает процесс освоения необходимых социальных компетенций и норм поведения.

Потенциал улучшения механизмов социальной стабилизации представляют теологические процедуры, заложенные в ханафитский мазхаб. Так основой для легитимации социальных новаций служит общественное мнение, удобство, использование уммой; то любые политические изменения могут пройти институционализацию и восприниматься как традиция. Благодаря этому изменения могут приниматься без опасности радикализации общества и служат дополнительным каналом политической коммуникации.

Укрепление безопасности за счет сдерживания демографической агрессии происходит с позиции рассмотрение российской исламской уммы в качестве сдерживающего фактора иммиграции. На сегодняшний день, Россия находится перед вызовом масштабного проникновения мигрантов из исламских стран. К таким странам относится не только постсоветская Средняя Азия, но также и демографически значимые страны дальнего зарубежья, проявляющие интерес к освоению российского пространства: Афганистан, Пакистан, Иран и Бангладеш.

деш. Предотвращение демографической экспансии со стороны данных государств является актуальным вызовом, но так как исламская умма должна быть едина, то потенциальные мигранты из этих стран не могут найти автономные социальные ниши, позволяющие их комфортное существование в условиях российского общества. Таким образом, приезжие будут вынуждены либо интегрироваться в конфессиональное пространство, сформированное местными мусульманами [8], либо покинуть место пребывания.

Таким образом, религиозная гетерогенность российского общества может рассматриваться в бинарном ключе: как угроза безопасности, так и широкий репертуар преимуществ. Создание альтернативной идентичности на религиозной почве создает прецеденты возникновения социальной дивергенции, аномии и экстремизма. С другой стороны, особенности российских мусульман оказывают стабилизирующее воздействие на российское общество, так улучшают механизмы социальной адаптации, препятствуют иммиграции потенциально угрожающих элементов и предоставляют механизм для эффективной легитимации политических изменений, что способствует укреплению демократических устоев государства. Именно данные преимущества, в большей степени, являются ответом на глобалистский вызов, брошенный группировкой «Исламское государство» в контексте дегуманизации исламского мира.

Библиографический список

1. *Бартольд В. В.* Ислам. Культура мусульманства. Мусульманский мир – М.: Книговек, 2012.
2. *Исаков А. С.* Политическая модернизация в странах исламского востока: проблема конвергенции периферии и центра – Саарбрюккен: LAP LAMBERT, 2013.
3. *Исаков А. С.* Религиозная идентичность мусульман в контексте региональной безопасности Свердловской области // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Материалы. Екатеринбург. Т. 2., 2004.
4. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В.Я. Белокреницкий. М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
5. *Левин З. И.* Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
6. *Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламский проект. М: Весь Мир, 2006
7. *Осипов Г. В., Тощенко Ж. Т.* Современный мир и религия // Вопросы философии. № 6. 2007.
8. *Рязанова С. В., Черных А. В.* Миграционные процессы в среде мусульман как фактор формирования конфессиональной картины региона (на примере Урало-Поволжья) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 12. 2012.

Alexandr s. Isakov

THE ISLAMIC FACTOR IN THE CONTEXT OF ENSURING THE SAFETY OF THE TERRITORY

Abstract

The article aims to explore the influence of Islam on safety grounds. The theme is revealed on the basis of Russian society with heterogeneous religious composition. In the study, the author applies the methodology of the analysis of political change with the help of madhabs. Considered two aspects of the influence of Muslims on security. Firstly, as a security threat. Secondly, the factor of safety. Also examines the problem of extremism and terrorism.

Keywords: safety, Islam, identity, migration, extremism.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ**Аннотация**

Все экономические процессы отражаются на рынке труда, в сфере трудовых взаимоотношений между работником и работодателем. Все чаще наблюдается распространение прекаризации занятости. Вопросы гендера в профессиональной деятельности являются крайне актуальными. В связи с чем изучение факторов прекаризации в зависимости от пола работника дает возможность наиболее полно понять суть социального загрязнения труда на современном Российском рынке труда. Результаты представленного в данной статье исследования позволили разделить все факторы на объективные и субъективные. Детальное изучение факторов прекаризации позволило сделать вывод о значимости гендерных особенностей в рамках субъективных факторов прекаризации.

Ключевые слова: прекаризация занятости, прекариат, гендер, рынок труда, социальное загрязнение

Сложная экономическая ситуация, существующая сегодня России, неизбежно оказывает негативное влияние на процессы, происходящие на рынке труда, в сфере трудовых взаимоотношений между работником и работодателем. Все чаще наблюдается распространение прекаризации занятости. Работодатели, стремясь минимизировать свои издержки, в том числе экономят и на персонале, тем самым сокращая заработную плату при выполнении того же объема работы, или наоборот увеличивают объем работы при неизменной заработной плате, сокращают социальный пакет, задерживают или вообще не выплачивают денежное вознаграждение за выполненную работу и т. п. В результате в структуре экономически активного населения постоянно растет доля работников, являющихся социально незащищенными, не имеющими гарантированной занятости. Это явление мы определяем как социальное загрязнение от экономической деятельности хозяйствующих субъектов [2, с. 396]. Понятно, что оно оказывает негативное влияние не только на конкретных работников, их благосостояние, эмоциональный фон, их семьи, в конце концов, но и на благосостояние общества в целом. В числе факторов социального загрязнения рассматривается: 1) нарушение работодателем договоренностей с работником, 2) применение форм гибкой занятости (срочные трудовые договоры или вообще их отсутствие), 3) сложный социально-психологический климат на рабочем месте, неустойчивый характер взаимоотношений с коллегами, руководством, в целом деструктивные отношения в коллективе на рабочем месте. Несмотря на значимость всех вышеперечисленных факторов, государственное регулирование вопросов прекаризации занятости, здоровья и благополучия трудовых ресурсов имеет мозаичный характер. Факторы прекаризации можно детерминировать в зависимости от различных социально-демографических аспектов: отрасли предприятия, категории работника, возраста, пола и т.д.

Вопросы гендера в профессиональной деятельности являются очень актуальными. Часто мы сталкиваемся с тем, что женщинам сложнее трудоустроиться, им предлагают более низкий уровень оплаты труда по сравнению с мужчинами, обязывают повременить с декретным отпуском и т. п. Поэтому нам представляется интересным выявить, какие из факторов прекаризации наиболее всего зависят от пола.

Все факторы, детерминирующие тот или иной вид деятельности можно условно разделить на объективные и субъективные, используя «принцип выделения объективных и субъективных по своему происхождению элементов детерминации» [1, с. 28].

Исследование факторов прекаризации, реализованное авторами, было проведено методом квотной выборки (N=210). Нами опрашивались наемные работники российских предприятий в соотношении 50 % мужчин — 50 % женщин. Опрос проводился методом очного анкетирования в 2015 году.

Изначально мы предположили, что объективные факторы, кадровая политика организации, нарушение договоренностей со стороны работодателя мало зависят от пола работника. Ведь если в организации и имеют место подобные негативные явления, то, скорее всего, они касаются всех сотрудников и скорее зависят от категории работника, нежели от его пола.

Ряд других объективных факторов, выделенных нами: форма трудовых отношений с работодателем, срок действия трудовых отношений с работодателем, форма выплаты денежного вознаграждения были изучены в контексте зависимости от пола респондента. Согласно полученным данным форма трудовых отношений с работодателем, а также срок действия трудовых отношений с работодателем не зависит от пола. Как мужчины, так и женщины в одинаковой степени отмечают наличие гибких форм трудовых отношений, а также срочные трудовые контракты. Что касается формы выплаты денежного вознаграждения, то мы установили, что женщины чаще получают заработную плату «в конверте», нежели мужчины (18,4 % и 8,5 % соответственно).

Что касается субъективных факторов прекаризации, то среди них мы выделили: ухудшение личного благополучия работника, беспокойство и негативные эмоции на рабочем месте, потенциальные угрозы для будущего на текущей работе, необходимость выполнять дополнительные функции для сохранения своего рабочего места. Скорее всего, что именно эти факторы наиболее всего зависят от пола респондента, от тех гендерных особенностей, которыми обладает тот или иной работник.

Одним из главных субъективных факторов прекаризации мы назвали ухудшение благополучия работника за последний год по личным оценкам респондентов. Благополучие и ощущение благополучия значимы для каждого человека. Представление о собственном благополучии, его оценка опирается на критерии успешности, показатели здоровья, материального достатка и т. д. В данном случае мы понимаем по благополучием и духовное благополучие, и социальное, и экономическое, ведь профессиональная деятельность так или иначе касается всех областей жизни человека и тем самым влияет на его общее ощущение своего благополучия.

В целом, мужчины и женщины отмечают ухудшение своего благополучия за последний год вследствие определенных решений руководства примерно в равной пропорции. Хотя некоторые различия все же прослеживаются. Женщины в большей степени, чем мужчины, отмечают снижение денежного вознаграждения (21,6 % против 17,1 % соответственно). На благополучии мужчин же, в большей степени, чем женщин, сказалась реструктуризация отдела или предприятия (21,0 % против 14,7 % соответственно). Таким образом, мы вынуждены заключить, что женщины несколько больше ущемлены в материальном плане, чем мужчины. Снижение денежного вознаграждения начинается именно с женской половины предприятия.

Женщины, в силу своей природной эмоциональности, в разы превосходящей мужскую, в целом отмечали большее количество факторов беспокойства и негативных эмоций на рабочем месте, чем мужчины. Данная тенденция прослеживается по всем позициям. Особенно это видно в альтернативах, касающихся стресса на рабочем месте: высокий уровень стресса на рабочем месте (женщины — 31,1 %, мужчины — 15,1 %); слишком высокая напряженность работы (23,3 % — женщины, 14,2 % — мужчины). Негативные (деструктивные) черты характера руководителя, что также ведет зачастую к постоянному стрессу на рабочем месте, отметили 17,5 % женщин и только 9,4 % мужчин. Женщины более тонко чувствуют тон взаимоотношений, для них играет значимую роль эмоциональная составляющая взаимоотношений как с коллегами, так и с руководством. Поэтому негативные черты характера руководителя с большей силой сказываются на психологическом состоянии женщины на рабочем месте, нежели мужчины. В свою очередь, отсутствие беспокойства и негативных эмоций на рабочем месте отмечают 22,6 % мужчин и только 12,6 % женщин.

Все респонденты показывают практически одинаковый уровень тревоги за свое будущее на данном рабочем месте. Хотя опять-таки среди женщин по ряду позиций процент ответов существенно превосходит этот показатель, чем среди мужчин (табл. 1).

Угрозы для будущего работника на текущей работе в зависимости от пола, % от ответивших

Угрозы для будущего на текущей работе	Пол	
	Мужской	Женский
Снижение размера денежного вознаграждения	20,8	30,4
Ухудшение физического здоровья на рабочем месте	24,5	24,5
Снижение уровня удовлетворенности работой	23,6	25,5
Отсутствие профессионального развития	19,8	27,5
Потеря рабочего места из-за кризиса в экономике	20,8	20,6
Ничего не угрожает моему будущему	19,8	8,8
Утрата психологического равновесия из-за неуверенности в завтрашнем дне	8,5	7,8
Потеря работы из-за высокой конкуренции среди коллег	2,8	3,9

Самая большая разница в ответах между мужчинами и женщинами оказалась по позициям: отсутствие профессионального развития (27,5% женщин и 19,8% мужчин), а также снижение размера денежного вознаграждения (30,4% женщин против 20,8% мужчин). Опасение женщин за снижение размера денежного вознаграждения прослеживается по ряду факторов. Вероятнее всего объяснение здесь таково, что в сложные экономические периоды либо увеличивается объем работы за то же денежное вознаграждение, либо уменьшается объем денежного вознаграждения за ту же работу. Поскольку женщины больше мужчин загружены семейными, бытовыми делами, менее выносливы эмоционально и физически, дополнительная работа реже выполняется женщинами. В связи с чем понижается размер их денежного вознаграждения.

Действия, которые приходится предпринимать, чтобы сохранить за собой свое рабочее место, чаще — прерогатива мужчин. Они отмечают, что им приходится выполнять поручения, не входящие в должностную инструкцию чаще, чем женщины (51,4 % у мужчин, против 41,7 % у женщин), а также повышать квалификацию за свой счет (37,8 % мужчин, 8,3 % женщин). Это доказывает, что среди мужчин выше конкуренция, чем среди женщин.

Таким образом мы установили, что по ряду факторов прекаризации гендерных различий нет. Но, в целом, необходимо отметить, что женщины чаще находятся в ситуации социально загрязненного труда. Женщины чаще получают заработную плату «в конверте», им чаще сокращают размер денежного вознаграждения за ту же работу. Женщины более, чем мужчины, подвержены стрессам на рабочем месте, их волнуют сложные взаимоотношения с руководством, а также какие-либо негативные черты руководства. Также женская половина работников беспокоится за отсутствие профессионального развития на рабочем месте. В то время как среди мужчин более высокий уровень конкуренции.

Другими словами, говоря о прекариате, решении проблем социального загрязнения труда, равно как и в любой другой области жизнедеятельности человека, необходимо учитывать гендерные особенности для наиболее эффективного управления данными процессами.

Библиографический список

1. Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. Горно-геологической академии, изд-во Банк культурной информации, 2003. 228 с.
2. Fedorova A., Vishnevskii Yu., Dvorakova Z. Evaluation of the organizational influence on physical and psychosocial health at work. The 8th International Days of Statistics and Economics, Conference Proceedings, Prague, Czech Republic, September 11-13, 2014. P. 395-404.

GENDER SPECIFIC OF THE PRECARIZATION OF THE EMPLOYMENT

Abstract

Economic processes influence on the labor market, the sphere of labor relationship between the managers and the workers. Distribution of a precarious employment of the employment is even more often observed. Gender issues in professional activity are extremely actual. Studying of factors of a precarious work depends on a gender of the worker. It gives the chance to understand an essence of social pollution of the employment in the modern Russian labor market. Results of the research presented in this article allow us to divide all factors on objective and subjective. The detail study of factors of a precarization allows to draw a conclusion of the importance of gender features within subjective factors of a precarization.

Keywords: precarious work, precariat, gender, labour market, social pollution.

УДК 364

И. Р. Мороков

АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ДЛЯ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ, ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Автор анализирует формы и принципы, применяемые для координации деятельности субъектов, действующих в сфере профилактики безнадзорности, правонарушений и защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, безнадзорность, правонарушение, профилактика, формы, принципы.

Социальные и экономические проблемы в российском обществе ослабили институт семьи. Как следствие, в обществе произошло изменение морально-нравственных и ценностных установок. Выросло количество подростков, склонных к асоциальному поведению, а вместе с ними и количество правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы (Указ Президента РФ от 1 июня 2012 года № 761) подтверждается данный факт и отмечены следующие основные проблемы в сфере детства [7]:

- распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия в отношении детей;
- низкая эффективность профилактической работы с неблагополучными семьями и детьми, распространенность практики лишения родительских прав и социального сиротства;
- неравенство между субъектами Российской Федерации в отношении объема и качества доступных услуг для детей и их семей;
- социальная исключенность уязвимых категорий детей (дети-сироты, дети-инвалиды, и дети, находящиеся в социально опасном положении) и др.

Анализ этих проблем позволяет сделать вывод о том, что в их решении должны быть заняты министерства, ведомства, организации и должностные лица. При этом нельзя утверждать то, что в отдельности каждый субъект системы реализации и защиты прав ребенка не исполняет свои функции. Коллизия в обеспечении комплексного решения проблемы лежит, как всегда, на стыке ведомств, и отсутствии четких норм и принципов межведомственного, междисциплинарного и межинституционального взаимодействия [2, с. 12–13].

В систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят следующие субъекты управления: это комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции) [4, с. 133–134].

Также в деятельности по профилактике безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних и защите прав несовершеннолетних предусмотрено участие Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, других органов, учреждений и организаций.

Такое участие осуществляется в пределах их компетенции и порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Профилактика безнадзорности, правонарушений и защиты прав несовершеннолетних определяется нами как система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, в восстановлении их нарушенных прав, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении, и семьями, требующих особой заботы государства.

Координирующая функция возложена на Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В отсутствие нормативного акта, определяющего порядок межведомственного взаимодействия, каждая комиссия в Свердловской области, самостоятельно выстраивает алгоритм действий, что существенно снижает эффективность оказания помощи детям и семьям, требующим особой заботы государства [9].

Причиной низкой степени координации является недостаточная проработанность теоретических, методических и практических вопросов в организации реабилитации семей и детей, требующих особой заботы государства, в том числе инструментов, применяемых в сфере профилактики безнадзорности, правонарушений и защиты прав несовершеннолетних [3, с. 8–9].

Федеральными и региональными законами определены формы, используемые для решения анализируемой проблемы:

- заседания Территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, как основная форма деятельности и основной инструмент межведомственного взаимодействия;

- организация и проведение профилактических межведомственных мероприятий, таких как «Подросток — лето», «Подросток — семья», «Подросток — игла», «Безнадзорные дети», «Малыш», «Единый день профилактики», «Школьник», «День знаний», «Сообща где торгуют смертью» и другие. Их названия определяют направленность, содержание и форму их проведения.

Эти формы координации и оперативно – профилактические акции направлены на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, семейного неблагополучия, фактов жестокого обращения с детьми, оказания социальной, материальной и психологической помощи и поддержки семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении [5, с. 21–22].

На протяжении многих лет формы координации, состав участников комиссий практически не менялись. Сил и средств на проведение мероприятий затрачивается много. Но об их «эффективности» свидетельствует беспристрастная статистика. С одной стороны, мы

наблюдаем снижение количества семей, состоящих на учете как находящихся в социально опасном положении (с 4975 человек в 2011 году до 3406 человек в 2014 году). Но при этом Главное управление министерства внутренних дел (далее — ГУ МВД) приводит шокирующие цифры преступлений против несовершеннолетних. По сравнению с 2013-м годом количество таких преступлений увеличилось на 9,3 %, а каждое шестое преступление совершили близкие для ребенка люди (в 2013 году — 541 человек, в 2014 год — 770 человек).

В 2014 году Управлением по борьбе с незаконным оборотом наркотиков во взаимодействии с субъектами профилактики проведено 942 профилактических мероприятия: лекции, спортивные соревнования, выставки, конкурсы, форумы, фестивали для учащихся, студентов, воспитанников клубов и учреждений дополнительного образования. Но анализ статистики вновь ставит под сомнение эффективность проведенных мероприятий. В 2014 году количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в области незаконного оборота наркотиков, превысило показатели 2013 года на 161 %!

По данным ГУ МВД по Свердловской области по итогам 2014 года произошел рост преступности несовершеннолетних на 14,5 % с 2341 до 2680 преступлений, однако, уменьшилось количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности на 7,8 %. Анализ этой статистики свидетельствует о низком качестве работы с несовершеннолетними, склонными к совершению преступлений, что и приводит к многочисленным противоправным действиям отдельно взятого правонарушителя.

Мы приходим к выводу о необходимости повышения эффективности деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности, правонарушений и защиты прав несовершеннолетних. Для этого, по мнению автора статьи, необходимы иные методики формирования составов Территориальных комиссий, включение родителей (законных представителей детей группы риска), принятие стандартов социального обслуживания семей с детьми.

Во-первых, необходимо пересмотреть методику формирования составов Территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, и разработать таковую, исходя из междисциплинарного и межинституционального принципов. В составах комиссий должны появиться представители родительской общественности, а также представители наиболее распространенных религиозных конфессий, возможно, и молодежных организаций.

Во-вторых, серьезными рисками для определенных категорий семей являются возможности возникновения пожаров, дорожно-транспортных происшествий, жертвами которых могут быть дети, выпадение детей из окон, а также жестокое обращение с ними. Учитывая то, что наиболее тревожная ситуация по обеспечению безопасности детей сформировалась в бытовой сфере, необходимо утвердить стандарты социального обслуживания семей с детьми, чтобы минимизировать существующие риски.

И, в-третьих, по нашему мнению, необходимо разработать методические рекомендации по организации межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики, включив в них родителей — законных представителей детей группы риска.

Личность несовершеннолетнего подростка легко подвергается любому влиянию, к сожалению, в современной действительности степень негативного влияния значительно выше, чем позитивного.

Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних представляет актуальную и значимую составную деятельность, направленную на предупреждение правонарушений и преступности. Решение выявленных проблем будет способствовать снижению количества правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних.

Библиографический список

1. *Калинкина М. Ю.* Беспризорность и правонарушения несовершеннолетних: обзор научных исследований. // Вопросы ювенальной юстиции. 2013. № 2. С. 22–24.
2. *Кевля Ф. И.* Социально-педагогическая поддержка семей и детей группы риска. // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2012. № 1. С. 12–13.

3. Николаева Ю. В. О государственной политике в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних // Адвокат. 2014. № 6. С. 8–9.
4. Прудников Б. П. Профилактика беспризорности, безнадзорности и наркомании среди несовершеннолетних. // Административно-правовое регулирование. 2014. № 13. С. 133–134.
5. Рыбинский Е. М., Кузнецова Л. В., Несмеянова М. И. Государственная социальная политика в интересах детей // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 21–22.
6. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: Указ Президента РФ от 1.06.2012 г. № 761. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3PFеMBojb>.
7. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=169796>;
8. Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: Постановление Правительства РФ от 6.11.2013 г. № 995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70497602/>;
9. Калинина Н. В., Платнов Н. А. Методические рекомендации по вопросам защиты прав несовершеннолетних / Издание управления методической работы и издательской деятельности Правительства Свердловской области. Екатеринбург, 2013. 308 с.

Igor R. Morokov

ANALYSIS TOOL USED TO COORDINATE THE ACTIVITIES SUBJECT IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF NEGLECT, THE OFFENSE AND THE PROTECTION OF MINORS: THEORETICAL ASPECTS

Abstract

The article deals with the problems in the field of prevention of child neglect and juvenile delinquency. The author analyzes the forms and principles applied to coordinate actors in the field of prevention of child neglect, crime and the protection of minors.

Keywords: minor, neglect, crime, the forms and principles.

УДК 316.3

Р. В. Нифантова

ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЛИЯНИЯ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА¹

Аннотация

В современных условиях особое значение приобретает вопрос реализации человеческого потенциала. Со вступлением науки в «век биологии», начало которому положено развитием молекулярной биологии, генетики, биокibernетики, открываются новые возможности для эффективной адаптации человека к новым условиям среды. В статье на основе обобщения теоретического и эмпирического материала отечественных и зарубежных исследователей представлены основные теории видовой продолжительности человеческой жизни, биологические и социально-экономические критерии и факторы здоровья, причин смерти и долгожительства. Обсуждены достижения генетики старения человеческого организма. Уделено внимание проблеме выраженной устойчивости генофонда *Homo sapiens* и замедления его биологической эволюции в историческом развитии. Показано, что, несмотря на глубокую

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста», проект № 15-06-09 169

социализацию своей природы, человек подчиняется всем законам биологической организации, различные социально-экономические и физико-географические условия, продолжительно взаимодействуя с биологическими факторами, детерминируют определенную продолжительность жизни.

Ключевые слова: воспроизводство человека, демографические процессы, рождаемость, смертность, причины, следствие и условия смерти, биологические и социальные факторы здоровья, продолжительность жизни, долголетие, биологическая эволюция человека, адаптация, наследственность, генетика, научно-технический прогресс в медицине.

Важнейшим аспектом всестороннего развития человека являются вопросы совершенствования качества народонаселения, атрибутом которого служит хорошее здоровье и долгая активная жизнь. В современный период развития общества при ускоряющихся ритмах и темпах социального времени категория здоровья приобретает новое многостороннее и многоплановое содержание. Достаточно емкое определение этой категории дает академик РАН В. П. Казначеев, рассматривающий здоровье человека как динамическое состояние сохранения и развития его биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни. [3].

В отличие от здоровья отдельного индивида здоровье человеческой популяции принято рассматривать как процесс социально-исторического развития биологической и психосоциальной жизнеспособности людей в ряду поколений. Критерии общественного здоровья, наряду с индивидуальными свойствами каждого человека в отдельности, включают уровень рождаемости, здоровье потомства, генетическое разнообразие, а также показатели общей заболеваемости, инвалидности, смертности, средней продолжительности жизни, причин смерти. Применительно к диалектической трактовке демографических процессов подробное пояснение категориям «причины», «следствие», «факторы» и их значение в анализе данных явлений дали отечественные демографы М.С. Бедный, Л.Л. Рыбаковский, Б.Ц. Урланис. Авторы единодушны в том, что демографические процессы, будучи тесно связанные с определенными социально-экономическими условиями, одновременно являются факторами, воздействующими и на условия, и на многие другие процессы, этими условиями определяемые. Задача в том, чтобы из множества факторов выделить те, которые оказывают решающее влияние на объект нашего исследования — человека [1; 9; 10].

Важнейшей характеристикой жизни является процесс приспособления, который выработался у человека в процессе эволюции. Ученые разных специальностей в целом единодушны в том, что видовая продолжительность жизни *Homo sapiens* около 100 лет и даже больше. Продолжительность жизни, т. е. способность поддерживать жизнеспособность организма длительное время, является комплексным количественным признаком, определяющим вклад в дарвиновскую приспособленность. Если межвидовое варьирование продолжительности жизни может свидетельствовать в защиту генетических основ долгожительства, то внутривидовые различия часто рассматривают как стохастические. Однако не следует исключать наследственную предрасположенность, достигающую для данного признака 30 % [6]. М. С. Бедный за наиболее достоверный предел биологически возможной жизни человека принимает возраст 110 лет. Ученый и публицист демограф Б.Ц. Урланис, введя в общую статистическую картину смертности поправки на преждевременные смерти, пришел к заключению, что хронологическая продолжительность жизни мужчин равна 86, женщин - 88 годам. «Длину пути определяют социальные трения» — писал Б.Ц. Урланис. И если видовая продолжительность и определяет в значительной степени потенциальную продолжительность жизни индивидуума, то многочисленные факторы среды влияют на фактическую продолжительность жизни. Исследователи считают, что статистически массовый выход за 90 лет, принятый в мировой геронтологической практике в качестве порога долгожительства, и особенно за 100 лет, представляется слабо вероятным в

обозримом будущем, и что он потребует не только революционных усилий со стороны системы здравоохранения, но и перестройки генного механизма старения [6].

Что касается различия в продолжительности жизни мужчин и женщин, наука и жизнь доказала, что оно обусловлено как социальными, так и биологическими причинами. Социальные причины полового различия в продолжительности жизни в пользу женщин убедительно подтверждены статистическими и социологическими исследованиями. К ним относится большее распространение среди мужчин злоупотреблением алкоголем, курением, табака и выбором вредных профессий. Биологические факторы известны в меньшей степени. Эволюционная предрасположенность различий продолжительности жизни между полами свидетельствует в пользу биологической обусловленности полового диморфизма для продолжительности жизни. У мужских особей относительно более высокий уровень обмена веществ, в том числе и более высокая интенсивность окисления свободных радикалов, с чем связана опасность возникновения мутаций. Повышенная смертность мужского пола характерна не только для людей, но и для животных и даже для растений. Неоднозначен и фактор полигамного поведения мужской особи. Ученый-иммунолог, академик РАН В.А. Черешнев в монографии «Иммунитет человека и общества» пишет, что мутации происходят гораздо чаще в мужской Y-хромосоме, и по мужской линии передаются в 10 раз больше наследственных заболеваний, нежели по женской X-хромосоме [12]. Среди большинства видов животного мира достоверно продолжительность жизни мужских особей короче, нежели женской [6]. Примерно так же обстоит дело с человеческой популяцией: показатели дожития во всех возрастных группах мужской части населения статистически ниже, нежели женской части. В Европе мужчины живут в среднем 74 года, а женщины — 84, средняя мировая продолжительность жизни женщин на 7 лет больше, чем мужчин (2010 г.).

Наиболее распространенным воззрением на происхождение лимита, ограничивающего продолжительность жизни, является теория «клеточной смерти». Суть ее заключается в том, что смерть человека неизбежна в связи с наступающим по истечении определенного количества прожитых лет самоотравлением организма продуктами его жизнедеятельности, истощением, а затем и гибелью функционально важных клеток организма. Согласно классическому определению отечественных и зарубежных генетиков и биологов, старение — многопричинный разрушительный процесс, вызываем комплексом регуляторных и стохастических факторов и определяемый генетически детерминированной биологической организацией живой системы. Иначе это результат ограничения механизмов саморегуляции, снижения их потенциальных возможностей при первичных изменениях в регулировании клеточного генетического аппарата, подчеркивают, что продолжительность жизни человека определяются взаимоотношениями процесса разрушительного, т.е. процесса старения и процесса адаптивного, иначе викаукта. Современная геронтология позволяет выделить две предпосылки связанного с возрастом разрушения биосистемы. Первая - организационная конечность существования организма. Вторая – ограниченная надежность элементарных процессов жизнедеятельности, в силу которых неизбежны ошибки в ДНК, биосинтезе ферментов и т.д. [6; 11]. В последние годы большой резонанс получила проблема выраженной устойчивости генофонда *Homo sapiens* и очевидное замедление его биологической эволюции. В то же время многие естествоиспытатели отмечают, что такие демографические факторы, как резкое падение рождаемости и увеличение продолжительности жизни среднего представителя нынешних поколений людей, проявившиеся в XIX-XX вв. в большинстве регионов Земли не могли пройти бесследно для человека как биологического вида. На протяжении длительного периода истории человечества повышенная смертность детей раннего возраста на фоне высокой нерегулируемой рождаемости в определенной мере играла роль естественного отбора, то для нынешних поколений этот фактор практически утратил свою роль. Более того, нельзя не отметить и факт накопления в человеческих популяциях доли лиц менее жизнестойких с различными пороками развития, сохраненных благодаря достижениям научно-технического прогресса в медицине [2; 7].

Очевидно также, что определенные последствия на качество настоящих и будущих поколений в плане их соматических и психических способностей оказывают, наряду с падением рождаемости, распространением женского и мужского бесплодия, выхаживанием младенцев с низкой массой тела и тяжелыми врожденными уродствами, ряд других социальных и биологических и демографических факторов. В частности, проявление таких негативных тенденций, как акселерация, ретардация старения, рост доли «молодых» и «старых» первородящих, невынашивание беременности и увеличение частоты появления на свет детей до полного созревания, широкое использование гормонов с целью планирования беременности и, наконец, зачатых в пробирке. Для медицинской науки и практики проблема соотношения социального и биологического в нормальной и патологической жизни человека заслуживает большого внимания. В патологии людей все очевиднее становится, с одной стороны, зависимость ее возникновения от генетических факторов, а с другой — усиливающееся давление социальной среды все чаще определяет характер болезни. Даже генетически обусловленные заболевания проявляются по-разному в зависимости от образа жизни, который зачастую и определяет исход болезни. Отметим, что в последние годы в практике активно используются методы медико-генетического консультирования семей с целью своевременной профилактики провоцирующих факторов. При этом со всей очевидностью можно сказать, что на сегодня медицинские знания отстают в выяснении характера влияния этих негативных явлений на здоровье как настоящих, так и будущих поколений. В частности, либеральное проявление общества к однополый любви, может оказать отрицательные последствия не только на психологическом, но и физиологическом развитии социума [13]. Среди факторов риска развития многих заболеваний одним из самых частых называется злоупотребление алкоголем. Значение же этого фактора в возникновении несчастных случаев, травм и отравлений трудно переоценит. Алкоголизм и связанные с ним заболевания среди причин смерти занимают третье место после смертности от сердечных и сосудистых заболеваний и рака. По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения, показатели смертности среди категории населения, злоупотребляющего алкоголем, 2-4 раза выше, чем среди населения в целом [5].

Отсюда вывод — и социальная практика второй половины прошлого и начала нынешнего веков подтверждает его в полной мере, — что человечество для своего существования и позитивного развития в будущем должно принять на себя ответственность за совершенствование социума, за охрану окружающей среды и их оздоровление. **Говоря о науке, уместно отметить, что в России в течение последних 15-20 лет наметился заметный интерес к геронтологическим исследованиям. В этом плане** представляют интерес проводимые с середины прошлого века международные программы фундаментальных научных исследований организма человека. Цель исследований - изучить процесс роста стволовых клеток человека. Главная задача — в ближайшем будущем использовать стволовые клетки в лечении и предупреждении болезней, в замедлении биологического старения организма.

В заключение отметим, что человеку присуще сложное сочетание биологических свойств, выступающих в качестве предпосылок развития личности, которая формируется под определяющим влиянием социальной среды. Современная цивилизация дает новые возможности совершенствования человека будущего как биологического существа, которые, однако, могут быть реализованы лишь в подлинно разумных и гуманных целях. В этом плане наша страна все больше расширяет сотрудничество с другими странами в решении глобальных проблем, особенно обострившиеся во второй половине XX века и жизненно важны для человечества. Среди таких глобальных проблем названы, в частности, охрана окружающей среды, демографическая ситуация, ликвидация опасных болезней.

Библиографический список

1. Бедный М. С. Демографические процессы и прогнозы здоровья населения. М.: Статистика, 1982. 266 с.

2. *Дильман В. М.* Большие биологические часы: Введение в интегральную медицину М.: Знание, 1981. 207 с.
3. *Казначеев В. П.* Очерки теории и практики экологии человека. М.: Наука, 1983. 260 с.
4. *Коненков В. И.* От «выращенной» клетки к искусственным органам: мечта сбывается, Медицинская газета. № 82. 2 ноября 2012. С.3–4.
5. *Копыт Н. Я.* Распространенность и медико-социальные последствия алкоголизма // Труды Моск. мединститута им. Н.И. Пирогова. М., 1975. Т.36. С. 35–50.
6. *Москалев А. А.* Старение и гены. СПб.: Наука, 2008. 358 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gerontology.ru/PDF_library/Moskalev A. Aging and genes.pdf.
7. *Нифантова Р. В., Ножкина Н. В.* Населению России – активное долголетие: Материалы 4-го уральского демографического форума. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013 . С.225–228.
8. Основы геронтологии / Под ред. Л. Бине и Ф. Бурьера. Пер. с франц. Н.Варшавер М: ВИНТИ, 1960. 320 с.
9. *Рыбаковский Л. Л.* Понятие, сущность и специфика демографических процессов М.: Наука. 1982. 230 с.
10. *Урланис Б.Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. 308 с.
11. *Чеботарев Д. Ф., Фролькис В. В.* Продление жизни // Медицинская газета. 1983. 13 мая. С. 5.
12. *Черешнев В. А.* Иммуитет человека и общества. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 315 с.
13. *Эмануэль Н. М.* Антиоксиданты и увеличение продолжительности жизни / Физиологический журнал. 1984. Т. 30. № 1. С. 9–15.

Raisa V. Nifantova

DIAGNOSTIC PICTURE OF MULTIDIRECTIONAL FACTORS ON HUMAN BEING DEVELOPMENT INFLUENCE

Abstract

In modern conditions the question of realization of human potential has particular importance. On the assumption of science into "biology age", founded by development of molecular biology, genetics, biological cybernetics, new opportunities for effective adaptation of human being to new conditions of medium open. The main theories of specific duration of human life, biological and social and economic criteria and factors of health, causes of death and longevity are presented in article on the basis of generalization of theoretical and empirical material of domestic and foreign researchers. Achievements of genetics of human being aging are discussed. The attention to a problem of the expressed fastness of a gene pool of Homo sapiens and retardation of its biological evolution in historical development is paid. It is shown that, despite deep socialization of the nature, people submits to all laws of the biological organization, various social economic and physical-geographical conditions, for a long time interacting with biological factors, determine a certain life expectancy.

Keywords: human reproduction, demographic processes, birth rate, mortality, reasons, consequence and conditions of death, biological and social factors of health, life expectancy, longevity, biological human being, adaptation, heredity, genetics, scientific and technical progress in medicine.

СИНДРОМ ХРОНИЧЕСКОЙ УСТАЛОСТИ КАК ПРОБЛЕМА МЕДИЦИНСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация

Данная работа посвящена изучению сферы медицинской безопасности, разработке методологии к подходу различных ее аспектов на примере синдрома хронической усталости. Данное заболевание имеет высокую степень распространения в обществе. Наибольшая встречаемость заболевания регистрируется в городах с высокой плотностью населения. Высокий риск заболевания связан с высоким уровнем стресса, высокой интеллектуальной нагрузкой и низкой физической активностью. Нами было проанализированы основные симптомы заболевания, его течения и высокие риски формирования дезадаптации и разрушения социальных связей. На основании предложенных фактов были разработаны пути решения проблемы. Выделены основные направления профилактики.

Ключевые слова: медицинская безопасность, синдром хронической усталости, дезадаптация, профилактика.

В современном мире общество все больше диктует потребности в защищенности, комфорте условий для реализации себя и своей семьи. В связи с изменениями, происходящие в современной России, актуальной является проблема безопасности личности, общества и государства, в связи с этим, на передний план выходит проблема безопасности. Одной из сфер, нуждающихся в формировании единых подходов к безопасности, является медицинская безопасность. Медицинская безопасность регулируется несколькими законодательными актами, такими, как постановление Правительства РФ от 12.11.2012 № 1152 «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности» и приказом Минздрава России от 21 декабря 2012 года № 1340-н утвержден «Порядок организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности» [3; 184]. Однако отсутствует унифицированный подход к рассмотрению отдельных аспектов медицинской безопасности.

Нами предлагается подход, который рассматривает медицинскую безопасность в триедином аспекте. Во-первых, как безопасность пациентов. Во-вторых, как безопасность медицинских работников. В третьих, в качестве безопасности лекарственных препаратов, используемых в лечении. Таким образом, медицинская безопасность рассматривается в контексте институционально инкорпорированных в систему здравоохранения целевых групп, обратившихся за помощью в медицинские учреждения. Наиболее интересной и перспективной темой в рамках предложенной проблемы нами представляется синдром хронической усталости (СХУ) и его угроза как для отдельных пациентов, входящих в группу риска, так и для групп общества в целом.

Целью данного исследования является рассмотрение синдрома хронической усталости как актуальной проблемы в рамках медицинской безопасности.

Существует несколько определений СХУ, наиболее верифицированными из них являются:

Синдром хронической усталости - заболевание, характеризующееся чрезмерной, инвалидизирующей усталостью, сохраняющейся как минимум 6 месяцев и сопровождающейся многочисленными суставными, инфекционными и нейропсихическими симптомами.[4; 5–6]

Синдром хронической усталости определяется как продолжительная, сильная, выводящая из строя усталость без очевидной мышечной слабости.[5; 51–55]

СХУ — одна из самых распространенных болезней настоящего времени. Как самостоятельное заболевание СХУ впервые был выделен в 1988 г. Центром по контролю заболеваний (The Centers for Disease Control — CDC, Атланта, США). К 1990 году в США было за

регистрировано более 100 000 случаев этого заболевания (около 80 % из которых — женщины) и создан «Национальный центр хронической усталости» [10; с. 80–82].

Причинами для обращения послужили увеличение числа больных с жалобами на тягелую постоянную усталость, сопровождающуюся рядом соматических и психологических симптомов без видимой причины заболевания, в штате Невада в 1984 г. Подобные вспышки заболевания наблюдали и раньше — в Лос-Анджелесе в 1934 г., в Исландии в 1948 г., в Лондоне в 1955 г., во Флориде в 1956 г. [10; 83–84,11; 97–103].

СХУ не имеет четкой локализации по географическим или социально-демографическим критериям, однако достоверно чаще фиксируется в крупных городах, с высокой плотностью населения, уровнем и темпом жизни, а так же большим количеством стресс- факторов. Можно сделать вывод, что высокая скорость урбанизации в развитых странах спровоцировали рост числа СХУ.

В связи с этим были сформулированы основные факторы риска, такие как перенесенная ранее инфекция, высокий темп жизни, перенесенный эмоциональный или физический стресс, перенесенные травмы, особенно черепно-мозговые с различной степенью тяжести.

По данным разных авторов, частота СХУ может составлять 1–3 случая на 1000 населения, что уступает лишь сердечно-сосудистым и онкологическим заболеваниям [6; 12]. Особенностью течения СХУ является явление постоянной усталости, которая не купируется сном или отдыхом в течение 2-х–3-х недель, сопровождается высоким риском для формирования неправильных пищевых привычек, склонностью к алкоголизму, гипертонической болезни, дезадаптации и, в конечном итоге, к потере трудовой деятельности и нормального темпа общественной жизни.

Провоцирующими же заболевание факторами является несбалансированная эмоционально-интеллектуальная нагрузка в ущерб физической деятельности, что формирует патологический замкнутый круг. Несмотря на широкую распространенность заболевания, патогенез этого заболевания неясен, единых подходов к лечению не существует. Причины СХУ до настоящего времени остаются неизвестными, большую роль отводится дефициту макро- и микронутриентов, пищевой аллергии, чрезмерным физическим и психическим нагрузкам, вирусной инфекции. Наиболее убедительной остается инфекционная или вирусная теория. Вирус Эпштейна-Барра, цитомегаловирус, вирусы простого герпеса I, II, VI типов, вирус Коксаки, гепатит С, энтеровирус, ретровирус могут служить триггерными факторами СХУ [12; 329–331.]. Дебют СХУ нередко связан с острым гриппоподобным заболеванием, убедительными представляются также данные о высокой частоте обнаружения герпес-вирусов и признаков их реактивации. Многие симптомы при этом заболевании также можно объяснить хронической вирусной инфекцией, ее иммуносупрессивным действием (прямым и опосредованным). Полностью не исключается возможность существования еще не идентифицированного вируса (вероятнее всего, из группы герпес-вирусов), вызывающего СХУ, в то время как другие известные вирусы (EBV, CMV, HHV-6 и др.) могут играть вторичную роль, реагируя на фоне нарушений иммунного статуса и поддерживая их [12; 331,13; 347].

Благодаря работам ученых США, Великобритании стало очевидным, что в патогенезе СХУ имеет место дисфункция иммунной системы. Многочисленные данные указывают на то, что при СХУ наблюдаются как количественные, так и функциональные иммунологические нарушения [14;5]. Существует большое число «пусковых механизмов», вызывающих иммунологические реакции, которые вовлекают различные типы клеток крови и малых молекул, таких как интерферон и интерлейкин. Можно полагать, что у больных СХУ эти механизмы нарушены [14; 7]. В литературе среди объективных показателей описывают снижение IgG за счет, прежде всего, G1 и G3 классов, числа лимфоцитов с фенотипом CD3 и CD4, естественных киллеров, повышение уровня циркулирующих комплексов и антивирусных антител разного типа, повышение Я-эндорфина, интерлейкина-1 и интерферона, а также фактора некроза опухолей [11; 12]. Также при СХУ отмечено нарушение функции Т-лимфоцитов в виде снижения ответа на стимуляцию митогенами *in vitro* или на растворимые антигены. Имеются сообщения об увеличении спонтанной супрессорной активности при

СХУ, а также Т-клеточной супрессии синтеза иммуноглобулинов аллогенными В-лимфоцитами *in vitro* и уменьшение антител-зависимой клеточной цитотоксичности. У большинства больных СХУ обнаружено уменьшение числа и/или снижение функции естественных киллеров. Таким образом, считается, что изменение фенотипа иммунокомпетентных клеток и дисфункция естественных киллеров - общее проявление СХУ. Так как симптомы синдрома хронической усталости неспецифичны, а патогенез не ясен, в его диагностике определяющим пока являются клинические симптомы. Для постановки диагноза «Синдром хронической усталости» нужно наличие одного более выраженного симптома и не менее 6 менее выраженных.

В связи с отсутствием явной локализации СХУ является собой угрозу на всех уровнях, как на уровне пациента, так и на уровне его окружения. Для пациентов особенное значение имеет то, что помимо ослабления иммунитета и присоединения соматической патологии, формируется высокий риск развития хронической депрессии, сопровождающейся разрушением социальных связей и дезадаптацией.

Для медицинских работников СХУ является дополнительным фактор риска, ускоряющих их профессиональное выгорание, что ведет к замедлению профессионального и карьерного роста, зачастую также является причиной изменения профессии. Особого внимания заслуживает факт отсутствия единых протоколов лечения СХУ, препаратов, которые имеют высокий класс доказательной базы, а также являющиеся безопасными. Существуют лишь отдельные данные об эффективности L-карнитина, а также иммуномодуляторов, стимулирующих образование интерлейкинов [4;15].

Таким образом, можно говорить об обширной проблеме безопасности локализованной на трех уровнях. Недостаточность изученности проблемы, недостаточность четких методов диагностики и проколов лечением создают возможность к несвоевременному выявлению заинтересованных лиц, невозможностью достоверно оценить эффективность лечения.

Решением данного вопроса жидется в изменении нормативно-регулирующего подхода к оценке факторов риска медицинской безопасности. Наиболее перспективными являются следующие варианты. Снижение трудовой нагрузки путем уменьшение рабочих часов, переход на удаленный доступ, переход на свободный график работы. Изменение условий труда, снижение количества стресса, снижение нахождения времени в местах скопления большого количества людей уменьшает риск возникновения СХУ.

Профилактика профессионального выгорания при помощи доступной психосоциальной помощи, мобильность в условиях рабочего места так же снижает стресс-факторы. Своевременная профилактика инфекционных заболеваний, как влияние на основное звено патогенеза заболевания путем вакцино-профилактики, соблюдения норм личной и общественной гигиены.

Создание условий для субурбанизации, как фактора, благотворно влияющий на изменение экологической обстановки, нормализации различных тревожных состояний, провоцируемых высоким темпом жизни в городах и высокой плотностью населения. Изменение подхода к проблеме СХУ с точки зрения медицинской безопасности могло бы значительно снизить распространенность данного заболевания, а так же свести к минимуму его негативные последствия.

Библиографический список

1. *Власов В. В.* Безопасность пациентов/В. В. Власов//Международный журнал медицинской практики. 2005. № 6. С. 5–8.
2. *Тихомиров А. В.* Из отделения реанимации — к иллюзиям мировых рекордов (общий комментарий к Концепции 2020) // Главный врач: хозяйство и право. 2009. № 1. С.12–15
3. Безопасность пациента/пер. с англ. Под ред. Е. Л. Никонова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010.
4. *Бурчинский С.Г.* Проблема дефицита магния в организме: методы фармакологической коррекции // Здоровье Украины, 2 апреля 2005.

5. Калинин В.В., Железнова Е.В., Рогачева Т.А., Соколова Л.В., Полянский Д.А., Земляная А.А., Назметдинова Д.М. Применение препарата Магне-В6 для лечения тревожно-депрессивных состояний у больных эпилепсией // Журнал неврологии и психиатрии. 2004. Т. 104. № 8.
6. Корнеев А. В., Арцимович Н. Г.. Синдром хронической усталости и иммунной дисфункции. Лечащий врач 1998 г. № 3.
7. Мороз И.Н., Подколзин А.А. Новое в диагностике и лечении синдрома хронической усталости. Профилактика старения 1999, № 1.
8. Abraham G, Flechas J. Management of fibromyalgia: Rationale for the use of magnesium and malic acid. J Nutr Med 1992;3:49-59.
9. Altura B.M. Basic biochemistry and physiology of magnesium: a brief review // Magnesium & Trace Elements. 1991. V.10. P. 167-171.
10. Artsimovich N. G. // Theses of Symposium with International Participation Current Problems of Clinical and Experimental Psychoneuroimmunology. Tomsk, Russia, 1992. Vol. 1. P..
11. Bates D.W., Buchwald D., Lee J., et al. Clinical Laboratory Test Findings in Patients with Chronic Fatigue Syndrome. Arch Intern Med 1995;
12. Bell E. J., McCarthey R. A. Riding M. H.//J. R. Soc. Med. 1988. Vol. 81. P.
13. Bounous G, Molson J. Competition for glutathione precursors between the immune system and the skeletal muscle: pathogenesis of chronic fatigue syndrome. Med Hypotheses. 1999 Oct;53(4):
14. Jacobson W, Saich T, Borysiewicz LK, Behan WM, Behan PO, Wreghitt TG. Serum folate and chronic fatigue syndrome. Neurology. 1994 Nov;44(11):2214.

Tatyana S. Poltavskaya

CHRONIC FATIGUE SYNDROME AS THE PROBLEM OF MEDICAL SAFETY TERRITORY

Abstract

This work is devoted to studying the field of medical safety, development of a methodology to approach its various aspects on the example of chronic fatigue syndrome. The disease has a high degree of spread in the society. The highest incidence of the disease recorded in cities with high population density. High risk of disease associated with high levels of stress, high intellectual load and low physical activity. We have analyzed the main symptoms of the disease, its course and the high risks of maladjustment formation and destruction of social ties. On the basis of the proposed facts have been developed solutions to the problem. The basic directions of preventive maintenance.

Keywords: medical safety, chronic fatigue syndrome, disadaptation, prevention

УДК 351.77

И. Г. Стрельцов, Т. Е. Радченко

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы нормативно-правового и государственного регулирования деятельности сельхозпроизводителей и других субъектов продовольственного рынка по обеспечению безопасности продуктов питания. В связи с межуровневым (федеральным и региональным) осуществлением контрольно-надзорных функций в сфере производства, обеспечения качества и безопасности продовольствия, в сложившейся системе обеспечения безопасности продукции зачастую возникают противоречия и несогласованность между различными органами исполнительной власти. Решение проблем взаимодействия

ствия органов государственной власти при обеспечении безопасности продукции животного происхождения в процессе выпуска, переработки, перевозки, хранения и реализации внесет определенный вклад в обеспечение гарантий качества и безопасности продовольствия.

Ключевые слова: безопасность, продукты питания, государственное регулирование, здоровье, органы государственной власти, ветеринария, контроль.

7 апреля 2015 года Всемирный день здоровья отмечался во всем мире под девизом «Безопасность пищевых продуктов», это лишний раз подчеркивает, что русская поговорка «Мы то, что мы едим» актуальна во всем мире. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что ежегодно в мире от болезней пищевого происхождения умирают 2 миллиона человек. Качество жизни, в определении которого решающую роль играет состояние здоровья населения, во многом зависит от качества продуктов питания. Но качество продуктов питания и их безопасность не тождественные понятия.

Приведем определение, которое дано в техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции»: «Безопасность пищевой продукции — состояние пищевой продукции, свидетельствующее об отсутствии недопустимого риска, связанного с вредным воздействием на человека и будущие поколения»[1]. Это определение подчеркивает прямую связь между здоровьем нынешнего и будущих поколения и контролем над питанием людей.

Для выполнения такой социально значимой цели, как обеспечение безопасности продуктов питания, в нашей стране создано сразу несколько органов на федеральном и региональном уровнях. Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору находится в ведении Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Она была создана Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 года «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

Россельхознадзор осуществляет надзор за соблюдением органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами ветеринарно-санитарных требований. В 2005 году создается Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека – Роспотребнадзор.

В Свердловской области образуются Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Свердловской области (орган, осуществляющий надзор), и Федеральное государственное учреждение здравоохранения «Центр гигиены и эпидемиологии в Свердловской области» (учреждение, обеспечивающее деятельность Управления).

В результате реорганизации надзорные функции были отделены от функций по оказанию платных услуг, лабораторная база выделена из надзорных органов. Все это было сделано, чтобы обеспечить беспристрастный, независимый контроль в сфере безопасности продуктов питания.

Рассматривая государственный ветеринарный надзор, как один из методов обеспечения безопасности продукции животного происхождения следует отметить, что он разделяется на федеральный государственный ветеринарный надзор, осуществляемый уполномоченными федеральными органами исполнительной власти и региональный государственный ветеринарный надзор осуществляемый органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Кроме того, «государственный ветеринарный надзор осуществляется: таможенными органами в специализированных пунктах пропуска в части проведения проверки документов, предусмотренных, правилами осуществления государственного ветеринарного надзора в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, в отношении подконтрольных товаров»[2]. Воздушный пункт пропуска через государственную границу Российской Федерации в международном аэропорту Екатеринбург (Кольцово), также участвует в обеспечении безопасности продукции животного происхождения путем осу-

ществления контроля пропуска лиц, транспортных средств, ввоза, нахождения и вывоза грузов, товаров и животных.

Положением о государственном ветеринарном надзоре установлено, что федеральный государственный надзор в сфере ветеринарии осуществляет Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору и ее территориальные органы.

Федеральный надзор проводится:

1) в отношении органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, при осуществлении деятельности по вывозу, ввозу или транзиту через территорию Таможенного союза грузов, подлежащих ветеринарному контролю (надзору);

2) в пунктах пересечения государственной границы, а также в местах полного таможенного оформления подконтрольных грузов;

3) за соблюдением требований технических регламентов.

Порядок организации и осуществления регионального государственного ветеринарного надзора на территории Свердловской области утвержден Правительством Свердловской области, полномочия возложены на Департамент ветеринарии Свердловской области.

Должностные лица Департамента контролируют:

1) организацию и проведение владельцами животных, производителями продуктов животноводства и кормов мероприятий по предупреждению болезней животных и обеспечению безопасности подконтрольной продукции;

2) ветеринарно – санитарное состояние поднадзорных объектов;

3) соблюдение правил обращения с биологическими отходами;

4) требования к содержанию, перевозке, перегону и убою животных, переработке, хранению и реализации продуктов животноводства;

5) проведение работ по недопущению появления и устранению вспышек болезней, опасных для человека и животных;

6) производство кормов и кормовых добавок;

7) все случаи внезапного падежа или одновременного массового заболевания животных.

В вышеназванных нормативных правовых актах, регламентирующих проведение федерального и регионального государственного ветеринарного надзора, даны понятия федерального государственного надзора и регионального государственного ветеринарного надзора, которые, в общем, соответствуют положениям Закона «О ветеринарии»[3].

Проводя анализ понятий федерального и регионального государственного ветеринарного надзора видно повторение, дублирование их положений. Проблема состоит в отсутствии четкого разграничения полномочий в сфере ветеринарного надзора, разграничения объектов, поднадзорных каждому органу, при имеющейся двухуровневой организации государственной ветеринарной службы, наличии федерального и регионального органов государственного ветеринарного надзора. Дублирование проявляется и в определении объектов надзора. К чему это приводит на практике? Вместо всем понятных и простых «правил игры», производители сельхозпродукции сталкиваются с дополнительными издержками и бюрократической волокитой. Так при выборе места для строительства животноводческих ферм или предприятий по переработки, хранению продукции животного происхождения необходимо обеспечить благоприятные условия для воспроизводства животных, производства продукции животного происхождения с целью предупреждения их заражения возбудителями заразных болезней. Выдают заключение о соответствии ветеринарным требованиям участков под строительство животноводческих объектов, предприятий по производству (хранению) продукции животного происхождения органы государственного ветеринарного надзора. В Свердловской области это Департамент ветеринарии Свердловской области и Управление Россельхознадзора по Свердловской области. Кроме того, необходимо обязательное согласование с санитарно – эпидемиологической и ветеринарной службой любых работ, связанных с

выемкой грунта на угрожаемых территориях по сибирской язве (территория Свердловской области неблагополучна по сибирской язве).

Исходя из того, что несколько органов государственной власти уполномочены на выдачу вышеуказанных заключений, заявители (проектные, строительные организации, индивидуальные предприниматели, физические лица) могут обращаться во все, вышеперечисленные. Далее эти обращения из федеральных органов власти спускаются (пересылаются по подведомственности) в Департамент ветеринарии Свердловской области, что ведет к не обоснованному увеличению времени согласования и выдачи заключений. Особенно остро эта проблема стоит в период, когда мы говорим о необходимости импортозамещения в сфере продовольствия и создания новых сельхозпредприятий.

Возникают проблемы и на этапе переработки продукции, здесь уже происходит не дублирование, а разрыв в контроле производственной цепи. Если рассмотреть звено «Переработка» в отношении такой продукции как молоко, то до переработки молока на молокозаводе за обеспечение безопасности отвечает органы государственной власти в сфере ветеринарии (Департамент ветеринарии Свердловской области), после переработки орган исполнительной власти по надзору в области защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Таким образом, идет разрыв продовольственной цепи, нарушается принцип: продовольственная цепь как единое целое. Кроме того, до переработки молока на молокозаводе молоко сопровождается ветеринарными сопроводительными документами, подтверждающими ветеринарно-санитарное состояние сопровождаемого груза, после переработки такие документы не выдаются, то есть нарушается еще один принцип обеспечения безопасности продукции, принцип прослеживаемого перемещения и трансформации.

В материалах Всероссийской научно – практической конференции с международным участием отмечается, что формирование новых видов деятельности, направленных на обеспечение безопасности продукции, находится в начале формирования и соответственно требует внимательного изучения, разработки изменений и дополнений в существующую систему норм и правил [4 с. 100].

Библиографический список

1. О безопасности пищевой продукции Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880: [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<http://base.garant.ru/70106650/1/>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 501. Компания «Консультант Плюс».[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>
3. Закона Российской Федерации от 14 мая 1993 года № 4979-1 «О ветеринарии» Компания «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>
- 4 Социально-гуманитарное знание: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Мурманск, 14-17 мая 2013 г. // Федер. агентство по рыболовству; 230с.

Igor G.Strelzov, Tatiana E.Radchenko

ROLE OF THE STATE IN FOOD SAFETY

Abstract

The article discusses the main challenges of regulatory and governmental regulation of agricultural producers and other actors of the food market to ensure food safety. In connection with inter-layer (federal and regional) implementation of control and supervisory functions in the sphere of production, quality assurance and food safety in the existing system security products often there are contradictions and inconsistencies between the various authorities. Problem-solving interaction of public authorities in ensuring the safety of products of animal origin in the process of manufacture, processing, transportation, storage and sale will make a definite contribution to guarantee food quality and safety.

Keywords: security, food, government regulation, health, public authorities, veterinary medicine, control.

УДК 351

О. Ю. Шепелев

ОБУЧЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ МЕРАМ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНЕ

Аннотация

Обеспечение пожарной безопасности является одним из направлений обеспечения безопасности государства. На привитие культуры пожаробезопасного поведения среди населения нашей страны может быть направлено обучение мерам пожарной безопасности школьников в ходе изучения ими предмета «Основы безопасности жизнедеятельности». Проведенное исследование выявило ряд проблем приведенных в статье, которые не отвечают поставленным задачам по обучению школьников мерам пожарной безопасности. Решение вопросов взаимодействия между министерством образования и МЧС могло бы облегчить решение задач в области обеспечения пожарной безопасности в ходе обучения школьников.

Ключевые слова: пожарная безопасность, меры пожарной безопасности, пожаробезопасное поведение, экстренные службы, дружина юных пожарных.

В Конституции РФ определено, что обеспечение безопасности граждан, их «права на жизнь», является одной из основных задач государства [3, ст. 20]. При этом, одним из направлений комплексной безопасности государства, является осуществление деятельности в области обеспечения пожарной безопасности.

Под пожарной безопасностью понимается состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров [5, ст. 1].

Как показали пожары в Хакасии, Забайкальском крае и Амурской области весной 2015 г., вопросы обеспечения пожарной безопасности в России стоят так же остро, как и прежде и не теряют своей актуальности и сегодня.

По статистике, влияние человеческого фактора на возникновение пожаров является одним из главных и поэтому деятельность государственных органов всех уровней в области обеспечения пожарной безопасности должна быть направлена на привитие культуры пожаробезопасного поведения среди населения нашей страны. Где под пожаробезопасным поведением понимается «формирование представлений и знаний, тренировка умений и навыков ориентации в задымленной и непригодной для дыхания среде, способствующих быстрому и правильному принятию решений по самоспасанию и спасанию других людей» [2, с. 93].

Одной из проблем сегодня, является проблема формирования безопасного поведения человека с помощью образования. Россия является первопроходцем по внедрению пожарной безопасности в систему образования, в то время, как во многих странах мира пропагандируется не безопасность личности, а безопасность труда.

И здесь налицо определенное противоречие: с одной стороны, мы выступаем новаторами в данной области, а с другой – наша страна по-прежнему занимает одно из первых мест в мире по количеству пожаров и погибших на них людях. Именно обучение мерам пожарной безопасности является основным фактором в предупреждении пожаров, а привитие культуры пожаробезопасного поведения, в первую очередь среди детей, должно стать основой правильного осознания опасности пожаров и недопущения пожароопасных ситуаций в будущем. Уполномоченным по правам ребенка по Свердловской области И. Р. Мороковым, во время встречи со студентами УрФУ, были озвучены три чаще всего встречающихся риска для жизни детей, где пожары оказались на втором месте после дорожно-транспортных происшествий. Сохранение жизни и здоровья людей – это основная задача государства и соот

ветствующих государственных органов, а проведение мероприятий по обучению школьников мерам пожарной безопасности, направлено именно на выполнение этой задачи.

Обучение, в том числе и, мерам пожарной безопасности в школах проводится в рамках курса «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ) с 5 по 11 классы, а в некоторых учебных заведениях и с 1 по 11 классы. В программах ОБЖ для среднего звена школьников отводится наибольшее количество часов, а тема «Пожарная безопасность» представлена в объеме, превышающем начальные и старшие классы. В курсе ОБЖ для 5–9 классов безопасность личности выходит на первый план в темах: «Лесные пожары», «Пожары и взрывы», «Чрезвычайные ситуации техногенного характера». Чтобы выработать у школьников автоматические и последовательные действия в случае опасности, обучение мерам пожарной безопасности должно проводиться не только на уроках ОБЖ, но и в комплексе с другими дисциплинами, такими как физика, математика, химия, биология, технология и др. предметами, а так же во внеурочное время. Требования к результатам освоения курса ОБЖ наиболее точно показывают, чему должен научиться каждый школьник в области пожарной безопасности.

Нужно отметить, что уровень знаний школьников о мерах пожарной безопасности напрямую зависит от опыта, стремления и квалификации учителя, проводящего обучение школьников в данной области. Вместе с этим, у многих руководителей и учителей образовательных учреждений сложилось отношение к ОБЖ как к второстепенному предмету, а в некоторых школах России даже осуществляется попытки выведения этого предмета из образовательного процесса.

Как показало исследование, проведенное нами самостоятельно, к старшим классам все полученные ранее школьниками знания забываются, в то время как понятие о мерах пожарной безопасности должны быть точным, правильным и соответствовать базовому необходимому уровню на протяжении всей жизни человека. Выбор для исследования вопросов обучения старшеклассников мерам пожарной безопасности был обусловлен еще и тем, что по мнению Н.П. Кудяшева старшие подростки имеют недостаточный уровень безопасного поведения, а также отсутствие страха перед опасностями, желание самоутвердиться посредством неординарного поступка или повторения опасного трюка из рекламы, фильма и т.д. [4, с. 104]. Формирование у старших подростков умений безопасного поведения особенно значимо для этого возраста. Именно в этом возрасте происходит усвоение важнейшей информации, связанной с обеспечением собственной безопасности, определяются фундаментальные жизненные принципы, происходит интенсивная работа над формированием своей личности, вырабатывается индивидуальный стиль поведения, развивается критичность мышления, интенсивно формируется способность к самопознанию и самосознанию, то есть имеется основа для проявления сознательной и индивидуальной активности в области подготовки к экстремальным ситуациям [1, с. 4].

В 2014 г. нами был проведен опрос школьников 9–11 классов участвующих в областной олимпиаде по ОБЖ и учащихся ряда школ г. Екатеринбург и г. Верхней Пышмы, в качестве экспертов были опрошены учителя ОБЖ. Всего было опрошено 275 учащихся старших классов и 25 учителей ОБЖ в качестве экспертов. Анкета для школьников включала три блока вопросов: вопросы первого блока затрагивали проверку имеющихся у школьников знаний по пожарной безопасности, вопросы второго блока позволили оценить деятельность учителей в области обучения школьников мерам пожарной безопасности.

Для экспертов вопросы анкеты в большей степени касались организации процесса обучения школьников мерам пожарной безопасности. В заключительной части анкет, как для экспертов, так и для школьников предлагалось отметить отдельные сведения о себе.

Анализ полученных в ходе проведенного исследования результатов выявил ряд проблем в обучении школьников мерам пожарной безопасности, основные из которых приведены ниже:

- в общей массе ответы на сложные вопросы вызывали у школьников определенные затруднения, что также подтверждается и исследованиями проведенными Я.Б. Каплан [2];
- наилучшие результаты при ответах на вопросы показали школьники, принимавшие участие в олимпиаде по ОБЖ, а так же школьники из лицея № 135, где имеются кадетские классы с углубленным изучением ОБЖ;
- отсутствие единого учебного пособия по ОБЖ в школах приводит к тому, что школьники получают порой не всегда однозначные трактовки для понимания наиболее сложных вопросов в области пожарной безопасности, что также установлено и др. авторами, такими как Я.Б. Каплан [2], О.Д. Ратникова и М.А. Комова [6];
- в печатной продукции по мерам пожарной безопасности, представленной в пожарных уголках, порой имеют место противоречивые сведения, которые приводят школьников к неправильному пониманию отдельных вопросов в области пожарной безопасности;
- наибольшие сложности у опрошенных возникли при ответе на вопросы затрагивающие условия горения, о типах огнетушителей для тушения электропроводки, о средствах применяемых от ожогов;
- очень большие затруднения у школьников вызвал вопрос касающийся определения номера экстренных служб в зависимости от оператора сотовой связи;
- преподаватели ОБЖ и школьники зачастую неодинаково оценивают знания в области пожарной безопасности, учителя уверены в качестве знаний своих учащихся и зачастую явно завышают уровень оценки школьников в вопросах по пожарной безопасности, в то время как сами школьники не столь категоричны;
- в отдельных школах учащиеся даже не знают о существовании в их учебных заведениях дружин юных пожарных (ДЮП), отмечая, что им хотелось бы принять участие в деятельности ДЮП;
- с ростом стажа работы эксперты выражают мнение об увеличении количества часов, отводимых на курс ОБЖ и в необходимости увеличения часов по мерам пожарной безопасности в ходе изучения данного предмета.

Для того, чтобы система обучения школьников мерам пожарной безопасности смогла выйти на новый уровень, в первую очередь необходимо организовать взаимодействие между министерством образования и МЧС, в ходе которого:

- создать единый учебник по ОБЖ для всех регионов страны, с обязательным его рецензированием специалистами МЧС, в части пожарной безопасности;
- разработать единую схему пожарного уголка для всех школ, с указанием основных правил пожарной безопасности, необходимых наглядных пособий для использования их на занятиях по ОБЖ при отработке тем по пожарной безопасности, с централизованным их производством;
- подготовку и переподготовку учителей ОБЖ проводить совместно с представителями ГПС МЧС России.

На наш взгляд, проведение данных мероприятий могло бы способствовать привитию культуры пожаробезопасного поведения среди школьников и населения страны в целом.

Библиографический список

1. Байбородова П. В. Основы нового содержания и структуры общего образования // Основы безопасности жизни. 2002. № 1. С. 3–6.
2. Каплан Я. Б. Проблемно-тренинговые ситуации как средство формирования пожаробезопасного поведения младших школьников: дис. канд. пед. наук, науч. Тюмень: УрГПУ, 2009. 157 с.
3. Конституция Российской Федерации // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Кудяшев Н. П. Теоретические подходы к формированию умений безопасного поведения старших подростков // Вестник ВятГГУ. 2009. № 3. С. 103–107.
5. О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> "http://www.consultant.ru/"HYPERLINK "http://www.consultant.ru/"tant.ru.
6. Ратникова О. Д., Комова М. А. Обучение мерам пожарной безопасности, проблемы и пути их решения // Технологии гражданской безопасности. 2004. № 3. С. 43–45.

Oleg Y. Shepelev

STUDENTS' EDUCATION OF THE FIRE SAFETY MEASURES AS THE AREA OF THE FIRE SECURITY IN THE COUNTRY

Abstract

The fire safety is one of the areas of the state security. Students' education of the fire safety measures during their study of the subject "Principles of personal and social safety" can be directed to impart the standards of the firesafe behaviour among the population of our country. The conducted study has revealed a number of problems described in the article, which do not answer the purposes of students' education of the fire safety measures. The solution of cooperation issues between the Ministry of Education and the Ministry of Emergency Situations could facilitate the solution of the fire safety problems during the students' education in schools.

Keywords: fire safety, measures of fire safety, firesafe behaviour, emergency services, youth voluntary fire brigade.

УДК.338.43

Я. Я. Яндыганов, Е. Я. Власова

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ)

Аннотация

Система экологической безопасности, имеющая многоуровневый характер и оцениваемая от источника воздействия на окружающую среду до общегосударственного, от предприятия, муниципального образования, субъекта РФ до Российской Федерации в планетарном аспекте. Основная цель обеспечения экологической безопасности состоит в достижении, устойчивого развития, с созданием благоприятной среды обитания и комфортных условий для жизнедеятельности и воспроизводства населения, обеспечения охраны природных ресурсов и биоразнообразия, предотвращения техногенных аварий и катастроф.

Ключевые слова: экологическая безопасность, рациональное природопользование, воспроизводство, социально-экономическое развитие.

Проблемы экологической безопасности и рационального природопользования неразрывно связаны с социально-экономическим развитием общества и обусловлены им, они связаны с вопросами обеспечения экологической безопасности: охраны здоровья, созданием благоприятных условий для жизнедеятельности и естественного воспроизводства населения в настоящем и будущем поколениях. Концепция Экологической безопасности представляет собой систему взглядов, целей и задач, принципов и приоритетов, а также основанных на ней действий политического, экономического, правового, административного, научно-технического, санитарно-эпидемиологического и образовательного характера, направленных на создание безопасных и благоприятных условий среды обитания нынешнего и будущих поколений населения (рис. 1).

Экологическая безопасность входит в систему государственной безопасности, паритетными элементами которой являются: конституционная, оборонная, экономическая, политическая, продовольственная, информационная безопасности и др. Система экологической безопасности имеет многоуровневый характер и оценивается от источника воздействия на

окружающую среду до общегосударственного, от предприятия, муниципального образования, субъекта РФ до Российской Федерации в планетарном аспекте [3].

Основная цель экологической безопасности состоит в достижении, устойчивого развития, с созданием благоприятной среды обитания и комфортных условий для жизнедеятельности и воспроизводства населения, обеспечения охраны природных ресурсов и биоразнообразия, предотвращения техногенных аварий и катастроф.

Достижение поставленной цели предполагает комплексное, системное и целенаправленное решение Следующих стратегических задач: (рис. 1)

В сфере обеспечения экологической безопасности жителей городов:

1. Совершенствование инструментов реализации экологической политики, законодательных, административно-управленческих, организационно-экономических, социально-экономических и образовательно-просветительских технических, технологических.

2. Снижение и доведение до безопасных уровней техногенной нагрузки на человека и окружающую природную среду на территориях (зонах) с особо неблагоприятной экологической ситуацией.

3. Создание и эффективное функционирование системы управления экологической безопасностью и охраной окружающей среды города.

4. Удовлетворение потребности населения в питьевой воде качественных продуктах питания.

5. Обеспечение поддержание качества рекреационных объектов безопасного сбора, перевозки, хранения, переработки и утилизации бытовых и промышленных отходов.

6. Создание системы предупреждения и защиты населения при аварийных и чрезвычайных экологических ситуациях.

7. Поэтапная экологизация производства, внедрение экологически безопасных технологий.

В сфере охраны окружающей природной среды и восстановления природных комплексов:

8. Создание системы управления качеством окружающей природной среды на территории города.

9. Создание единой системы мониторинга окружающей среды и здоровья населения в разрезе муниципального образования и учетом сопредельных территорий и транспортного переноса загрязнений.

10. Реабилитация загрязненных территорий города, сохранение и восстановление лесов, парков, скверов и зеленых насаждений, их разнообразия.

11. Обеспечение экономного использования природных ресурсов, реализация политики энерго- и ресурсосбережения;

В сфере реабилитации здоровья населения, подверженного воздействию загрязненной окружающей среды

12. Создание системы гигиенической диагностики, популяционной и индивидуальной реабилитации здоровья населения с экологически обусловленными заболеваниями.

13. Адресная профилактика экологически обусловленных заболеваний и оздоровление населения из групп риска, проживающего на территориях (зонах) с наиболее неблагоприятной экологической обстановкой.

14. Развитие индустрии качественных продуктов питания и пищевых добавок с заданными лечебно-профилактическими свойствами.

15. Экологическое и санитарно-гигиеническое образование, воспитание и просвещение населения.

Общие принципы обеспечения экологической безопасности основываются на политике экологической безопасности Российской Федерации (Положение о функциональной подсистеме экологической безопасности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» от 12.07.1996 г., № 326 «Экологическая доктрина России», проект, 2001 г. и др.):

– единство экономического, социального и экологического развития муниципального образования, направленного на повышение качества жизни нынешнего и будущих поколений населения (принцип «устойчивого развития»);

– установление и законодательное закрепление режима взаимной ответственности органов местного самоуправления города, государственных органов субъекта федерации и федеральных природоохранных органов за состояние окружающей среды и природных ресурсов, разработку и реализацию совместных мероприятий по обеспечению экологической безопасности города;

– приоритетность экологической безопасности при разработке и реализации градостроительных, инженерных, промышленных и других проектов территориального, общегородского и регионального масштаба;

– приоритетность решения проблем охраны окружающей природной среды и экологической безопасности, как основного фактора риска неблагоприятного влияния на здоровье населения;

– сочетание административных, нормативных и экономических методов управления природоохранной деятельностью для обеспечения экологической безопасности населения;

– введение экологических мотиваций в процесс принятия управленческих решений, внедрение экологических оценок затрат и результатов, установление более строгих экологических ограничений и стандартов;

– первоочередность разработки и реализации мероприятий по обеспечению экологической безопасности для территорий, предприятий и объектов с критической или явно неблагоприятной экологической обстановкой, непосредственно влияющей на здоровье населения (принцип «концентрация усилий на «локальных» проблемах»);

– приоритетность выявления и решения задач снижения экологического риска на объектах потенциальной экологической опасности (принцип «горячие точки»);

– этапность решения проблем охраны окружающей природной среды и экологической безопасности, установление кратко-, средне- и долгосрочных целей и задач, соответствие краткосрочных и среднесрочных результатов долгосрочным целям экологической безопасности города;

– предупреждение ухудшения экологической ситуации, обстановки;

– постепенный переход от действий, направленных на локализацию отрицательных последствий («борьба со следствием»), обусловленных нарушением экологического равновесия, к их прогнозированию и предотвращению («борьба с причинами»);

– повышение неполноты и точности информации о состоянии окружающей природной среды и источниках экологической опасности для принятия адекватных решений по управлению городским развитием;

– широкое распространение экологической информации, затрагивающей интересы населения, и обеспечение участия общественности в принятии решений;

– непрерывное экологическое образование и воспитание населения для формирования мировоззрения граждан всех возрастов на основе глубокого уважения к природе.

Основными объектами экологической безопасности являются человек (личность) с ее правом на здоровую и благоприятную для жизни окружающую природную среду; общество с его материальными и духовными ценностями, зависящими от экологического состояния территории города; благоприятная экосистема города как основа устойчивого развития общества и благополучия будущих поколений.

Рис.1. Принципиальная схема обеспечения экологической безопасности города, урбанизированных территорий [1, 2]

Субъектами обеспечения экологической безопасности на территории города являются администрация МО, юридические и физические лица, в том числе граждане, организации и объединения, обладающими правами и обязанностями по обеспечению безопасности в соответствии с нормами и правилами действующего законодательства РФ.

Библиографический список

1. Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Буланичев В. А., Ибатуллин У. Г. Экологическая безопасность региона. Аспекты управления. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2008.
2. Власова Е. Я. Экология урбанизированных территорий. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ.
3. Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я. Эколого-экономическое эссе. Аспекты: регион, предприятие. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012.

Yakov Y. Yandyganov, Ekaterina Y. Vlasova

STRATEGIC DIRECTIONS OF ENVIRONMENTAL SAFETY (IN URBAN AREAS)

Abstract

The environmental safety system, which has multi-level nature of the source and evaluate the envi-

ronmental impact to national, from the company, municipality, the subject of the Russian Federation to the Russian Federation in the planetary aspect. The main objective of environmental security is to achieve, sustainable development, with the creation of an enabling environment and favorable conditions for life and reproduction of the population, ensure the protection of natural resources and biodiversity, prevent man-made accidents and disasters.

Keywords: ecological safety, environmental management, reproduction process, social and economic development, urban areas.

СЕКЦИЯ 5. РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.7

Е. Н. Заборова

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПОСЕЛЕНИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются понятия «информационная культура», «информационная культура поселений». На основе результатов эмпирического исследования поселений Свердловской области анализируются информационные предпочтения жителей уральского мегаполиса.

Ключевые слова: Культура, информация, информационная культура, поселения, мегаполис, развлекательная информация, политическая информация.

Информационная культура как социальный феномен давно находится в центре внимания ученых. Изучение культуры — это традиционное, классическое направление исследований, которому посвятили свои труды многие выдающиеся мыслители как прошлого, так и настоящего. В научной литературе насчитываются сотни определений культуры, о степени внимания к этой теме хорошо говорит тот факт, что написаны отдельные труды, специально анализирующие только сами подходы и определения культуры. Еще большее количество трудов посвящено анализу самых различных аспектов культуры — культуре труда, быта, образования, спорта и пр. Не обделена вниманием ученых и информация: существует громадное количество публикаций по изучению различных аспектов этого феномена. Пристальный интерес ученых к этим двум явлениям — культуре и информации — понятен: оба образуют фундамент цивилизационного развития человечества, лежат в самой основе формирования и функционирования личности. Культура характеризует меру социальности в человеке, степень приобщения его к накопленному опыту человечества, степень созидательной компоненты в личности. Информация же представляет собой тот знаково-символический материал, из которого конструируется смысловое содержание культуры. Это та клеточка, из которой в конечном счете формируется само здание культуры.

Информация и культура, будучи значимыми каждый сам по себе, в своем сочетании — «информационная культура» — образуют новое явление, интерес к которому резко обострился в современную эпоху, которая не случайно носит название «информационной». В наше время объем информации, степень ее доступности и, главное, роль, значение информации в жизни человека резко возросли, что с неизбежностью поставило вопрос о культуре информационного потребления, информационного творчества, культуре взаимодействия с информацией — в целом с информационной культурой. При этом, как это традиционно происходит с научными знаниями, достаточно быстро образовались различные ответвления в изучении информационной культуры (информационная культура учащихся, информационная культура общества и пр). Одним из таких ответвлений является информационная культура поселений. Это направление нельзя считать хорошо изученным и привлекающим внимание многих ученых. Одна из причин такой ситуации — чрезвычайная сложность темы, в которой переплетаются такие сами по себе сложные явления как «поселение», «культура», «информация».

Нами была поставлена задача¹ сравнительного анализа информационной культуры различных типов поселений: мегаполиса, крупных и больших городов, городов малых и сельских поселений. Важность такой задачи обусловлена тем, что информационная культура поселения свидетельствует не только об уровне развития социальной среды, в которой

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Информационная культура населения Свердловской области: информационный и социально-демографический аспекты» проект № 14-13-66013

© Заборова Е. Н., 2015

проживает человек, но и об уровне развития самих жителей. Представление об информационной культуре поселений позволяет оценить степень готовности людей к восприятию нового и отношение к старому, их критичность и готовность к инновациям, оно свидетельствует о социальном капитале территории и ее человеческом капитале.

Изучение информационной культуры поселений предполагает использование определенных методологических подходов, позволяющих внести логическую упорядоченность в исследовательский процесс. Среди ряда подходов в нашем исследовании был использован деятельностный подход, предписывающий изучать информационную культуру как последовательность действий, процесс, включающий в себя приобщение к информации, ее анализ (обработку, оценку, усвоение), ее использование.

Важнейшую роль в развитии Свердловской области играют такие поселения, как города. Наша область относится к числу наиболее урбанизированных территорий: в ней насчитывается 47 городов, и она занимает третье место по этому показателю, уступая только Московской и Ленинградской областям. Примерно 84 % населения проживает в городах разной людности, при этом более 40 % городских жителей проживает в мегаполисе – Екатеринбурге и примерно столько же — в городах малой и средней людности.

Приобщение к информационной культуре начинается с этапа поиска и выбора информации. Какую по содержанию информацию предпочитают жители уральского мегаполиса? Анализ предпочитаемой информации показывает, что в подавляющем большинстве это информация развлекательного и политического плана (см. таб. 1).

Таблица № 1

Предпочтения в выборе информации (жители г. Екатеринбург), %

Какая информация Вас обычно интересует	Типы поселений
	мегаполис
Развлекательная	71,3
Политическая	62,4
Экономическая	44,4
В социально-духовной сфере	41,7
Спортивная	27,8
Рекламная	20,1
Бытовая	20,1
Другая	1,2
ИТОГО:	289,1

Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100%.

На информацию развлекательного плана приходится 71,3 % от всех видов выбираемой информации; на политическую информацию приходится 62,4 %. Третье место занимает экономическая информация — 44,4 %.

Достаточно сложно прокомментировать тот факт, что горожане мегаполиса предпочитают информацию развлекательного плана: здесь требуются специальные углубленные исследования, показывающие, что конкретно смотрят и слушают жители, какого качества эта информация. Можно заметить, что сам по себе факт поиска населением прежде всего развлекательной информации свидетельствует об очевидном: людям свойственно адаптироваться в окружающей среде и испытывать при этом эмоции, в числе которых доминантными и наиболее легко возникающими являются оставшиеся нам от предков эмоции страха, преследования, погони, страсти, сексуальные эмоции, игры, смеха, а также более сложные, порождаемые культурой, эмоции любви, красоты, радости и пр. Информация развлекательного плана позволяет людям испытывать эти эмоции через просмотр фильмов, спектаклей, прослушивание музыки, через игру, просмотр различных шоу или художественных

произведений. Несомненно, если в развлекательной информации преобладает низкосортные малохудожественные сюжеты, если удовольствие человек испытывает от сцен, низводящих природу человека к природе животного, если при этом круг воспринимаемой информации ограничен исключительно такого рода информацией, то это свидетельствует о неразвитости культурных потребностей горожан.

Кроме того, оценивая факт преобладания развлекательной информации, нельзя забывать и о другой функции такой информации — релаксационно-отвлекающей, когда просмотр того или иного фильма, передачи развлекательного плана является средством «переключиться» от дневных забот и проблем, от рабочих будней. В этом случае такие передачи можно оценить как своего рода терапию, позволяющую человеку расслабиться перед сном.

Преобладание развлекательной информации среди прочей информации фиксируется и в других научных исследованиях [1]. Отмечается, что развлекательный бизнес — самый доступный и массовый из всех видов семейного отдыха; развлечения — практически единственный вид отдыха, доступный всем возрастным категориям и социальным слоям населения.

Жителей мегаполиса Екатеринбург трудно обвинить в исключительной заикленности на развлекательной информации: они также активны в потреблении политической и экономической информации. Более того, можно сказать, что жители центра Урала скорее политизированы и вовлечены в активную экономическую деятельность. Политическая и экономическая информация, получаемая екатеринбуржцами, свидетельствует о том, что они удовлетворяют потребности в знаниях, социализируются, становятся носителями общественного мнения и развивают критические и оценочные способности, самоидентифицируются, адаптируются к социальной действительности.

Библиографический список

1. *Горушкина С.Н.* О некоторых аспектах культурных потребностей населения России // Журнал НЭА. № 2 (14). 2012. С. 147–149; Жители Грузии предпочитают смотреть развлекательные передачи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.blog.sololaki.ru/%D0%B6%D0%B8%D1../>.

Elena N. Zaborova

INFORMATION CULTURE OF THE SETTLEMENTS

Abstract

The article discusses the concept of "information culture", "information culture settlements" and results of empirical studies of the settlements of Sverdlovsk region. The article analyzes the informational preferences of residents of the Urals metropolis.

Keywords: Culture, information, information culture, settlements, metropolis, entertainment information, political information.

УДК 008

М. В. Жукова

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация.

Понятие «информационное общество» вошло в употребление в последней четверти XX в. и используется по сей день, особенно, в рамках информационного подхода. Несмотря на то, что теоретики концепции «информационного общества», как правило, основываются на богатом фактическом материале, ряд выдвигаемых ими положений требует внимательного изучения и рациональной критики (в первую очередь, это относится к работам, выполненным в футуристическом ключе). В статье обозначены основные направления критики кон

цепции информационного общества. Выявляется связь концепции «информационного общества» и более ранней концепции «постиндустриального общества». Анализируется роль информации и технического прогресса в информационном обществе. В статье указаны имена ученых, связанных с рождением и эволюцией идей «информационного общества». Осуществляется попытка выделить «сильные» и «слабые» стороны концепции.

Ключевые слова: информация, информационное общество, постиндустриальное общество, информационный подход.

Термин «информационное общество» вошел в употребление в последней четверти прошлого столетия, и его появление знаменовало собой рождение нового взгляда на соотношение экономики, политики и культуры, а также особое отношение ко всему, что связано с информационными ресурсами. «Информационное общество» стало ключевым понятием в рамках так называемого «информационного подхода», сторонники которого представляют информацию как движущую силу социального прогресса. Критики концепции информационного общества нередко возражают: информация, как неотъемлемая составляющая любого общества вообще не может быть более или менее важной в зависимости от эпохи — она важна всегда и везде. Латиноамериканский социолог Мануэль Кастельс в известной работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [3] отмечает, что ученые, отстаивающие идею «информационного общества» зачастую не выделяют четких критериев, по которым новый общественный тип можно отличить от предыдущих (например, от постиндустриального общества).

Сторонники концепции информационного общества подчеркивают, что в обществе нового типа научно-технический прогресс будет оказывать более явное влияние на все сферы жизни людей, в том числе на политику, экономику, культуру. Однако научные достижения не могут существовать в «информационном вакууме», они являются плодом сотрудничества ученых-специалистов, разрабатывающих практическую и теоретическую базу будущего общества. Залогом успешного социального развития становится постоянное стимулирование связей между представителями элиты посредством развития образовательных учреждений, научных институтов, а также непрекращающейся циркуляции различных видов СМИ, в особенности, поставленных на техническую базу нового типа — компьютерную. Информационное общество, таким образом, — это «общество знания». В ответ, критики, в том числе М. Кастельс, говорят, что нельзя называть одно общество «обществом знаний», а другое — нет. В конце концов, без накопления знаний, без развития техники невозможно нормальное функционирование любого общественного строя, будь то в XX или X веке: «Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации» [3, с. 39]. Еще одно из направлений, по которым можно критиковать концепцию информационного общества, — это ее сходство с концепцией постиндустриального общества, в том виде, в котором она появляется в работах Д. Бэлла, Г. Кана, А. Тоффлера, Ж. Фурастье и др. Основоположник идей постиндустриального общества Д. Бэлл в работе «Грядущее постиндустриальное общество» [2] проводит большую работу по сопоставлению фактических материалов, дающих представление об особенностях социального развития в послевоенное время (прежде всего, на примере США). Устанавливая связи между различными явлениями современной ему социальной реальности, Д. Бэлл приходит к выводу, что общество переживает переходный этап. Наследуя марксистскую традицию, в которой утверждается идея общественных формаций, последовательно сменявших друг друга, исследователь поддерживает характерное для XX века деление истории человечества на несколько периодов: доаграрное общество древних собирателей и охотников, древнее аграрное общество, аграрно-промышленное общество средних веков и промышленное (индустриальное общество). К этим общественным типам Д. Бэлл добавляет еще один — постиндустриальное общество. Если в индустриальном обществе главной движущей силой является промышленное про-

изводство, то в постиндустриальную эпоху основной потенциал сосредоточен в сфере услуг. Как полагают теоретики индустриального и постиндустриального обществ, в XIX — первой половине XX вв. основной капитал сосредотачивается в руках крупных промышленников, а экономика стран зависит от машинного производства более, чем от развития аграрного сектора. Постиндустриальное общество, сохраняя достижения предыдущего этапа, смещает производственный потенциал из промышленности в сферу услуг, что, с одной стороны, еще более способствует индивидуализации и фрагментации общества, а с другой, стимулирует развитие социальных связей, способствуя глобализации и информатизации всех сфер жизни. По мнению основоположника концепции, Д. Бэла, подобные внутрисоциальные процессы должны не только привести к изменениям в экономике и политике, но и «спровоцировать» серьезный культурный сдвиг. На первый план выйдут «люди знания», т. е. непосредственно те, кто производит информационные ресурсы «первой необходимости». К последним относятся научные открытия, нововведения в социокультурной сфере, информационные сообщения о важнейших событиях, происходящих в мире. Информационная открытость, распространение либеральных ценностей и готовность научного сообщества к совершенствованию социальной реальности рано или поздно, как считает Д. Бэлл, должно привести к снижению социальной напряженности, более того, к постепенному исчезновению военных конфликтов.

Если сравнить концепцию постиндустриального общества с концепцией информационного общества, то становится очевидно их сходство. Преобладание сферы услуг в экономике, снижение влияния крупных корпораций, развитие частного сектора экономики, либерализация и информатизация общества, очевидный технический прогресс, кажущийся огромным по сравнению со всеми прошлыми эпохами — эти особенности относятся и к постиндустриальному, и к индустриальному общественным типам. Представляется возможным, что информационное общество принципиально отличается от постиндустриального характером технической базы, но не тем, что возникает на ее основе. Когда мы говорим об информационном обществе, предпосылки всех социокультурных изменений находятся не в техническом прогрессе вообще, но в конкретном его направлении: в развитии компьютерной техники и объединенных компьютерных сетей. Предположение подтверждается тем, что одними из первых об «информационном обществе» заговорили не экономисты и не социологи, но представители технической элиты, вроде профессора Токийского университета Е. Масуде.

Е. Масуде в работе «Информационное общество как постиндустриальное общество» [1] подчеркивает свою преемственность теоретикам постиндустриализма. Он, впрочем, пытается вывести отличительные черты нового общественного устройства не столько из особенностей экономического развития (как это делали Д. Бэлл и Э. Тоффлер), но из достижений в научно-технической сфере (которая в концепции постиндустриального общества хоть и обладала исключительным значением, но являлась скорее следствием, чем причиной происходящих изменений). Вычислительная техника нового поколения, по мысли ученого, дает всем без исключения людям возможность создавать и контролировать довольно мощные информационные потоки, что в значительной степени снижает возможность укрепления тоталитарных режимов, способствует росту плюрализма мнений в самых разных сферах и наделяет каждого отдельного человека возможностью влиять на будущее больших социальных групп. По мнению Е. Масуде, конфликты возникают там, где идет борьба за власть немногих против друг друга. Если же предположить, что власть вместе с информационными ресурсами рассредоточивается в руках всех членов общества, то дисбаланс «автоматически» устраняется: каждый голос имеет значение в информационном обществе будущего, а это, в свою очередь способствует демократизации, что расценивается как абсолютное благо. Главными ценностями будущего Е. Масуде считает не капитал, не политическое влияние, а информацию и время.

Подход, характерный для родоначальников концепции информационного общества, с небольшими изменениями сохранился и сегодня. Его сторонники отмечают, что,

как и прогнозировалось в последней четверти XX века, распространение персональных компьютеров и сетевых технологий (прежде всего интернета) привело к появлению новых секторов экономики, к ряду изменений в социокультурной сфере (например, к появлению новых субкультур, формированию специфичного пространства для развития традиционных видов искусств, а также рождению совершенно новых видов искусства вроде видео-арта или веб-дизайна). Однако главная надежда сторонников концепции информационного общества (как и сторонников концепции постиндустриального общества) не оправдалась. Развитие компьютерных технологий не привело к сглаживанию социальных конфликтов, а в ряде случаев даже превратилось в орудие борьбы (как в случае с информационными атаками на государственные ресурсы, хранящиеся в сети, банковскую систему и т. д.). То, что потенциально информационными ресурсами теперь обладают все владельцы ПК, как оказалось, теряет свое значение, если люди не хотят или не могут в полной мере пользоваться возможностями новых технологий. Основоположники концепции информационного общества строили свои прогнозы исходя из того, что будущее принадлежит технической элите. Но триумфальное шествие ПК привело к тому, что для использования персонального компьютера стало достаточно простейших навыков, не предполагающих по-настоящему самостоятельного моделирования информационной реальности. Более того, мнения и действия рядового «продвинутого пользователя» могут управляться извне даже в большей степени, чем раньше (за счет возросшей скорости передачи информации и новых средств моделирования виртуальной реальности). Мечта о свободе и демократичности информационного общества «потускнела» в свете деятельности равно спецслужб крупных государств и опасности информационных атак со стороны преступников, работающих в «виртуальном» режиме.

Информационное общество как модель общественного устройства близкая к постиндустриальной, заимствует как достоинства, так и недостатки последней, перенося их на техническую базу нового типа — компьютерную. Нельзя отрицать того, что ряд положений, выдвинутых сторонниками концепции находит подтверждение в реальности, но к недостаткам можно отнести то, что исследования зачастую выполнены в футурологическом ключе и представляют читателю идеализированную социальную модель, в которой сглаживаются или же вовсе не замечаются «острые углы». В этом свете представляется интересным «срединный путь», когда исследователи, отдавая должное влиянию научно-технического прогресса на развитие общества и интенсификации информационных процессов, учитывают в своих прогнозах и возможные опасности нового социального устройства (к подобным исследователям можно отнести, например, М. Кастельса с его идеей разграничения понятий «информационного» и «информационального общества»). Как бы то ни было, информационные технологии действительно являются важнейшей силой, направляющей развитие политики, экономики, культуры в целом, а значит рассмотрение проблем, связанных с ними, является одной из приоритетных задач современной гуманитарной науки.

Библиографический список

1. *Masuda, Y.* The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. – MD. : 1981, World future society / Google books. URL: <http://books.google.ru/books?id=ynkmIxF1G3AC&printsec=frontcover&dq=Masuda,+Yoneji.+The+Information+Society:+as+Post-Industrial+Society>
2. *Бэлл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Academia. 2004. 940 с.
3. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. Кастельс. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

CRITICISM OF THE CONCEPT OF INFORMATION SOCIETY

Abstract

The concept of «information society» came into use in the last quarter of the twentieth century and is still used today, especially with informational approach. As a rule, scholars, who work with the concept, use rich factual material, but some of their statements requires careful study and rational criticism (first of all, it applies to works which are performed in a futuristic vein). Basic directions of criticism of the information society are described in the article. Feedback of the concept «information society» and the earlier concept of «post-industrial society» is revealed. There is analysis of role of the information and technological progress in the information society. The article also includes names of scholars associated with the birth and evolution of ideas of the "information society". The author tries to identify the "strong" and "weak" sides of the concept.

Keywords: information, the information society, post-industrial society, the information approach.

УДК 316.334

В. С. Каташинских

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ РЕФОРМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация

Реформирование системы высшего профессионального образования идет по ряду направлений. Основные изменения коснулись структуры высшего профессионального образования в России. Здесь имеется ввиду переход на двухуровневую систему образования. В настоящее время наблюдается крайне низкая степень информированности студентов о данных изменениях. На основе исследования, результаты которого приведены в данной статье, автор пришел к выводу о том, что представления студентов о сути и структуре современного высшего образования являются мифологичными и противоречивыми, а также часто не соответствуют тому, что реально предполагают уровни высшего профессионального образования.

Ключевые слова: бакалавриат, магистратура, высшее образование, уровни образования, реформа образования.

Сегодня в СМИ регулярно освещаются вопросы реформирования высшего образования. Это и переход на двухуровневую систему высшего образования, и введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов, и переход на индивидуальные образовательные траектории и т. п. К сожалению, как показывает практика, что конкретно кроется за этими фразами российское общество не знает. В связи с этим представляется актуальным подробно изучить степень информированности студентов о тех изменениях, реформах, которые идут в настоящий момент в системе высшего профессионального образования. Ведь именно студенты являются самой активной категорией населения, непосредственным субъектом образовательного процесса. Студенты — «специфическая страта молодежи, поскольку «обладает высоким уровнем профессиональной и личностной культуры, активным интересом к участию в практическом преобразовании России» [1, с. 48]. В рамках исследования, проведенного автором в 2011–2015 годах среди студентов вузов города Екатеринбурга, одной из задач было выявление отношения студентов к двухуровневой системе образования, понимание студентами сути этого явления.

На данном этапе образовательная задача бакалавриата в России как полноценного высшего образования состоит в формировании базовых основ профессиональной культуры и основных коммуникативных навыков, навыков поиска и анализа информации, самообразования, работы в группе и т.п. Обучение в магистратуре направлено на подготовку специали

стов, способных к решению наиболее сложных профессиональных задач, к организации новых областей деятельности, к научным исследованиям, управлению как основополагающим сферам, обеспечивающим общественное и экономическое развитие страны.

Но это в теории. В ходе проведения нашего исследования, нам удалось выявить, что основными источниками информации о реформах в сфере высшего профессионального образования являются собственный опыт, Интернет, референтная группа (друзья, знакомые, сокурсники), а также телевидение (см. табл. 2).

Таблица 2

Основной источник информации о реформировании системы высшего образования для студентов (в % от числа ответивших)

Источники информации	Итого
В нашем вузе такая система	36,7
Интернет	17,9
Друзья, знакомые, сокурсники	14,8
ТВ	12,3
Преподаватели	9,3
Газеты, журналы, научные публикации	7,3
Радио	1,7
Итого	100,0

Результаты проведенного нами исследования показывают, что основным источником информации о структуре высшего профессионального образования, его реформировании является собственный опыт студентов. Студенты мало интересуются проблемами образования, им достаточно тех знаний, того опыта, которые они приобретают выбирая вуз, поступая и обучаясь в нем. При чем «собственный опыт» — это только поверхностные знания о форме, структуре образования: бакалавриат — 4 года, потом магистратура — 2 года. Как выяснялось в личных беседах со студентами, их представления о сути, специфике этих уровней образования являются очень поверхностными и размытыми. Находились и такие, кто задавал вопрос: «А что такое двухуровневая система образования?», что говорит о том, что для части студентов непонятно даже данное словосочетание.

По данным нашего исследования, помимо собственного опыта, источником информации о реформах, происходящих в системе высшего профессионального образования в России, является Интернет. В современном обществе Интернет — важнейший источник информации практически для всех слоев населения, но в первую очередь для молодежи. Интернет для современного поколения студентов является тем, чем для предыдущего было телевидение. Отличие состоит лишь в том, насколько более функциональна «мировая паутина». Интернет помимо источника новостей и развлечений (как в случае с телевидением), — это еще и огромная библиотека, пространство для общения с друзьями. Главные преимущества Интернета – его коммуникативная составляющая и социальная природа.

В идеале источниками информации для студентов должны быть другие субъекты образовательного процесса, в частности, преподаватели. К сожалению, преподаватели и другие сотрудники вузов, как показало наше исследование, не выступают главным источником информации о происходящих реформах в образовании. На наш взгляд, это связано с двумя проблемами высшего образования. Во-первых, существующий коммуникативный разрыв между студентом и преподавателем, который заключается в том, что общение студент-преподаватель происходит только в рамках заданной темы занятия, чаще всего в лекционной форме. Классическое российское высшее образование являло собой систему субъектно-объектных отношений, когда преподаватель транслировал информацию, а студент ее принимал. Вследствие чего студент не чувствовал себя полноправным участником образовательного процесса, а преподаватель не имел обратной связи от студента. Поэтому студенты часто пропускают информацию «мимо ушей», не стремясь ее впитать и проанализировать. Во-вторых, студенты сами не интересуются вопросами структуры высшего профессионального образования, его проблемами, им вполне хватает того, что они знают, исходя из собственного опыта. А некоторые преподаватели, в свою очередь, не освещают вопросы реформирова-

ния высшего образования по причине того, что сами не достаточно полно осведомлены об этих процессах, или относятся к ним негативно.

Можно отметить, что в современных условиях на лицо противоречие между необходимостью информирования студентов о реформах высшей школы внутри вуза и отсутствием этой целенаправленной работы, как со стороны преподавателей, так и руководства вуза.

Проведенное нами исследование показало, что две трети студентов (65% опрошенных в 2012 году) не знают, что такое Болонский процесс. В 2015 году практически 100% студентов ничего о нем не слышали. С одной стороны, это неудивительно, ведь Болонский процесс официально завершился в 2010 году. С другой стороны, практически все, что происходит в современном высшем профессиональном образовании, так или иначе связано с реализацией положений Болонского процесса. Поэтому по результатам нашего исследования, мы можем отметить низкую степень информированности студентов о ходе реформирования системы высшего профессионального образования в России.

Мировая система образования, Болонский процесс и двухуровневая система высшего образования могут восприниматься студентами как не связанные между собой явления при отсутствии соответствующей информации. Здесь проявляется противоречие между сутью двухуровневой системы высшего профессионального образования, целями, которые изначально предполагает обучение в рамках данной модели высшего профессионального образования и реальными мотивациями, которые побуждают выпускников бакалавриата, скажем, продолжать свое обучение в магистратуре.

К сожалению, мы должны констатировать, что представления студентов о сути двухуровневой системы мифологичны. Ведь, как было показано выше, студенты плохо информированы о ходе реформирования института высшего профессионального образования в России, следовательно, для того, чтобы адекватно оценивать ситуацию в высшем профессиональном образовании, им попросту не хватает знаний, информации.

К основным заблуждениям, которые бытуют среди студентов, мы относим: 1) мнение о том, что бакалавриат – неоконченное высшее образования. При чем за последние 3 года (с 2012 по 2015 гг.) ситуация практически не изменилась. По-прежнему две трети студентов придерживаются этого мнения. В связи с чем большинство предпочло бы диплом специалиста диплому бакалавра. 2) Студенты убеждены, что с дипломом бакалавра их ожидают трудности при трудоустройстве, ведь им, выпускникам с неоконченным высшим образованием, предпочтут специалиста. 3) Магистратура — для будущих ученых. Данный тезис не требует никаких комментариев. Студенты просто не понимают, зачем им магистратура, если они не будут преподавать или не собираются заниматься наукой. Что еще раз доказывает, что истинного смысла магистратуры студенты не знают.

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлено, что существует значимое противоречие между необходимой степенью информированности студентов о сути реформ, происходящих в системе высшего профессионального образования и реальным объемом информации, которым студенты владеют. Мнения и как следствие ориентации студентов на двухуровневую систему высшего образования имеют мифологичный характер, основаны на личном опыте, мнении друзей, родителей, а не на нормативных документах и правовых актах. Другими словами, вузам и рынку труда необходимо формировать четкое представление о сущности, о системе, о роли современного российского высшего профессионального образования в обществе. Необходимо это все в первую очередь для повышения его качества, чтобы каждый студент, будущий выпускник понимал и знал, чему он может научиться в бакалавриате, в магистратуре, какие перспективы ждут его в профессии с тем или иным дипломом, какие ограничения и возможности дают ему разные уровни высшего профессионального образования.

Библиографический список

1. *Баландина Т. Ю.* Студенческое самоуправление: монография. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. 151 с.

SOME PROBLEMS OF THE INFORMATIONAL SUPPORT OF THE REFORMING OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Abstract

Reforming of the system of higher education has a number of issues. The main changes have affected the structure of higher education in Russia. There is a view of the transition to a two-tier system of higher education. There is currently a very low level of awareness of students about these changes. Based on the study, the results of which are presented in this article, the author came to the conclusion that the presentation of students about the essence and structure of modern higher education are mythological and contradictory, and often do not correspond to what really suggest levels of higher education.

Keywords: bachelor degree, master's degree, higher education, levels of higher education, reforming of higher education.

УДК 326

Д. С. Кононова, А. Э. Антропова, А. А. Шибает

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

В статье рассматривается проблема внедрения информационных технологий в систему государственной и муниципальной службы. Был приведен опыт становления института электронного правительства в зарубежных странах, таких как: Соединенные Штаты Америки и Великобритания. Также описаны уже существующие информационные технологии в Российской Федерации. Рассмотрена концепция единой информационно-коммуникационной инфраструктуры Свердловской области, а именно ее цели и этапы реализации; отмечены уже внедренные информационные технологии на примере Законодательного Собрания Свердловской области.

Ключевые слова: информационные технологии, государственная и муниципальная служба, электронное правительство.

Развитие современного общества нельзя представить без повсеместного использования информационных технологий. Сферу государственного управления также не обошла стороной волна «информатизации». Повышение качества и эффективности государственного управления является важнейшей целью существования государства. Стоит отметить важность применения информационных технологий на государственной и муниципальной службе, которые являются одними из ключевых составляющих государственного управления. В данное время информационные технологии на государственной и муниципальной службе используются во взаимодействии с гражданами и организациями; внутренней деятельности и межведомственном взаимодействии. Информационные технологии на государственной и муниципальной службе имеют неоспоримые плюсы: позволяют сократить время, необходимое для выполнения тех или иных типовых процессов внутри государственного органа, но также сопровождаются и прямым повышением экономической эффективности деятельности государственного органа [4]. Кроме того, следует отметить, что удобства, связанные с использованием информационных технологий, также приведут к снижению издержек граждан и организаций на получение государственных услуг, в том числе и коррупционных издержек. Активное применение информационных технологий началось в западных странах в 90-е годы прошлого века. Именно тогда появился термин «электронное правительство».

Электронное правительство — это система взаимодействия органов государственной власти с населением, основанная на широком применении современных информационных технологий, в т. ч. сети Интернет, для повышения доступности и качества государственных

услуг, сокращения сроков их оказания, а также снижения административной нагрузки на граждан и организации, связанной с их получением. Первые предпосылки к развитию электронного правительства были еще в СССР, но не получили развития. Принято считать, что США и Великобритания являются лидерами в сфере информатизации государственного управления. Британцы последовательно проводили политику предоставления услуг гражданам и бизнесу со стороны государства через Интернет. Особенность политики заключается в том, что она рассматривает все используемые сегодня в стране онлайн технологии — электронную коммерцию, электронное правительство, электронный бизнес — не как самостоятельные изолированные сферы деятельности, а как интегрированную и взаимозависимую совокупность этих технологий, которая составляет фундамент перехода к цифровой экономике и информационному обществу. Данные меры призваны обеспечить предоставление услуг бизнесу и гражданам, повысить эффективность и открытость государственного аппарата, снизить расходы налогоплательщиков.

В США в 1995 году вышел первый закон, связанный с электронными правительством — Закон «О безбумажном документообороте и свободе информации», а в 1996 году — еще два: «О реформе использования информационных технологий», Закон «О свободе информации». Именно с этих законов начался перенос правительственных услуг в электронный вид, ввелась система оплаты, органы власти окончательно перешли на электронный документооборот. Стоит отметить, что в США граждане имеют широкий доступ к информации о деятельности правительства: существуют даже специальные консультативные центры, разъясняющие органам власти о том, какую информацию разрешено выводить в открытый доступ, а какую нет. Сейчас в США можно получить различное множество услуг путем использования интернета: от записи на прием ко врачу, до прямой связи с высокопоставленными чиновниками.

В России деятельность по созданию электронного государства в целом и электронного правительства в частности осуществляется в рамках ФЦП «Электронная Россия» [2] и основывается на ряде нормативно-правовых актов, перечень которых постоянно обновляется и пополняется. Узловым элементом инфраструктуры электронного правительства является Общероссийский государственный информационный центр (ОГИЦ). Он обеспечивает организацию информационного взаимодействия ведомственных систем между собой в автоматизированном режиме. В настоящее время продолжается формирование единой инфраструктуры выдачи сертификатов ключей электронной цифровой подписи (ЭЦП). Одновременно ОГИЦ является инфраструктурой, обеспечивающей функционирование портала государственных услуг, призванного стать единой точкой доступа к реестру государственных услуг, содержащему перечень услуг и описания порядка их получения, в том числе бланки необходимых документов. Система межведомственного электронного документооборота (МЭДО) представляет собой систему передачи файлов конфиденциальных документов по защищенной электронной почте через специальные абонентские пункты, устанавливаемые в категорированных помещениях. В действующей системе МЭДО не предусматривается интеграция с ведомственными системами электронного документооборота, использование электронной цифровой подписи [5, с. 12–15]. Также идет активное развитие web-сайтов федеральных органов исполнительной власти.

Развитие информационных технологий идет не только на федеральном уровне, но и на уровнях субъектов, например, в Свердловской области. В 2013 году правительством Свердловской области была разработана концепция развития единой информационно-коммуникационной инфраструктуры Свердловской области до 2016 года [1]. Целями концепции являются: реализация требований законодательства Российской Федерации в сфере формирования и развития информационного общества; организация скоординированных процессов развития, использования информационных технологий в исполнительных органах государственной власти Свердловской области, органах местного самоуправления муниципальных образований в Свердловской области, государственных и муниципальных учреждениях Свердловской области, иных органах и организациях; определение основных направле-

ний развития ИК-инфраструктуры. В данной концепции приводится ряд намеченных мероприятий, для улучшения качества работы с информационными технологиями: развитие ИК-инфраструктуры, охватывающей исполнительные органы государственной власти Свердловской области; реализация пилотного проекта по запуску единого каталога сервисов в одном из исполнительных органов государственной власти Свердловской области; начало оказания услуг оператором ИК-инфраструктуры в соответствии с регламентами технической поддержки, утвержденными Министерством транспорта и связи Свердловской области.

Реализация настоящей концепции позволит:

- 1) повысить качество государственных и муниципальных услуг, предоставляемых организациям и гражданам в электронном виде;
- 2) успешно развивать ИС, КИ органов государственной власти Свердловской области;
- 3) унифицировать требования и регламенты эксплуатации и использования ИК-инфраструктуры;
- 4) создать рабочие места для специалистов с высоким уровнем компетенции в сфере информационных технологий и связи;
- 5) сформировать правовые предпосылки для дальнейшего инновационного развития Свердловской области с использованием информационных и коммуникационных технологий.

Уже сейчас можно наблюдать внедрение данной концепции в систему государственной и муниципальной службы. Хотелось бы подробнее отметить применение информационных технологий на конкретном примере Законодательного Собрания Свердловской области в сфере работы с обращениями граждан. С января 2013 года в Законодательном Собрании Свердловской области внедряется новая автоматизированная информационная система для работы с обращениями граждан. Компанией DIRECTUM было разработано специальное решение для Законодательного Собрания, позволившее автоматизировать работу с обращениями граждан на всех этапах их жизненного цикла. Внедрение данной системы позволило систематизировать работу с обращениями граждан, автоматизировать учет обращений, обеспечить соблюдения норм действующего законодательства Российской Федерации, контролировать весь жизненный цикл обращений и переписку по ним. К преимуществам использования информационных технологий в работе с обращениями граждан в Законодательном Собрании Свердловской области можно отнести: оперативное рассмотрение поступающих обращений от граждан, оказание им помощи в защите их прав и свобод, выявление причин, порождающих обращения, и своевременные поправки в законах.

Подводя некий итог, можно в целом отметить положительное влияние информационных технологий на систему государственной и муниципальной службы не только в Российской Федерации, но и, например, в субъекте Российской Федерации — Свердловской области. Именно информатизация в сфере государственного управления поможет выйти на новый более качественный уровень взаимодействия гражданина и государства, а также сможет преодолеть проблемы традиционной бюрократической системы.

Библиографический список

1. Об утверждении Концепции развития единой информационно коммуникационной инфраструктуры Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 6.05.2013 г. № 578-ПП [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/20921186/>.
2. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)» Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 (ред. от 09.06.2010) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101540/.
3. Жумаев Ю. Г. Электронное правительство -максимальная эффективность управления государством // Правовые вопросы связи. 2012. С.133-135.

4. Пак О. Б. О мониторинге качества оказания государственных услуг в электронном виде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/inforientedsoc/doc2012052518>.

5. Тюшняков В. Н. Формирование системы электронного правительства на основе применения информационно-коммуникационных технологий в органах власти и управления. Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2013. Т. 105. № 4. Режим доступа: http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=1000322.

6. Тюшняков В. Н. Технологии межведомственного электронного взаимодействия в государственном и муниципальном управлении. Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2012. Т. 133. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=1000202.

Kononova D., Antropova A., Shibaev A.

MODERN INFORMATION TECHNOLOGY IN THE STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT (FOR EXAMPLE SVERDLOVSK REGION)

Abstract

The article deals with the problem of information technology in state and municipal management. It was given The experience of the institute of e-government in foreign countries such as the United States and the United Kingdom. Also describes existing information technology in the Russian Federation. It was considered the concept of a single information and communication infrastructure of the Sverdlovsk region: its objectives and implementation phases; already marked by the introduction of information technology on the example of the Legislative Assembly of Sverdlovsk region.

Keywords: information technology , state and municipal services , e-government.

УДК 316,314

А. И. Кузьмин

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СЕМЬИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ¹

Аннотация

В статье рассматриваются демографические аспекты информационной культуры семьи на основе выборочного социологического обследования населения, охватившего с ноября 2014 по февраль 2015 г. города: Екатеринбург, Березовский, Первоуральск, Верхний и Нижний Тагил, Красноуфимск, Тавда и ряд сельских территорий (каждый пятый респондент). Общее число опрошенных составило 973 человек. В качестве демографических показателей семьи использованы: семейное положение респондентов, гендерные различия, наличие детей. Информационная культура фиксировалась с помощью индикаторов качества и типа информации, выбора ее носителей, характеристик информационных связей и выбора конкретной техники коммуникации между членами семьи.

Ключевые слова: культура, информационное общество, население, семья, личность, ценности, неопределенность.

Возникновение термина и понятия «информационной культуры» чаще всего связывают с достижением этапа постиндустриального развития общества и появлением в зрелом виде его особой модификации — общества информационного типа [1]. Следует сразу же отметить, что рассмотрение культуры как меры реализации «сущностных сил человека» (Л.Н.Коган и его социологическая школа)², тесно связывает понятия информационной культуры личности с понятием информационной культуры общества. Учитывая наличие в совре-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Информационная культура жителей Свердловской области: социально-демографические и поселенческие аспекты», проект № 14-13-66013

© Кузьмин А. И., 2015

² Не следует путать с алтайской социологической школой и термином «жизненные силы человека»

менной социологической литературе трех основных подходов к понятию культуры (деятельностного, ценностного (аксиологического) и системного) попытаемся сформулировать теоретическую гипотезу нашего исследования в виде предположения о возможности формирования и развития особой сферы взаимодействия автономных информационных субкультур членов семьи, которая организационно задается тем или иным типом семьи (домохозяйства).

В самом широком плане общий демографический аспект проблемы информационной культуры следует связывать с влиянием глобального демографического фактора на информационное общество в целом. В этом ключе, скорее приходится говорить о глобальных процессах планетарного роста численности людей и коммуникаций, постарения населения, о необратимых порогах изменения семьи и брака, демографической системы в целом и деградации, характерной прежде всего для стран с развитой экономикой. Новейшей тенденцией является феномен активного формирования новых глобальных миграционных сетей. Средний Урал активно включается в систему глобального миграционного взаимодействия прежде всего через евроазиатскую систему. Информационная культура семьи в этом контексте должна рассматриваться как важнейший инструмент выбора стратегий жизни и адаптации к быстроизменяющейся социальной и информационной среде.

Социально-демографический подход является по сути стратификационным осмыслением портрета населения как *активного* массового потребителя и *транслятора* информации. Такой подход усиливает аксиологическую детерминанту понятия культуры, поскольку каждая этническая, гендерная или половозрастная группа (или группы семей) обладают своим особым менталитетом. В узком смысле слова информационная культура имеет смысл как способ снижения неопределенности личных запросов и ожиданий (установок). Гипотетически информационную культуру семьи мы *определим как совокупность способностей, знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную деятельность по удовлетворению индивидуальных информационных потребностей членов семьи как социальной группы, основанной на отношениях родства и свойства и общности совместного проживания и ведения домохозяйства.*

Обратимся к результатам конкретного социологического обследования и демографическим параметрам выборки опрошенных на Среднем Урале в 2014 г. Характеристики брачного состава опрошенных в зависимости от пола оказались стандартными для исследований подобного рода. У мужчин в выборке женатых оказалось 46 %, тогда как у женщин — замужних — 55,7 %. Холостых мужчин «выявлено» 45,3 %, число незамужних составило всего 27 %. Доля разведенных мужчин не привысила 6 %, а женщин была почти вдвое больше и составила 11 %. Отдельную категорию респондентов представили вдовцы (2,1 %) и вдовы — 5,3 %. Как выяснилось позже, выявленные семейно-брачные пропорции оказывают почти фатальное влияние на характеристики и показатели состояния семейной культуры обследованного населения Среднего Урала. Гендерные различия в значительной степени уступили факторам семейного положения по степени влияния на потребление потоков информации и их трансляцию родным и близким. Среднее число детей оказалось достаточно высоким и составило по выборке 1,767 (опрос проходил в основном среди городского населения области). У мужчин среднее число детей оказалось более высоким, чем у женщин 1,875 против 1,729. Причем у мужчин доля вторых детей составила 50,76 %, трех — 8 % и четыре и более — 3,2 %.

Параметры семейного положения опрошенных не смогли заметно повлиять на ценностные ориентации личности. Во всех группах опрошенных на первое место вышли ценности здоровья (особенно у вдовых) и института семьи (кроме холостых и разведенных). Ценность же детей оказалась особенно высокой у женатых и замужних (16,7 % ответов). Иерархичная цепочка ценностей «Здоровье-семья-дети-работа» дополняется значимостью фактора безопасности. Он наиболее значим в семьях вдовых и у женатых (замужних). Ценности свободы, равноправия и информации делят в иерархии основных жизненных ценностей личности предпоследние места наряду с патриотизмом и участием в политической жизни.

В целом, доступ к информации как основная жизненная ценность имеет не высокую значимость (вариация в пределах от 0 в Тавде до 3,7 % в Первоуральске от данных ответов). На семью падает до 15-17% ответов к итогу, а на здоровье — до 18%. На развлечения, как жизненную ценность, ориентирована группа населения численностью до 4 % в Екатеринбурге и 5 % в Березовском, тогда, как в Тавде — только 1,4%, а в Верхнем Тагиле — 3,2%.

Таблица 1

Влияние семейного положения на удовлетворенность поступающей в семью информации, % к итогу

Удовлетворенность поступающей информацией	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Недостаточно, информации не хватает	10,5	8,2	7,5	10,3	9,1	7,7
В целом информации достаточно	66,1	69,1	72,5	53,8	66,1	68,2
Информации слишком много, избыточно	17,6	16,5	11,2	12,8	17,2	15,8
Затрудняюсь ответить	5,8	6,2	8,8	23,1	7,7	7,0

Интересно, что в группе, испытывающей недостаток информации, детность маленькая. Возможно, это связано с отсутствием жизненного опыта у молодежи. В группе с дефицитом информации доля двух и более детей составила 26,6 %, трех и более — 7,6 % (учитывая лиц без детей старше 18 лет). В группах, испытывающих избыток информации, доля второй и более очередностей составила уже 34,5 % или более трети (трех и более детей — 7,2 %). В группе респондентов, считающих, что информации поступает в достаточной степени, доля двух и более детей была самой высокой — 38,9 % (трех и более — 6,8 %). Доля бездетных в этой группе была самой маленькой — 37,9 %. Таким образом, в оптимальной по степени получения информации группе детность респондентов была максимальной и достигала 40 %. Аналогичную величину показала небольшая группа респондентов, затруднившихся ответить на вопрос о размерах поступающей в семью информации (41 % вторых и более детей). Пересчет долей и пропорций детности на средние показатели обнаружил, что самое большое число детей имеет группа с оптимальной информированностью. Распределение оценок поступающей информации в группах с различным числом детей обнаружило наибольшее число ответов в группах с двумя-тремя детьми.

Таким образом, оптимальное количество информации поддерживает наиболее положительный баланс рождений с позиции целей простого замещения поколений. В содержательном плане информационная ориентация респондентов выявила подавляющее преобладание среди полученных ответов интереса респондентов к информации развлекательного типа (67,3 %). Близко к этому показателю заняла (при очень низкой ценности участия в политике) политическая информация (61,3 %). Таким образом, среднеуральцы интересуются политической ситуаций (в условиях кризиса), но не стремятся пока участвовать в политике. Экономическая и социокультурная информация заинтересовала 40,6 % и 37,5 %, бытовая 30,7 %, опередив спортивную (29 %) и рекламу (17,1 %). Прочие виды (научная информация и другие) составили у населения всего 2,4 %.

Почему же развлекательная информация, судя по частоте ссылок и относительному числу ответов, подавляет все остальные в глазах населения? Дополнительная разработка данных показала, что частота выбора развлекательной информации очень велика в группе не давших ответов, т. е. не определившихся в целом по другим ответам. Статус развлекательных программ близок к ситуации неопределенности, когда респонденту все равно, что выбрать. Распределение в долях к общему числу ответов по полу и семейному положению респондентов выявило различия в выборе социально-культурной и духовной информации. Преобладание развлекательной информации не выявило гендерных различий. У мужчин предпочтение политической информации вышло по рейтингу на первое место! Это подтвердило правило, что политика — дело в основном мужчин. Развлекательная информация имеет

самое неопределенное происхождение в силу ориентации на нее большинства опрошенных различного пола и возраста. Гендерных различий почти не оказалось при определении целей поиска информации, а вот семейное положение влияет и в том числе сильно детерминирует фактическое число детей в семье. Следует признать существенное влияние семейного статуса респондента на систему предпочтений населения Среднего Урала тому или иному виду информации.

Таблица 2

Структура предпочитаемых видов информации в зависимости от гендерных различий и семейно-брачного статуса респондента, % к итогу

Тип информации	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Развлекательная	29,0	20,6	21,6	20,8	21,7	24,2
Политическая	19,0	23,2	21,9	14,6	24,0	20,4
Экономическая	13,3	15,3	13,0	12,5	16,5	13,2
В социально-духовной сфере	11,8	13,5	12,6	19,8	8,0	15,4
Спортивная	13,7	8,5	10,4	4,2	17,9	6,7
Рекламная	7,6	5,2	6,3	3,1	4,2	6,8
Бытовая	5,1	12,8	13,0	24,0	6,4	12,7
Другая	0,5	0,9	1,1	1,0	1,3	0,6
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Если сопоставить число детей с показателем обоснования цели выбора вида той или иной информации в семье, то наибольший рейтинг детности характерен для цели «иметь темы для общения с родственниками и друзьями (доля детей третьей и более очередностей, учитывая бездетных составила 11,2 %!), чтобы «быть в курсе происходящего» — 7,5 %. Низкие показатели детности характерны для целей учебы (3,4 %), покупок и приобретений (4,9 %), для работы (4,6 %). Однако вариации уровня детности в целом невелики, что и было отмечено выше.

Таблица 3

Ориентация на вид информации в зависимости от числа детей до 18 лет в семье, % к итогу в строке

Число детей	Развлекатель	Политическая	Экономическая	Социально-духовная	Спортивная	Рекламная	Бытовая	Другая
0	28,1	19,4	14,3	11,5	12,9	7,6	6,0	0,2
1	22,7	23,1	13,6	13,6	7,8	6,1	12,5	0,7
2	19,9	22,5	14,9	13,9	8,1	4,1	15,0	1,5
3	15,7	22,1	16,4	15,0	11,4	6,4	12,9	0,0
4	23,8	21,4	11,9	11,9	11,9	4,8	9,5	4,8
5	16,7	16,7	0,0	16,7	0,0	16,7	33,3	0,0

Наиболее высокие показатели детности характерны для групп населения, ориентирующихся на бытовую, духовную и рекламную информацию. Группы без детей сосредотачивают свое внимание как правило на информации развлекательной. Ее доля в данной группе составила внушительную величину и достигла 28,1 % или более четверти. Многочисленная однопородная группа респондентов более всего ориентирована на развлекательные и политические программы (22,7 и 23,1 % соответственно). Наиболее многочисленные группы двухдетных семей предпочитают политическую (22,5 %), бытовую информацию (15 %) и экономическую информацию (14,9 %). Трехдетная группа и пятидетные семьи обнаружили самые высокие показатели выбора социально-духовной информации. Среди групп, ориентирующихся на различные виды информации, наибольшее число трех и более детей имеется у предпочитающих бытовую (8,6 % детей третьей и более высокой очередности), социально-духовную и спортивную информацию (8,1 %). Самая низкая пронатальная направленность характерна для ориентаций на развлечение и политику.

Таблица 4

Что Вы обычно используете для общения с родственниками, знакомыми

№:	Значения:	f	%	% док.	% отв.
1	Предпочитаю личное общение	802	28,4	86,4	87,0
2	Разговоры по телефону	743	26,4	80,1	80,6
3	Скайп, другие программы	353	12,5	38,0	38,3
4	Смс	231	8,2	24,9	25,0
5	Электронную почту	237	8,4	25,5	25,7
6	Социальные сети	380	13,5	41,0	41,2
7	Письма по почте	69	2,4	7,4	7,5
8	Другие средства связи	4	0,1	0,4	0,4
	Сумма:	2819	100,0	303,8	305,8

Как можно заметить, личное общение и разговоры по телефону пока вытесняют другие каналы информации. Однако представительство социальных сетей для общения родственников уже охватывает 41 % жителей области. Интересно, что судя по опросу, на общение с членами семьи в сутки респондент тратит достаточно много — 2 часа 53 мин. в среднем. Один процент опрошенных вообще не общается «никогда». В свою очередь, до получаса общается 12,2 %. Один-два часа — 28,7 %, 3-4 часа — четверть опрошенных и треть (34 %) затрачивает на процесс общения четыре часа и более в день. При этом величина коэффициента депривации по такой шкале в целом положительная и составляет 0,51. Таким образом, «тяга к общению» в семье очень велика.

Таблица 5

Использование интернет-ресурсов в зависимости от семейного положения,

% к итогу

Виды интернет-ресурсов	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)
Официальные	6,3	10,9	11,2	10,5
Социальные сети	25,2	21,6	22,0	31,6
Блоги	5,0	2,5	3,4	0,0
Ресурсы связи	11,8	9,8	9,1	2,6
Образовательные	9,3	10,6	9,5	15,8
Официальные	7,8	9,4	9,1	5,3
Платежные системы	7,1	11,6	12,9	7,9
Электронные	10,4	10,7	8,2	2,6
Развлекательные	16,7	12,0	12,9	18,4
Другие	0,3	0,8	1,7	5,3
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0

В завершение хотелось бы отметить значение гендерных различий и семейного положения при выборе для просмотра телевизионных каналов и прослушивания радиоканалов у жителей Свердловской области.

Таблица 6

Какие телевизионные каналы Вы смотрите чаще всего, % к итогу

Название ТВ канала	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Россия	26,7	31,9	28,6	32,7	25,9	31,9
Культура	4,9	9,3	11,9	15,4	7,2	9,4
Первый канал	33,1	31,3	28,6	30,8	26,9	33,5
НТВ	13,4	17,1	18,9	13,5	16,8	15,8
Спорт	14,1	7,2	7,5	2,9	18,3	4,9
Другой канал	7,7	3,3	4,4	4,8	4,9	4,5
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Заметна ориентация одиноких и особенно женщин на просмотр программ первого канала. На канал Россия ориентирована семейная аудитория и женщины. «Спорт» предпочитают, конечно же, мужчины и холостяки. НТВ — канал разведенных и одиноких.

Таблица 7

Какие радиостанции Вы слушаете чаще всего, % к итогу

Название радиостанции	Холост (не замужем)	Женат (замужем)	Разведен (а)	Вдовец (вдова)	Мужчины	Женщины
Маяк	16,0	17,1	17,6	30,8	18,3	16,9
Радио Эхо Москвы	7,1	13,2	13,5	23,1	11,2	12,3
Вести FM	21,9	25,7	25,7	11,5	25,4	24,1
Радио СИ	27,2	30,6	32,4	15,4	25,9	31,0
Радио Комсом	4,7	4,4	6,8	11,5	6,7	4,2
Другая станция	23,1	8,8	4,1	7,7	12,5	11,6
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Аналогичная ситуация демографической детерминированности аудитории видна при выборе радиоканалов и радиостанций. Если семейные предпочитают Радио «Си», особенно женщины, то холостые и одинокие в первую очередь склонны к прослушиванию передач Маяка и ориентированы на «Эхо Москвы», что не патриотично по отношению к Уралу.

Библиографический список

1. *Фрэнк Уэбстер.* Теории информационного общества / Перевод с английского М.В. Арапова и Н. В. Малыхиной М: АСПЕКТ ПРЕС. Интернет ресурс: <http://www.courier-edu.ru/cour0501/3406.htm>.

A.I. Kuzmin

INFORMATION CULTURE OF THE FAMILY IN THE MIDDLE URALS

Abstract

The article examines demographic aspects of information culture of the family on the basis of sample surveys of population, covering from November 2014-February 2015 cities: Ekaterinburg, Berezhovsky, Pervouralsk, the «Upper and Lower» Tagil, Krasnoufimsk, Tavda and a number of rural territories (every fifth Respondent). The total number of respondents amounted to 973 people. As demographic indicators family used: marital status of respondents, gender, presence of children. Information culture was fixed with the help of indicators of the quality and type of information, her choice of media, characteristics of information links and the choice of particular techniques of communication between family members.

Keywords: culture, information society, population, family, personality, values, uncertainty.

УДК 353.1

Д. Ю. Ноженко

**ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
РЕАЛИЗАЦИЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РЕГИОНА**

Аннотация

В статье обсуждаются вопросы информационной открытости управления государственными программами субъекта Российской Федерации, которые сегодня являются одним из основных стратегических документов. Приведены отдельные результаты анализа официальных сайтов, на которых представлена информация о государственных программах региона. В настоящее время во всех регионах завершён процесс нормативно-правового закрепления механизмов управления государственными программами, разработаны и утверждены основные, а в ряде регионов и дополнительные, нормативно-правовые документы. Но при этом

сохраняется средний уровень информационной открытости субъектов Российской Федерации, что проявляется как в качестве размещения материалов, так и в возможности доступа к ним.

Ключевые слова: государственные программы субъекта РФ, информационная открытость, управление

Необходимость решения проблем информационной открытости управления разработкой и реализацией государственных программ Субъекта Российской Федерации обусловлена следующими институциональными факторами: во-первых, характером трансформации современного государственного управления и переходом на парадигму «new public management» [2]; во-вторых, внедрением программно-целевых методов в бюджетный процесс; в-третьих, определенным завершением в 2014 году законодательного оформления системы стратегического планирования. Все это, в том числе, предполагает и усиление значимости принципа открытости деятельности органов власти. Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] определено, что государственные программы относятся к документам стратегического планирования, в том числе, разрабатываемым и на уровне субъекта Российской Федерации.

По сути сегодня государственные программы являются одним из важнейших механизмов реализации стратегии социально-экономического развития региона. Согласно закону, государственная программа субъекта Российской Федерации представляет собой документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимосвязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам и обеспечивающих наиболее эффективное достижение целей и решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Одновременно государственная программа выступает инструментом программного бюджетирования [1], определенным образом решая проблемы прозрачности бюджетных процедур.

Нормативно-правовое оформление управления разработкой и реализацией государственных программ было начато субъектами Российской Федерации весной 2011 года, когда в ряде регионов был утвержден порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ, а также, но только в отдельных субъектах, их перечень. Однако наибольшая активность регионов по закреплению порядка разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм, утверждению их перечня наблюдалась в 2012-2013 годах.

При этом в принятые ранее документы достаточно часто вносятся уточнения и изменения. В этот же период в ряде регионов были разработаны и утверждены методические рекомендации по разработке и реализации государственных программ субъекта РФ.

В рамках анализа информационной открытости управления государственными программами субъектов РФ условно можно выделить три блока: наличие нормативно-правовых документов, институционализирующих процесс управления госпрограммами в регионах; количество госпрограмм и возможность доступа к ним; контроль за разработкой, реализацией и финансированием программ, а также их публичным представлением.

В настоящее время встречаются несколько вариантов размещения, которые можно объединить в следующие группы: сайты губернатора, правительства, администраций региона; сайты органов исполнительной власти экономического профиля (министерства, комитеты, управления и т.п.); сайты органов исполнительной власти финансового профиля (министерства, управления); другие сайты.

Чаще всего информация по государственным программам располагается на сайтах экономических министерств, управлений, комитетов, департаментов, что закономерно, поскольку именно на эти органы возложена ответственность за разработку нормативной базы, а также роль координатора хода реализации всех государственных программ, утвержденных в субъекте. Вторыми по частоте представлений информации являются сайты региональных правительств и администраций, постановлениями которых утверждается порядок разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм, а также их перечень. Сайты финансо-

вых органов и некоторых других структур являются скорее редким исключением на фоне информационного массива, представленного на порталах двух выше указанных групп. К прочим сайтам можно отнести сайт Управления межотраслевого взаимодействия и перспективного планирования Администрации Псковской области, сайт Управления стратегического планирования Правительства Ярославской области, а также информационный портал «Открытый бюджет г. Москвы», на которых предоставлена возможность ознакомиться с материалами по государственным программам соответствующих субъектов.

При этом необходимо отметить, что у многих субъектов информация по госпрограммам размещается частично на сайте правительства, частично на сайтах экономических или других органов. Это касается прежде всего нормативной базы и перечня, однако отчеты по реализации программ и сами программы могут располагаться на сайтах других министерств и ведомств. Кроме того, есть субъекты (например, Иркутская область), где информация по госпрограммам, казалось бы, расположена на одном портале, но разбросана она по разным рубриками, что крайне неудобно для ознакомления и анализа. В целом, на региональных сайтах можно ознакомиться с различными нормативно-правовыми документами, перечнем программ, отчетами о реализации, сами госпрограммами. Вся эта информация представлена довольно неравномерно по субъектам, а по некоторым из них информации размещено на сайте крайне мало или она отсутствует вовсе (например, Чеченская Республика).

Основу современной нормативно-правовой базы, закрепляющей управление государственными программами в российских регионах, составляют документы, утверждающие: порядок разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм; методические рекомендации по разработке и реализации госпрограмм; методику оценки эффективности реализации госпрограмм; перечень государственных программ. Учитывая нахождение не просто в открытом доступе указанных основных документов, как самостоятельных правовых актов, а именно возможность ознакомления с ними непосредственно через официальные сайты субъектов, все регионы можно разделить на четыре группы: 1) регионы с наиболее полным представлением всего комплекта нормативно-правовых актов, т.е. на сайте имеется и порядок разработки программ, и методические рекомендации по разработке и реализации, и методика оценки эффективности, и документ об утверждении перечня программ; 2) регионы, имеющие на сайте утвержденный порядок и перечень программ; при этом встречаются регионы, разместившие вместо перечня или порядка методические рекомендации; 3) регионы, представившие на сайте какой-то один из перечисленных документов; 4) регионы, на сайте которых не представлено вообще никаких документов, в лучшем случае встречается лишь упоминание о наличии каких-либо документов.

Большинство регионов относится ко второй группе, т. е. на их официальных сайтах размещены два основных документа. Достаточно многочисленной является и первая группа регионов, где размещены три и более основных документа из пакета нормативно-правовых актов по управлению государственными программами. Присутствие регионов в третьей и четвертой группе непосредственно не означает, что в этих субъектах не разработаны необходимые документы. Но на официальных сайтах субъектов отсутствуют либо собственно документы при наличии какой-либо информации об их существовании в принципе, либо отсутствует даже информация об их разработке и утверждении.

Помимо перечисленных документов, отдельными субъектами Федерации в рамках законотворческой деятельности в сфере управления государственными программами разработаны и утверждены нормативные акты, определившие процедуры, которые, в свою очередь, исходя из управленческих функций, обобщенно можно разделить на следующие виды:

- организация — к таким документам относятся график работы по рассмотрению программ, порядок взаимодействия органов власти, а также порядок рассмотрения проектов госпрограмм;
- мониторинг — к этому виду относится порядок мониторинга;
- оценка — в эту категорию попадают методические рекомендации по оценке эффективности расходов на реализацию госпрограмм;

- учет — что определяется порядком ведения реестра госпрограмм;
- контроль — который обеспечивается на основе форм отчетности о ходе реализации госпрограмм;
- обеспечение публичности — что предполагает порядок проведения публичного обсуждения, а также порядок функционирования советов и комиссий по разработке госпрограмм и рассмотрению проектов.

Необходимо заметить, что отсутствие каких-то документов дополнительного характера, не означает полную нерешенность в регионах тех или иных вопросов, связанных с организацией, мониторингом, оценкой эффективности расходов, учетом, контролем за разработкой и реализацией госпрограмм. Некоторые моменты прорабатываются и присутствуют в порядке разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ субъекта. Прежде всего это касается ведения реестра, мониторинга, форм отчетности. Но ряд вопросов, в первую очередь оценка эффективности расходов, порядок рассмотрения проектов программ в большинстве регионов по-прежнему не решены. Кроме того, реализация такой важной функции как обеспечение публичности и обсуждения проектов программ, и внесенных изменений в действующие программы, и принятие отчетов о ходе реализации, на наш взгляд, требуют специальной правовой проработки и отдельного нормативного закрепления. Но лишь несколько российских регионов занимаются решением этой проблемы. Однако именно публичность обеспечивает эффективность управления государственными программами, поэтому регионам необходимо не только обеспечить нормативное закрепление его публичного характера, но и действительно обеспечить открытость, которая в определенной степени характеризуется и качеством информации на сайтах.

Что касается количества государственных программ, утвержденных в регионах, то оно варьируется от 4 (г. Севастополь) до 46 (Республика Дагестан). Но в большинстве регионов этот показатель держится в среднем на уровне 20-30 программ, что определяется числом главных распорядителей бюджетных средств в субъекте Федерации. При этом только примерно в одной трети регионов все государственные программы доступны по ссылке с сайта, на котором размещена общая информация о них. Довольно много субъектов, где размещен только перечень или реестр госпрограмм без возможности доступа к ним, а в ряде регионов и вовсе отсутствует какая-либо информация на едином сайте.

В большинстве регионов отдельная программа мониторится непосредственно ее разработчиком ежемесячно, но общая информация о ходе реализации носит квартальный или полугодовой характер. При этом размещают эту информацию также далеко не все регионы, на сайтах многих из них можно ознакомиться только с итоговой годовой информацией за прошедший период. Еще более закрытый характер имеет информация о финансировании расходов, но в общем виде она включается в итоговые отчеты. С позиции публичности по подавляющему числу регионов можно оценить только сам факт размещения какой-либо информации о государственных программах. При этом регионы не стремятся к общественным обсуждениям проектов, действующих программ, результатов их реализации. Оценка эффективности проводится самими органами исполнительной власти, и в первую очередь, с точки зрения достижения финансовых показателей.

Таким образом, в настоящее время управление государственными программами в большинстве регионов институционализировано, разработаны и утверждены основные, а в ряде регионов и дополнительные, нормативно-правовые документы. Но при этом сохраняется средний уровень информационной открытости субъектов, что проявляется как в качестве размещения материалов, так и в возможности доступа к ним.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07. 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 8 марта 2015 г. № 25-ФЗ) [Электронный ресурс]: Система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12112604/#ixzz3XeAZUQt4>

2. Дорошенко С. В., Ноженко Д. Ю., Соломатин Я. И. Внедрение новых механизмов оптимизации государственного регулирования в российских регионах // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8 (299). С. 53-56.

3. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ. Система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70684666/#ixzz3XeCaQbFf>

Dmitry Yu. Nozhenko

THE PROBLEM OF INFORMATION TRANSPARENCY OF MANAGING THE STATE PROGRAMS IMPLEMENTATION IN THE REGION

Abstract

The article discusses the issues of information transparency of management of state programs of the Russian Federation, which today are one of the key strategic documents. Some results of official websites analysis of that provides information about state programs in the region are shown. Currently all regions completed the process of legal fixation of the public programs governance; the principles, and in some regions and the additional legal documents, are developed and approved. But an average level of information transparency of the Russian Federation subjects remains, which manifests itself both in the quality of the materials and in access to them.

Keywords: state program of the Russian Federation subject, transparency, management

УДК 316:37

А. Ю. Петров

ПРОФИЛЬНЫЕ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ БУДУЩЕЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ*

Аннотация

Автор рассматривает профильные физико-математические классы как форму, в значительной степени катализирующую профессиональный выбор в пользу технических специальностей. Социологическое исследование, проведенное в ряде элитных гимназий и лицеев, раскрывает специфику мотивации тех выпускников, кто собирается в будущем осваивать технический профиль как наиболее трудоемкий. Дальнейшее обучение в техническом вузе воспринимается выпускниками профильных физико-математических классов как реализация двух возможных жизненных сценариев: первый связан с получением универсального базового образования для сознательно отложенного на период обучения в вузе профессионального выбора (и не обязательно в пользу технической специальности). Второй жизненный сценарий рассматривает профильное обучение в физико-математическом классе как старт для успешной инженерной карьеры в сфере высокотехнологичного промышленного производства. Второй сценарий рассматривается как более желаемый с точки зрения воспроизводства технической элиты.

Ключевые слова: профильные классы, техническая элита, эвристический интерес, профессиональный профиль, отложенный профессиональный выбор

Социологическое исследование проблематики, связанной с желанием либо нежеланием абитуриентов поступать на технические специальности с будущей перспективой их инженерной карьеры на производстве, следовало бы начать с этапа их довузовской подготовки. К тому же, одного желания совершить карьерный рост в каком-либо из технических направлений, в том числе и по такому сверхвостребованному и сверхмодному в среде продвинутой и креативной молодежи направлению, как IT-технологии, было бы явно недостаточно. Особое значение приобретает ранее выявление и культивирование так называемых технических

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Формирование профессионального этоса современного инженера: гендерный и функциональный аспекты». проект № 15-03-0069
© Петров А. Ю., 2015

способностей. Сама логика подсказывает, что скорее всего в «технари» (включая будущих IT-специалистов) *способны* пойти лишь те выпускники школ, кто получил качественную и глубокую подготовку по дисциплинам, профильно связанным с техническими специальностями – а это математика, физика, информатика и химия. Традиционно и вполне справедливо принято считать, что наилучшей формой довузовской подготовки с целью дальнейшего освоения той или иной технической специальности как раз и выступают профильные физико-математические классы, куда, как известно, отбирают наиболее способных и творческих, ибо даже в самих педагогических кругах, не говоря уже о бытовом общественном мнении, сложился устойчивый стереотип: *учеба в физматклассах отличается особой (элитной) трудоемкостью и креативностью*. Что же касается предмета нашего социологического исследования, то нас интересовали физико-математические классы *с точки зрения их потенциальной возможности для воспроизводства будущей технической элиты*, сочетающей в себе, помимо глубокой базовой подготовки, также и внутреннюю потребность в *творческом самовыражении и инновационных видах деятельности* на основе ярко выраженного *эвристического* интереса к инженерной профессии.

С этой целью нами было проведено достаточно масштабное социологическое исследование среди выпускников углубленных физико-математических классов ведущих гимназий и лицеев города Екатеринбурга (лицей №130, специализированный учебно-научный центр при Уральском федеральном университете (СУНЦ), гимназия №35, вошедшая в топ-перечень 100 лучших школ России). В общей сложности нами было опрошено методом анкетирования около 200 *без преувеличения элитных* респондентов с точки зрения мотивации выбора ими физико-математического профиля для углубленного и креативного изучения («Чем же все-таки были вызваны их желание и интерес обучаться именно в физико-математическом классе?»), возможности их последующего поступления в технический вуз и на техническую специальность («В какой степени они действительно заинтересованы в этом?») и, наконец, насколько реальной видится выпускникам элитных физико-математических классов их дальнейшая перспектива инженерной карьеры на производстве («Придут ли они в будущем на производство или же постараются сделать карьеру в каких-либо иных профессиональных областях?»).

Итак, в какой мере выпускники профильных физико-математических классов буквально за несколько месяцев до окончания гимназии или лицея определились с выбором своего жизненного пути на ближайшие годы? Весьма значительная часть охваченных углубленным (физико-математическим) обучением старшеклассников (61,5 % юношей и 65,3 % девушек) смогли назвать нам пока лишь будущий профессиональный профиль (*и, как правило, действительно технический!*), испытывая, по их признанию, существенные колебания между несколькими специальностями уже внутри самого профиля. Между тем, только 20,9 % (1/5 часть) юношей и всего лишь 10,8% девушек смогли более-менее уверенно назвать нам свою будущую профессию, подчеркнув, что это и есть их *окончательный* выбор. Весьма примечательно также, что среди тех выпускников углубленных физико-математических классов, кто уже окончательно и бесповоротно утвердился в своем профессиональном выборе, пятая часть (21,1 %) отдали свое предпочтение в пользу вовсе нетехнических специальностей. Наконец, 17,6 % юношей и 23,9 % девушек, размышляя над своим профессиональным выбором, испытывают значительные колебания уже *между профилями* (как правило, между техническим и гуманитарным), и все это буквально за несколько месяцев до окончания гимназии или лицея.

Что же касается выбора в самом ближайшем будущем именно технической специальности, то мнения наших респондентов, отдавших предпочтение физико-математическому профилю довузовской подготовки, разделились поровну, отражая весь спектр колебаний и возможных подходов. Одна половина выпускников профильных классов (67,1 % юношей и 51,1 % девушек) собираются, по их признанию, осваивать в вузе именно техническую специальность. Между тем, значительная часть «углубленников» (24,2 % юношей и 33,3 % девушек) подобной уверенности вовсе не испытывает, рассматривая поступление на техническую

специальность лишь как один из возможных вариантов жизненной стратегии: «скорее всего придется», «хотя окончательной уверенности пока что нет», «определюсь в последний момент, когда прояснится ситуация непосредственно на момент подачи документов в вуз» и т.п. Наконец, нашлись среди наших респондентов и такие, кто откровенно заявил о том, что поступать на техническую специальность уж точно и ни при каких обстоятельствах не будет (8,7 % юношей и 15,6 % девушек).

Попробуем несколько видоизменить ракурс рассмотрения проблематики профессионального выбора и связанных с ним внутренних ценностных установок, сделав акцент на таких субъективных факторах, как «призвание», «желанность», «реализация истинных способностей». «Да, это мое призвание, и я ему не изменю», — так заявила нам одна четвертая часть респондентов — 25,4 % юношей и 23,9 % девушек к вопросу об избираемой ими специальности. Между тем, социально-психологическая установка, связанная с выбором будущей профессии, у весьма значительной части выпускников профильных физматклассов оказалась гораздо более приземленной и конъюнктурной: 38,2 % юношей (более одной трети!) и 32,6 % (одна треть!) девушек откровенно признались нам в том, что *легко могут сменить свой профессиональный выбор «по ситуации и безо всякого сожаления»*. А еще 36,4% юношей и 43,5 % девушек (почти половина!) рассматривают процесс получения высшего образования (особенно технического, «как наиболее трудоемкого!») своего рода продолжением непрерывной и углубленной базовой, а по сути, *допрофессиональной* подготовки («и чем более качественной и углубленной она окажется, тем лучше!»), что же касается собственно профессионального выбора, то, по мнению данной весьма многочисленной категории наших респондентов, *окончательно он будет сделан ими значительно позже, уже после окончания вуза*.

Таким образом, профессиональный выбор для весьма значительной части выпускников профильных классов (в нашем случае, физико-математических, в которых традиционно, как справедливо принято считать, «продолжают учить наиболее качественно и глубоко») носит сегодня так называемый *отложенный* характер. Так, по нашим данным, почти половина всех выпускников углубленных физматклассов — 48,5 % юношей и 45,7 % девушек — рассматривают свое *возможное* («если таковое действительно случится») обучение в техническом вузе, прежде всего, с точки зрения получения для себя *универсального и глубокого* образования, а отнюдь не с точки зрения будущей инженерной карьеры в сфере промышленного производства: *«работать на производстве мне бы не хотелось и я, скорее всего, перешел бы в иную профессиональную область»*. Если же добавить сюда еще 7,4 % юношей и 10,9 % девушек, для которых сама возможность работать в будущем на производстве и по инженерной специальности даже и не рассматривается (что называется, «без вариантов»), то остается 44,1 % юношей и 43,4 % девушек, более-менее твердо заявивших нам о том, что *действительно собираются в будущем работать на производстве и делать успешную инженерную карьеру*.

Итак, дальнейшее обучение в техническом вузе воспринимается выпускниками профильных физико-математических классов как реализация *двух возможных жизненных сценариев*: один из них связан с возможностью получения солидного и *универсального* базового образования (к тому же, физико-математическое, а затем и техническое образование, по мнению наших респондентов, именно таковыми и являются) и осуществления *сознательно отложенного на период обучения в вузе* профессионального выбора (*причем, вовсе не обязательно в пользу сугубо технической специальности*). Вторым жизненным сценарием слагается из следующих компонентов: профильное обучение в физико-математическом классе → как возможность реализации своих способностей и получения наиболее качественной довузовской подготовки → с целью глубокого освоения технической специальности → как возможности успешной инженерной карьеры → в сфере высокотехнологичного промышленного производства. *Рассматривая второй сценарий как более желаемый и предпочтительный с точки зрения воспроизводства технической элиты*, попробуем определить процентную долю учащихся профильных физико-математических классов, отвечающую данным целевым установкам в полной мере.

По нашим данным, выбор наиболее трудоемкого варианта довузовской подготовки — через углубленное обучение в физико-математическом классе — обусловлено, в первую очередь, *эвристическими* интересами, которые заметно преобладают в данном контексте над интересами *социальными и сугубо прагматическими*. Действительно, выбор углубленного физико-математического профиля обучения объясняется нашими респондентами «соответствием своим истинным способностям» (две трети опрошенных — 68,9 % у юношей и 56,8 % у девушек), а также интересом (и прежде всего, у юношей) к так называемой технической и информационной проблематике: до половины юношей (43,8 %), обучающихся в выпускных физматклассах, демонстрируют целевые установки, катализирующие процесс профессионального выбора в пользу именно технических специальностей: «меня интересует техника — это мое!», «меня интересует информатика — и это тоже мое!», «мое также все то, что с техникой и информатикой связано — т. е. физика, математика и т. п.!»). Что же касается *социально-прагматическим* интересов, то, по нашим данным, именно они «в самую первую очередь» побуждают напряженно и углубленно осваивать физико-математический профиль до трети опрошенных нами старшеклассников: данная категория учащихся физматклассов обосновывала свой выбор профиля довузовской подготовки следующими «первоочередными» соображениями: «физико-математические классы считаются элитными классами и учиться в них наиболее престижно» (26,7 % юношей и 22,7 % девушек), «обучение в физико-математических классах является хорошей и добротной довузовской подготовкой, *хотя мой будущий профессиональный профиль будет иной — «нетехнический» и «нефизико-математический»* (29,2 % юношей и 36,4 % девушек).

Следует сделать и еще один акцент: среди мотивов выбора физико-математического профиля углубленного обучения, как наиболее трудоемкого, весьма заметно преобладает убеждение в высоком качестве и эффективности данной формы довузовской подготовки, ибо, по мнению наших респондентов, «самые сильные учителя работают именно в физико-математических классах» (55,1 % юношей и 59,1 % девушек).

Развивая «учительскую» тему, нами была сформирована *фокус-группа*, куда были приглашены учителя математики, физики и химии одной из ведущих профильных гимназий г. Екатеринбурга и России (гимназия № 35). Исследование же заключалось в *глубинном групповом интервьюировании* целевой аудитории, выступающей в качестве экспертов по проблемам профильного обучения. Весьма плодотворной могла бы стать, по мнению наших экспертов, *система параллельного (дуального на уровне школы и вуза) профильного образования* старшеклассников. Иными словами, сам технический вуз мог бы стать *открытой системой*, чья программа взаимодействия с профильными школами включала бы в себя вовлечение продвинутых старшеклассников в проектную деятельность, формируя совместные креативные команды, объединяющие преподавателей, аспирантов, студентов разных курсов, а также профессионально ориентированных старшеклассников.

Alexander Yu. Petrov

MATHEMATICS AND THE PHYSICAL SCIENCES CLASSES AS ACADEMIC ENVIRONMENT ARE SHAPING THE FUTURE OF TECHNICAL ELITE

Abstract

The author examines the core physics and math classes as a form substantially catalyzing the professional choice in favor of technical specialties. A sociological study conducted in a number of elite high schools and colleges, reveals the specific motivations of those graduates who are going to master technical skills as the most time-consuming. Further training in a technical University is perceived by the graduates of specialized physical-mathematical class as an implementation of the two possible life scenarios: the first is associated with access to universal basic education for deliberately delayed for the period of study at the University of occupational choice (and not necessarily in favor of technical specialty). Second life scenario considers specialized education in physics and math class how to start a successful engineering career in the field of high-tech industrial produc-

tion. The second scenario is viewed as more desirable from the point of view of reproduction of technical elite.

Keywords: specialized classes, profile classes, technical elite, heuristic interest, professional profile, deferred professional choice

УДК 331:316

Т. В. Полкова

ОПЫТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ¹

Аннотация

Представлены результаты исследования состояния и динамики качества трудовой жизни населения России в региональном разрезе. Определено содержание категории «качество трудовой жизни»; обоснована система характеризующих ее показателей, разработана методика оценки интегрального индекса качества трудовой жизни на основе выделения базовых компонентов, на основе которой были рассчитаны интегральные показатели качества трудовой жизни регионов России в XXI в.

Ключевые слова: качество жизни, качество трудовой жизни, методика, регионы, индикаторы, индексы, рейтинги

Качество жизни обычно представляют как оценку совокупности условий физического, умственного и социального благополучия, включая их субъективное восприятие отдельным индивидуумом, отдельной группой, населением какой-либо территории. В целом качество жизни является сложной системной категорией, включающей в себя комплекс человек — технологическая система — экологическая система — социокультурная среда. При этом качество трудовой жизни можно рассматривать как элемент качества жизни.

Исследованием качества трудовой жизни занимались такие ученые, как В. Н. Белкин, В. Н. Бобков, М. А. Винокуров, Б. М. Генкин, Н. А. Горелов, Н. В. Кочкина, Г. Э. Слезингер, П. Э. Шлендер, К. Арджирис, Э. Лоулер, Г. Бейнам, Дж. Саттл и др. При этом большинство отечественных работ, посвященных качеству трудовой жизни, касаются исследования основных положений зарубежных концепций и изучению зарубежного опыта.

Существуют различные определения качества трудовой жизни. Иногда это понятие ориентировано на уровень благосостояния человека или степень удовлетворения потребностей. Например, согласно П. Э. Шлендеру, «Качество трудовой жизни — это интегральное понятие, всесторонне характеризующее уровень и степень благосостояния, социального и духовного развития человека через его деятельность в организации. Качество трудовой жизни выступает основным показателем оценки социально-трудовых отношений» [1, с. 524].

В ряде случаев акцент делается на реализации способностей человека: «Качество трудовой жизни — это характеристика условий и организации труда с позиций наилучшей реализации способностей работника» [3, с. 126] либо условиях труда: «Качество трудовой жизни — систематизированная совокупность свойств, характеризующих условия труда в самом широком смысле этого слова — условия производственной жизни — и позволяющих учесть степень реализации интереса работника и использования его способностей» [4]. Имеются и синтетические определения, например, качество трудовой жизни представляется как «совокупность свойств, характеризующих условия и организацию труда, формирующих трудовую активность и обеспечивающих реализацию трудового и творческого потенциала работника с целью удовлетворения потребностей человека как личности и как работника» [5, с. 65–72].

Для чего нужно вводить интегральные модели качества жизни населения и, в частности, модели качества трудовой жизни? Во-первых, это необходимо для определения опти-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста», проект № 15-06-09169

мальных траекторий социально-экономического и демографического развития регионов. Среди задач социально-экономического анализа и управления, при решении которых данные модели могут быть применены, — межстрановые и межрегиональные сопоставления, рейтинги, их использование для совершенствования механизмов управления; показатели степени достижения целей в управлении социально-экономическим развитием региона; в проблеме анализа и управления социально-политическим здоровьем общества и др. Все это подтверждает актуальность постановки проблемы моделирования качества трудовой жизни населения.

Основные параметры качества трудовой жизни могут быть представлены в виде следующих укрупненных блоков: занятость, заработная плата, квалификация и безопасность труда, дополненных макроэкономическими показателями.

Ключевыми проблемами в разработке и реализации методики измерения качества трудовой жизни являются: а) разработка методики статистических измерителей базового уровня, достаточно полно отражающих все основные аспекты качества трудовой жизни; б) разработка методики построения интегральных расчетно-аналитических показателей, частных критериев и интегрального индикатора качества трудовой жизни.

Формирование системы индикаторов качества трудовой жизни осуществляется по следующим пяти индикативным блокам, отражающим ту или иную его сторону как социально-экономического явления: 1 — «занятость и безработица»; 2 — «заработная плата и доходы»; 3 — «квалификация и производительность труда»; 4 — «безопасность и организация труда»; 5 — «предприятия и инвестиции».

Каждый блок сформирован из нескольких индикативных показателей. Хотя блоки могут различаться между собой по количеству входящих в них показателей, все они в определенной степени уравновешены по их влиянию на формирование показателя качества трудовой жизни в целом.

Таким образом, на основе пяти частных блоков показателей можно получить интегральную оценку качества трудовой жизни.

Для синтеза интегральных показателей по блокам в целях сравнения и упорядочивания может быть предложен интегральный индекс качества трудовой жизни (ИИ_{КТЖ}), отражающий важнейшие компоненты достойного труда.

Принцип расчета каждой составляющей сводного индекса заключается в оценке относительного расстояния между ее фактическим значением и оптимальным.

Методика апробирована на субъектах Российской Федерации в динамике за период 2002-2013 гг. Дифференциация регионов по уровню качества трудовой жизни осуществлялась по 4 категориям: высокий, средний, ниже среднего и низкий уровни. Деление учитывает степень экономического и промышленного развития территорий, а также перспективность экономического развития территории (обеспеченность природными ресурсами, выпуск конкурентоспособной продукции и т.д.).

Произведенные вычисления позволяют осуществить группировку регионов по уровню качества трудовой жизни. Выделяются следующие четыре группы пороговых уровней:

- группа 1 — территории с высоким уровнем интегрального $I_{КТЖ}$ (выше 0,550).
- группа 2 — территории с уровнем интегрального $I_{КТЖ}$ выше среднего (0,511–0,550);
- группа 3 — территории со средним интегрального $I_{КТЖ}$ (0,501–0,510);
- группа 4 — территории с уровнем интегрального $I_{КТЖ}$ ниже среднего (0,451–0,500);
- группа 5 — территории с низким уровнем интегрального $I_{КТЖ}$ (ниже 0,450);

Из расчетов были исключены Москва и Санкт-Петербург, поскольку высокие показатели двух столиц могли бы исказить общую картину. При заданном диапазоне от 0 до 1 региональные индексы интегрального $I_{КТЖ}$ варьировались от 0,318 (Республика Ингушетия) до 0,623 (Чукотский АО). Как и следовало ожидать, при сравнении полученных данных с основными индикаторами социально-экономического развития регионов России наблюдается

положительная корреляция с субъектами-лидерами — так называемой отечественной большой шестеркой (Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский АО, Тюменская область, Московская область и Ямало-Ненецкий АО). На эти регионы приходится почти половина отечественного ВВП, они являются основными донорами федерального бюджета, здесь формируется большая часть потребительского спроса и отсюда исходит основной экспортный поток страны. В этих же регионах работают или базируются большинство крупнейших корпораций страны, в том числе все основные российские монополисты.

Такая же положительная корреляция характерна для нижней части рейтинга, где сосредоточены почти все республики Северного Кавказа. К ним же примкнули небольшие национальные республики Сибири и Дальнего Востока. Эти регионы демонстрируют слабые результаты практически по всем показателям — как экономическим, так и социальным.

В средней части рейтинга ситуация менее однозначная. Благополучие многих из этих регионов также зависит от обеспеченности природными ресурсами, но здесь важна инвестиционная привлекательность, причем в большинстве случаев она зависит от трудового и управленческого фактора.

Расчеты показывают, что определяющим в интегральном индексе качества жизни являются уровень занятости и безработицы, а также уровень неформальной занятости. Все субъекты-лидеры имеют пониженную численность безработных и большинство — более высокий уровень занятости населения. Немалый вклад вносят также показатели доходов, образования занятого населения, оборота малых предприятий и удельного веса трудящихся в неблагоприятных условиях. Именно за счет последнего удерживают свои позиции слаборазвитые в промышленном отношении регионы юга (Адыгея, Дагестан, Калмыкия и т.п.).

Динамика распределения регионов по индексу качества жизни показывает, что наиболее заметные положительные сдвиги произошли в первые годы экономического роста, когда более половины регионов группы с низкими значениями индекса продвинулись в группу, которую можно назвать медианной (средней). Эти изменения связаны не только с ростом экономики, но и с возросшим межрегиональным перераспределением финансовых ресурсов, что привело к росту доходов населения и сокращению бедности. Однако собственные ресурсы таких регионов как были, так и остаются недостаточными для существенного улучшения качества жизни.

Заметные перемещения в средней и нижней части рейтинга обусловлены общим улучшением ситуации, а также близкими значениями индексов большинства регионов. Однако число явных лидеров с наиболее высоким индексом почти не изменилось.

Почти все крупные по численности населения субъекты России находятся в первой трети рейтинга, тем самым в стране обеспечивается относительная социальная стабильность. Почти половина россиян живет в регионах с пониженными значениями индекса, малочисленно население в сверхпроблемных по качеству жизни регионах. Несмотря на позитивные перемещения вверх по шкале индекса, в большинстве регионов качество жизни остается невысоким.

Данные, полученные в результате расчетов, могут быть использованы в качестве критериев для оценки эффективности осуществляемых государственных программ.

Библиографический список

1. Экономика труда: Учебник / Под ред. проф. П. Э. Шлендера и проф. Ю. П. Кокина. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
2. Основы формирования региональной политики развития человеческого потенциала/ кол. авт. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. 214 с.
3. Энциклопедия труда и занятости / Н. А. Горелов, А. И. Тучков. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. 239 с.
4. Экономика труда и социально-трудовые отношения / Под ред. Г. Г. Меликьяна. Р. П. Колосовой. М: Изд-во МГУ, 1996. 623 с.

5. Жулина Е. Г. Экономика труда. Курс лекций: учеб. пособие для вузов / Е. Г. Жулина. М.: Изд-во «Экзамен», 2006. 157 с.
6. Андреева Е. Л., Полкова Т.В. Оценка качества трудовой жизни населения регионов России // Экономика региона, 2013, № 3 (35). С. 91-101.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. М.: Росстат., 2014. 900 с.
8. Промышленность России. 2014: Стат.сб. М.: Росстат., 2014. 326 с.
9. Труд и занятость в России. 2013: Стат.сб. М.: Росстат., 2013. 661 с.
10. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2014: Стат.сб. М.: Росстат., 2014. 321 с.

Т. V. Polkova

LABOUR LIFE QUALITY OF THE POPULATION IN REGIONS OF RUSSIA: ASSESSMENT TRIAL

Abstract

Results of labor life quality of the population status and dynamics research in a regional section are presented. The substance of the category "quality of labor life" is defined; the system of the indicators characterizing is grounded, the technique of integrated index assessment of labor life quality based on components allocation is developed, integrated indicators of labor life quality in regions of Russia in the beginning of XXI century were calculated.

Keywords: quality of life, quality of labor life, technique, regions, indicators, indexes, ratings

УДК 331:316

Д. Л. Сиволов

СЕТЕВОЙ ПОДХОД К КУЛЬТУРЕ¹

Аннотация

В статье раскрываются тенденции усложнения современной культуры. Сложность культуры раскрывается через определение культуры как мозаичной. Мозаичная культура ведет к усилению разобщенности и дифференциации общества. «Противоядием» разобщенности может стать полилоговая культура как одновременность множества диалогов. Структурой самоорганизации полилоговой культуры является сеть, являющаяся гибкой и самодостраивающейся формой организации. Сетевой подход к исследованию общества и культуры помогает понять, что элементами социальной организации выступают и несоциальные явления: технологии, стихийные бедствия, финансовые кризисы и так далее.

Ключевые слова: мозаичная культура, диалоговая культура, полилоговая культура, самоорганизация, сеть, сетевой подход.

За последние 15-20 лет мы наблюдаем следующие признаки самоорганизации общества:

- 1) усиление дифференциации социокультурного пространства,
- 2) дифференциация времени социального взаимодействия,
- 3) символизация социального взаимодействия,
- 4) трансформация государства под влиянием глобализации,
- 5) возрастание сетевых форм социальной организации.

Все перечисленные тенденции ведут к усилению мозаичности культуры в информационном обществе. Впервые обратил внимание на мозаичную культуру А. Мольтене. Он противопоставлял мозаичную культуру [1, с. 64] традиционной. Традиционная культура веками формировалась как некая целостность. С появлением и развитием средств массо-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Информационная культура населения Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты», проект № 14-13 66013.

вой информации ситуация изменилась. Традиционные, с сегодняшней точки зрения, средства массовой коммуникации – печать, радио, телевидение создают дифференцированную, пеструю событиями картину в массовом сознании.

Дифференциация общества и мозаичная культура одна суть, поскольку через коммуникации происходит разобщение и воссоздание общества. Различие заключается в том, что термин фрагментарность предполагает наличие только одного «полюса» социального пространства — дистанции, разобщенности. Но общество, несмотря на фрагментацию, остается в той или иной степени целостной, воссоединяемой коммуникациями системой, то есть в мозаичности проявляется другой полюс социального пространства — взаимодействие, интеграция. Мозаичная культура — это фрагментарное социокультурное пространство, разобщаемое и соединяемое в целостность посредством коммуникаций.

Именно этот аспект влияния коммуникаций на культуру современного общества отмечает Л. В. Скворцов, когда говорит: «Особенно рельефно обозначилось воздействие информационных полей на эволюцию культуры. Культура стала обретать такие качества, которые уже нельзя адекватно интерпретировать в категориях традиционной социологии и идеологии». [2, с. 45]. С развитием телекоммуникаций как единого информационного поля в масштабе всего человечества, культура общества изменилась «качественно» и ее уже нельзя определять как просто мозаичная.

В терминологии культурологического подхода к исследованию коммуникаций как «социальной типизации с точки зрения истории развития средств коммуникации» [3, с. 480], глобальную дифференциацию общества, то есть современную культуру человечества корректнее определять как сверхмозаичную, то есть имеющую большую степень дифференциации, большее проявление многообразия форм монолога и диалога в обществе.

Сверхмозаичная культура является проблемой современного общества: «Главная проблема современного мира обусловлена тем, что взаимодействие двух базовых тенденций его развития — к унификации, углублению взаимозависимости народов и государств, с одной стороны, и увеличение его многообразия, с другой — становится все более конфликтным». [4, с. 10]. Сверхмозаичная культура — деструктивная тенденция к неустойчивости коммуникаций — ведет к разрушению общества как системы, поскольку атрибутом системы является целостность.

Э. Тоффлер связывает эту проблему также с проблемами современной демократии: «Мы видим, это уже больше не массовая демократия, а взрывоопасная, весьма динамичная «мозаичная демократия», которая соответствует мозаичной экономической структуре и действует по своим правилам. Это заставляет нас по-новому взглянуть на самые основные исходные положения демократии». [5, с. 301]. Преодоление сверхмозаичности в современной культуре является проблемой государственного управления в современном обществе — проблемой трансформации государства с целью сохранения национально-государственной целостности.

Социальное пространство современного общества по сравнению с пространством индустриального общества становится более масштабным (глобальным) по количеству социальных агентов и более мобильным по динамике социального взаимодействия. В свете тенденций становления информационного общества, телекоммуникационное информационное поле создает более демократические возможности, т. е. возможности влияния (и власти) на общество для более широкого круга социальных агентов через создание ими символического капитала. С этой точки зрения, контроль над телекоммуникациями, создающими наиболее широкую известность (символический капитал), является формой борьбы за информационно-коммуникационную власть в обществе.

В свете демократичности современных телекоммуникаций (по сравнению с традиционными масс-медиа), они создают более широкие возможности для создания символического капитала и конвертации его в другие виды капиталов (экономический, политический, организационный, культурный и т. д.), что является одним из проявлений сверхмо-

заичной культуры. Новые социальные агенты создают собственные ресурсы власти – символический капитал и каналы его распространения и конвертации в другие виды капиталов — телекоммуникации в виде сайтов, порталов, чатов, форумов и других форм символического капитала в Интернете. Проблема заключается в том, что «новые» социальные агенты могут «выпадать» из социального пространства государственного управления, если оно не будет налаживать с ними диалог. Таким образом, в сверхмозаичном обществе диалог с элитой партийно-представительной демократии трансформируется в монолог множества социальных агентов, имеющих возможность создания собственных ресурсов власти. По форме институт партийно-представительной демократии остается проявлением диалоговой культуры, но уже в более узком масштабе, поскольку круг социальных агентов, постоянно нарабатывающих собственный символический капитал, значительно расширяется.

Мы считаем, что в современном обществе необходимо становление полилогового культуры как одновременного множества диалогов. На необходимости одновременного множества диалогов настаивал М.С. Каган, когда определял социокультурную ситуацию конца XX века «как наступление эпохи *многомерного диалога* – многомерного именно потому, что в отличие от всех предыдущих эпох с диалогической доминантой, действовавшей лишь в каком-то направлении и в каких-то разделах культуры, наше время должно сделать диалог *универсальным, всеохватывающим* способом существования культуры и человека в культуре» [6, с. 405]. Другими словами, речь идет о множестве диалогов с сильно дифференцированным множеством социальных агентов, формирующих собственную культуру (субкультуру). По нашему мнению, более корректно такую культуру определять как *полилоговую*, поскольку данный термин более точно отражает одновременность множества диалогов самых разных социальных агентов между собой, подчас «говорящих на разных языках», хотя и в рамках одной национальной культуры.

Полилоговая культура — это различные формы и способы воспроизводства многостороннего социального взаимодействия благодаря механизму обратной связи в коммуникациях между социально дифференцированным множеством участников коммуникации. По сути, полилоговая культура реализует гибкую форму социальной организации — сеть, адекватную тенденциям становления информационного общества.

Полилоговая культура становится необходимостью ради сохранения человеческой культуры как целостности, «ибо спасти человечество в этой критической фазе его развития может только сознание его единства» (М. С. Каган). «О критической фазе развития» общества, по существу, ведет речь Э. Тоффлер, когда отмечает «взрывоопасный» характер современной демократии.

Таким образом, тенденции развития информационного общества свидетельствуют о формировании сверхмозаичной культуры, создающей, с одной стороны, условия для взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур (национальных, экономических, политических, организационных и мн. др.), а с другой, угрозу разрушения человеческой культуры как целостности, поскольку все в культуре взаимосвязано.

Что связывает сверхмозаичную культуру? Что выступает в качестве цементирующего элемента? Мы предполагаем, что таким элементом выступает **сеть** (если применять сетевой подход).

Суть сетевого подхода проявляет себя в том, что все социальные процессы рассматриваются как *сетевые*. Сетевой подход абсолютно разные социальные явления связывает в сеть. Разные по масштабу охвата социума, разные по сфере действия и влияния на социум, разные по уровню технологичности и оснащенности различными типами ресурсов. Среди перечня сетевых явлений можно назвать такие, как «цветные революции», дипломатия «мягкой силы», «мозговой штурм», «корпоративы», «школьное братство», не так давно популярный фильм «Матрица». Этот перечень бесконечен. Бесконечен с точки зрения сетевого подхода, потому что **все социальные явления по сути есть сеть**. Именно так формулируется максима *сетевого подхода*.

Научная рефлексия сети, как формы и сути социального пространства возникла относительно недавно, примерно в восьмидесятых годах XX века. Главное внимание пионерами сетевого подхода (Э. Тоффлер, М. Кастельс) обращалось на эгалитарность сетевого сообщества, то есть равенство членов сетевых сообществ при установлении и достижении ими общих целей.

Равенство участников сетевого взаимодействия является существенным признаком сети. Но не главным. Суть сети состоит в кооперации энного количества элементов для достижения общей цели. Кооперация достигается посредством установления каналов обратной связи между этим энным количеством элементов. Если речь идет о социуме, то каналы обратной связи существуют и действуют в качестве коммуникаций. Коммуникации — это структура сети, а кооперация – ее главное свойство (атрибутивное свойство сети). Употребляя выражение «энное количество элементов», мы имеем ввиду, что в социальной кооперации участвует не только социум. Попробуем доказать это через определение классических теорий социального управления, которое гласит, что **управление — это целеполагающее действие**. При таком подходе на первом месте всегда стоит организационная структура. В этом состоит суть классического (несетевого) подхода к социальному управлению. Природа такой структуры является социальной, поскольку акторами выступают люди — члены данной социальной структуры управления.

Смысл классического подхода заключается в презумпции первичности социальной природы управления. Все ресурсы, кроме социальных, по умолчанию отходят на второй план. Структура управления, органы управления, социальные акторы управляют финансовыми, техническими, природными и всеми другими видами ресурсов – социальными и несоциальными. В результате получается, что такие природные ресурсы как смерчи, цунами, наводнения, — вторичны, подвластны, то есть подчиняются социальным структурам управления. В результате получается, что финансовые ресурсы, финансовые рынки и финансовые игры также вторичны и всегда подвластны правилам социальных структур управления. Технические ресурсы, автомобили, самолеты, ракеты, компьютеры, атомные электростанции также вторичны и также подвластны социальным структурам управления.

Вторичность, подвластность в данном случае означает невмешательство и подчинение социальным структурам управления. Тогда следует признать, что природные, финансовые, технические и все другие несоциальные виды ресурсов не имеют никакого собственного вмешательства в деятельность социальных структур управления. Не существует природных катаклизмов, биржевых крахов и техногенных катастроф. Но это же отрицание очевидных фактов социальной реальности!

Следовательно, необходимо предположить равенство социальных и несоциальных видов ресурсов, равенство участия социальной и несоциальной природы в социальных процессах. Исходя из сетевого подхода, мы предполагаем равное, то есть независимое (не всегда зависимое, автономное) участие социальной и несоциальной природы в социальных процессах. О чем, по сути, писал Б. Латур в своей работе «Дайте мне лабораторию и я переверну мир» [7, с. 26-29].

Сетевой подход помогает понять механизмы формирования современной культуры, целостной во всей ее сверхмозаичности.

Библиографический список

1. *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Наука. 1973. 404 с.
2. *Скворцов Л. В.* Информационная культура и цельное знание. М.: РАН, Институт общественной информации по общественным наукам, 2001. 288 с.
3. Социальная философия / Словарь под общей редакцией Кемерова В. Е, Керимова Т. Х. М.: Академический проект, 2003. 1269 с.
4. *Загладин Н. В.* Глобализация в контексте альтернатив исторического развития // Мировая экономика и международные отношения, 2003. № 8. С.3–15.

5. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., Издательство АСТ (Philosophy). 2004. 669 с.
6. *Каган М. С.* Философия культуры. Спб.: УИНФ. 1996. 415 с.
7. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию и я переверну мир // Логос. 5-6 (35), 2002. С. 1–30.

D. L. Sivovolov

NETWORK'S APPROACH TO THE RESEARCH OF CULTURE

Abstract

The article describes trends in the complexity of contemporary culture. The complexity of culture is revealed through the definition of culture as a mosaic culture. Mosaic culture leads to increased fragmentation and differentiation of society. "Antidote" of dissociation can be polylogue culture, as the simultaneity of many dialogues. The structure of self-organization polylogue culture is the network, because the network is flexible and self-building form of organization. Furthermore, the network, the network approach to the research of society and culture helps to understand that elements of social organization are also non-social phenomena: technology, natural disasters, financial crises, and so on.

Keywords: mosaic culture, dialog culture, polilogue culture, self-organization, network, network approach.

СЕКЦИЯ 6. КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ

УДК 659.4 + 332.1

И. Б. Бритвина, М. В. Немченкова

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СУРГУТА)*

Аннотация

В статье рассматривается стратегия социально-экономического развития г. Сургу́та в качестве инструмента продвижения территории. Авторы анализируют коммуникационный потенциал стратегии.

Ключевые слова: продвижение территории, стратегия, инструмент, бренд, каналы коммуникации.

В настоящее время в России осуществляется переход от деятельности «по ситуации» к стратегической деятельности. Деятельность территорий по разработке стратегий социально-экономического развития регулируется на федеральном уровне. Федеральные законы «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [4], распоряжение Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [3] обязывают регионы и муниципальные образования разрабатывать планы комплексного социально-экономического развития и обеспечивать их выполнение. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования (далее – стратегия развития) — это «документ стратегического планирования, определяющий цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципального образования на долгосрочный период» [4].

Конкурентоспособность территории зависит от наличия имиджа, подчеркивающего ее репутационные характеристики и ресурсные преимущества. Стратегическое планирование деятельности территории, по нашему мнению, может способствовать и созданию бренда, который позволил бы наиболее эффективно использовать как материальные, так и нематериальные ресурсы территории для всестороннего развития, и решения социально-экономических проблем. Эффективность такого инструмента продвижения территории, как стратегия развития, состоит в том, что происходит четкое выделение положительных черт территории для той или иной целевой аудитории [1, с. 41].

Сургут был одним из первых городов, которые начали заниматься стратегическим планированием в соответствии с федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Проект «Стратегия социально-экономического развития города Сургу́та на период до 2030 года» [8] вызвал интерес на федеральном уровне, в результате чего был представлен в 2014 г. на ежегодном общероссийском форуме «Стратегическое планирование в регионах и городах России». Сургутский опыт создания стратегии развития был высоко оценен федеральными экспертами [8].

При анализе стратегии развития г. Сургу́та нами был выделен ряд положительных моментов использования стратегии в качестве инструмента продвижения территории. Прежде всего, это сам механизм разработки, принятия и реализации стратегии развития, который демонстрирует ее высокий коммуникационный потенциал.

Первым этапом разработки документа являлась формулировка городскими властями основных блоков развития города на период до 2030 года. Было сформулировано четыре стратегических направления, которые определяют приоритеты развития города в различных сферах: предпринимательство, человеческий потенциал, гражданское общество, жизнеобес-

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области, проект № 14-13-66011.

© Бритвина И. Б., Немченкова М. В., 2015

печение. Генеральной стратегической целью определено «формирование промышленно-научного центра с инновационной диверсифицированной экономикой, широкими возможностями осуществления предпринимательской деятельности, высоким потенциалом экономического и гражданского развития для горожан». Таким образом, стратегия основана на комплексном подходе, что соответствует требованиям технологий геобрендинга.

Вторым этапом стал конкурс на разработку стратегии города, объявленный Администрацией г. Сургута. В итоге было решено, что площадкой для разработки стратегии станет Сургутский государственный университет (СурГУ).

Отметим, что федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» указывает на необходимость создания таких условий, при которых граждане могли бы быть вовлечены как в процесс создания стратегии путем участия в общественных обсуждениях, так и в реализацию стратегии. С точки зрения эффективности стратегии как инструмента продвижения, вовлечение граждан позволяет не только информировать их о деятельности в рамках стратегии, но и реализовывать ее на основе учета мнения населения.

Третьим этапом стала непосредственно разработка проекта документа «Стратегия 2030» совместно с Администрацией города с привлечением как преподавателей СурГУ, так и студентов, специалистов, практиков, консультантов и экспертов, представителей бизнес-сообществ, инициативных граждан и других стейкхолдеров. Это наглядно демонстрирует, что стратегия Сургута не только выделяет ключевые аудитории продвижения территории, но и вовлекает их в процесс создания документа, повышая тем самым его эффективность, минимизируя основные риски. Также можно говорить не только об учете проблемы территориальной идентичности, но и о возможности индивидуального подхода в рамках города, что, несомненно, является большим плюсом. В каждом отдельном случае стратегия может учитывать местную специфику экономики, промышленности, истории, инфраструктуры и т. д.

Четвертый этап заключался в представлении проекта стратегии на публичное обсуждение. Таким образом, стратегия была подвергнута мониторингу, постоянно обновлялась, что поддерживало ее актуальность.

Пятым этапом являлось утверждение стратегии развития городской думой.

В середине февраля 2015 года прошло заседания Сургутской городской Думы по поводу принятия «Стратегии 2030». Документ не приняли и отправили на доработку. Основной причиной депутаты объявили не учет в стратегии реалий текущего экономического кризиса в стране. Таким образом, «Стратегия 2030» так и осталась проектом [7].

Рис. 1 наглядно демонстрирует механизм разработки стратегии в г. Сургуте. Нужно подчеркнуть еще ряд преимуществ использования стратегии в качестве инструмента продвижения территории. А именно: стратегия дает возможность проанализировать реальную ситуацию, в которой функционирует город, выделить ключевые проблемы, преимущества, возможности. Цели ставятся с учетом этой реалистичности, они должны быть достижимы. Это, в свою очередь, приводит к осознанию реальных лидерских и конкурентоспособных позиций территории в той или иной сфере. Тем самым акцентируются ключевые положительные характеристики города, создающие ориентиры для создания сильного бренда. При этом используется программно-целевой подход, который позволяет четко определять приоритеты и цели в рамках стратегии. В стратегии г. Сургута цели сформулированы таким образом, что учтен принцип результативности и эффективности (стратегия не просто ставит цели, а конкретизирует их в числах, датах, фактах). Более того, по каждому направлению и вектору назначены ответственные, что также повышает эффективность принятого документа.

Рис.1. Схема организации стратегического управления в г. Сургуте [6]

Вышеуказанная схема показывает, что при разработке стратегии четко прослеживаются единая методология и последовательность действий, а также наличие замеряемой отчетности о реализации, что позволяет контролировать процесс на всех его стадиях. Подобный план действий способствует разграничению полномочий (город может сам определять приоритетные цели стратегии и способы их достижения в рамках муниципального образования). Нельзя не отметить преемственность и непрерывность стратегии. Все новые документы, принимаемые в рамках стратегического планирования, исходят из принятых ранее документов и учитывают решенные и нерешенные задачи.

С точки зрения эффективности коммуникаций важно подчеркнуть механизм прозрачности. Все материалы, связанные со стратегией города Сургут публикуются и находятся в свободном доступе. Официальный сайт администрации города публикует анонсы планируемых слушаний и обсуждений документа. Предложения по всем направлениям стратегии могут быть внесены любым жителем города. Также существует механизм обратной связи с целевыми аудиториями, который и позволяет осуществлять мониторинг стратегии на всех этапах.

Мы хотим отметить, что достижение целей, поставленных в рамках стратегии, в будущем будет способствовать не только улучшению экономического и социального климата в городе, но и благотворно повлияет на имидж и репутацию города, так как положительные результаты привлекут в город новых жителей, туристов, специалистов, бизнесменов и т. д. В этой связи важно правильно организовать коммуникации между стейкхолдерами, а также между стейкхолдерами и властью, властью и СМИ, чтобы обеспечить информационную известность в рамках разработки и реализации стратегии.

Таким образом, потенциал стратегии как инструмента продвижения территории заключается в синергетическом эффекте действий как властных структур города, так и стейкхолдеров, а также в учете территориальной идентичности. Именно такой подход позволит эффективно использовать ресурсы и реализовать стратегию по всем направлениям.

Библиографический список

1. *Рой О. М.* Концепция территориального маркетинга в контексте реализации программ социально-экономического развития территории // Малые и средние города России

как проблемное поле геобрендинга: материалы Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011. С. 39–42.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, федеральный закон от 6.10.2003 г. №131-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html>.

3. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601.

4. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>.

5. Проект «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городской округ г. Сургут на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Администрация города Сургута: [офиц. сайт]. Режим доступа: http://old.admsurgut.ru/doc_download.php?id=141785 (дата обращения: 18.02.2015).

6. Сафиоллин А. Как будет формироваться стратегия Сургута 2030: [доклад] [Электронный ресурс] // USI.RF: [профессиональная сеть: строительные компании]. 08.12.2012. Режим доступа: <http://usirf.ru/news//14765/kak-budet-formirovatsya-strategiya-surguta-2030-prezentaciya.html> (дата обращения: 10.10.2014).

7. Щеглов Д. Стратегия-2030 с первого раза не прошла одобрение в сургутской думе. Хотя ее очень старался спасти... Ринат Айсин [Электронный ресурс] // Интернет-портал «СИА-ПРЕСС»: [офиц. сайт]. 18.02.2015. – Режим доступа: <http://www.siapress.ru/news/41135> (дата обращения: 25.02.2015).

8. Шакирова А. Сургут – первый в разработке стратегии долгосрочного развития [Электронный ресурс] // Администрация города Сургута: [офиц. сайт]. 31.10.2014. Режим доступа: <http://www.admsurgut.ru/news.php?id=327318&top=100001> (дата обращения: 31.10.2014).

Irina B. Britvina, Margarita V. Nemchenkova

STRATEGY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AS A PROMOTIONAL TOOL (BY THE EXAMPLE OF SURGUT CITY)

Abstract

This article describes the strategy of socio-economic development of Surgut city as a promotional tool. The authors analyze the communication potential of the strategy.

Keywords: territory promotion, strategy, tool, brand, communication channels.

**ИМИДЖ ГОРОДА В НАЗВАНИЯХ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТОПОНИМИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА¹****Аннотация**

Статья посвящена актуальным вопросам топонимического означивания внутригородских объектов — улиц, переулков, площадей, парков, аллей и проч. Имена собственные топографических объектов оцениваются как информационно-коммуникационный ресурс, значимый для построения вербального имиджа города. Основываясь на личном опыте работы в Комиссии по наименованиям города Екатеринбурга, автор рассматривает проблемы современной практики топонимической номинации и ре-номинации и предлагает оптимизацию деятельности в русле топонимического строительства, основанного на стратегическом управлении номинацией и создании концептуальной имиджевой платформы, включающей доминантные различительные характеристики локации, наиболее значимые для закрепления в топонимическом материале. В разработке долговременных программ урбанонимического строительства должны учитываться перспективы развития поселения, его позиционирование в пространстве социальной жизни региона и страны, специфические черты исторического и культурного наследия, предполагаемые векторы динамики. Для моделирования нового топонимического материала рекомендуется привлечение специалистов по неймингу и нейминговым методикам, относящихся к изобретению и тестированию именного материала.

Ключевые слова: урбанонимы, урбанонимическая номинация, вербальный имидж города, топонимическое строительство.

Урбанонимы (имена собственные внутригородских топонимических объектов — улиц, переулков, площадей, скверов, аллей и проч.) — составляют давний объект интереса многочисленных гуманитарных наук — истории, культурологии, лингвистики, семиотики. Однако день сегодняшний ввел жизнь городских топонимиконов на перекрестье не только собственно научных, но и злободневных общественных интересов. Главная причина активного внимания со стороны не только специалистов, но и широкой публики кроется в способности и возможности урбанонимических названий транслировать актуальные социальные и социокультурные смыслы, поэтому вопросы наименования и переименования внутригородских объектов вызывают общественный резонанс, многочисленные обсуждения и оценочные реакции в публичной сфере.

Складываясь исторически вместе с развитием конкретных поселений, урбанонимы по своему формируют вербальный образ города в семантической привязке к многочисленным свойствам самой локации и в отнесенности к социальному контексту эпохи [1, с. 19-26]. Этот семиотический потенциал, в свою очередь, позволяет рассматривать собственные имена внутригородских объектов как важный ресурс целенаправленной работы над имиджем города. Вместе с тем осуществление практической именующей деятельности, как правило, сталкивается с многочисленными трудностями, главные причины которых кроются и в отсутствии рассчитанных на перспективу концепций урбанонимической номинации, и в проблемах собственно именного изобретательства. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность специального обсуждения вопросов топонимического, или урбанонимического строительства в русле организационной и творческой практики по брендированию территорий и продвижению локаций в глазах внешних аудиторий и самих жителей.

¹ Исследование выполнено при поддержке Правительства Свердловской области и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-13-66011).

© Голомидова М. В., 2015

В настоящее время вопросы наименования фрагментов городского пространства переданы под юрисдикцию органов местного самоуправления. Для осуществления практической деятельности при администрациях муниципальных образований создаются общественные Комиссии или Комитеты, в состав которых, как правило, входят и представители городских администраций, и члены экспертного сообщества – историки, краеведы, специалисты по архитектуре, лингвисты, в чье ведение отнесено обсуждение вопросов наименования городских объектов, — выработанные решения далее утверждаются городской администрацией. В целях упорядочивания работы Комиссии вырабатывают некий свод правил — Положения о присвоении (изменении) названий, — которых и придерживаются при принятии дельнейших решений. Приведем в качестве наиболее удачного примера требования, изложенные в области наименований улиц города Москвы:

- название улицы независимо от величины именуемого объекта должно отражать факты историко-культурного развития района, поселения, города, государства;

- топонимы должны соответствовать особенностям ландшафта города. При их наименовании в качестве основы используются названия населенных пунктов (в том числе деревень, сел, старинных слобод), урочищ, холмов и лесов, рек, ручьев, озер и прудов, вошедших в границу города Москвы;

- топонимы должны отражать наиболее существенные индивидуальные характеристики улицы как объекта наименования. При этом новое название не должно повторяться на карте города;

- название улицы должно органически включаться в существующую городскую топонимическую систему. При именовании новых улиц не допускается образование топонимов, нарушающих исторически сложившуюся топонимическую систему города Москвы;

- название улицы должно быть мотивированным и заключать в себе необходимый объем топонимической и пространственно-ориентированной информации;

- присвоение имен, фамилий известных жителей города Москвы, граждан Российской Федерации и иностранных граждан может производиться только новым улицам и по истечении 10 лет со дня смерти указанных лиц, за исключением случаев, когда такое присвоение рекомендовано Президентом Российской Федерации и Мэром Москвы [2].

Действующие на местах Положения по наименования внутригородских объектов носят общий рекомендательный и регламентирующий характер. В целом сохраняя пожелательную направленность на индивидуализацию именных обозначений и на сохранение исторически сложившегося топонимического материала, они, в силу самого своего характера, не дают, да и не могут дать конкретные рецепты в отношении пропорций отбора того или иного лексического материала, способов его «присоединения» к существующей сети обозначений, семиотической балансировки с социальным статусом называемых топографических реалий и т. д.

Поскольку наиболее острые общественные дискуссии, как правило, вызывают вопросы переименования уже наименованных объектов, целесообразно, на наш взгляд, уделить этому отдельное внимание. Тема возвращения так называемых «исторических» названий бурно инспирировалась во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. С начала 2000-х годов — сошлемся на наблюдения нашего ярославского коллеги Р. В. Разумова — случаи восстановления топонимов единичны, поскольку местные власти не готовы нести финансовые затраты. Очевидно, что произошло и существенное изменение отношения граждан к этому процессу [3, с. 291–293]. Во многие действующие топонимические положения в настоящее время введены прямые запреты на изменение существующих названий: подобные нормы, например, содержатся в топонимическом законодательстве Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Рыбинска, Сургута, Челябинска и ряда других городов. Отсутствие подобного запретительного регламента в Екатеринбурге, к сожалению, служит почвой для не прекращающихся и по сей день предложений по ре-номинации, которые, в свою очередь, провоцируют закономерное общественное раздражение [4].

Практика именотворчества, как показывает опыт участия самого автора в работе Комиссии по наименованиям города Екатеринбурга, стабильно сталкивается и с другими проблемными вопросами. Поток писем от частных лиц, общественных организаций, коллективов предприятий, учреждений, коммерческих компаний с просьбами и/или предложениями присвоить такие-то имена новым объектам не иссякает, однако уместность строительного лексического материала, его лингво-стилистические, эстетические и знаково-различительные свойства очень неоднородны, а часто и неоднозначны (см., например, предлагаемые названия улиц *Лирическая, Небесная, Радостная, Счастливая*).

Выбор итогового наименования всецело зависит от мнения экспертного совета, но, выбирая наиболее удачные варианты, Комиссия, по сути, решает задачи означивания отдельных объектов без учета содержательной целостности, связности и акцентированных смысловых доминант в формируемом портрете города.

Нет сомнения в том, что урбанонимическая номинация может осуществляться только по мере появления необходимости в маркировании новых объектов, однако вписывание новых имен в топонимический ландшафт города целесообразно, на наш взгляд, основываясь на внятной и ориентированной на перспективу его имиджевой концепции. Означает ли такое урбанонимическое строительство обязательное разрушение и переписывание старого «уличного» материала? Безусловно, нет. В целом логика процесса требует поиска и определения смысловых доминант транслируемого образа города к дальнейшему акцентированию, к номинативному подчеркиванию тех или иных его значимых характеристик.

Обозначим наиболее значимые положения предлагаемого подхода к урбанонимическому строительству:

- формирование и развитие внутригородского топонимикона целесообразно производить, основываясь на принципах стратегического управления, что означает, во-первых, необходимость объединения и координации действия со стороны городских структур по управлению имиджем города и действий топонимических комиссий; во-вторых, создание концептуальной имиджевой платформы, включающей доминантные различительные характеристики локации, наиболее значимые для закрепления в топонимическом материале;

- разработка долговременных программ урбанонимического строительства должна опираться на перспективную стратегию развития поселения, учитывающую позиционирование в пространстве социальной жизни региона и страны, в опоре на специфические черты исторического и культурного наследия, с учетом предполагаемых векторов динамики;

- для моделирования нового топонимического материала в значительной степени актуально привлечение специалистов по неймингу и неймингового методического опыта – с его опорой на многофакторное измерение экстралингвистического и лингвистического материала, с установками на целесообразность проектируемых характеристик, с прогнозированием потенциального вхождения именного знака в информационно-коммуникационный ресурс, способный транслировать черты городской идентичности, с необходимыми процедурами тестовой проверки вариантов именных обозначений.

Библиографический список

1. Голомидова М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Изв. Урал. ун-та. Гуманитарные науки. 2001. № 20. С. 19–26.
2. Закон города Москвы от 8 октября 1997 года N 40 «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы (с изменениями на 7 мая 2014 года)
3. Разумов Р.В. Активные процессы в урбанонимии Российской Федерации // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография. Ярославль, 2014. С. 290-306.
4. Улицу Сакко и Ванцетти в Екатеринбурге переименуют до конца года [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.uralweb.ru/news/society/438448.html>

THE IMAGE OF THE CITY IN THE NAMES OF LOCAL OBJECTS: CURRENT ISSUES OF TOPONYMIC ENGINEERING

Abstract

Article is devoted to topical issues of toponymic signification intercity facilities - streets, alleys, squares, parks, alleys and so on. Proper names of topographic objects are evaluated as information and communication resources, to build meaningful verbal image of the city. The author bases her argument on personal experience in toponymic Commission of Yekaterinburg city. The author considers the problems of the modern practice of toponymic nomination and re-nomination and offers optimization activities in line with the toponymic engineering, which should be based on the strategic management of the nomination and the creation of a conceptual branding platform. It should include the distinctive characteristics of the dominant location, the most important for securing in toponymic material, prospects of development of the settlement, its positioning in the space of the social life of the region and the country, the specific features of the historical and cultural heritage, the expected dynamics of the vectors should be considered in the development of long-term programs toponymic construction. Specialists in naming and naming techniques should be used to create and test new place names for urban sites.

Keywords: urbanonyms (district names, street names, square names etc.), urbanonymic nomination, verbal image of the city, toponymic engineering.

УДК 304

Л. Э. Старостова

БОРЬБА ЗА МЕСТО: КОНФЛИКТ СИМВОЛИЧЕСКИХ РЕАЛЬНОСТЕЙ В ИДЕНТИЧНОСТИ ЕКАТЕРИНБУРГА¹

Аннотация

В статье анализируется понятие идентичности и его значение в теории территориального брендинга. Автор рассматривает актуальные версии идентичности Екатеринбурга и предлагает подход к понятию территориальной идентичности, согласно которому может быть выделено два типа территориальной идентичности: идентичность глобального позиционирования рассматривается как дополняющая уникальную идентичность локального позиционирования. По мнению автора, только консенсус стейкхолдеров относительно локальной идентичности может стать основанием формирования территориального бренда.

Ключевые слова: идентичность, город, брендинг территорий, символическая реальность, стейкхолдеры.

В социальной теории понятие идентичности используется для анализа процессов отождествления индивидом самого себя с социальной группой. Идентичность мыслится динамически - как постоянно трансформирующаяся реальность, поскольку представляет собой результат отношения между изменчивыми объектами – личностью и обществом. Субъектом формирования идентичности выступают члены сообщества. Поэтому становятся возможны разные версии идентичности.

Эта идея была положена в основу концепции конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Одной из форм коммуникации идентичности является символическая реальность: «теории идентичности всегда включены в более общую интерпретацию

¹ Статья подготовлена при поддержке Правительства Свердловской области и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-13-66011).

© Старостова Л. Э., 2015

реальности; они «встроены» в символический универсум с его теоретическими легитимациями и видоизменяются вместе с характером последних» [2, с. 281].

По отношению к городу идентичность является формой проявления его уникальности в сравнении с другими городами, проявляющейся в идентификационных маркерах, приписываемых ему людьми, которые выступают в роли создателей или реципиентов идентичности.

Город представляет собой сложную систему социальных взаимодействий, поэтому возникает вопрос о маркерах и факторах формирования городской идентичности.

Самосознание локального сообщества объективируется в самых различных формах – поведенческой стратегии и повседневной рутине, символическом производстве (включая искусство, рекламу, архитектуру, сообщения в СМИ, события и т. д.). Эта многослойность (политекстовость) территориальной идентичности, в сущности, предопределила то, что теория территориального брендинга всегда пытается выделить в идентичности места внутреннюю структуру (ведь с ней надо как-то работать). Например, А Каландидес (Kalandides) выделяет пять компонентов территориальной идентичности: имидж места, материальность места (здания, улицы и т. д.), институции (законы, организации и т. д.) отношения (гендерные, властные, классовые и т. д.) и люди и их практики (традиции, повторяемые действия, повседневная жизнь и т. д.) [4, с.]. С. Анхольт (Anholt), по сути, отождествляет понятие идентичности и территориального бренда, определяя бренд страны через понятие конкурентной идентичности [1, с. 21]. Не вдаваясь в анализ компонентов идентичности у различных авторов, подчеркнем, что для территориального брендинга, являющегося коммуникационной технологией в маркетинге территорий, от выделения структурных элементов зависит выбор объектов приложения коммуникационного инструментария. Причем поскольку участников производства символов много, идентичность города оказывается многослойной.

Для субъектов в территориальном брендинге важно достижение консенсуса относительно идентичности, то есть выявление и вовлечение стейкхолдеров, формирующих идентичности территории. Консенсус в данном контексте означает не механическое соединение идентичностей (видений), а достижение гармонии за счет корректировки идентичностных стратегий.

Екатеринбург сегодня — город, активно ищущий собственную идентичность. На сегодняшний день имеется не одна версия. Кратко рассмотрим несколько наиболее очевидных версий идентичности Екатеринбурга.

Версия 1. Постиндустриальный город. Эта версия опирается на историческое прошлое — индустриальную историю города. Идентичность индустриального города существует и продвигается в Екатеринбурге с момента его основания. Она укрепилась в советские годы в эпоху индустриализации. Эта версия закрепились в локальной литературе, архитектуре конструктивизма, расположении крупных известных предприятий тяжелой промышленности, названиях улиц. Сегодня город переосмысляет индустриальное прошлое. Пример тому — Уральская индустриальная биеннале, которая, будучи явлением креативной экономики, с 2010 года реализует задачу творческого переосмысления уральской индустриальной идентичности, стимулируя городской креативный класс к символической переработке индустриального наследия.

С другой стороны, екатеринбургские девелоперские компании демонстрируют волю к пространственному очищению города от объектов архитектурного наследия конструктивизма (как, впрочем, и любого другого наследия). Таким образом, стейкхолдеры с различными прагматическими задачами производят разную идентичность.

Версия 2. Сегодня на жесткую матрицу индустриального города наслаиваются более мягкие формы городской символики. Символическое производство в значительной мере переместилось в более мобильные медиа — малую городскую скульптуру, фотографию, граффити. И связано это с формированием еще одной версии городской идентичности, присущей практически всем экономически развитым городам современного цивилизованного мира.

Назовем ее версией креативного города. Рост театров, музеев, галерей, культурных событий, большое количество вузов, развитие уличного искусства, рост сервисного сектора городской экономики — все эти явления убедительно маркируют формирование в городе идентичности креативного города. Представители перечисленных сфер, собственно, и являются акторами и носителями этой идентичности. Она успешно полемизирует с объектами индустриального наследия, тем самым тяготея к интеграции в историческое прошлое Екатеринбурга.

Версия 3. Идентичность центра международной деловой активности, что удачно вплетается в идею близости к границе Европы и Азии (еще одна грань идентичности). Проведение с 2009 года в Екатеринбурге крупных международных мероприятий, заявка на проведение ЭКСПО 2020, участие в чемпионате мира по футболу в 2018 году — все эти факты и намерения делают данную идентичность бесспорной. События подтягивают инфраструктуру: в архитектуре и топонимике города происходят интервенции новых идентичностей (квартал Екатеринбург-Сити, небоскреб Высоцкий, крупные торговые центры). Хотя данная идентичность вряд ли может претендовать на уникальность, она символизирует будущие амбиции города.

Версия 4. Город Бориса Ельцина. Эта идентичность активно подкрепляется символическими манифестациями: сегодня самый крупный вуз города носит имя первого президента России (Ельцин учился в нем), в городе есть улица Ельцина, памятник ему и культурно-просветительский центр Ельцина.

Версия 5. Столица православного покаяния. Хотя это открыто не формулируется, риторика региональной церковной власти строится на стремлении к реставрации символики, связанной не просто с фактами основания Екатеринбурга (восстановление храма Святой Екатерины и Большого Златоуста), но и действии замещения советских артефактов (или перемещения их на более периферические позиции в городской среде) инфраструктурой с выраженной нравственно-религиозной символикой: перенос памятника Малышеву ради строительства копии ранее стоявшего на этом месте Большого Златоуста; активное продвижение идеи строительства к юбилею города (300 лет) храма Святой Екатерины на площади Труда вместо построенного в советское время и привычного горожанам фонтана Каменный цветок, поднятие темы захоронений выдающихся горожан на месте нынешней Площади 1905 года.

Здесь перечислены только несколько самых ярких идентичностей Екатеринбурга, активно продвигаемых разными группами стейкхолдеров (областная и городская власть, девелоперские компании, культурные институции, православная церковь).

Екатеринбург большой город. Поэтому сочетание нескольких идентичностей вполне возможно. Причем для сильного бренда идентичности не должны нарушать формируемый гештальт, одна из них должна стать доминирующей.

Тема развития в Екатеринбурге и Свердловской области нескольких идентичностей стала предметом анализа уральского политолога К. Киселева. С точки зрения К. Киселева, содержание уральских региональных идентификаторов изменялось от традиционных к более современным и «от достаточно компактного набора символов к все более дифференцированной символической системе» [3]. По мысли Киселева, идентичности города дополняют друг друга и формируют сложную интересную картину. Но на самом деле идентичности порой сражаются за вытеснение одними других.

Если креативные практики города вовлекают и творчески перерабатывают индустриальное прошлое города, то православно-реконструктивный порыв церковной власти не склонен к мирному сосуществованию с советской идентичностью Екатеринбурга. Если проанализировать всю совокупность реконструктивных идей, предложенных митрополитом, становится очевидно, что культурный слой советской идентичности мешает прорастанию в историю Екатеринбурга православного. Протестные явления свидетельствуют же о том, что советское прошлое рассматривается жителями города как значимое в сегодняшней идентичности Екатеринбурга.

Разработка и продвижение бренда территории актуализировались в связи с процессами глобальной конкуренции территорий за финансовые и человеческие ресурсы. И в этом

смысле можно выделить два уровня идентичности, значимых для коммуникационной деятельности территорий.

Первый уровень идентичности выполняет функцию интеграции территории в глобальное коммуникационное пространство. И здесь вопрос о вторичности, часто поднимаемый в дискуссиях о позиционировании Екатеринбурга как города на границе Европы и Азии или центра международных деловых встреч, не стоит. Такая идентичность и не должна претендовать на уникальность, ее задача — в интеграции в современный мир. Поэтому ее можно назвать идентичностью глобальной интеграции. А вот на втором уровне идентичности можно выделить идентичность локальной уникальности. Такой подход поможет упростить дискуссию о позиционировании Екатеринбурга, предложив идею формирования двухуровневой идентичности города как участника глобальных процессов и как места, в котором ряд исторически обусловленных явлений и процессов образовали уникальный гештальт. И уже на этом уровне задача будет заключаться в том, чтобы все заинтересованные стейкхолдеры были готовы идти на уступки и компромиссы, с уважением относясь, прежде всего, к артефактам советской истории, не стыдясь порой странного соседства, а наоборот, конвертируя именно его в изюминку городского бренда.

Поэтому самая большая угроза этой уникальности лежит в практиках реконструирования, основывающихся на дискриминации одних идентичностей по сравнению с другими. Для Екатеринбурга это два направления активности — дискриминация советского прошлого в дискурсе православной церкви и захват исторического городского пространства девелоперскими компаниями.

Библиографический список

1. Анхольт С. Хильдрет Дж. Бренд Америка: мать всех брендов. – М.: Добрая книга, 2010. 232 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
3. Киселев К. Упорный край державы: От Уральской республики до губернатора Куйвашева: как региону удастся сохранять свою идентичность // ZNAK.com – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://znak.com/svrld/articles/2014-09-24/102983.html>.
4. Kalandides A. The Problem with Spatial Identity: Revisiting the 'Sense of Place', Journal of Place Management and Development. 2011. 4(1): pp.28–39.

L. Starostova

FIGHT FOR THE PLACE: THE CONFLICT OF SYMBOLICAL REALITIES IN THE EKATERINBURG IDENTITY

Abstract

The article analyzes the concept of identity and its importance in the theory of place branding. The author examines the current version of the identity of Ekaterinburg and offers an approach to the concept of place identity, according to which two types of place identity can be distinguished: the identity of the global positioning in addition to the unique identity of local positioning. According to the author, only the consensus of stakeholders regarding to local identity can become the basis for formation of place brand.

Keywords: identity, city, place branding, symbolic reality, stakeholders.

СЕКЦИЯ 7. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 81

Е. Г. Соболева, А. М. Чудинова

НАРРАТИВ В РЕКЛАМЕ КАК СПОСОБ ВАРИИРОВАНИЯ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются нарративные жанры рекламного текста как способ вариирования подачи маркетинговой информации. Описываются ключевые характеристики повествователя, адресата, героя рекламного текста. Построение нарративного конструкта анализируется в зависимости от типа повествователя и формы организации события в тексте.

Ключевые слова: нарратив, рекламный текст, нарративные жанры, рекламная информация.

Рекламный текст выделяется среди других медиатекстов своей особой семиотической природой и ярко выраженной прагматикой. Это сообщение, которое в сжатом объеме стремится передать адресату как можно больше информации о ключевом объекте рекламы. Кратковременность представления рекламного текста и незаинтересованность адресата в получении рекламной информации способствует поиску новых форм подачи рекламных сведений. Рекламные объявления видоизменяются и трансформируются, привлекая для этой цели жанры других дискурсивных практик.

Понятие «нарратив», сформировавшееся под влиянием формалистских (В. Шкловский, Б. Томашевский) и структуралистских (Р. Барт, К. Леви-Стросс, Цв. Тодоров, Ж. Жене, П. Лаббок, С. Чэтмен, А. Греймас, К. Бремон) теоретических школ и изначально использовавшееся при исследовании художественных текстов, стало применяться и в рекламной коммуникации.

Нарратив — это определенным образом структурированный текст, излагающий историю (череду событий) и эксплицитно или имплицитно изображающий повествующую инстанцию [13, с. 11–12].

Современные рекламные практики показывают, что в рекламном тексте нарратив может быть использован в различных жанрах: житейской истории, отзыве, репортаже, экспертном отзыве, истории бренда, комиксе и др. Богатая палитра нарративных жанров ставит перед исследователями проблему анализа нарративной структуры рекламного текста.

При анализе нарратива важно учитывать тип повествователя и способы организации события в тексте. По сути, эти параметры лежат в основе построения нарративных жанров и их типологии. Так, на повествовании от 1-го лица строятся житейская история, отзыв, репортаж. Повествование от 3-го лица организует такие жанры, как история бренда, комикс. По способу организации события в тексте различают многоэпизодную и одноэпизодную подачу информации.

Покажем разновидности построения нарративного конструкта в жанрах житейской истории, отзыва, истории бренда, комикса. В зависимости от жанра и эксплицитного или имплицитного способа выражения повествователя в тексте нарративный конструкт строится определенным образом. Эксплицитное выражение повествователя в тексте приравнивает его к герою события. Как правило, герой (персонаж) рекламы — это типичный представитель целевой аудитории. В рекламном тексте связь повествователя и героя события способствует идентификации адресата с участником повествования. Рассмотрим житейскую историю, в которой судьбоносную роль в жизни героини сыграл препарат «Новиган»: <...> *Удивительно, но факт: тот вечер в моей жизни все же стал судьбоносным – гуляя с чужой собакой при*

полном параде – наверное, со стороны это выглядело комично – я познакомилась со своим будущим мужем. Он жил неподалеку и, как оказалось, давно хотел со мной познакомиться. Мне иногда становится страшно, когда я представляю, что из-за головной боли могла бы не вспомнить о собаке, и моя судьба прошла бы мимо меня. Так что теперь я всегда держу Нювиган в сумочке — боль больше не застанет меня врасплох <...> [7, с. 235–236]. Целевая аудитория рекламного сообщения, идентифицируя себя с героиней истории, переживая и сочувствуя событиям ее жизни, проецирует проблемы и найденное решение (а в житейской истории всегда находится решение проблемы) на себя, при этом получая информацию не только о препарате, но и о ситуациях его использования. Нарративность текста позволяет читателю следить за изменениями состояния героя, создавая вовлеченность читателя в происходящие события. При переживании вместе с героем (как это бывает в художественной литературе) и общей вовлеченности в повествование повышается вероятность того, что адресат дочитает рекламный текст до конца, хотя бы из любопытства, а не пробежит глазами по тексту и перелистнет страницу.

Иная связь героя и повествователя прослеживается в жанре экспертного отзыва, порождая следующий эффект: <...> *И начала ждать. Тяжелее всего мне дались последние 5 минут первого часа ожидания — боролось любопытство, что же мне готовят целый час, и желание покинуть заведение. Любопытство победило. А зря, потому что штучка на слое-ном тесте, застревающая в зубах, не заслуживает тех 1 часа 25 минут, которые я ее ждала. И когда уже наш местный общепит научится извиняться...* [11, с. 36–38]. В приведенном тексте из рубрики «Еда» в журнале «Выбирай» эксперт оценивает посещение ресторанов города. Экспертный отзыв не предполагает идентификацию адресата с героем повествования. Здесь герой выступает в роли некоего посредника, дающего оценку произошедшим событиям. Нарративность текста, рассказывающего об ожидании, смятении, переживаниях эксперта-героя, рождает у адресата доверие к его словам. Такой же эффект появляется и в неэкспертном отзыве при рассказе об использовании товара, так как показывается изменение состояния героя в зависимости от происходящих событий. Адресату внушается мысль о том, что героем нарратива является реальный человек, который пользовался товаром/услугой.

В других жанрах повествователь может быть выражен имплицитно. В этом случае он выполняет техническую функцию связи эпизодов и выбора средств изложения событий. Покажем такой способ организации повествования на примере жанра истории бренда, который является одним из направлений сторителлинга: *Классические ботинки Free от ECCO стали первой в мире моделью обуви с логотипом производителя на подошве. Этот хитроумный ход имел самые далеко идущие последствия, поскольку теперь каждый покупатель датской марки ежедневно штамповал ее лого в самых неожиданных местах. Вероятно, это сыграло не последнюю роль в популяризации бренда, и уже к 1982-му компания ECCO подняла уровень своих продаж до миллиона пар в год. В 1993-м она пришла в и Россию, так что в этом году датчане отмечают двадцать лет на нашем рынке* [8, с. 94].

В данном рекламном тексте рассказчик не идентифицируется с героем повествования. В качестве героя выступает сам бренд — ECCO, а целевая аудитория бренда выступает в качестве реципиента рекламного сообщения, которому адресована история. Бренд принимает антропоморфные черты, становясь сюжетообразующим элементом. Интересно отметить, что, в отличие от человека, бренд не стареет, он создает свой собственный авантюрный хронотоп [понятие М. Бахтина, 3], находясь в котором претерпевает изменения, не влияющие на его внешнее состояние. Пройдя через событие, бренд в любой момент может вернуться к исходной точке, оставаясь неизменным во временном интервале «до» и «после». Бренды не стареют, с годами они становятся лучше, сильнее, мощнее, разрастаясь пространственно. Нарративная история бренда для реципиента демонстрирует успех компании, несмотря на изменяющиеся события вокруг.

При отсутствии идентификации целевой аудитории с героем персонажа ключевым условием эффективности сообщения является привлечение внимания адресата рекламной

коммуникации. Этому способствует многоэпизодная нарративная конструкция. Уже на примере истории ЕССО можно убедиться в том, что даже в столь сжатом тексте возможно размещение нескольких эпизодов: рассказ о фирменной подошве бренда, эпизоды, рассказывающие о подъеме продаж и приходе компании в Россию, можно выделить также юбилей на российском рынке. В 4 предложениях уместается 4 эпизода. Такая компрессия информации, являющаяся отличительной чертой рекламного текста, позволяет при использовании нарративной конструкции рассказать небольшую историю, тем самым внося разнообразие в подачу маркетинговых сведений о бренде.

Имплицитно выражается повествователь и в рекламных текстах жанра комикс (рис. 1).

Рис. 1. Реклама организации «Семья детям»

Для комикса также характерна многоэпизодность при небольшом объеме информации. Как правило, эпизоды разделяются отдельными сценами (в данном примере их 6).

Таким образом, нарративный конструкт, создающий отдельную картину мира, позволяет создать условия для вовлеченности адресата в рекламную коммуникацию, повысить доверие к тексту. Компрессионная подача нарративных эпизодов способствует привлечению внимания потребителя, позволяя разместить всю информацию (например, историю бренда) в небольшом последовательном рассказе. Многоэпизодная форма подачи информации в нарративном рекламном тексте создает условия для размещения сведений об условиях использования товара, как в житейской истории и истории бренда, а также комиксе; о качествах товара/услуги и отношении к ним повествователя, а в проекции и адресата. Нарратив помогает полностью раскрыть ситуацию потребления товара, рассказывая при этом о ключевых характеристиках рекламируемого продукта. Нарратив можно рассматривать как эффективный речевой инструмент, позволяющий разнообразить формы подачи основной маркетинговой информации.

Библиографический список

1. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1978.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов. М.: Прогресс, 2000. 608 с.

3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. *Бремон К.* Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствове-
метрия: сб. ст. М., 1972. С. 108–135.
5. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: Поиск метода. М.: Академический
Проект, 2004.
6. *Женетт Ж.* Работы по поэтике. Фигуры: в 2 т. М: Издательство им.
Сабашниковых, 1998.
7. Журнал «Гид по красоте и здоровью». Екатеринбург: ИД «Абак-пресс», 2014.
Апрель. С. 235–236.
8. Журнал «Сноб». 2013. Октябрь.
9. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
10. *Пропп В.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969.
11. Рекламно-информационный журнал «Выбирай. Соблазны большого горо-
да». Екатеринбург: Формат. 2014. 1-15 июля. – С. 36–38.
12. *Тодоров Цв.* Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной
лингвистике. Вып. VIII. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978.
13. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Elena G. Soboleva, Anna M. Chudinova

NARRATIVE IN PRINT ADVERTISING AS ALTERNATIVE WAY OF INFORMATION PRESENTATION

Abstract

The article discusses the narrative genres of the advertising text and the ways of vary-
ing the presentation of marketing information. It gives the key characteristics of the narra-
tor, the recipient and the protagonist thereof. The article examines the creation of a narra-
tive construct as a way of varying the presentation of information, which depends on the
type of the narrator and the form of event organization in the text.

Keywords: narrative, narrative genres, add text (advertising text), advertisement
(promotional content).

УДК 81

Т. Г. Федотовских, А. В. Алимпиева

АРГУМЕНТАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Аннотация: Статья посвящена анализу прецедентных текстов как важного
средства воздействия в социальной рекламе пользы чтения. В начале статьи дается
обоснование необходимости аргументации в текстах социальной рекламы, описыва-
ется типология аргументов. Прецедентные тексты, как правило, являются эмоцио-
нальными аргументами. В качестве прецедента может рассматриваться как форма,
так и содержание высказывания. Авторы текстов часто обращаются к обыгрыванию
различных жанровых форм, к имитации ритма прецедентных текстов. На содержа-
тельном уровне может обыгрываться прецедентное высказывание, прецедентное
имя, прецедентное название.

Ключевые слова: социальная реклама, аргументация, рекламный текст, преце-
дентность, прецедентный текст, эмоции, языковые средства.

В современном мире в настоящее время очень остро стоит проблема взаимоотноше-
ния личности и общества, проблема стабильности ценностных ориентиров, а в целом, про-
блема оздоровления общества.

Одним из видов воздействия на массовое сознание является социальная реклама. Как отмечает Л. М. Дмитриева, «социальная реклама как форма общественной рефлексии обладает широкими возможностями распространения духовных, эстетических, нравственных и социальных ценностей».

В комплексе с другими инструментами воздействия она может работать в целях реализации национальных проектов, модернизации российского общества, утверждения общенациональной идеологии, преодоления социальных деструкций» [2: с. 3].

Важным средством воздействия в процессе коммуникации, в том числе в социальной рекламе, является аргументация. Именно при помощи правильной и четкой аргументации выстраивается логика текста, которая необходима текстам социальной рекламы. Все последующие предложения текста должны быть связаны с предыдущими. Только за счет этого достигается полная информативность текста.

Аргументация как средство воздействия в тексте социальной рекламы используется для доказательства тезиса, который лежит в его основе. Это позволяет сделать текст более информативным, логичным и убедительным. Логичность, информативность и убедительность являются важными составляющими наилучшего восприятия социальной рекламы.

Аргументацию в рекламе определяют как «способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некое положение в качестве доказанного тезиса (тезис — это положение, которое необходимо аргументировать). Истинность рекламного тезиса доказывается с помощью системы аргументов» [1, с. 57].

В текстах социальной рекламы существует несколько видов аргументов. Их можно разделить на три типа, каждый из которых в результате оказывает воздействие на целевую аудиторию: рациональные (логические), эмоциональные и ценностно-нравственные аргументы.

Предметом нашего рассмотрения в данной статье является именно эмоциональная аргументация. Эти аргументы построены на обращении к эмоциям человека, а не к логике. Они направлены на пробуждение различных чувств и эмоций у адресата: радость, удивление, вина, замешательство, любопытство и других. Эмоциональная аргументация должна побудить адресата выразить какую-либо определенную реакцию, которую породит в его сознании текст социальной рекламы.

В качестве эмоционального аргумента зачастую выступает прецедентный текст. Вслед за Ю.Н. Карауловым к прецедентным мы относим тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216].

Всякий прецедентный текст выполняет ряд функций: номинативную, аксиологическую, моделирующую, прагматическую, эстетическую и др. Наряду с указанными, Е.А. Нахимова выделяет т. н. людическую функцию, благодаря которой «использование прецедентных текстов часто имеет характер своего рода языковой игры, способствующей привлечению внимания к форме текста» [4].

Для текстов социальной рекламы особенно важна игра с формой, т. к. содержание их всегда остается неизменным. Кроме того, такие популярные в коммерческой рекламе языковые средства, как эпитеты, оценочная лексика, у потребителя социальной рекламы могут вызывать скорее раздражение, нежели желаемый воздействующий эффект: «Призванные усилить слово костыли прилагательных подтверждают его слабость. Кроме того, прямо уверяющие прилагательные, в осознании человеком попытки убеждения, с равной силой вызывают в восприятии противоположное» [6, с. 192]. Поэтому прецедентный текст в социальной рекламе, на наш взгляд, оказывает наиболее сильное воздействие на адресата, т.к. он апеллирует к базовым представлениям и сложившимся стереотипным ситуациям в сознании человека.

В качестве прецедента может выступать жанровая форма. Например, текст: *Пожалуйста, почитай книжку!!! Твой маленький МОЗГ* — оформлен в виде записки. Узнаваема

структура этого жанра: просьба — подпись. И лишь благодаря неожиданному авторству мы понимаем, что данный текст направлен на привлечение аудитории к важной социальной проблеме.

На имитации жанра «объявление» построен текст, заражающий аудиторию такой эмоцией, как интерес. *Хочу познакомиться с умным. Читайте книги, парни* — прецедентным текстом в этой социальной рекламе пользы чтения является объявление о знакомстве. Для более эффективного воздействия на потребителя рекламы в текст введен визуальный ряд — фотография красивой девушки, читающей книгу.

Как обращение к прецедентной форме можно рассматривать имитацию ритма известного текста. Так, эмоциональная аргументация вводится в следующие тексты: *Чтоб телок снимать, одеваешься броско? А умные люди цитируют Бродского!* и *Долой голливудских фильмов засилие — у Пушкина тоже есть сцены насилия!* Тексты построены на имитации известных «Окон РОСТА» В. В. Маяковского — серии сатирических плакатов, которые содержат разнообразные стихотворные тексты, выпущенные с 1919 по 1921 годы. Ведение в тексты рифм *засилие — насилие, броско — Бродского* позволяет улучшить запоминаемость текстов.

Также в тексте используется слово *долой*, которое имеет значение «прочь, вон» с разговорной коннотацией [5, с. 145]. Слова *долой* и *засилие* относятся как раз к агрессивной лексике 20-х годов XX века, которая использовалась в «Окнах». Например, *Долой волокиту! Да здравствует революционная инициатива!* или же *Взмахнем нашей буржуазной метлой! Всех неимущих из РСФСР — долой!* Такая лексика вводит в текст имитацию ритма сатирических плакатов, позволяет передать обычную и непринужденную речь, что придает социальной рекламе личностный характер общения с адресатом.

Следует отметить, что в текстах социальной рекламы в качестве объекта языковой игры часто выступает не только форма, но и содержание прецедентного текста. В серии, выпущенной в рамках проекта «Занимайся чтением», инициированного Роспечатью и Союзом книготорговцев, использованы прецедентные имена. В рекламе *Начинай с небольших текстов, постепенно увеличивай нагрузку. Занимайся чтением* изображен А. С. Пушкин в спортивной форме, *Не сдавайся. На 500-й странице откроется второе дыхание. Занимайся чтением* — Л. Н. Толстой, а в рекламе *3 подхода по 7 страниц ежедневно, и результат заметен через неделю* — А. П. Чехов.

К прецедентному тексту можно отнести типичные высказывания спортивных тренеров: *Начинай с легких упражнений и постепенно увеличивай нагрузку; Не сдавайся. На 2-ом километре откроется второе дыхание*, а также *3 подхода по 7 раз, и результат заметен через неделю*. Прецедентные высказывания вводятся в текст социальной рекламы в трансформированном виде. Прием трансформации — замена образа при сохранении общего смысла высказывания. Кроме того, здесь используются глаголы повелительного наклонения, которые указывают на эмоциональное побуждение: *начинай, увеличивай, не сдавайся*.

В дополнение игры с содержанием в текстах используется визуальное средство воздействия — иллюстрация, на которой изображены писатели русской литературы в образе спортивных тренеров. Важными в изображении писателя являются эмблемы и надписи на спортивных костюмах, как бы указывающие на принадлежность к спортивному клубу. У А. С. Пушкина — эмблема с дуэльными пистолетами, Л. Н. Толстого — надпись «War and Peace», а у А. П. Чехова — нарисованная чайка. Эти знаки-символы вызывают ассоциацию читателей с произведениями великих писателей. Кроме того, соединение образа писателя с транслируемым текстом позволяет актуализировать фоновые знания адресата, который по достоинству может оценить языковую игру авторов рекламы, указывающих на стиль творчества художников слова.

Стоит отметить, что использование образов известных писателей в текстах социальной рекламы позволяет добиться доверительного и личностного характера коммуникации.

Героями социальной рекламы могут выступать знаменитости, представители поп-культуры. Как отмечает Л. М. Дмитриева, «использование знаменитостей создает осведомленность о социальной теме выше обычного уровня» [2, с. 106].

Так, в основе серии, состоящей из пяти текстов, которая была выпущена в рамках проекта «Читай книги — будь Личностью», лежит логический посыл «чтение делает человека Личностью», но эмоциональное побуждение выходит на первый план. Призывают читать книги посредством социальной рекламы звезды отечественного шоу-бизнеса: Антон Комолов, Ольга Шелест, Артемий Троицкий, Илья Лагутенко и Ксения Собчак. Использование образов известных личностей позволяет вызвать эмоцию доверия у адресата социальной рекламы. Селебрити привлекают внимание аудитории к чтению книг отечественных и зарубежных авторов.

Следует отметить, что в этой серии привлекают внимание не столько образы известных ведущих, сколько приписываемые им высказывания, в основе которых лежит классический каламбур с использованием прецедентных названий: Антон Комолов: *Вчера проснулся в обнимку с «Тремя сестрами»*. Читай книги — будь Личностью; Ольга Шелест: *Лично знакома с «Героем нашего времени»*. Рекомендую! Читай книги — будь Личностью; Артемий Троицкий: *Люблю прилечь с «Госпожой Бовари»*. Читай книги — будь Личностью и другие. Обыгрывание названий известных произведений мировой литературы вызывает у адресата одобрительную улыбку и в дальнейшем, возможно, сподвигнет его к обращению к первоисточнику.

Таким образом, прецедентные тексты, используемые в социальной рекламе, способствуют созданию наиболее узнаваемой и воздействующей рекламы, а также позволяют вызвать определенные ассоциации, способствующие запоминаемости текста.

Библиографический список

1. *Бернадская, Ю. С.* Основы рекламы. М.: Наука, 2005. 281 с.
2. *Дмитриева Л. М.* Социальная реклама. М.: Юнити, 2009. 271 с.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru>.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.
6. *Селиверстов С. Э.* Социальная реклама. Искусство воздействия словом. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2006. 228 с.

T. G. Fedotovskih, A.V. Alimpieva

ARGUMENTATION IN SOCIAL ADVERTISING: THE ROLE OF PRECEDENT

Abstract

The article is devoted to the analysis of precedent texts as an important means of influence of reading benefits in social advertising. At the beginning this article provides the description of argument necessity in the text of social advertising, typology of arguments is described. Precedent texts are usually emotional arguments. A form and the content of the statements may be regarded as a precedent. Authors of the texts often turn to a variety of genre forms playing, to simulate the rhythm of precedent texts. On the substantive level precedent statement, precedent name can be played.

Keywords: social advertising, argumentation, advertising text, precedent, precedent text, emotion, language tools.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акбердина Виктория Викторовна — доктор экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург; Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: akb_vic@mail.ru).

Акимов Роман Александрович — аспирант, кафедра Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: akimov.r.ekb@gmail.com).

Александров Олег Григорьевич — кандидат юридических наук, доцент, кафедра Теории и методологии государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: aog1963@yandex.ru).

Амбарова Полина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: p.a.ambarova@urfu.ru).

Арефьева Анастасия Игоревна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Arefeva.93@list.ru).

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, профессор, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Багирова Тамара Борисовна — старший преподаватель, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, г. Екатеринбург.

Банникова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра международной экономики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

Белова Ольга Рудольфовна — старший преподаватель, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Боярских Анастасия Игоревна — аспирант, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: nastia-sinenko@rambler.ru).

Бритвина Ирина Борисовна — доктор социологических наук, профессор, кафедра интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Васильева Елена Витальевна — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: elvitvas@ya.ru).

Вишневский Сергей Юрьевич — доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Вишневский Юрий Рудольфович — доктор философских наук, почетный профессор УрФУ, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: soc_stu@e1.ru).

Власова Екатерина Яковлевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра Управления общественными отношениями, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: katjav@mail.ru).

Воронина Людмила Васильевна — младший научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Архангельск (e-mail: voronina_ljudmila@rambler.ru).

Гареева Яна Ришатовна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Глухих Павел Леонидович — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: Gluchih_P_L@mail.ru).

Гневашева Екатерина Николаева — кандидат экономических наук, главный специалист, Комитет по экологии и природопользованию Администрации г. Екатеринбурга, г. Екатеринбург (e-mail: venekaterina@yandex.ru).

Голомидова Марина Васильевна — доктор филологических наук, профессор, кафедра Интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: marinagolomidova@urfu.ru).

Горбунова Олеся Сергеевна — старший преподаватель, кафедра Бухгалтерского учета и аудита, Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург (e-mail: Olesya_6152340@mail.ru).

Гурбан Инесса Александровна — кандидат экономических наук, заведующая сектором теории и методологии экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: inessagurban@gmail.com).

Деревнина Татьяна Валентиновна — магистр, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: derevnina.tatiana@yandex.ru).

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, заведующая сектором региональной предпринимательской политики, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: doroshenkos@mail.ru).

Дудина Ольга Игоревна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: almas-78@mail.ru).

Жукова Мария Вячеславовна — аспирант, кафедра Культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: m.v.zhukova@urfu.ru).

Заборова Елена Николаевна — доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: tzaborova@yandex.ru).

Задорина Мария Андреевна — ассистент кафедры ГМУ, аспирант, ассистент кафедры Теории и методологии государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: an.saw4enko2011@yandex.ru).

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор кафедры Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Garoldzborovsky@gmail.com)

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург; и.о. заведующего кафедрой регионального и муниципального управления Уральского института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: Tatiana_Z@uara.ru).

Иванов Алексей Сергеевич — доцент, Отдел специальной подготовки УВЦ при УрФУ (e-mail: purvosm@gmail.com).

Иванов Сергей Михайлович — профессор, кафедра специальной подготовки ФВО УрФУ (e-mail: purvosm@gmail.com).

Иванова Анастасия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Ani_a@inbox.ru).

Исаков Александр Сергеевич — ассистент, кафедра Теории и методологии государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (E-mail: as.isacov@gmail.com).

Казакова Юлия Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Kazakova96work@mail.ru).

Калинина Анастасия Николаевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Kalinik-nastyua@yandex.ru).

Каменский Сергей Юрьевич — кандидат культурологии, старший преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург; МУК Центр культуры "Орджоникидзевский", г. Екатеринбург.

Каташинских Варвара Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: v.s.katashinskikh@urfu.ru).

Кононова Дарья Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: konon99@bk.ru).

Коркина Галина Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: g.m.korkina@urfu.ru).

Кремлева Виктория Владиславовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра Финансов и бухгалтерского учета, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Уральский филиал, г. Екатеринбург (e-mail: kriemlievav@mail.ru).

Кривенко Илья Артурович — соискатель ученой степени, экономист, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: night_ikar@mail.ru).

Кузьмин Александр Иванович — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, кафедра Теории и методологии государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург; Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: kuz53@list.ru).

Кузьминчук Анна Александровна — ассистент, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: a.a.kuzminchuk@urfu.ru).

Кучкильдина Мария Анатольевна — аспирант, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Mas288@yandex.ru).

Ладейщикова Алена Александровна — аспирант, кафедра Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: aladeyschikova@gmail.com).

Малыш Елена Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры Региональной и муниципальной экономики, финансов и безопасности, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург; научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: malysz.elena@mail.ru).

Мезенцева Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: mezentseva_elena@mail.ru).

Мельникова Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: anuta_kk@mail.ru).

Мельникова Валерия Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: lera131.melnikova@yandex.ru).

Минеева Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры Региональной и муниципальной экономики, финансов и безопасности, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: malysz.elena@mail.ru).

Мороков Игорь Рудольфович — Уполномоченный по правам ребенка в Свердловской области, Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области, г. Екатеринбург (e-mail: info@svdeti.ru).

Мухамедова Арина Дмитриевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Arina.muhamedova@yandex.ru).

Мухаметшина Кристина Олеговна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Немченкова Маргарита Викторовна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: nemchenkovarita@yandex.ru).

Никитина Наталья Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: natalya-nikitina@inbox.ru).

Нифантова Раиса Викторовна — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: nifantovarv@mail.ru).

Ноженко Дмитрий Юрьевич — Министр, Министерство экономики Свердловской области, г. Екатеринбург (E-mail: nogenkod74@mail.ru).

Онипченко Анастасия Валерьевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: joystasj@ya.ru)

Оносова Анна Константиновна — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: annn-1993@mail.ru).

Павлюченков Артем Игоревич — начальник караула пожарной части № 8, Федеральное государственное учреждение «2 отряд Федеральной противопожарной службы по Курганской области», г. Шадринск (e-mail: pavlyuchenkovartem2@mail.ru).

Певная Мария Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru).

Петров Александр Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: ajpetrov@mail.ru).

Петрова Елена Юрьевна — аспирант, факультет социологии, Гуманитарный университет, г. Екатеринбург (e-mail: e_petrova@rambler.ru).

Пименова Александра Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: amp2708@gmail.com).

Полбицын Сергей Николаевич — кандидат технических наук, доцент кафедры Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: s.n.polbitsyn@urfu.ru).

Полкова Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: polkova_tv@mail.ru).

Полтавская Татьяна Сергеевна — врач-невролог, МАУЗ ЦГБ № 3, г. Екатеринбург (e-mail: tysayny@yandex.ru).

Попов Денис Александрович — ассистент, кафедра Теории и методологии государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: freeformalmost@gmail.com).

Прилукова Ольга Андреевна — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: o.a.prilukova@urfu.ru).

Пышминцева Ольга Александровна — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: economics08@mail.ru).

Радченко Татьяна Евстафьевна — кандидат философских наук, доцент, кафедра Управления общественными отношениями, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: t.radchenko@mail.ru)

Савченко Анна Владимировна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: an.saw4enko2011@yandex.ru).

Сапожникова Кристина Александровна — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург; МАОУ ДО СДЮСШОР № 1, г. Екатеринбург (e-mail: bezukladnova.k@gmail.com).

Сергеева Алена Сергеевна — аспирант, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: akb_vic@mail.ru).

Сиволов Дмитрий Леонидович — кандидат социологических наук, доцент, кафедра Управления общественными отношениями, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: dioma@inbox.ru).

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по воспитательной и социальной работе, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кострома (e-mail: kano_igt@mail.ru).

Смирнова Ольга Павловна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: olysmirniva95@gmail.com).

Соловьева Нина Александровна — доцент, Уральский институт бизнеса, г. Екатеринбург (e-mail: natalya-nikitina@inbox.ru).

Старостова Людмила Эдуардовна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра Интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Starostova5@mail.ru).

Стрельцов И.Г. — магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: t.radchenko@mail.ru)

Струин Николай Львович — кандидат медицинских наук, главный врач, ГБУЗ СО «Свердловский областной кожно-венерологический диспансер» (e-mail: N_L_S@mail.ru).

Судакова Анастасия Евгеньевна — кандидат экономических наук, ведущий экономист, Центр экономической безопасности, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: a-chusova@mail.ru).

Тарасьев Александр Александрович — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: alextarassiev@mail.ru).

Тарасьева Татьяна Владимировна — экономист, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург (e-mail: tataponomaryova@mail.ru).

Томильцев Алексей Витальевич — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Tomiltcev@mail.ru)

Трошкова Эльнара Нурахмедовна — ведущий специалист, Центр академического развития, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: e.n.babaeva@urfu.ru).

Турсукова Инна Ивановна — старший преподаватель, кафедра Экономики и права, Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Златоусте, г. Златоуст (e-mail: dream_27@rambler.ru)

Федорова Алена Эдуардовна — кандидат экономических наук., доцент, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (a.e.fedorova@urfu.ru; dekan_2002@mail.ru)

Хадеев Алексей Витальевич — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: aleksey4283@mail.ru).

Чепик Дарья Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: dar-chepik@yandex.ru).

Черепанова Анастасия Дмитриевна — рекламный агент, Отдел партнерских отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: a.d.cherpanova@gmail.com).

Шепелев Олег Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент, кафедра Управления общественными отношениями, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: o.y.shepelev@urfu.ru).

Шкурко Валентина Евгеньевна — ассистент, кафедра Теории управления и инноваций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: valya-sh-7@yandex.ru).

Шуклина Елена Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, кафедра Социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: Shuklina_elen@mail.ru).

Щебетюк Вадим Витальевич — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: vital3377@rambler.ru).

Язвинская Александра Сергеевна — студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург (e-mail: a.yazvinskaya@ya.ru).

Яндыганов Яков Яныбаевич — доктор географических наук, профессор, кафедра Экономики сферы услуг, здравоохранения и природопользования, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург (e-mail: katjav@mail.ru)

Akberdina Victoria V. — Doctor of Economics, Assistant professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: akb_vic@mail.ru).

Akimov Roman A. — PhD student, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: akimov.r.ekb@gmail.com).

Aleksandrov Oleg G. — PhD in Laws, Assistant professor, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: aog1963@yandex.ru).

Ambarov Pauline A. — PhD in Sociology, Assistant professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: p.a.ambarova@urfu.ru).

Arefeva Anastasia I. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Arefeva.93@list.ru).

Bagirova Tamara B. — Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

Bannikova Lyudmila N. — Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

Bedrina Elena B. — PhD in Economics, Assistant professor, кафедра международной экономики, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

Belova Olga R. — Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

Boyarskikh Anastasia I. — PhD student, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: nastia-sinenko@rambler.ru).

Vasilyeva Elena V. — PhD in Economics, Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: elvitvas@ya.ru).

Vishnevsky S. Yu. — Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

Vishnevsky Yu. R. — Doctor of Philosophy, почетный Professor Emeritus, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: soc_stu@el.ru).

Vlasova Ekaterina Ya. — Doctor of Economics, Professor, Department of Social Relations Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: katjav@mail.ru).

Voronina Lyubov N. — Lead Economist, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: Luvoronina@mail.ru).

Voronina Lyudmila — Jr. Researcher, Arkhangelsk Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk (e-mail: voronina_ljudmila@rambler.ru).

Gareeva Yana R. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

Glukhikh Pavel L. — PhD in Economics, Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: Gluchih_P_L@mail.ru).

Gnevasheva Ekaterina N. — PhD in Economics, Chief Specialist, The Committee on of Ecology and Environmental of the Administration of Yekaterinburg, Yekaterinburg (e-mail: venekaterina@yandex.ru).

Golomidova Marina V. — Doctor of Philology, Professor, Department of Marketing Technologies and Branding, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: marinagolomidova@urfu.ru).

Gorbunova Olesya S. — Senior Lecturer, Department of Accounting and Auditing, Ural State Agricultural University, Yekaterinburg (e-mail: Olesya_6152340@mail.ru).

Gurban Inessa A. — PhD in Economics, Section Head, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: inessagurban@gmail.com).

Derevnina Tatiana V. — Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: derevnina.tatiana@yandex.ru).

Doroshenko Svetlana V. — Doctor of Economics, Section Head, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: doroshenkos@mail.ru).

Dudina Olga I. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: almas-78@mail.ru).

Zhukova Maria V. — PhD student, Department of Cultural and Socio-cultural Activities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: m.v.zhukova@urfu.ru).

Zaborova Elena N. — Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: tzaborova@yandex.ru).

Zborovsky Garold E. — Doctor of Philology, Professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Garoldzborovsky@gmail.com).

Zadorina Maria A. — Lecturer, PhD student, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: an.saw4enko2011@yandex.ru).

Zerchaninova Tatiana E. — PhD in Sociology, Assistant professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; Deputy Head of Department of Regional and Municipal Management of the Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: Tatiana_Z@uapa.ru).

Ivanov Alexey S. — Assistant professor, Military Training Center, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: purvosm@gmail.com).

Ivanov Sergey M. — Professor, Military Training Center, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: purvosm@gmail.com).

Ivanova Anastasia V. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Ani_a@inbox.ru).

Isakov Alexander — Lecturer, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, г. Екатеринбург (E-mail: as.isacov@gmail.com).

Kazakova Yulia S. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Kazakova96work@mail.ru).

Kalinina Anastasia N. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Kalinik-nastya@yandex.ru).

Kamensky Sergey Yu. — PhD, Senior Lecturer, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

Katashinskih Varvara S. — PhD in Sociology, Assistant professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: v.s.katashinskikh@urfu.ru).

Kozlova Olga A. — Doctor of Economics, Professor, руководитель центра, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: Olga137@mail.ru).

Kononova Daria S. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: konon99@bk.ru).

Korkina Galina M. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: g.m.korkina@urfu.ru).

Kremleva Victoria V. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Finance and Accounting, the Russian Economic University n.a. GV Plekhanov, Ural Branch, Yekaterinburg (e-mail: kriemlievav@mail.ru).

Krivenko Ilya A. — PhD student, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: night_ikar@mail.ru).

Kuzmin Alexander I. — Doctor of Social Sciences, PhD in Economics, Professor, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (E-mail: kuz53@list.ru).

Kuzminchuk Anna A. — Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: a.a.kuzminchuk@urfu.ru).

Kuchkildina Maria A. — PhD student, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Mas288@yandex.ru).

Ladeyschikova Alena A. — PhD student, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: aladeyschikova@gmail.com).

Lesina Ludmila A. — PhD in Sociology, Assistant professor, Department of Sociology and Social Technologies Management (e-mail: llesina@yandex.ru).

Malysz Elena V. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Regional and Municipal Economy, Finance and Security, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: malysz.elena@mail.ru).

Mezentseva Elena S. — PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: mezentseva_elena@mail.ru).

Melnikova Anna S. — PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: anuta_kk@mail.ru).

Mineeva Natalya N. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Regional and Municipal Economy, Finance and Security, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; Senior Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: malysz.elena@mail.ru).

Morokov Igor R. — Ombudsman for Children in the Sverdlovsk region, Yekaterinburg (e-mail: info@svdeti.ru).

Mukhamedova Arina D. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Arina.muhamedova@yandex.ru).

Mukhametshina Kristina O. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg.

Nemchenkova Margarita V. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: nemchenkovarita@yandex.ru).

Nikitina Natalia Yu. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: natalya-nikitina@inbox.ru).

Nifantova Raisa V. — Candidate of Medical Science, Senior Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: nifantovarv@mail.ru).

Nozhenko Dmitry Yu. — Minister, Ministry of Economy of the Sverdlovsk region, Yekaterinburg (E-mail: nogenkod74@mail.ru).

Onipchenko Anastasia V. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: joystasj@ya.ru)

Onosova Anna K. — Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: annn-1993@mail.ru).

Pavlyuchenkov Artem I. — Head Guard Fire Station number 8 of the Federal Fire Service for the Kurgan region, Shadrinsk (e-mail: pavlyuchenkovartem2@mail.ru).

Pevnyi Maria V. — PhD in Sociology, Assistant professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru).

Petrov Aleksander Yu. — PhD, Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: ajpetrov@mail.ru).

Petrova Elena Yu. — PhD student, Department of Sociology, University of the Humanities, Yekaterinburg (e-mail: e_petrova@rambler.ru).

Pimenova Alexandra M. — PhD in Economics, Assistant professor, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: amp2708@gmail.com).

Polbitsyn Sergey N. — PhD in Engineering, Assistant professor, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: s.n.polbitsyn@urfu.ru).

Polkova Tatiana V. — PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: polkova_tv@mail.ru).

Poltavskaya Tatiana S. — neurologist, Yekaterinburg (e-mail: tysayny@yandex.ru).

Popov Denis A. — Lecturer, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: freeforallmost@gmail.com).

Prilukova Olga A. — Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; (e-mail: o.a.prilukova@urfu.ru).

Pyshmintseva Olga A. — Lead Economist, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: economics08@mail.ru).

Radchenko Tatiana E. — PhD, Assistant professor, Department of Social Relations Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: t.radchenko@mail.ru)

Savchenko Anna V. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: an.saw4enko2011@yandex.ru).

Sapozhnikova Kristina A. — PhD student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg; (e-mail: bezukladnova.k@gmail.com).

Sergeeva Alena S. — PhD student, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: akb_vic@mail.ru).

Sivovolov Dmitry L. — PhD in Sociology, Assistant professor, Department of Social Relations Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: dioma@inbox.ru).

Smirnov Vladimir A. — Doctor of Social Sciences, Assistant professor, Vice-rector for educational and social work, Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma (e-mail: kano_igt@mail.ru).

Smirnova Olga P. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: olismirnova95@gmail.com).

Solovyova Nina A. — Assistant professor, Ural Institute of Business, Yekaterinburg (e-mail: natalya-nikitina@inbox.ru).

Starostova Lyudmila E. — PhD in Philology, Assistant professor, Department of Marketing Technologies and Branding, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Starostova5@mail.ru).

Streltsov IG — Master student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: t.radchenko@mail.ru)

Struin Nicolai L. — Candidate of Medical Science, Chief Doctor, Sverdlovsk Oblast Skin and Venereal Diseases Dispensary (e-mail: N_L_S@mail.ru).

Sudakova Anastasia E. — PhD in Economics, Lead Economist, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: a-chusova@mail.ru).

Tarasyev Alexander A. — Lead Economist, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: alextarassiev@mail.ru).

Taraseva Tatiana V. — Economist, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (e-mail: tataponomaryova@mail.ru).

Troshkova Elnara N. — Leading Specialist, Center for Academic Development, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: e.n.babaeva@urfu.ru).

Tursukova Inna I. — Senior Lecturer, Department of Economics and Law, South Ural State University, branch in Zlatoust, Zlatoust (e-mail: dream_27@rambler.ru)

Fedorova Alena E. — PhD in Economics., Assistant professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (a.e.fedorova@urfu.ru; dekan_2002@mail.ru)

Khadeev Alexey V. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: aleksey4283@mail.ru).

Chepik Daria S. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: dar-chepik@yandex.ru).

Cherepanova Anastasia D. — Division of Partner Relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: a.d.cherepanova@gmail.com).

Shepelev Oleg Yu. — PhD in Sociology, Assistant professor, Department of Social Relations Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: o.y.shepelev@urfu.ru).

Shkurko Valentine E. — Lecturer, Department of Theory of Management and Innovation, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: valya-sh-7@yandex.ru).

Shuklina Elena A. — Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: Shuklina_elen@mail.ru).

Schebetyuk Vadim V. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: vital3377@rambler.ru).

Yazvinskaya Aleksandra S. — Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg (e-mail: a.yazvinskaya@ya.ru).

Yandyganov Yakov Yanybaevich — Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Economy services, Health and Environmental Sciences, Ural State Economic University, Yekaterinburg (e-mail: katjav@mail.ru)

Научное издание

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ, ИНСТИТУТОВ И ТЕРРИТОРИЙ

М а т е р и а л ы М е ж д у н а р о д н о й н а у ч н о -
п р а к т и ч е с к о й к о н ф е р е н ц и и
23-24 а п р е л я 2015 г.

Корректор

А. И. Ворошилова

Подписано в печать 29.10.2015.
Формат 60×84 1/8
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 24,0. Тираж 100 экз. Заказ № 84.

Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии ИГУП УрФУ
620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б
Тел.: +7 (343) 371-100-03, 371-56-04
Факс: +7 (343) 371-56-04
E-mail: igup@urfu.ru